Ъ152 — II
1-2

B152 II

901.2
К-58

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

РОДОВОЙ БЫТЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ, НЕДАВНЕМЪ И ОТДАЛЕННОМЪ ПРОШЛОМЪ.

Опытъ въ области сравнительной этнографіи
и исторіи права

проф. Максима Ковалевскаго.

Выпускъ первый.

Просмотрено 1937 г.

Фундаментальная
ПОГАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
527063 V V

Типогр. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. **Прачешный пер., № 6.**

ГЛАВА I.

Родовой бытъ въ настоящемъ у народовъ арійскихъ.

Исторія застаетъ главнѣйшихъ представителей арійской семьи [1] на той ступени ихъ развитія, которую можно назвать переходной отъ родового къ общинному быту. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то разнорѣчіе, какое доселѣ продолжаетъ держаться по вопросу объ исходныхъ моментахъ въ развитіи какъ индусскаго, римскаго и греческаго, такъ и кельтскаго, германскаго или славянскаго права. Какую общественную единицу признать тѣмъ эмбріономъ [2], изъ котораго путемъ послѣдовательнаго дифференцированія [3] возникли извѣстныя намъ въ исторіи формы общежитія — родъ, семью или общину? — вотъ вопросъ, которымъ въ теченіе столѣтій не переставали и доселѣ не перестаютъ задаваться изслѣдователи древнѣйшей арійской культуры, одинаково на западѣ и у насъ. Тогда какъ Мэнъ, напр., ставитъ во главѣ дальнѣйшаго развитія индусовъ семейную общину, Ляйэлль и Туперъ предпосылаютъ ей во времени союзъ лицъ, связанныхъ между собою дѣйствительнымъ или предполагаемымъ родствомъ, другими словами, «родъ». Вопросъ о томъ, началось ли германское правовое развитіе съ сельской общины или рода принадлежитъ, какъ доказываетъ споръ Вайца съ Зибелемъ, къ числу все еще нерѣшенныхъ вопросовъ. Борьба такъ называемой общинной и родовой теорій начинается съ самаго начала научной разработки русской и вообще славянской исторіи и далеко не можетъ считаться оконченною и въ наши дни. Менѣе спорнымъ, повидимому, представляется, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, вопросъ о томъ, какой характеръ носитъ римская «генсъ» и греческій «геносъ» [4], но если изслѣдователи и сходятся въ утвержденіи, что правовое развитіе классическихъ народовъ началось съ господства кровныхъ союзовъ, то они далеко не единогласны въ признаніи, что этими кровными союзами были именно роды, а не семьи, малыя или большія. Наконецъ, что касается кельтовъ, то сравнительно недавнее изученіе ихъ древняго законо-

---

Цифры означаютъ поясненія отдѣльныхъ терминовъ и выраженій, сдѣланныя редакціею „Вѣстника и Библіотека Самообразованія“ и напечатанныя въ концѣ 2-го выпуска настоящаго сочиненія. *Ред.*

дательства не помѣшало тому, что и по отношенію къ нимъ былъ поднятъ тотъ же споръ о родовомъ, общинномъ или семейномъ характерѣ ихъ древнѣйшихъ поселеній.

Прибавимъ къ сказанному, что теорія поздняго сравнительно происхожденія «агнатическаго» [5] родства, т.-е. родства со стороны отца и господства на первыхъ порахъ одного такъ называемаго родства «материнскаго», теорія, первыми провозвѣстниками которой надо считать Макъ-Леннана и Моргана, еще болѣе осложнила вопросъ о первобытномъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ, такъ какъ не только въ миѳологическихъ сказаніяхъ, но и въ древнѣйшемъ правѣ отдѣльныхъ арійскихъ народностей найдены были переживанія того, что можетъ быть названо «когнатическимъ», или материнскимъ родомъ, въ отличіе отъ агнатическаго, или отцовскаго.

При всей своей запутанности и сложности вопросъ о древнѣйшемъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ далеко не можетъ быть отнесенъ къ числу такъ называемыхъ праздныхъ вопросовъ; данныя къ его рѣшенію находятся въ изобиліи какъ въ первыхъ по времени памятникахъ письменности и права, такъ и въ древнѣйшихъ эпическихъ сказаніяхъ. Сравнительное же языкознаніе, указывая на однокоренное происхожденіе терминовъ, употребительныхъ въ арійскихъ языкахъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же общественныхъ союзовъ, въ свою очередь, даетъ право говорить о такихъ союзахъ какъ о существовавшихъ еще въ эпоху совмѣстной жизни арійцевъ до разселенія ихъ по Азіи и Европѣ, а слѣдовательно, какъ о древнѣйшихъ, если не первобытныхъ.

Кажущаяся неразрѣшимость поставленнаго вопроса лежитъ, такимъ образомъ, не въ недостаткѣ матеріала. а, какъ мы полагаемъ, въ несовершенствѣ пріемовъ изслѣдованія. Большинство историковъ не считали нужнымъ условиться на первыхъ же порахъ въ томъ, что именно они будутъ разумѣть подъ наименованіями «родъ», «община» и «семья». Понимая различнымъ образомъ любой изъ приведенныхъ терминовъ, они нерѣдко спорили о словахъ, думая въ то же время спорить о дѣлѣ. Очевидно, что понятія рода, общины и семьи должны были составиться путемъ соединенія въ одно цѣлое тѣхъ характерныхъ особенностей, какія со стороны своей общественной организаціи представляютъ разные народы въ самой колыбели ихъ развитія.

Не такъ было въ дѣйствительности. Историки, впервые заговорившіе о родовомъ или общинномъ бытѣ. довольствовались обыкновенно аналогіею описываемой ими организаціи съ тою, какую представляетъ историческое развитіе или современный бытъ одного какого-нибудь народа. Нибуръ, напримѣръ, сталъ говорить о родовомъ

устройствѣ древняго Рима на основаніи аналогіи съ тѣмъ, какое въ средніе вѣка представляли такъ называемые «Slachten», или «роды» Дитмаршенской республики [6]. Аналогіи съ древне-римскою семьею или славянской задругой лежатъ также въ основѣ теоретическихъ построеній, съ одной стороны, большинства прежнихъ германистовъ, съ другой—Мэна и его школы съ ея взглядами на исходные моменты въ развитіи германскаго и индусскаго права. Малая семья потому признается эмбріономъ дальнѣйшаго развитія, что такое значеніе приписывали ей въ свое время первые историки римскаго права. Мэнъ потому считаетъ семейную общину древнѣе рода, что въ общественной организаціи славянъ, съ которою онъ знакомъ лишь изъ третьихъ рукъ, господствующимъ, хотя и не исключительнымъ видомъ общежитія, является задруга, или нераздѣльная семья. Константинъ Аксаковъ и его послѣдователи, въ свою очередь, кладутъ въ основу общинной теоріи въ Россіи аналогію съ современнымъ бытомъ русскаго крестьянства. Ничто, однако, не ручается намъ за то, что родовому быту только и свойственны тѣ черты, какія германистамъ удалось отмѣтить въ средневѣковомъ устройствѣ Дитмаршена. Ничто не говоритъ также о томъ, чтобы современная крестьянская община въ Россіи была наиболѣе характернымъ образцомъ древней, а римская семья или сербская задруга—первообразами всякаго рода кровныхъ союзовъ. Составляя представленіе о родовомъ, общинномъ или семейномъ бытѣ по одному какому-нибудь образцу, легко или совершенно упустить изъ виду ту или другую ихъ особенность или же, наоборотъ, приписать роду, общинѣ и нераздѣльной семьѣ случайныя черты, встрѣчающіяся лишь на извѣстныхъ ступеняхъ развитія или у извѣстнаго только народа. Дитмаршенскимъ родамъ, напримѣръ, чуждо было нераздѣльное владѣніе пахотью и сѣнокосомъ со стороны рода и его подраздѣленій. Это не значитъ, однако, что такое нераздѣльное владѣніе—черта, неизвѣстная родовому быту. Римская семья представляетъ намъ неограниченное господство мужа надъ женою, отца надъ дѣтьми—черта, благодаря которой распоряженіе семейною собственностью всецѣло зависѣло въ Римѣ отъ воли домовладыки. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что древнѣйшая семья немыслима безъ patria potestas [7], manus [8] и неограниченнаго господства главы семьи надъ ея собственностью. Великорусская сельская община основана на началѣ періодическаго передѣла пахотной и сѣнокосной земли. Нельзя, однако, же заключать изъ этаго, что гдѣ нѣтъ передѣловъ, тамъ нѣтъ и общины. Сербская семейная община или задруга—союзъ небольшого числа родственныхъ семей, ставящихъ себѣ начальника по выбору. Изъ этаго не слѣдуетъ, однако, что болѣе обширные родовые союзы, управляемые старѣйшими по возрасту, не должны быть признаны древнѣйшими,

такъ какъ современная задруга съ ея выборнымъ главою—не болѣе какъ вымирающій родъ.

Только обращаясь къ сравнительному пріему и выдѣляя съ помощью его черты сходства и различія въ родовой, общинной и семейной организаціи возможно бо̀льшаго числа народностей, мы въ состояніи выдѣлить тѣ характерныя черты, соединеніе которыхъ обнимается соотвѣтствующими понятіями рода, общины и нераздѣльной семьи; только этимъ путемъ возможно точное разграниченіе этихъ, во многомъ сходныхъ между собою, формъ человѣческаго общежитія. Исторія и этнографія застаютъ разные народы не на одинаковой ступени развитія. Тогда какъ у однихъ еще уцѣлѣли всѣ черты родового быта, у другихъ эти черты встрѣчаются не болѣе какъ въ качествѣ переживаній, рядомъ съ господствующимъ общиннымъ или нераздѣльно семейнымъ устройствомъ. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя особенности родового быта могутъ отсутствовать въ правѣ извѣстнаго народа, и этому народу въ то же время должна быть приписана на первыхъ порахъ родовая форма общежитія, почему, съ другой стороны, отсутствіе тѣхъ или другихъ характерныхъ чертъ сельской общины или нераздѣльной семьи не даетъ права отрицать историческаго существованія у него того или другого вида союзовъ.

Главнѣйшихъ представителей арійской расы, или, точнѣе, культуры, исторія застаетъ въ переходную для нихъ эпоху, а потому ни у одного изъ нихъ признаки родового устройства не выступаютъ во всей изъ полнотѣ. Встрѣчающіяся въ ихъ быту переживанія раскрываютъ передъ нами только нѣкоторыя, далеко не всѣ, его особенности; они не болѣе какъ его обломки. Ясно послѣ этого то значеніе, какое для точнаго пониманія родовой организаціи имѣетъ изученіе современнаго устройства тѣхъ племенъ, которыя, не достигши политической организаціи, доселѣ продолжаютъ жить до-государственными формами быта.

Эмбріологія права [9] находитъ для себя особенно богатый матеріалъ при изученіи общественнаго устройства тѣхъ народностей, которыя напоромъ сосѣдей и новыхъ пришельцевъ оттѣснены были въ горы и благодаря физическимъ условіямъ занятой ими мѣстности сохранили не только въ бо̀льшей или меньшей неприкосновенности свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры. Такими народами являются въ Европѣ частью смѣшанные съ басками вестъ-готы, заселяющіе сѣверные и южные склоны Пиренеевъ, частью потомки древнихъ гельветовъ, аллемановъ и бургундовъ, доселѣ занимающіе альпійскія долины, частью, наконецъ, чисто славянскія или смѣшанныя съ тюркской расой племена Балканскаго полуострова—сербы, черногорцы, босняки, герцеговинцы, бол-

гары, албанцы; на границахъ же Азіи и Европы, въ странѣ, которая еще со временъ Геродота слыветъ подъ названіемъ «Горы Языковъ», иначе говоря, на Кавказѣ—кабардинцы, черкесы, ингуши, чеченцы, горскіе татары, осетины, лезгины, шапсуги, свапеты, курды въ своей совокупности представляютъ съ бытовой стороны неисчерпаемый и доселѣ почти нетронутый матеріалъ для изученія древнѣйшаго, если не первобытнаго характера общественныхъ отношеній и ихъ внѣшняго выраженія—права.

Гималайская цѣпь съ заселяющими ея сѣверные отроги афганцами и поселенными къ югу отъ нея раджпутами и джатами, въ свою очередь,—также благодарное поле для всякихъ археологическихъ изысканій, въ частности для тѣхъ, безъ которыхъ немыслимо даже въ отдаленномъ будущемъ построеніе общественной эмбріологіи. Въ изслѣдованіи, посвященномъ всецѣло изученію исходныхъ началъ правового развитія арійцевъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ внѣ-государственный бытъ однокровныхъ съ ними племенъ. Далеко не всѣ изъ упомянутыхъ нами горскихъ народцевъ могутъ быть причислены къ арійской семьѣ. Баски, по своему языку, не имѣютъ ничего общаго ни съ кельтами, ни съ германцами, а тѣмъ болѣе съ восточными или южными представителями кавказской расы. Лингвисты относятъ ихъ къ числу первоначальныхъ насельниковъ Европы—иберовъ, отъ которыхъ Пиренейскій полуостровъ получилъ свое древнее наименованіе Иберійскаго. Къ тому же племени, по всей вѣроятности, принадлежали и гельветы, наложившіе свой отпечатокъ на составъ населенія древней Ретіи—нынѣшняго Граубюндена [10]. Балканскую цѣпь, наравнѣ со славянскими народностями, заселяютъ и народы такого смѣшаннаго происхожденія, какъ болгары—на половину туранцы, на половину арійцы. Большинство кавказскихъ племенъ также должно быть отнесено частью къ числу исчезнувшихъ въ Европѣ и Азіи народностей, частью къ великой тюркской, финской или туранской семьѣ языковъ, доселѣ занимающей бо́льшую половину Азіи и сѣверную полосу восточной Европы. Всего больше чистой арійской крови сохранилось въ прародинѣ арійцевъ—въ древней Бактріанѣ, у сѣвернаго, а также и южнаго подножья Гималаевъ; но и здѣсь замѣтна позднѣйшая примѣсь туранской крови въ лицѣ народностей монгольскаго племени, въ разное время смѣнявшихъ другъ друга во владычествѣ Индостаномъ и смежными съ нимъ сѣверными долинами Гималайской цѣпи.

Къ арійской семьѣ изъ названныхъ нами племенъ принадлежатъ одни только потомки вестъ-готовъ, аллемановъ и бургундовъ, сербы, хорваты, далматинцы, черногорцы, босняки и герцеговинцы, осетины, курды, афганцы, раджпуты и джаты. На изученіи ихъ об-

щественнаго быта и должно быть сосредоточено наше вниманіе, однако, не въ равной степени. Вестъ-готы, аллеманы и бургунды въ разное время входили въ составъ большихъ политическихъ тѣлъ — обстоятельство, которое не могло не отразиться разлагающимъ образомъ и на ихъ общественномъ быту. Арійскія племена Турціи, Бактріаны и сѣвернаго Индостана, въ свою очередь, пережили эпоху владычества надъ ними народностей тюркской расы. Но это владычество сравнительно слабо затронуло ихъ внутреннюю организацію, такъ какъ мирилось съ широкою системою мѣстнаго самоуправленія. Что же касается арійскихъ народностей Кавказа, то и онѣ въ разное время состояли въ болѣе или менѣе номинальномъ подчиненіи, кто у кабардинцевъ, кто у грузинъ и армянъ. Это подчиненіе не шло, однако, далѣе платежа имъ постоянныхъ, всего же чаще временныхъ сборовъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всего болѣе сохранились бытовыя особенности у кавказскихъ представителей арійской семьи, а за ними у тѣхъ, которые одинаково въ Азіи и Европѣ нашли въ народахъ туранскаго происхожденія распорядителей ихъ политическими судьбами и защитниковъ ихъ національной культуры. Эти народности доставятъ намъ главный матеріалъ по вопросу о переживаніяхъ родового устройства въ современномъ намъ быту. Этотъ матеріалъ получитъ, впрочемъ, значительное восполненіе въ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ такъ мало изученное еще и столь богатое въ археологическомъ отношеніи русское обычное право.

Къ числу арійскихъ народностей, у которыхъ до нашихъ дней сохранились многія черты родового устройства, надо отнести албанцевъ, занимающихъ ту часть Балканскаго полуострова, которая въ древности извѣстна была подъ названіемъ Эпира. Юридическій бытъ албанцевъ въ недавнее время подвергся описанію со стороны двухъ католическихъ священниковъ, поселенныхъ въ ихъ средѣ. Въ нѣмецкомъ переводѣ эти отчеты доложены были Берлинскому Антропологическому Обществу; Дарестъ напечаталъ ихъ во французской передачѣ въ «Journal des Savants» *).

Характерныя черты родового устройства албанцевъ съ особенною рѣзкостью выступаютъ въ области уголовной и процессуальной. Кровное возмездіе не только убійцѣ, но его близкимъ, а при случаѣ и отдаленнымъ родственникамъ, и соприсяги послѣднихъ на судѣ—у нихъ явленія повседневныя. Земля принадлежитъ сообща семьѣ члены которой обыкновенно раздѣляютъ поэтому судьбу виновника преступленія, его личную или имущественную отвѣтственность.

---

*) «Nouvelle Revue historique de droit francais et étranger», перепечатало тѣ же отчеты въ іюльскомъ и августовскомъ №№ за 1903 г.

Въ племени дукадширъ, сдѣлавшемся недавно предметомъ ближайшихъ наблюденій, послѣдствіемъ убійства является доселѣ своего рода «потокъ» [11]; я хочу сказать, что усадьба виновнаго и его домочадцевъ истребляется огнемъ или разносится по частямъ; движимая собственность конфискуется вся вообще, за исключеніемъ оружія; поля, покрытыя хлѣбомъ, топчутся ногами; скирды и снопы разносятся по домамъ; фруктовыя деревья рубятся. Виновный и его семья принуждаются тѣмъ самымъ къ оставленію ихъ прежняго крова. Имъ нѣтъ болѣе мѣста въ предѣлахъ ихъ племени и рода. Кровному возмездію подлежитъ вся семья виновнаго заодно со всѣмъ ея имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ. Послѣднее поступаетъ въ обладаніе «кровниковъ», т.-е. лицъ, имѣющихъ право на месть. Ближайшими отвѣтчиками на ряду съ виновнымъ являются пять ближайшихъ его родственниковъ въ мужской линіи. Нѣтъ ихъ въ семьѣ, недостача пополняется изъ членовъ одного съ виновникомъ рода. Въ старые годы, если отецъ и мать жили отдѣльно отъ убійцы, и ихъ усадьба подвергалась разоренію; сами же они должны были выселиться. Въ настоящее время имъ позволено откупиться уплатою отъ 500 до 1000 піастровъ.

Мститель въ правѣ направить свои удары на любого изъ пяти ближайшихъ родственниковъ. Убійствомъ одного изъ нихъ, взамѣнъ виновнаго, какъ и убійствомъ послѣдняго, вражда завершается, если только человѣкъ, павшій искупительною жертвою, не состоялъ подъ особымъ покровительствомъ третьяго лица на правахъ его нареченнаго брата или гостя. Въ такомъ случаѣ открывался поводъ къ новому возмездію.

Если въ убитаго направлено нѣсколько выстрѣловъ, то каждому изъ участниковъ въ злодѣяніи грозитъ равное возмездіе. Впрочемъ, если въ тѣлѣ найдено меньше пуль, чѣмъ было нападающихъ, каждому дозволено доказывать свою невинность согласнымъ свидѣтельствомъ двадцати четырехъ родственниковъ - соприсяжниковъ. Человѣкъ, не входящій въ составъ никакой родовой организаціи, можетъ быть безнаказанно убитъ каждымъ. При пораненіяхъ личная отвѣтственность падаетъ уже не на шесть родственниковъ въ мужской линіи, а на половину этого числа, т.-е., какъ общее правило, только на сожительствующихъ съ виновнымъ членовъ большой нераздѣльной семьи.

Выкупъ, допускаемый обычаемъ по отношенію къ пораненіямъ, въ случаѣ убійства имѣетъ мѣсто только при помилованіи преступника родственниками жертвы. Это помилованіе покупается не только цѣною имущественныхъ пожертвованій, но и личнаго униженія. Со связанными руками, въ сопровожденіи ребенка, сидящаго на конѣ

лицомъ къ хвосту, является убійца во дворъ убитаго. Его окружаютъ друзья и знакомые обиженной имъ семьи. Посовѣтовавшись съ близкими, главный кровникъ-мститель подходитъ къ убійцѣ, развязываетъ ему руки, сажаетъ его ребенка лицомъ къ головѣ лошади и объявляетъ затѣмъ сумму требуемаго имъ выкупа, который, однако, не долженъ превышать положеннаго обычаемъ размѣра.

Въ быту племени митодракъ, живущему къ сѣверу отъ Скутари, нагляднѣе выступаетъ обычное, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, противоположеніе преступленій, совершенныхъ въ средѣ рода, и такихъ, въ которыхъ обидчикъ и обиженный принадлежатъ къ разнымъ родамъ. «Потокъ», или сносъ усадьбы и разграбленіе имущества виновнаго имѣетъ мѣсто только въ первомъ случаѣ, во второмъ же случаѣ дѣло идетъ только о кровной мести или взамѣнъ ея о платежѣ выкупа *).

При убійствѣ беременной женщины требуется выкупъ за двѣ жизни. Когда мужъ застанетъ жену въ прелюбодѣяніи, онъ въ правѣ убить обоихъ виновныхъ, но, если отъ его ударовъ умретъ одна только жена, ея семья можетъ требовать выкупа съ мужа.

Родовой характеръ собственности у тѣхъ же митодракъ выступаетъ въ запрещеніи каждому отчуждать свой участокъ, иначе какъ родственнику въ отцовской линіи, отнюдь не члену чужого, хотя бы и пограничнаго, рода.

На Кавказѣ родовое устройство встрѣчается въ бо́льшей или меньшей полнотѣ и на разныхъ ступеняхъ вымиранія, одинаково къ сѣверу и къ югу отъ главнаго хребта. Мы укажемъ здѣсь только на тѣ народности, которыя принадлежатъ къ одной съ нами арійской культурѣ. Къ числу ихъ относятся осетины и курды.

По догадкамъ, впервые представленнымъ Всеволодомъ Милле-ромъ въ его «Осетинскихъ этюдахъ» и нашедшимъ себѣ блистательное подтвержденіе въ массѣ данныхъ, собранныхъ имъ лѣтомъ 1883 г. во время нашихъ странствованій по горнымъ обществамъ Кабарды, осетины нѣкогда занимали не только сѣверныя долины Кавказскаго хребта, но и бо́льшую часть той плоскостной возвышенности, которая тянется къ сѣверу отъ него—отъ Терека до Кубани. Не говоря уже о кабардинцахъ, сравнительно позднихъ пришельцахъ, горскіе татары, черкесы, ингуши и др. племена сѣвернаго Кавказа — не болѣе какъ позднѣйшіе насельники тѣхъ самыхъ мѣстностей, которыя нѣкогда заняты были осетинами. Осетинскія наименованія горъ и рѣкъ,

---

*) Если родъ многочисленъ, то правило о томъ, что пѣть возмездія въ его средѣ, примѣняется исключительно къ его подраздѣленіямъ, которыхъ насчитывается до 4-хъ.

мѣсяцевъ, чиселъ и т. п., а также многихъ предметовъ домашняго обихода, христіанскіе могильники, разрушенныя часовни, освященныя обычаемъ мѣста для полу-христіанскихъ, полу-языческихъ жертвоприношеній, доселѣ обозначаемыя осетинскимъ наименованіемъ Мадимайрамъ (ангелъ матери, вѣроятно, Божіей Матери),—все это въ одно слово указываетъ на то, что первоначальными поселенцами названныхъ мѣстностей были осетины-христіане. Изустныя преданія горцевъ, въ свою очередь, сплошь и рядомъ упоминаютъ о покоренiи выходцами изъ Крыма, изъ Абхазіи и Сванетіи народа, жившаго родовыми формами быта, не знавшаго ни частной собственности на землю, ни различія сословій, народа, исповѣдывавшаго чуждую мусульманамъ полу-языческую, полу-христіанскую вѣру. Сравненіе обычнаго права осетинъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ въ средѣ ихъ сосѣдей: черкесовъ, ингушей, горскихъ татаръ и т. д., также немало подкрѣпляетъ эту догадку. Основныя начала этого права, если не говорить о различіяхъ въ сословной и политической организаціи, у всѣхъ этихъ народностей одни и тѣ же; а это обстоятельство всего легче объясняется тѣмъ соображеніемъ, что позднѣйшіе поселенцы внесли только слабыя измѣненія въ исконные осетинскіе обычаи.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что современные осетины—часть несравненно болѣе численнаго племени, потомки котораго встрѣчаются до сихъ поръ въ низшихъ слояхъ кабардинскаго, черкесскаго и татарскаго обществъ. Изученіе бытовыхъ особенностей осетинъ призвано поэтому пролить свѣтъ на вопросъ о томъ, какими формами жизни жило населеніе всего сѣвернаго Кавказа до того момента, когда подъ вліяніемъ нашествій и завоеваній сосѣднихъ, не-арійскихъ, племенъ начался въ его средѣ процессъ феодализаціи [12].

При всей непродолжительности русскаго владычества на Кавказѣ, русское вліяніе уже сказалось разлагающимъ образомъ на многихъ сторонахъ національнаго быта осетинъ. Часть ихъ была выведена изъ горъ и осѣла вблизи кабардинскихъ ауловъ и казацкихъ станицъ, причемъ за поселенцами признано было право общиннаго владѣнія землею, и въ ихъ средѣ установлена система передѣловъ по образцу той, которая въ ходу у казаковъ. Сельскія общества осетинъ получили отъ русскаго правительства свою внутреннюю организацію, своихъ аульныхъ старшинъ, свои народные сходы или «нихасы», своихъ выборныхъ судей или «тархановъ», причемъ въ самомъ устройствѣ сельскаго управленія и суда удержаны были далеко не всѣ особенности древняго осетинскаго быта. При отсутствіи письменности и обязательной въ то же время записи аульныхъ рѣшеній, осетинскимъ сельскимъ обществамъ пришлось завести писарей изъ русскихъ, а это обстоятельство, въ свою очередь, косвенно повліяло и на самый харак-

теръ сельскаго правосудія. Всемогущій писарь сдѣлался живымъ проводникомъ въ туземное право чуждыхъ ему началъ русскаго законодательства. Прибавимъ къ этому, что предѣлы вѣдомства аульныхъ судовъ подверглись значительному ограниченію, и бо́льшая часть предоставленныхъ имъ дѣлъ передана въ завѣдываніе сперва словесныхъ горскихъ, а затѣмъ окружныхъ судовъ.

Сказанное должно быть принято въ разсчетъ при изученіи современнаго быта осетинъ. Не всѣ черты его проникнуты въ равной степени національнымъ характеромъ; много въ нихъ наноснаго, пришедшаго извнѣ. Задача изслѣдователя выдѣлить то и другое и возстановить общественный строй осетинъ въ его первоначальной самобытности.

Существеннымъ подспорьемъ къ личнымъ наблюденіямъ является въ этомъ отношеніи изученіе, съ одной стороны, тѣхъ описаній осетинскихъ порядковъ, какія сдѣланы были частью иностранцами, частью русскими чиновниками вскорѣ послѣ первоначальнаго подчиненія края, а съ другой—раннихъ по времени приговоровъ горскихъ судовъ, въ которыхъ обычное право выступаетъ еще во всей его первоначальной чистотѣ.

Пользуясь этими источниками, я считаю возможнымъ представить слѣдующую картину общественнаго быта осетинъ въ эпоху, предшествующую ихъ подчиненію русскимъ.

Если не говорить о тѣхъ сельскихъ обществахъ, которыя возникли въ сравнительно недавнее время, при ближайшемъ участіи русскаго правительства и путемъ выселенія изъ старыхъ ауловъ отдѣльныхъ семействъ, жить которымъ на прежнихъ мѣстахъ становилось тѣсно, мы въ правѣ будемъ сказать, что большинство осетинскихъ селъ по своему составу можетъ быть включено въ одну изъ слѣдующихъ группъ: во-первыхъ, аулы, населенные семьями, родственными между собою, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею сообща и ведущими нерѣдко совмѣстное хозяйство; во-вторыхъ, аулы, въ которыхъ земля раздѣлена подворно между родственными другъ другу семьями; въ-третьихъ, аулы, населеніе которыхъ составилось изъ нѣсколькихъ семей, члены которыхъ живутъ частью совмѣстно, частью отдѣльными дворами, удерживая въ бо́льшей или меньшей нераздѣльности принадлежащую имъ земельную собственность *). Сообразно своему составу аулъ носитъ наименованіе, общее съ тѣмъ, какое принадлежитъ сообща всѣмъ заселяющимъ его семьямъ или же то, какое присвоено семьямъ древнѣйшихъ его поселенцевъ, обыкновенно родственныхъ между собою. Въ обоихъ случаяхъ названіе аула патронимиче-

*) Ср. Шаффъ, «Сб. св. о Кавказѣ», стр. 202, т. I.

ское: онъ обозначается именемъ своего основателя, родоначальника той семьи, члены которой или одни живутъ въ немъ, или являются его первоначальными насельниками, не исключающими позднѣйшей примѣси и со стороны другихъ фамилій. Патронимическія названія, впрочемъ, попадаются на ряду съ такими, источникомъ которыхъ является наименованіе той или другой возвышенности, того или другого потока, у подножія или на берегахъ котораго расположенъ самый аулъ. Отличаясь другъ отъ друга по составу своего населенія, аулы разнятся также и по своей внутренней организаціи. Тѣ изъ нихъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ родственниковъ, имѣютъ своимъ старшиною не выборное лицо, а старѣйшаго по лѣтамъ. Въ аулахъ же, заселенныхъ нѣсколькими семьями, обыкновенно встрѣчалось столько старшинъ, сколько было самыхъ семей. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ аулахъ старшина дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта такъ называемаго «нихаса», или собранія старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Аулъ не только самоуправляющійся округъ, но и юридическое лицо, члены котораго сообща пользуются всею недвижимою собственностью, передѣляемою ими между дворами въ опредѣленные сроки, или только тою частью ея, которая служитъ пастбищемъ для скота; пахотныя же и луговыя пространства разъ навсегда раздѣлены между дворами, члены которыхъ одни продолжаютъ пользоваться ими сообща. Въ составъ каждаго двора входитъ бо́льшее или меньшее число родственныхъ семей. Не только отецъ живетъ вмѣстѣ съ сыновьями, но въ одномъ дворѣ помѣщаются и дяди, и племянники. Личный составъ двора поэтому нерѣдко обнимаетъ собою отъ 25 до 50 и даже до 100 человѣкъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Неудобства, вытекающія отъ сожительства такого большого числа людей, устраняются тѣмъ, что, по мѣрѣ вступленія въ бракъ совершеннолѣтнихъ сыновей, племянниковъ и внуковъ, къ прежнему ряду смежныхъ саклей дѣлаются новыя пристройки, такъ что каждая семья располагаетъ своимъ отдѣльнымъ помѣщеніемъ; общая сакля служитъ только кухнею и столовою безразлично для всѣхъ сожительствующихъ семей. Послѣднія не только пользуются сообща принадлежащею двору землею, но и все пріобрѣтенное кѣмъ-либо изъ членовъ ихъ на сторонѣ поступаетъ въ общее пользованіе. Завѣдываніе общимъ хозяйствомъ поручается обыкновенно старшему по возрасту; названіе ему «хистеръ» (старшій) или «унафаганагъ» (управитель). Пользуясь довольно широкою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ по хозяйству, старшина въ то же время связанъ въ дѣлѣ отчужденія дворовой собственности. Онъ не можетъ продать ни малѣйшаго участка земли безъ того, чтобы не испросить согласія всѣхъ и каждаго изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ одного съ нимъ двора. Противодѣйствіе любого можетъ воспрепят-

ствовать заключенію сдѣлки. Старшая во дворѣ женщина подъ наименованіемъ «авспиъ» (тетка) начальствуетъ надъ остальными женщинами, распредѣляетъ занятія между ними и держитъ ключи отъ кладовой. При недовольствѣ старшимъ или старшею, дворъ въ правѣ смѣнить ихъ и назначить на ихъ мѣсто лучшаго хозяина или хозяйку.

Какъ въ тѣхъ аулахъ, жители которыхъ всѣ однофамильцы, такъ и въ тѣхъ, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько семей, принадлежность къ опредѣленной фамиліи налагаетъ извѣстныя обязательства и надѣляетъ извѣстными преимуществами.

Правонарушенія, направленныя противъ того или другого изъ однофамильцевъ, считаются обидою для всей фамиліи и являются поводомъ къ осуществленію кровной мести любымъ изъ ея членовъ. Если распря кончится примиреніемъ и обидчикъ согласится заплатить скотомъ или деньгами причитающійся съ него выкупъ, послѣдній дѣлится между всѣми однофамильцами на неравныя доли, сообразно близости ихъ родства съ обиженнымъ.

Тѣ же однофамильцы обязаны на судѣ приносить подкрѣпительную присягу въ пользу обвиняемаго каждый разъ, когда онъ невиненъ въ ихъ глазахъ во взводимомъ на него правонарушеніи.

Однофамильцы, какъ уже сказано, или пользуются сообща недвижимою собственностью, прибѣгая къ періодическимъ передѣламъ ея между дворами, или подѣлили ее разъ навсегда въ собственность отдѣльныхъ дворовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣды первоначальнаго общенія сохраняются въ правѣ родственниковъ покупать отчуждаемую дворомъ собственность предпочтительно передъ посторонними, а также въ томъ, что разъ перешедшая къ чужеродцу земля можетъ быть выкуплена у него любымъ изъ дворовъ, родственныхъ продавцу.

Тѣ же однофамильцы при совершенномъ вымираніи того или другого двора являются наслѣдниками оставленной имъ недвижимости. Въ предѣлахъ каждаго двора въ отдѣльности частная собственность признается только по отношенію къ оружію, пищѣ и одеждѣ; эти же предметы одни передаются по наслѣдству. Наслѣдованіе въ недвижимомъ имуществѣ неизвѣстно, такъ какъ смерть старѣйшаго изъ жителей двора имѣетъ послѣдствіемъ не раздѣлъ дворовой собственности, управителемъ которой онъ былъ при жизни, а выборъ на его мѣсто новаго лица для завѣдыванія ею.

Таковы вкратцѣ существеннѣйшія черты того общественнаго порядка, какой застало въ средѣ осетинъ русское владычество. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ слѣдующія стороны. Всѣ однофамильцы считаютъ другъ друга родственниками и приписываютъ себѣ происхожденіе отъ общаго родоначальника. Всѣ они на основаніи не сосѣдства, а кровнаго родства, въ бо́льшей или мень-

шей степени пользуются землею сообща, помогаютъ другъ другу въ преслѣдованіи правонарушителей и ихъ родственниковъ, участвуютъ въ раздѣлѣ причитающихся съ нихъ выкуповъ, а равно и въ платежѣ тѣхъ, поводъ къ которымъ даютъ правонарушенія, совершенныя кѣмъ-либо изъ ихъ среды. Всѣ также помогаютъ другъ другу на судѣ, принимая одинъ за другого присягу въ подкрѣпленіе показаній сторонъ. Наконецъ, какъ члены одного сообщества всѣ имѣютъ общаго начальника въ лицѣ старѣйшаго родича и общее совѣщательное собраніе, нихасъ, составленное изъ старѣйшихъ представителей отдѣльныхъ дворовъ.

Обозначая терминомъ «родъ» совокупность родственныхъ другъ другу семей однофамильцевъ, мы послѣдовательно назовемъ «родовымъ начальникомъ» общаго старѣйшину и «родовымъ совѣтомъ»—собраніе дворовыхъ старшинъ. Мы обозначимъ кровную месть, участниками которой являются всѣ родственники-однофамильцы, наименованіемъ «родовой»; помощь, взаимно оказываемую ими другъ другу на судѣ,—«родовою защитою»; право ихъ на предпочтительную покупку фамильной земли—«родовой преэмпціей»; право же на выкупъ ея у чужеродца—«родовымъ выкупомъ».

Совокупность всѣхъ только-что перечисленныхъ признаковъ составитъ то, что мы назовемъ родовымъ бытомъ, въ которомъ взаимныя отношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и семействъ, опредѣляются не фактомъ принадлежности ихъ къ одному политическому организму, не сосѣдствомъ и общностью экономическихъ интересовъ, а кровнымъ родствомъ, единствомъ происхожденія отъ общаго, дѣйствительнаго или легендарнаго, родоначальника.

Къ югу отъ Кавказской цѣпи курды являются въ наши дни единственнымъ арійскимъ племенемъ, въ средѣ котораго сохранились еще если не всѣ, то нѣкоторыя черты архаическаго родового устройства. Бытъ курдовъ только въ послѣднее время изученъ былъ съ нѣкоторою подробностью г. Егіазаровымъ. По его словамъ, родъ у курдовъ называется «тагва». Основу его составляетъ не одно агнатическое родство, происхожденіе отъ общаго предка мужского пола, такъ какъ въ составъ рода входятъ и близкіе родственники по женской линіи, никакъ не далѣе, однако, второго или третьяго поколѣнія. Пока живо воспоминаніе объ общемъ происхожденіи, родичи сохраняютъ между собою тѣсную нравственную связь, доказательствомъ чему служитъ взаимная помощь, оказываемая ими другъ другу въ случаѣ нужды. Попечительство родственниковъ надъ малолѣтними, другими словами, родовая опека и кровная родовая месть—таковы уцѣлѣвшія доселѣ проявленія родового строя у курдовъ. Обязанность попечительства, говоритъ цитируемый нами авторъ, лежитъ прежде всего на отцѣ умершаго,

затѣмъ на братѣ, на дядѣ по отцу, на двоюродныхъ братьяхъ со стороны отца и т. д.; при этомъ, если у покойнаго останется вдова, то дѣти продолжаютъ жить вмѣстѣ съ нею, пока она не вступитъ въ новый бракъ, послѣ чего они переходятъ въ домъ родственниковъ со стороны отца и остаются здѣсь до совершеннолѣтія. Вмѣстѣ съ дѣтьми переходитъ къ родственнику и оставленное дѣтямъ имущество. По прекращеніи опеки, попечитель обязанъ возвратить все принятое имъ на свой дворъ движимое имущество; крупный же скотъ, барановъ и овецъ онъ отсылаетъ вмѣстѣ съ ихъ приплодомъ. Право опеки принадлежитъ не однимъ только агнатамъ, но и когнатамъ. Изъ когнатовъ къ попечительству призываются одни лишь ближайшіе родственники матери покойнаго: ея братъ и племянникъ (сынъ ея брата или сестры). Тесть умершаго и братъ его жены могутъ принять на себя опеку надъ малолѣтними только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ родственниковъ со стороны отца умершаго, или когда послѣдніе принадлежатъ къ слишкомъ отдаленнымъ степенямъ.

Переходя къ другому проявленію родового начала—къ кровной мести, Егіазаровъ сообщаетъ о ней слѣдующее. «Если человѣкъ не въ состояніи отомстить лично своему врагу, обязанность мести падаетъ на его родственниковъ. Личное возмездіе переходитъ въ родовое, борьба двухъ личностей становится междоусобною борьбою двухъ родовъ. Иногда вражда продолжается очень долго, переходитъ даже отъ одного поколѣнія къ другому. Ее, какъ нельзя лучше, характеризуетъ курдское слово «биз: хъ», что̀ въ переносномъ смыслѣ значитъ: «подожди, я тебѣ отплачу». Обязанность мести лежитъ прежде всего на отцѣ и братьяхъ убитаго, затѣмъ на двоюродныхъ братьяхъ, на дядяхъ его; но это не значитъ, что только близкіе родственники имѣютъ право мести: и дальніе, при удобномъ случаѣ, не должны выпустить врага изъ рукъ.

Вымираніе родового быта у курдовъ сказывается какъ въ упадкѣ родового культа [13], такъ и въ отсутствіи родового старшины—обстоятельство, благодаря которому споры родственниковъ разсматриваются третейскимъ порядкомъ почтеннѣйшими стариками, нерѣдко чуждыми по крови тяжущимся» *).

Мы отмѣтили послѣдовательно слѣды родового устройства, удержавшіеся въ современномъ быту тѣхъ арійскихъ народовъ, которые заселяютъ сѣверные и южные склоны Кавказскихъ горъ.

Спрашивается теперь, встрѣчаются ли однохарактерныя черты въ общественной организаціи тѣхъ арійскихъ племенъ, которыя, какъ

---

*) «Краткій этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губ.». Тифлисъ. 1883 г., стр. 37, 38, 39.

мы сказали, поселены къ сѣверу и югу отъ Гималайской цѣпи, и имѣемъ ли мы поэтому право употреблять и по отношенію къ нимъ терминъ родового быта? Матеріалъ для рѣшенія этого вопроса даютъ намъ частью путешественники, частью чиновники, назначенные англійскимъ правительствомъ въ сѣверо-западныя провинціи Индіи и въ Пенджабъ.

Общественное устройство афганцевъ въ описаніи, данномъ ему въ 1839 году Эльфинстономъ, представляетъ слѣдующія характерныя особенности. Всѣ афганцы одинаково возводятъ свою родословную до Киза-Абдурешида. Отъ четырехъ сыновей Киза произошли, по ихъ сказаніямъ, тѣ четыре вѣтви, на которыя дѣлится афганскій народъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей носитъ патронимическое названіе: она обозначается именемъ ея основателя, одного изъ четырехъ сыновей Киза. Второстепенныя подраздѣленія встрѣчаются въ любой изъ четырехъ вѣтвей, каждое имѣетъ свои собственныя. Низшимъ подраздѣленіемъ племени является совокупность бо́льшаго или меньшаго числа семействъ.

Любое изъ подраздѣленій имѣетъ своего главу въ лицѣ старѣйшаго по лѣтамъ, нерѣдко и выборнаго начальника, именуемаго «маликомъ», «муширомъ» или «спинъ-цера», что въ переводѣ значитъ бѣлобородый. Послѣднее названіе носятъ обыкновенно начальники низшихъ группъ. Каждый изъ начальниковъ дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта и согласія наиболѣе возрастныхъ представителей одного съ нимъ подраздѣленія. Этотъ совѣтъ носитъ названіе «джирга». Джирга низшаго подраздѣленія состоитъ изъ семейныхъ старшинъ, слѣдующаго за нимъ—изъ спинъ-цера и т. д. Совѣтъ хана составляютъ малики или начальники высшихъ подраздѣленій. Во главѣ послѣднихъ стоятъ такъ называемые «ханы», избираемые всѣмъ улусомъ изъ той династіи, которая признается древнѣйшей въ немъ *).

Земельная площадь, занятая улусомъ, принадлежитъ въ общую собственность всѣхъ входящихъ въ него подраздѣленій. Въ опредѣленные сроки совершается между ними передѣлъ земли, причемъ принимается въ разсчетъ самое качество послѣдней. Это соображеніе ведетъ къ установленію, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ улусахъ, слѣдующаго правила. Земля улуса, наравнѣ съ входящимъ въ составъ его населеніемъ, дѣлится на двѣ по возможности равныя половины. Каждыя десять лѣтъ жители обѣихъ половинъ улуса сходятся на

*) «An account of the Kingdom of Caboul und its dependencies by Mountstuart Elphinstone». London, 1839, т. I, стр. 210. См. также Spiegel, «Ueber die iranische Stammverfassung». Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften. München. т. VII, стр. 676 и слѣд.

Государств. публичная историческая библиотека
527063
Фундаментальная библиотека
ПОГАШЕНО

общую сходку. На ней бросаютъ жребій, какою изъ двухъ половинъ владѣть въ ближайшее десятилѣтіе: худшею или лучшею землею улуса. Тотъ же жребій рѣшаетъ, кому изъ подраздѣленій улуса пользоваться тѣмъ или другимъ надѣломъ въ теченіе того же десятилѣтія. Качество земли при производствѣ передѣловъ принимается, впрочемъ, въ разсчетъ лишь въ небольшомъ числѣ улусовъ. Обыкновенно же равенство въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ подраздѣленій достигается путемъ простого обмѣна участковъ, обмѣна, производимаго въ напередъ опредѣленные сроки: гдѣ каждые три года, а гдѣ и въ пяти-, десяти- и двадцатилѣтніе промежутки. Во многихъ улусахъ передѣлъ земли не касается главнѣйшихъ подраздѣленій и производится только между входящими въ ихъ составъ семьями опять-таки въ напередъ условленные сроки.

Передѣлы земель какъ между частями улуса, такъ и между отдѣльными семьями, извѣстны у афганцевъ подъ наименованіемъ «вайшъ». Они встрѣчаются преимущественно между западными и только по исключенію, какъ переживаніе, между восточными племенами, поселенными въ Хорассанѣ *).

Подобно осетинамъ, афганцы придерживаются въ своихъ внѣшнихъ препирательствахъ началъ самоуправства и самосуда. Преслѣдованіе правонарушителей признается обязанностью всѣхъ лицъ, входящихъ въ одно подраздѣленіе съ обиженнымъ. Кровная месть нерѣдко прекращается уплатою выкупа однимъ родовымъ подраздѣленіемъ другому. Онъ платился въ прежніе годы не деньгами, которыхъ не было въ обращеніи между афганцами, и не скотомъ, какъ у осетинъ, а преимущественно женщинами. Въ случаѣ убійства въ уплату поступали обыкновенно двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ шесть, по меньшей мѣрѣ, надѣлялись извѣстнымъ имуществомъ **).

Подобно осетинамъ, афганцы также обращаются при судебномъ разбирательствѣ, органами котораго являются совѣты старѣйшинъ или джирга, къ свидѣтельствамъ лицъ одного подраздѣленія съ обвиняемымъ. О родовой преэмпціи [14] и родовомъ выкупѣ у нихъ только потому нѣтъ рѣчи, что земельная собственность не отчуждаема и состоитъ въ общемъ владѣніи улусовъ и ихъ подраздѣленій. При вымираніи всѣхъ членовъ того или другого изъ этихъ послѣднихъ занятая имъ земельная площадь поступаетъ въ руки ближайшаго по крови подраздѣленія, точь-въ-точь, какъ это имѣетъ мѣсто въ осетинскомъ строѣ.

---

*) Elphinstone, т. II, стр. 15 и слѣд.
**) Spiegel. стр. 677.

Послѣ сказаннаго едва ли нужно останавливаться на проведеніи параллелей между общественнымъ бытомъ афганцевъ и тѣмъ, которымъ живутъ или еще недавно жили осетины. Въ существеннѣйшихъ чертахъ строй обоихъ племенъ одинъ и тотъ же. Основу его одинаково составляетъ кровное начало—родство со стороны мужчинъ. Совмѣстное владѣніе землею лицъ одной крови, круговая отвѣтственность родственниковъ за правонарушенія и взаимная поддержка ихъ на судѣ, управленіе старшими по возрасту или способнѣйшими представителями кровнаго начала, все это въ равной мѣрѣ встрѣчается какъ въ бытѣ афганцевъ, такъ и осетинъ. Какъ у послѣднихъ, наконецъ, низшею общественною единицею у афганцевъ является не малая семья, а союзъ нѣсколькихъ семей, живущихъ въ одномъ дворѣ, другими словами, большая семья или, употребляя ходячее въ осетинскомъ быту наименованіе, дворъ.

Отъ афганцевъ перейдемъ къ раджпутамъ и джатамъ, поселеннымъ къ югу отъ Гималайской цѣпи. Общею чертою въ бытѣ этихъ народностей является преобладаніе въ ихъ средѣ кровнаго начала. Говоря это, мы не утверждаемъ, что всѣ лица, входящія въ составъ тѣхъ союзовъ, которые обнимаются понятіемъ родовыхъ, связаны между собою узами дѣйствительнаго родства. Мы настаиваемъ только на томъ, что всѣ они считаютъ другъ друга родственниками. Послѣдній по времени изслѣдователь общественнаго строя раджпутовъ, Альфредъ Ляйэлль, различаетъ между родами раджпутовъ роды чистокровные и смѣшанные. Чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ составилось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ присоединились съ теченіемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнетъ общественнаго мнѣнія сплошь и рядомъ побуждали какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя группы семействъ, вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ сообществъ. «Сила обстоятельствъ—говоритъ Ляйэлль,—заставляетъ чужеродцевъ примкнуть къ родовому союзу, принять наравнѣ съ родственниками участіе въ военныхъ предпріятіяхъ родового вождя, искать у него службы и земельныхъ пожалованій. Не одно усыновленіе родомъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе нѣсколькихъ различныхъ по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя, ведетъ къ возникновенію въ сѣверной Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ. Принимая въ свой составъ этихъ чужеродцевъ, родъ тѣмъ самымъ теряетъ на время чистоту своего происхожденія; но такой порядокъ вещей держится недолго. По прошествіи одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказочное генеалогическое древо. Усыновленныя родомъ семьи выступаютъ въ немъ наравнѣ

съ несомнѣнными представителями первоначальной династіи. Проходитъ еще нѣсколько поколѣній и сглаживается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами» *).

Сказанное о раджпутахъ въ равной мѣрѣ можетъ быть повторено о джатахъ и другихъ арійскихъ народностяхъ сѣверной Индіи. На основаніи богатаго матеріала, Туперъ, авторъ послѣдняго труда по обычному праву Пенджаба, приходитъ по вопросу объ ихъ внутреннемъ бытѣ къ тѣмъ самымъ выводамъ, какіе сдѣланы были мною **). Расходясь съ Мэномъ, онъ утверждаетъ, что древнѣйшими союзами въ этой части Индостана должны быть признаны не малыя или большія семьи, а роды, позднѣйшими развѣтвленіями которыхъ и являются семейныя общины ***). Цѣлый рядъ селъ доселѣ носитъ въ Пенджабѣ родовой характеръ, т.-е. между входящими въ составъ ихъ большими семьями или дворами существуетъ дѣйствительное или предполагаемое родство. Принадлежащая селу земля состоитъ въ нераздѣльномъ владѣніи дворовъ и только по временамъ передѣляется между ними. При этомъ передѣлѣ родство, бо́льшая или меньшая близость къ общему родоначальнику, опредѣляетъ собою бо́льшій или меньшій размѣръ дворового надѣла. Только по мѣрѣ размноженія рода, частью естественнымъ путемъ, частью путемъ искусственнымъ, включеніемъ въ его составъ новыхъ пришельцевъ, теряется прежняя пропорція между размѣромъ надѣла и степенью родства. Тогда возникаетъ въ общинѣ то фактическое неравенство, которое, какъ необъяснимое родовою генеалогіею, вызываетъ нескончаемые споры и несогласія и ведетъ, въ концѣ концовъ, или къ окончательному раздѣлу, или къ установленію однохарактерной съ русскою системы періодической переверстки общинной земли на равныя доли.

Изъ сказаннаго ясно что родъ является первоначальною общественною единицею, одинаково у раджпутовъ и джатовъ, и что семейная община не болѣе какъ позднѣйшая представительница того же кровнаго родового начала.

Какъ и у афганцевъ, родовое начало сказывается у раджпутовъ и джатовъ одинаково какъ въ сферѣ гражданскихъ отношеній, такъ и въ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ преступленій, во-первыхъ, въ запрещеніи отчуждать сперва родовую, а затѣмъ дворовую землю чужестранцамъ иначе, какъ съ общаго согласія, въ правѣ родовой

---

*) «Asiatic Studies». London. 1882 г., стр. 157, 167.

**) «Общинное землевладѣніе. Причины, ходъ и послѣдствія его разложенія». Москва, 1879 г., глава II и слѣд.

***) «Punjab Customary Law , т. II, стр. 10.

преэминціи и родового выкупа *); во-вторыхъ, въ господствѣ кровной мести и денежной отвѣтственности родственниковъ за обиды, причиненныя кѣмъ-либо изъ нихъ члену другого рода.

Переходя отъ восточныхъ къ западнымъ представителямъ арійской семьи, мы остановимся съ особенною подробностью на общественномъ строѣ южныхъ славянъ. На ряду съ малою семьею извѣстны имъ еще слѣдующіе, болѣе численные по своему составу союзы: во-первыхъ, семейная община, именуемая сербами «задругою», хорватами «скупщиною», герцеговинцами «домомъ», далматинцами «общиною соединенныхъ братьевъ»; во-вторыхъ, родъ, извѣстный подъ наименованіемъ «братство»; въ-третьихъ, «племя», представляющее собою не болѣе какъ развѣтвившійся родъ, распавшееся на колѣна братство. Численный составъ рода-племени весьма разнообразенъ: гдѣ тридцать и пятьдесятъ человѣкъ, а гдѣ семьсотъ или восемьсотъ.

Братство это—прежде всего личный союзъ, члены котораго, такъ называемые «братственники», имѣютъ одного церковнаго патрона, собираются по временамъ на общіе сходы, на которыхъ рѣшаютъ интересующіе родъ вопросы, и подчиняются начальству общаго главы, такъ называемаго «князя», должность котораго наслѣдственна въ одной и той же фамиліи, а кое-гдѣ замѣщается и по выбору старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Будучи по природѣ своей союзомъ личнымъ, братство, подобно всякому кровному соединенію, пріобрѣло со временемъ значеніе союза территоріальнаго. Каждое владѣетъ, какъ общее правило, общественными нераздѣльными угодьями, имѣетъ свою «племенщину», свой bonum gentilitium [15]. Общую собственность братьевъ составляютъ также церкви, кладбища, нерѣдко мельницы и суконовальни. Солидарность, связывающая во-едино членовъ-братственниковъ въ сферѣ имущественныхъ отношеній, сказывается также въ правѣ предпочтительной покупки участка, отчуждаемаго однимъ изъ нихъ. Братство и составившееся изъ его развѣтвленія племя далеко не принадлежатъ къ числу вполнѣ жизненныхъ институтовъ юго-славянскаго права. Они встрѣчаются лишь на правахъ исключенія въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Бокка-ди-Катаро и совершенно исчезли одинаково въ Сербіи и Хорватіи. Подобно родамъ раджпутовъ и джатовъ, братства южныхъ славянъ являются союзами экзогамическими [16], въ томъ смыслѣ, что бракъ въ предѣлахъ братства запрещенъ. Такое запрещеніе не распространяется, однако, на всѣхъ членовъ развѣтвившагося рода или племени; браки между отдѣльными колѣнами, входящими въ его составъ, считаются дозволенными **).

---

*) «Punjab Customary Law», т. II, стр. 36.
**) См. Kraus, «Sitte und Brauch der Südslaven», стр. 34 41, 57 и 63.

Что касается семейной общины, то новѣйшія изслѣдованія г. Крауса мало прибавляютъ новаго къ тому, что на этотъ счетъ извѣстно намъ изъ сочиненій Утизеновича или изъ сборника югославянскихъ обычаевъ, составленнаго проф. Богишичемъ. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ ограничиться приведеніемъ здѣсь тѣхъ свѣдѣній о ней, какія на основаніи послѣдняго источника сообщаетъ г. Демеличъ въ своемъ «Обычномъ правѣ южныхъ славянъ». Всѣ члены одной семейной общины—родственники между собою и это родство доходитъ иногда до четвертаго колѣна. Но иностранцы могутъ сдѣлаться членами общины. Бракъ и усыновленіе—обыкновенные къ тому пути. Случается, что старики, потерявъ дѣтей, оставшись, такъ сказать, одни на свѣтѣ и не имѣя больше силы заниматься хозяйствомъ или не будучи въ состояніи жить собственнымъ трудомъ, входятъ въ чужую семейную общину. Эти лишенные средствъ или больные старики принимаются обыкновенно съ распростертыми объятіями: имъ даютъ всѣ права членовъ, но если у нихъ есть небольшое состояніе, они должны отдать его въ общину или при жизни, или въ видѣ завѣщаннаго ими имущества. Когда всѣ мужчины общины вымрутъ, и не останется другого наслѣдника, кромѣ дочери, мужъ ея дѣлается начальникомъ общины, причемъ за нею сохраняется прежнее наименованіе.

«Постояннымъ, т.-е. недѣлимымъ и неотчуждаемымъ имуществомъ семейной общины—говоритъ авторъ «Экономическихъ замѣтокъ о Болгаріи», г. Кондратовичъ—бываетъ обыкновенно *непокретно имание*, т.-е. прежде всего земля, а затѣмъ орудія труда. Нивы, луга, виноградники, иногда участки пастбища и лѣса, а также жилища, хозяйственныя постройки, мельницы, сельско-хозяйственныя орудія составляютъ основное общинное имущество, унаслѣдованное отъ предковъ, долженствующее перейти къ потомству и называемое *имание, стока, башина, дѣдина*. Самыя названія такого общиннаго имущества показываютъ какъ его происхожденіе, такъ и характеръ, представляя антитезу личной собственности—*свойщины, особины, добитька, жива стока, покущина*, которая пріобрѣтается независимо отъ общаго наслѣдственнаго капитала, путемъ личнаго труда или промысла» *).

Семейно-общинная земля не отчуждаема; только въ случаѣ крайней бѣдности или постигшаго ихъ разоренія, члены союза рѣшаются продать свое имущество; народъ смотритъ на такую продажу, какъ на величайшій позоръ; не многіе рѣшаются выступить покупателями такого имущества. Продажа каждый разъ происходитъ съ согласія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины. Въ числѣ предметовъ движимой собственности имѣются такіе, которыхъ нельзя отчуждать

*) «Русская Мысль». 1884 г., № 2, стр. 7.

иначе, какъ въ случаѣ неотложной необходимости. Таковы орудія сельско-хозяйственной эксплоатаціи. Что же касается скота, то каждое семейство обыкновенно содержитъ двухъ быковъ и нѣсколько паръ другихъ рабочихъ животныхъ; что сверхъ этого, то можетъ быть продано. Другія принадлежности хозяйства: улья, ручныя мельницы, различные продукты растительнаго и животнаго царствъ обыкновенно отчуждаемы.

Теперь скажемъ объ обязанностяхъ и правахъ каждаго члена семейной общины и сначала точно опредѣлимъ положеніе ея начальника, котораго сербскій народъ называетъ «domacin»—начальникъ, или правитель дома. Домачинъ обыкновенно избирается изъ среды пожилыхъ и женатыхъ членовъ. Однакоже, это правило представляетъ много исключеній. Несмотря на высокое уваженіе сербовъ къ зрѣлому возрасту, выбираютъ часто молодыхъ людей, испытанныхъ и извѣстныхъ своимъ энергическимъ и честнымъ характеромъ, своими хозяйственными способностями и твердою волею. «Кто уменъ, тотъ довольно старъ», говоритъ сербская пословица. Иногда случается, что самъ домачинъ, чувствуя, что силы его падаютъ подъ тяжестью лѣтъ, отказывается отъ своей власти въ пользу наиболѣе достойнаго изъ сыновей. Въ Черногоріи и Герцеговинѣ бываетъ, что старшій братъ домачина наслѣдуетъ ему послѣ смерти; за отсутствіемъ же брата—старшій сынъ. Въ этомъ случаѣ начальникомъ семейной общины можетъ сдѣлаться и младшій сынъ, при старости или болѣзни старшаго. Кромѣ согласія отдѣльныхъ членовъ общины, избранный долженъ получить еще торжественное благословеніе отъ старшаго брата. Сербы, какъ уже было сказано, питаютъ большое уваженіе къ лѣтамъ. Въ пожилыхъ людяхъ цѣнятъ ихъ опытность. «Дьяволъ»—говорятъ они—«очень опытенъ, потому что старъ». «Безъ повиновенія старцамъ нѣтъ спасенія», гласитъ другая поговорка. Но сербы прибавляютъ при этомъ, что «если лѣта - голова, то молодость—сила» и выводятъ отсюда, что дѣльнымъ молодымъ людямъ слѣдуетъ предоставить управленіе дворомъ, когда одряхлѣвшіе старики не въ состояніи болѣе нести связанныхъ съ администраціею обязанностей. Итакъ, личныя качества рѣшаютъ выборъ начальника. Вотъ почему можно избрать на эту должность и женщину; точно также возможно, что представительницею двора будетъ дѣвушка, въ томъ, однако, лишь случаѣ, когда въ немъ нѣтъ взрослыхъ мужчинъ. Вдова послѣдняго начальника беретъ въ свои руки управленіе, если ея дѣти слишкомъ молоды, и мужъ послѣ смерти не оставилъ братьевъ. Но, какъ только старшій сынъ достигнетъ возраста, въ которомъ онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, мать уступаетъ ему мѣсто. Случаи, когда дѣвушка становится во главѣ семейной общины, крайне рѣдки:

разъ она единственная наслѣдница, мужъ ея входитъ въ общину и становится ея начальникомъ. Часто община даетъ послѣднему начальнику право назначить себѣ преемника. Но это преимущество дается только тѣмъ, кто пріобрѣлъ въ общинѣ большое уваженіе. Если члены не могутъ согласиться на счетъ выбора лица, которое должно сдѣлаться начальникомъ, то вопросъ этотъ рѣшаетъ жребій. Въ Герцеговинѣ выборъ новаго начальника имѣетъ мѣсто только тогда, когда прежній скончался, не назначивъ себѣ преемника. Случается также, что, помимо выбора и назначенія, кто-нибудь изъ членовъ мало-по-малу овладѣетъ этою почетною должностью. Если хозяйство процвѣтетъ подъ его управленіемъ, онъ признается начальникомъ двора по праву. Но злоупотребленія проскользаютъ всюду; приходится иногда видѣть людей, становящихся во главѣ общины съ помощью грубой силы или преступной хитрости. Тогда въ семьѣ, въ которой имѣетъ мѣсто этотъ захватъ власти, перестаетъ царствовать миръ и неизбѣжно наступаетъ раздѣлъ, если только члены двора не сойдутся на томъ, чтобы прогнать похитителя. Подобные случаи, къ счастью, рѣдки. Что касается правъ домачина, то они обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего онъ располагаетъ всѣми преимуществами, которыя даетъ возрастъ; онъ предсѣдательствуетъ на семейныхъ собраніяхъ и служитъ представителемъ двора въ его внѣшнихъ сношеніяхъ и передъ государственною властью. Ранѣе, когда существовала барщина, домачинъ былъ свободенъ отъ нея. Онъ управляетъ имуществомъ двора; никто безъ его позволенія не можетъ распоряжаться вещами, имѣющими какую-либо цѣнность. При всемъ томъ онъ далеко не самовластный повелитель: прочіе члены двора равны ему; всѣ одинаково имѣютъ право подавать голосъ въ семейныхъ совѣтахъ; домачинъ только первый между равными; онъ наблюдаетъ за выполненіемъ каждымъ его обязанностей и распредѣляетъ работы. Онъ управляетъ общинною казною и пріобрѣтаетъ все необходимое для дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ долженъ озаботиться также доставленіемъ одежды и обуви членамъ двора. Онъ отвѣчаетъ за всѣ расходы и не имѣетъ права употреблять общій доходъ на покрытіе личныхъ издержекъ.

Домачинъ не имѣетъ права уголовнаго суда. Тѣмъ, кто не повинуется ему, онъ можетъ дѣлать замѣчанія; но онъ не въ правѣ присуждать ихъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, если только дѣло не касается дѣтей или молодыхъ дѣвушекъ. Точно также онъ долженъ воздерживаться отъ всякихъ выговоровъ мужчинамъ при женщинахъ, молодыхъ мальчикахъ, дѣвушкахъ и дѣтяхъ. Въ Болгаріи мужъ въ правѣ наказывать свою провинившуюся жену. Семейный совѣтъ собирается передъ церковью вечеромъ послѣ ужина. Здѣсь же онъ судитъ преступленія

и проступки своихъ членовъ. Виновный обыкновенно исключается изъ состава семейной общины. Въ турецкихъ провинціяхъ апелляція на семейные приговоры въ общіе суды рѣдка, но въ Болгаріи очень часто обращаются съ нею къ городскому совѣту, къ приходскому священнику или къ епископу. Въ Австріи, въ случаѣ упорства, домачинъ нерѣдко прибѣгаетъ за помощью къ государственной власти; объ исключеніи изъ состава двора почти всегда дается знать судамъ; имъ же выдаютъ виновнаго для поступленія съ нимъ по закону.

Что касается правъ домачина на общее имущество, то онъ можетъ по собственному выбору продавать и покупать нѣкоторыя малоцѣнныя вещи, но продажа и покупка должны быть совершаемы въ интересахъ всего двора. Для болѣе важныхъ операцій необходимо общее согласіе. Домачинъ производитъ закупки всего нужнаго, не давая о томъ отчета семейному совѣту. Въ Военной Границѣ онъ въ правѣ продавать только движимое имущество, отнюдь не недвижимое. Когда домачинъ дѣйствуетъ противъ воли товарищей, члены семьи могутъ лишить его занимаемаго имъ положенія, но для этого необходимо общее согласіе. Отрѣшеніе отъ должности имѣетъ мѣсто обыкновенно тогда, когда домачинъ оказывается неспособнымъ къ управленію дѣлами, и семейству грозитъ опасность полнаго разоренія, а также въ случаѣ, если онъ сдѣлается слѣпымъ, сумасшедшимъ или подвергнутъ будетъ позорному наказанію, когда онъ также ненавидимъ всѣми, склоненъ къ пьянству и безнравственному поведенію, расточителенъ или несправедливъ. Смѣщеніе такого начальника обыкновенно совершается вечеромъ послѣ ужина. Старшій въ семействѣ перечисляетъ его недостатки; онъ указываетъ на разореніе, которое грозитъ дому, и объявляетъ домачину, что все семейство считаетъ его неспособнымъ быть впредь его начальникомъ и единодушно рѣшило замѣнить его другимъ.

Послѣ домачина наибольшими почестями и значеніемъ въ семейной общинѣ пользуется «domaćica»—хозяйка дома. Домачица обыкновенно—жена домачина. Она сохраняетъ эту почетную должность и послѣ смерти своего мужа. Однакоже, если жена начальника семейной общины слишкомъ стара или если она не обладаетъ качествами, которыхъ требуетъ отъ нея должность, то на ея мѣсто назначаютъ способнѣйшую изъ наиболѣе пожилыхъ женщинъ. Вдову при этомъ выбираютъ только тогда, если нѣтъ подходящей замужней женщины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не колеблются отдать предпочтеніе дѣвушкѣ, чего никогда не случается въ Герцеговинѣ и Черногоріи. Выше было сказано, что младшій изъ двухъ братьевъ дѣлается часто домачиномъ вслѣдствіе физической или нравственной неспособности старшаго. Когда представляется такой случай, хозяйкою дома стано-

вится не жена младшаго, а жена того, кто былъ отставленъ отъ должности или того, кого слѣдовало бы избрать по его лѣтамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право сами выбирать домачицу, но выборъ этотъ долженъ быть подтвержденъ семейнымъ совѣтомъ. Домачица стоитъ во главѣ домашняго хозяйства. Ея вѣдѣнію подлежатъ молочная и курятникъ. Она отвѣчаетъ за внутренній порядокъ въ домѣ. Когда всѣ работники находятся въ полѣ, въ винограднике или въ лѣсу, домачица смотритъ за дѣтьми, стряпаетъ кушанье и надзираетъ за домомъ. За столомъ она занимаетъ мѣсто подлѣ начальника семьи. Съ нею совѣтуются на счетъ предстоящаго брака дѣвушекъ; въ этомъ дѣлѣ она имѣетъ чаще всего рѣшающій голосъ. Домачица надзираетъ не только за матеріальнымъ порядкомъ въ семьѣ; на ней лежатъ и нѣкоторыя нравственныя обязанности: она руководитъ религіознымъ воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ, обучаетъ ихъ ежедневнымъ молитвамъ, по праздникамъ сопровождаетъ ихъ въ церковь и пріучаетъ ко всѣмъ домашнимъ работамъ. Обязанности домачицы не ограничиваются попеченіемъ объ однихъ живущихъ. Она заботится даже о тѣхъ, кого уже нѣтъ въ живыхъ, Почитаніе умершихъ считается у сербовъ одною изъ наиболѣе священныхъ обязанностей. Панихиды по усопшимъ у православныхъ служатся по субботамъ. Хозяйка дома непремѣнно присутствуетъ на нихъ.

Познакомившись съ правами и обязанностями начальника семьи и хозяйки дома, мы переходимъ къ изложенію правъ другихъ членовъ общины. Всѣ они одинаково участники въ общемъ имуществѣ и должны соединять свои силы для блага и процвѣтанія двора Всякій членъ имѣетъ свою долю пользованія и свое право на пропитаніе, одежду и жилище. Ko doma radi, taj i raduje—кто дома работаетъ, тотъ и пользуется, гласитъ сербская пословица. Право голоса одинаково принадлежитъ всѣмъ участвующимъ въ семейномъ совѣтѣ; всякому дозволено водить гостей на домашнія пирушки. Членъ семейной общины можетъ при желаніи выйти изъ нея; онъ можетъ также поселиться на сторонѣ, но для этого онъ долженъ получить предварительно согласіе начальника общины; то же согласіе необходимо и для временной его отлучки. Возрастъ и полъ сильно измѣняютъ эти разнообразныя права членовъ двора. Дѣти и молодыя дѣвушки не пользуются всѣми тѣми преимуществами, которыя предоставляются совершеннолѣтнимъ. Въ Военной Границѣ только въ двадцать четыре года наступаетъ совершеннолѣтіе. Сербскій обычай придаетъ возрасту меньшее значеніе. Кто способенъ выполнять работы и исполнять обязанности взрослаго человѣка, тотъ можетъ пользоваться и всѣми его правами. Человѣкъ женатый уважается въ

семьѣ болѣе, чѣмъ холостой. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи молодой человѣкъ начинаетъ пользоваться своими правами съ того времени, когда онъ становится способнымъ носить оружіе, т.-е. обыкновенно съ восемнадцати лѣтъ. Женщины не всюду располагаютъ голосомъ на семейномъ совѣтѣ. Въ Черногоріи онѣ допускаются на него только тогда, когда рѣчь идетъ о важныхъ дѣлахъ. Въ другихъ сербскихъ странахъ совѣты женщинъ, въ особенности пожилыхъ, всегда уважаются, хотя за ними и рѣдко признается рѣшающій голосъ. Въ Далмаціи онѣ почти всегда получаютъ это право. Въ Военной Границѣ женщины голосуютъ, если у нихъ нѣтъ мужчины - представителя. Слѣдовательно, право это принадлежитъ только вдовѣ, сынъ которой еще не достигъ совершеннолѣтія. Въ Болгаріи всѣ женатые мужчины могутъ подавать голосъ на семейномъ совѣтѣ. Впрочемъ, настоящее значеніе придаютъ только голосу члена, которому исполнилось 25 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Военной Границы дѣла рѣшаются большинствомъ. При равенствѣ голосовъ одерживаетъ верхъ та сторона, къ которой принадлежитъ начальникъ. Ему предоставляется подчасъ полная свобода дѣйствія, именно тогда, когда послѣ долгихъ преній не будетъ достигнуто соглашенія. Въ Болгаріи во всѣхъ важныхъ дѣлахъ требуется единогласіе. При противодѣйствіи со стороны одного какого-нибудь члена стараются склонить его къ тому, чтобы онъ взялъ назадъ свой отказъ; умоляютъ его не подвергать опасности внутреннее согласіе; указываютъ ему на позоръ, который палъ былъ на домъ, если бы сосѣди узнали о такомъ разномысліи. Рѣдко случается, чтобы противящійся не подчинился, въ концѣ концовъ, общему рѣшенію.

Въ Сербіи домачину запрещено совершать займы или дѣлать долги безъ особаго на то согласія общины. Совѣтъ ея завѣдуетъ также всѣмъ относящимся до внѣшнихъ сношеній семьи; семейные раздѣлы происходятъ не иначе, какъ съ его согласія. Однимъ словомъ, домачинъ обязанъ собирать семейный совѣтъ во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ, требующихъ принятія необыкновенныхъ мѣръ.

Спрашивается теперь, владѣютъ ли члены общины частнымъ имуществомъ? Въ Черногоріи недвижимость не можетъ составлять индивидуальной собственности членовъ задруги; позволено оставлять въ личное пользованіе только добычу, пріобрѣтенную на войнѣ, въ частности—оружіе непріятеля. Точно также священникамъ дозволяется удерживать подарки, которые имъ дѣлаются по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ, но ту сумму, которую они взимаютъ съ жителей какъ жалованье, они постоянно должны отдавать въ общее пользованіе всей задруги. Въ Сербіи, пока не настало время общихъ работъ, каждый можетъ искать заработка на сторонѣ. Этотъ

заработокъ не поступаетъ въ общую казну. Находки составляютъ также частную собственность. Если кто изъ членовъ двора занимается ремесломъ или торговлей, получаемый имъ доходъ идетъ исключительно въ его пользу. Равнымъ образомъ, молодые люди, посвящающіе себя морскому дѣлу, имѣютъ право оставлять себѣ въ собственность все пріобрѣтенное ими во время морскихъ экспедицій. Приданое женщины разсматривается какъ ея частная собственность. Оно обыкновенно состоитъ изъ скота, платья, нарядовъ и т. д., очень рѣдко изъ недвижимости. У болгаръ однѣ замужнія женщины имѣютъ право на частную собственность. Предметами ея являются подарки, полученные отъ мужа въ день свадьбы. Что касается приданаго, то оно, въ чемъ бы ни состояло, въ скотѣ ли, недвижимости или деньгахъ, поступаетъ въ общую казну; женщина можетъ взять его обратно только въ случаѣ раздѣла задруги.

Случается, что нѣкоторые члены ея находятся по годамъ въ отсутствіи. Они занимаются торговлею или службою на судахъ и почти всегда скопляютъ небольшой капиталецъ. На счетъ того, должны ли они по возвращеніи отдать свои барыши въ общее пользованіе или могутъ считать ихъ своею собственностью, постояннаго правила не установилось. Если членъ оставилъ семью по приказанію домачина для имущественныхъ пріобрѣтеній на сторонѣ, все, что онъ заработаетъ, принадлежитъ общинѣ. Но если онъ уйдетъ на заработки по собственному выбору, онъ ничего не обязанъ отдать общинѣ. Иногда семьи заключаютъ условія съ тѣми изъ своихъ членовъ, кто уходитъ на неопредѣленное время. Договоры этого рода рѣшаютъ вопросъ о барышахъ, но почти всегда и безъ такихъ договоровъ членъ общины отдаетъ часть своего заработка въ общую казну. Членъ, находящійся въ отсутствіи, никогда не теряетъ своихъ правъ на часть общаго имущества, хотя бы онъ провелъ нѣсколько лѣтъ внѣ дома. Въ числѣ правъ члена общины мы назвали право на пропитаніе и на полученіе одежды отъ общины; но нѣтъ обязанности доставлять ему сполна всю одежду. Обыкновенно община снабжаетъ только головнымъ уборомъ, обувью и теплымъ платьемъ на зиму.

Остается сказать еще о правахъ и обязанностяхъ женщинъ и дѣвушекъ, входящихъ въ составъ общины. Женщина у южныхъ славянъ помогаетъ мужчинѣ въ полевыхъ работахъ. Она же производитъ все нужное въ домашнемъ хозяйствѣ; мыло, свѣчи и даже наиболѣе употребительныя лѣкарства приготовляются ею. Эти различныя работы отправляются женщинами по очереди. Однѣ остаются дома, другія выходятъ въ поле. Кому что дѣлать рѣшается жребіемъ. Что касается распредѣленія ручныхъ работъ, то каждая женщина трудится для своей семьи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. для мужа и

дѣтей, кромѣ того, и для неженатыхъ членовъ и сиротъ. Въ общинѣ, которая сама сѣетъ и обработываетъ ленъ, пряжа распредѣляется между женщинами; въ противномъ случаѣ, каждая прядетъ для своего тѣснаго круга. Старухи, женщины и молодыя дѣвушки свободны отъ производства трудныхъ работъ. Молодымъ дѣвушкамъ даютъ время для заготовленія приданаго, если же онѣ сироты, то и для того, чтобы заработать небольшую сумму на покупку коровы. Каждая дѣвушка должна принести что-нибудь своему жениху, поэтому она никогда не занимается общимъ хозяйствомъ. За исключеніемъ той собственности, которая лично принадлежитъ женщинѣ, послѣдняя можетъ отчуждать только нѣкоторыя малоцѣнныя вещи, напр., молоко. Задруга доставляетъ женщинамъ, какъ и мужчинамъ, головные уборы и обувь; верхнее платье каждая получаетъ отъ мужа. Другія принадлежности туалета женщина изготовляетъ для себя, а украшенія покупаются ею на собственный счетъ. Женщина, какъ мы сказали, можетъ имѣть свою собственность точно также, какъ и другіе члены общины. Все, что подарятъ ей по случаю брака приглашенные на свадьбу, принадлежитъ ей по праву. Все, что она заработаетъ своимъ трудомъ, тоже становится ея исключительнымъ достояніемъ, но въ этомъ случаѣ женщина заблаговременно должна испросить у домачина позволеніе отправиться искать счастія на сторонѣ, что и разрѣшается ей каждый разъ, когда общинныя работы приходятъ къ концу. Индивидуальная собственность дѣвушекъ состоитъ только въ приданомъ.

Какъ и у описанныхъ уже нами племенъ, осетинъ, афганцевъ, раджпутовъ и джатовъ, родовое начало у южныхъ славянъ находитъ выраженіе себѣ и въ нераздѣльности въ наше время семейнаго, а нѣкогда и родового имущества, и въ запрещеніи выдѣлившимся малымъ семьямъ отчуждать свою землю чужеродцамъ иначе, какъ послѣ предварительнаго предложенія ея родственникамъ для покупки и формальнаго отказа съ ихъ стороны. Законодательство черногорскаго князя Даніила содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія касательно отчужденія недвижимой собственности. Продавецъ обязанъ прежде всего предложить отчуждаемый имъ участокъ своимъ родственникамъ и сосѣдямъ. Это предложеніе дѣлается въ присутствіи свидѣтелей. Если родственники, а за ними сосѣди, не воспользуются его предложеніемъ, продавецъ можетъ продать имущество кому заблагоразсудитъ. Въ Болгаріи, если, въ силу такого согласія, земля и перейдетъ въ собственность чужеземца, члены семейной общины или ихъ потомки въ правѣ выкупить ее, возвративши заплаченныя за нее деньги *).

*) Кондратовичъ, «Русская Мысль». 1884 г., № 2, стр. 7.

Въ уголовномъ правѣ то же родовое начало проявляется въ господствѣ кровной мести и участіи родственниковъ въ уплатѣ выкуповъ. И то, и другое еще весьма недавно было въ полномъ ходу въ Черногоріи и доселѣ практикуется, по крайней мѣрѣ, отчасти въ Герцеговинѣ. Въ процессѣ кровное начало сказывается у южныхъ славянъ въ той помощи, которую оказываютъ подсудимому его родственники, подъ присягою свидѣтельствующіе достовѣрность сдѣланныхъ имъ на судѣ показаній. Такой порядокъ вещей все еще продолжаетъ держаться въ Черногоріи: родственники въ числѣ двухъ или четырехъ человѣкъ приносятъ клятву въ храмѣ, цѣлуя крестъ и произнося страшное заклинаніе, въ которомъ призывается на клятвопреступника гнѣвъ Божій. Освященная обычаемъ формула говоритъ о распаденіи жилища и вымираніи всего рода какъ о послѣдствіяхъ принесенія кѣмъ-либо ложной присяги *).

Въ Великороссіи, въ которой сельская сосѣдская община находитъ себѣ такое широкое распространеніе, слѣды родового нѣкогда владѣнія сохранились въ существованіи такъ назыв. большой семьи, или семейной общины.

Первыя данныя о ней сообщены были г. Оршанскимъ и г-жею Ефименко **) Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другая, не поняли дѣйствительнаго характера этихъ группъ: въ семейныхъ общинахъ они увидѣли одно подобіе артелей, а не кровные родственные союзы, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ. Излагая въ немногихъ словахъ сущность того воззрѣнія, которое въ литературѣ получило извѣстность подъ наименованіемъ теоріи трудового начала въ русской крестьянской семьѣ, г. Пахманъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ существеннѣйшія ея основы. 1) Кровная связь въ семьѣ не составляетъ ея существа, а является какъ бы случайнымъ элементомъ въ ней. 2) Власть семейнаго главы обусловливается лишь общностью хозяйства и потому самъ домохозяинъ, не исключая отца или матери, не болѣе какъ распорядитель общаго хозяйства, какъ бы на правахъ артельнаго старосты. 3) Все имущество въ

---

*) Popovic, «Recht und Gericht in Montenegro», стр. 82.

**) «Народный судъ и народное право», Оршанскаго («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права» 1875). «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ», А. Ефименко («Слово» 1878 г.). «Трудовой принципъ—говоритъ послѣдняя—красною нитью проходитъ черезъ всѣ семейныя и наслѣдственныя отношенія крестьянъ, насколько они опредѣляются обычнымъ правомъ (стр. 165). Лица, не имѣющія съ семьею никакой родственной связи, напр., принятые въ домъ зятья, пасынки, пріемыши, если они только участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое же право на долю въ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники».

семьѣ принадлежитъ не домохозяину лично, а членамъ семьи сообща какъ дольщикамъ «общей семейной собственности»; къ числу ихъ относится и самъ домохозяинъ, хотя бы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ остальнымъ членамъ семьи. 4) Право дольщиковъ на семейное имущество основывается не на узахъ крови или близости родства, а единственно на личномъ трудѣ каждаго и притомъ въ размѣрѣ дѣйствительнаго участія его въ пріобрѣтеніи и накопленіи семейнаго имущества. 5) Означенное право принадлежитъ ему, независимо отъ усмотрѣнія главы семьи, и можетъ быть осуществлено требованіемъ выдѣла причитающейся доли или полнаго раздѣла семейнаго имущества *).

Разбирая это ученіе, г. Пахманъ на основаніи громаднаго матеріала, накопленнаго комиссіей по преобразованію волостныхъ судовъ, приходитъ къ отрицанію вышеизложенныхъ основъ артельной теоріи. 1) Семья и по понятіямъ крестьянъ, говоритъ онъ, не можетъ быть приравниваема къ артели, ибо для понятія семьи существенно, чтобы она состояла изъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, тогда какъ для артели это безразлично; если же въ составѣ крестьянской семьи и являются иногда и сторонніе лица, не родственники, то они причисляются къ семьѣ только тогда, когда приняты въ нее на правахъ дѣтей или усыновлены ею; въ противномъ же случаѣ они пользуются одними правами наемныхъ работниковъ. Съ другой стороны, для артели существенно, чтобы она была основана на договорѣ, чего нельзя сказать о семьѣ. 2) При жизни отца прочіе члены семьи имѣютъ право на жилье въ его домѣ и на содержаніе въ немъ; по отношенію же къ семейному имуществу—одно право пользованія, отнюдь не распоряженія. Выдѣлъ дѣтей, какъ и отчужденіе семейной собственности, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія отца, какъ главы семейства. 3) Право участія въ наслѣдствѣ основано и въ крестьянскомъ быту не на правѣ труда, а на родствѣ. Ближайшіе родственники устраняютъ собою дальнихъ. Пріемыши и воспитанники допускаются къ наслѣдованію, какъ усыновленные. То же должно быть сказано и о зятьяхъ. Размѣръ долей не зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ общемъ трудѣ, такъ какъ всѣ призванные къ наслѣдованію получаютъ равныя доли, не говоря о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ непочтеніе къ родителямъ, нерадѣніе къ хозяйству, самовольное оставленіе родительскаго дома и т. п. ведутъ къ совершенному устраненію кого-либо отъ наслѣдства.

Таковы важнѣйшія изъ возраженій, дѣлаемыхъ г. Пахманомъ противъ артельной теоріи. Позднѣйшія данныя подтвердили, по нашему мнѣнію, сдѣланные имъ выводы. Говоря это, я разумѣю въ

*) Пахманъ, «Обычное гражданское право въ Россіи», т. II, стр. 7.

частности отвѣты, присланные изъ разныхъ волостей Орловской губерніи на тѣ вопросы, которые были разосланы имъ г. Матвѣевымъ. Эти данныя, доселѣ не напечатанныя, въ настоящее время находятся въ моихъ рукахъ. Не имѣя возможности познакомить съ ними читателей въ подробностяхъ, я ограничусь приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Старшина Хиневской волости, Сѣвскаго уѣзда пишетъ въ своемъ донесеніи слѣдующее. «Семью въ крестьянскомъ быту нашей волости составляетъ нѣсколько родственниковъ съ ихъ женами и дѣтьми, числомъ отъ 15 до 20 и даже болѣе, которые всѣ живутъ въ одномъ домѣ. Власть старшаго въ семьѣ имѣетъ большое значеніе. Онъ слѣдитъ за сохраненіемъ въ семьѣ общаго согласія, спокойствія и благочинія; всѣ семейные ему повинуются. Онъ распредѣляетъ занятія и наблюдаетъ за исправнымъ выполненіемъ ихъ, завѣдываетъ всѣмъ хозяйствомъ и жизненными продуктами, уплачиваетъ казенныя подати и всѣ повинности. По смерти родоначальника власть его по управленію семействомъ и хозяйствомъ переходитъ къ совершеннолѣтнему старшему сыну; если же у покойнаго нѣтъ совершеннолѣтняго сына, а остались въ семьѣ его родные братья, то—къ одному изъ нихъ, «по назначенію родителя или по усмотрѣнію всей семьи», а если остался взрослый сынъ, то—къ нему; но бываютъ, хотя и очень рѣдко, и такіе случаи, что по смерти родоначальника изъ мужского пола къ принятію управленія никого не остается; тогда его мѣсто занимаетъ вдова его. Отецъ имѣетъ полное право распоряжаться имуществомъ дѣда и по своему желанію можетъ закладывать его, а также и отчуждать изъ него любую часть. Если сынъ пожелаетъ отдѣлиться отъ отца противъ его воли, то отецъ имѣетъ право не дать ему ничего изъ дѣдовского имущества. Когда нѣсколько братьевъ или дядей съ племянниками, живя въ одномъ домѣ, поддерживаютъ между собою семейное согласіе и порядокъ, то у нихъ все общее, кромѣ женскихъ принадлежностей, какъ-то: холстовъ, бѣлья и прочаго наряда. Все это въ общее употребленіе не поступаетъ; распорядителемъ же надъ всѣмъ остальнымъ бываетъ или старшій по лѣтамъ, или кого изберутъ по общему согласію; въ такомъ случаѣ жена избраннаго хозяина имѣетъ преимущество въ распоряженіи хозяйствомъ, относящимся до женщинъ, если она къ тому способна и рачительна, если же нѣтъ, то избирается по усмотрѣнію одна изъ младшихъ женщинъ. Работы въ семьѣ распредѣляются между мужчинами и женщинами по ихъ силамъ и здоровью. Въ зимнее время женщины, поперемѣнно каждая, занимаются изготовленіемъ пищи для всего семейства и уходомъ за скотомъ. Соблюдаемая при этомъ очередь называется «деньщичествомъ». Помимо

нисходящихъ и боковыхъ, въ составъ семьи подчасъ входятъ и лица не одной съ нею крови. Часто случается, читаемъ мы въ томъ же донесеніи, что родители принимаютъ въ домъ зятя, мужа дочери, котораго затѣмъ считаютъ за сына. При раздѣлѣ семейнаго имущества всѣ братья получаютъ по равной доли. Домъ же достается тому изъ нихъ, кому сами назначатъ съ общаго согласія, обыкновенно младшему брату.

Данныя, сообщаемыя по тому же предмету изъ другихъ уѣздовъ, въ общемъ согласны съ только-что приведенными и разнятся только въ частностяхъ. Такъ, напр., изъ одной волости Дмитровскаго уѣзда пишутъ: «Величина семействъ разная, отъ двухъ до десяти и болѣе рабочихъ душъ. Старшій въ семьѣ всѣмъ распоряжается. По смерти его власть переходитъ къ слѣдующему за нимъ по лѣтамъ, если онъ не зазорнаго поведенія; въ противномъ случаѣ ею надѣляется по усмотрѣнію семейства другой благонадежный членъ семьи, который всѣмъ и распоряжается по своему усмотрѣнію. Отецъ имѣетъ право отчуждать или закладывать долю изъ дѣдовскаго имущества. Онъ также имѣетъ право по смерти дѣда и ничего не дать отдѣляющемуся сыну, въ особенности же въ случаѣ несогласія на раздѣлъ, а также въ наказаніе за неповиновеніе».

Жена домохозяина считается въ семьѣ старшею надъ другими женщинами; нерѣдко бываютъ ссоры и драки между ними за первенство, въ особенности между невѣстками и свекровями. Пріемыши и подкидыши часто пользуются въ семьѣ тѣми же правами, что и собственныя дѣти, и участвуютъ въ наслѣдованіи имущества по смерти ихъ воспитателей. Семейныя работы ведутся сообща мужчинами и женщинами, приготовленіе же пряжи и бѣлья производится каждою женщиною въ отдѣльности для мужа и дѣтей.

Изъ другихъ мѣстностей Орловской губ. доносятъ, что, по освобожденіи своемъ отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе дѣлежей, крестьянскія семьи до того измельчали, что въ настоящее время подъ однимъ кровомъ живутъ обыкновенно или отецъ съ двумя и болѣе сыновьями, или два брата, или дядя съ племянникомъ, или тесть съ зятемъ. «Сожительства по общему труду— прибавляетъ одинъ изъ корреспондентовъ, священникъ села Лобнова— я не встрѣчалъ». Хозяйство въ каждой семьѣ ведется съ общаго согласія. Хозяиномъ не всегда бываетъ старшій по лѣтамъ, если только во главѣ семейства не стоитъ отецъ. Имъ обыкновенно назначается тотъ изъ членовъ семьи, который обладаетъ знаніемъ хозяйственныхъ дѣлъ и доброю славою. Власть передается ему съ общаго согласія всѣхъ мужчинъ семьи. На равной ногѣ съ законными дѣтьми стоятъ нерѣдко принятые въ домъ зятья, усыновлен-

ныя незаконныя дѣти и пріемыши. Въ случаѣ дѣлежа каждый изъ сыновей и пріемышей получаетъ по равной части съ остальными. Принимается, однако, во вниманіе то обстоятельство, много ли времени прожили некровныя дѣти въ семьѣ; если съ малолѣтства, то они получаютъ равную часть, если же только съ 12-ти- или 15-тилѣтняго возраста, то меньшую *). Дочери, по полученіи ими приданаго, обыкновенно уже не участвуютъ въ раздѣлѣ. «Вообще, читаемъ мы въ одномъ изъ присланныхъ отвѣтовъ, любовь отца бываетъ обращена на однихъ только сыновей; дочери же почитаются у нихъ, по ихъ же выраженію, за навозъ». Женщина, такимъ образомъ, играетъ далеко не первенствующую роль въ семьѣ, поэтому никто больше ея и не содѣйствуетъ ея разложенію. Изъ противоположнѣйшихъ концовъ не одной Орловской губерніи, но и всей имперіи приходятъ извѣстія о томъ, что несогласія и раздоры между женщинами—главнѣйшая причина семейныхъ раздѣловъ.

Семейная община не составляетъ особенности той или другой изъ великорусскихъ губерній. Ее можно встрѣтить и въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губ., гдѣ, по словамъ г. Соловьева, встрѣчаются случаи, что нѣсколькими родственными семействами правитъ дѣдъ, живущій при младшемъ изъ своихъ внуковъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ глава каждой отдѣльной семьи совѣтуется съ дѣдомъ и часто исполняетъ его волю **).

Мы встрѣчаемъ ее и въ Самарской губерніи, гдѣ съ существованіемъ ея знакомятъ насъ г. Матвѣевъ и г-жа Евг. Всеволожская.

Послѣдняя говоритъ о ней буквально слѣдующее: живутъ зажиточно тѣ изъ крестьянъ, которые не дѣлятся, «живутъ большими семьями, иногда человѣкъ по 25—30. Семей такихъ осталось уже немного. Порядокъ и благоустройство держатся въ нихъ безпрекослов-

---

*) Г-жа Ефименко видитъ въ этомъ подтвержденіе тому, что семейная община построена на трудовомъ началѣ («Слово», январь 1878 г., стр. 161). Пріемышъ, говоритъ она, имѣетъ такое же право на наслѣдство, какъ и родной сынъ подъ условіемъ такого же труда; меньше труда, меньше права... Пріемышъ получаетъ равную часть съ роднымъ сыномъ, «когда проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, лѣтъ десять обыкновенно». Мнѣ кажется, что факты, приведенные въ текстѣ, не только не согласуются съ трудовою или артельною теоріею, но и прямо противорѣчатъ ей. До пятнадцати лѣтъ пріемышъ едва ли въ состояніи наработать много для семьи; его трудъ едва покрываетъ издержки его содержанія; если, тѣмъ не менѣе, такой пріемышъ имѣетъ преимущество при наслѣдованіи, то не потому ли, что, принятый съ малолѣтства, вскормленный и воспитанный семьею, онъ гораздо болѣе отвѣчаетъ представленію о сынѣ, нежели принятый въ семью возрастный работникъ.

**) «Рукописный очеркъ юрид. об. Мамадышскаго уѣзда», І. Т. Соловьева.

нымъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ семьи главѣ дома—«отцу и хозяину» и матери—«хозяйкѣ». Себѣ въ помощники хозяинъ беретъ одного изъ сыновей, болѣе энергичнаго, не всегда старшаго; его зовутъ «большакомъ», жена его «большуха»—помощница хозяйки. На обязанности хозяйки лежитъ распредѣленіе работъ женщинамъ и стряпня у печи, въ чемъ ей помогаетъ большуха. Хозяинъ распредѣляетъ работы и расходы. Въ его рукахъ находятся всѣ деньги, зарабатываемыя семьею, и въ расходованіи ихъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. За исключеніемъ хозяина, всѣ члены семьи не имѣютъ личной собственности; какъ трудъ ихъ, такъ и заработанныя деньги всецѣло принадлежатъ семьѣ. Утаить изъ получки или купить подарокъ женѣ считается зазорнымъ, какъ бы воровствомъ изъ общаго капитала, и вызываетъ ссоры. Получки распредѣляются хозяиномъ на нужды домочадцевъ, на сѣвъ, аренду, покупку скотины, посуды и другихъ вещей для хозяйства. Верхняя одежда: тулупы, армяки, зипуны, валенки идутъ изъ семьи для всѣхъ ея членовъ, а также расходы по свадьбамъ, похоронамъ, крестинамъ, пріемъ и угощеніе родственниковъ и знакомыхъ» *).

Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ рисуютъ намъ семейную общину какъ ходячій, распространенный типъ въ средѣ всего великорусскаго крестьянства.

Она представляетъ собою къ тому же очень древнее учрежденіе. Въ Несторовой лѣтописи встрѣчается упоминаніе о родовой организаціи полянъ—славянскаго племени, жившаго на берегахъ Днѣпра. Поляне изображаются живущими «особѣ и володѣющими роды своими». О нихъ говорится: «живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, володѣя родомъ». Это довольно темное мѣсто лѣтописи даетъ право предположить, что поляне дѣлились на независимыя семейныя общины, каждая изъ которыхъ занимала свой собственный участокъ земли. Другое упоминаніе объ этихъ нераздѣльныхъ семейныхъ общинахъ мы находимъ въ двухъ статьяхъ «Ярославовой Правды». Часто встрѣчающіеся въ ней южно-славянскіе термины, каковъ, напр., «братучада» (сынъ брата, племянникъ), подтверждаютъ предположеніе, впервые, насколько мнѣ извѣстно, высказанное профессоромъ Ключевскимъ, о томъ, что кодификаціонная задача [17] поручена была южному славянину. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, благодаря недавнему введенію христіанства и грамоты въ Россіи, въ ней чувствовался еще большой недостатокъ въ туземныхъ образованныхъ людяхъ, такъ, что византійской церкви приходилось часто обращаться къ священникамъ южно-

*) Этнографическое обозрѣніе, 1895 г., № 1. Статья, озаглавленная «Очерки крестьянскаго быта Самарскаго уѣзда», 2 и 3.

славянскаго происхожденія, чтобы съ ихъ помощью распространять Евангеліе и начальное образованіе среди ихъ восточныхъ и сѣверныхъ соплеменниковъ. Такъ какъ древній русскій языкъ имѣлъ гораздо больше сходства со славянскимъ языкомъ, на который было переведено Писаніе, то священники болгарскаго или сербскаго происхожденія оказывались наиболѣе подходящими лицами для отправленія обязанностей священнослужителей въ Россіи. Переводъ греческихъ текстовъ, переписка и составленіе славянскихъ и русскихъ рукописей, равно какъ и первые опыты письменнаго изложенія русскаго обычнаго права, выпали поэтому, вѣроятно, на долю этихъ лицъ. Подобнымъ участіемъ южныхъ славянъ въ кодификаціи древне-русскаго права можно объяснить то, что въ «Ярославовой Правдѣ» встрѣчается терминъ, давшій поводъ къ множеству толкованій. Я имѣю въ виду слово вервь. Различныя догадки сдѣланы были относительно его значенія, пока профессору Леонтовичу не посчастливилось найти его въ одномъ древнемъ южно-славянскомъ законодательномъ сводѣ, статутѣ Полицы,—въ смыслѣ нераздѣльной семьи или семейной общины. Смыслъ этотъ даетъ возможность удовлетворительнаго толкованія тѣхъ двухъ статей «Правды», въ которыхъ встрѣчается слово «вервь». Въ одной изъ нихъ говорится о случаѣ нахожденія мертваго тѣла дружинника князя въ предѣлахъ верви; а въ другой сказано, что въ подобномъ случаѣ вся вервь должна платить дикую виру [18] или пеню, однохарактерную, замѣтимъ мимоходомъ, съ тою, которая въ такихъ же точно случаяхъ налагалась въ Англіи въ царствованіе Вильгельма Завоевателя и первыхъ Плантагенетовъ.

«Вервь», платящая сообща родъ денежнаго выкупа или композиціи [19] за преступленіе, совершенное однимъ изъ ея членовъ, «вервь», обладающая своими земельными границами и, стало-быть, имѣющая свою собственную территорію, вполнѣ соотвѣтствуетъ семейной общинѣ, въ которой разныя лица, живущія подъ однимъ кровомъ и сообща владѣющія землею, связаны между собою круговою отвѣтственностью за преступленія, совершенныя въ предѣлахъ ихъ владѣній.

Переходя отъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій, въ продолженіе которыхъ возникли различные списки «Правды», къ концу четырнадцатаго и началу пятнадцатаго, мы встрѣчаемъ упоминаніе о той же семейной общинѣ въ письменныхъ памятникахъ какъ сѣверо-западной, такъ и южной Руси. Члены такихъ общинъ извѣстны подъ именемъ «сябровъ». Этотъ терминъ встрѣчается въ «Псковской судной граматѣ» (1397 — 1467) и въ «Литовскомъ статутѣ» (1529). Слово сябрь въ употребленіи также и у южныхъ славянъ. Сербскій «Законникъ короля Стефана Душана», обнародованный въ 1349 г., часто пользуется этимъ терминомъ, когда рѣчь идетъ о крестья-

нахъ *). Въ виду того, что сербскіе крестьяне всегда жили и понынѣ живутъ нераздѣльными семьями, весьма понятно, что къ нимъ примѣнялся терминъ, означающій соучастниковъ въ пользованіи нераздѣльною собственностью, а этотъ именно смыслъ упомянутое слово еще сохраняетъ въ Псковскихъ судныхъ граматахъ, а также въ «Литовскомъ статутѣ». Послѣдній сдѣлался главнымъ источникомъ обычнаго права Малороссіи, и терминъ «сябри», равно какъ и соотвѣтствующій ему институтъ [20], часто встрѣчается въ малороссійскихъ документахъ послѣднихъ трехъ столѣтій. Обозрѣніе этихъ источниковъ, сдѣланное профессоромъ Лучицкимъ, привело къ положительному отвѣту на вопросъ о существованіи семейныхъ общинъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ въ наше время преобладающимъ типомъ землевладѣнія является раздѣльная, индивидуальная собственность. Здѣсь, какъ и всюду, индивидуализму въ правѣ, повидимому, предшествовалъ родъ семейнаго коммунизма [21], подобный коммунизму, встрѣчаемому въ Индіи и въ земляхъ южныхъ славянъ.

Терминъ с я б р ь не единственный, которымъ древнерусскіе писатели пользуются для обозначенія членовъ семейной или дворовой общины. О нихъ часто идетъ рѣчь какъ о п е ч и щ ѣ — характерное обозначеніе домашняго очага,—а именно въ Писцовыхъ книгахъ [22] шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Терминъ п е ч и щ е соотвѣтствуетъ слову feu въ Бургундіи и употребителенъ и по сію пору въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ Россіи. Частныя граматы, относящіяся къ XVI и XVII столѣтіямъ и до сего времени хранимыя многими семьями въ Архангельской губерніи, для передачи понятія семейной общины всегда пользуются терминомъ о г н и щ е, словомъ, означающимъ домашній очагъ; онѣ указываютъ тѣмъ самымъ на то, что связью между членами одного и того же семейнаго хозяйства служила варка пищи на одномъ и томъ же очагѣ.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о древности занимающаго насъ института. Перейдемъ теперь къ изученію его характерныхъ чертъ.

Общежитія, состоящія изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному роду и живущихъ подъ однимъ кровомъ, до сихъ поръ существуютъ во всей Россіи, особливо же въ границахъ бывшаго Московскаго царства. Число лицъ, принадлежащихъ къ такимъ общинамъ, колеблется отъ десяти до пятидесяти и больше. Въ Курской губерніи профессоръ Самоквасовъ нашелъ общину въ 42 человѣка **). Но подоб-

*) Это слово встрѣчается, напр., въ слѣд. постановленіяхъ: «Никакихъ народныхъ собраній «сябровъ» быть не должно». «Если кто созоветъ такое собраніе—отрѣзать ему уши».

**) «Исторія русскаго права», стр. 283.

ные случаи рѣдки, и число лицъ, живущихъ сообща, обыкновенно не превышаетъ двадцати—тридцати. Среди нихъ мы находимъ дѣда и бабку, отца и мать, сыновей и дочерей, внуковъ и внучекъ, братьевъ и сестеръ, племянниковъ и племянницъ, а также всѣхъ лицъ, которыя связаны съ ними узами брака, каковы невѣстки, живущія въ семьѣ своихъ мужей, и зятья, живущіе въ семьѣ своихъ женъ. У писателей, занимающихся изученіемъ русскаго обычнаго права, часто заходитъ рѣчь о лицахъ, принятыхъ въ чужія семьи, работающихъ надъ размноженіемъ общаго семейнаго добра и имѣющихъ долю участія въ семейныхъ доходахъ и прибыляхъ. Кромѣ зятьевъ, и другія лица могутъ случайно стать членами семейной общины, такъ, напр., усыновленныя ею, или же дѣти вдовы, вступившей въ новый бракъ съ членомъ семейной общины; вслѣдствіе нежеланія ихъ матери жить съ ними врозь, они входятъ въ составъ двора и живутъ подъ кровомъ новаго мужа ихъ матери.

Не мудрено заключить изъ этого, что кровное родство, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не всегда непремѣнное условіе принадлежности къ дворовой общинѣ; для этого достаточно, чтобы члены семьи считались родными; усыновленіе замѣняетъ собою дѣйствительное родство, а фактъ участія въ ежедневной работѣ, раздѣленіе съ семьею ея общаго труда, даетъ чужаку имущественныя права родственника.

Нераздѣльные дворы управляются обыкновенно старѣйшими членами общины, но, въ случаѣ продолжительной болѣзни или потери умственныхъ способностей, старѣйшій членъ можетъ быть замѣненъ другимъ, который иногда избирается всею общиною и изъ ея собственной среды. Домохозяинъ или такой выбранный домовладыка получаетъ имя б о л ь ш а к а, означающее человѣка, которому предоставлена наибольшая власть. Его власть, его права и обязанности вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя принадлежатъ въ сербской з а д р у гѣ такъ назыв. «домачину». Подобно послѣднему, большакъ находитъ въ нелегкой задачѣ управленія женской половиной семейной общины поддержку въ лицѣ одной изъ пожилыхъ женщинъ, такъ назыв. «большухѣ»; послѣдняя не всегда бываетъ его женою.

Было бы грубою ошибкою смотрѣть на старѣйшину русской нераздѣльной семьи какъ на лицо, занимающее такое же положеніе, какое принадлежало римскому pater familias [23]. Старѣйшина дома не обладаетъ ни тою властью, ни тою независимостью, какими пользовался въ Римѣ отецъ семьи въ управленіи ея имуществомъ. Русскій домовладыка, подобно сербскому домачину, является лишь первымъ среди равныхъ. Всѣ взрослые члены общины образуютъ родъ семейнаго совѣта, мнѣнія котораго въ важныхъ вопросахъ необходимо запрашивать. Домачинъ не имѣетъ права распоряжаться семейными владѣ-

ніями, не заручившись общимъ согласіемъ всѣхъ лицъ, для которыхъ и отъ имени которыхъ онъ дѣйствуетъ. Говоря всѣхъ, я, разумѣется, имѣю въ виду только взрослыхъ членовъ, женщинъ наравнѣ съ мужчинами. Съ мнѣніями и желаніями женщинъ, хотя и играющими меньшую роль, чѣмъ мужчины, приходится считаться, въ виду вліянія, оказываемаго ими на мужей.

Обязанности домостарѣйшины разнообразны. Прежде всего мы должны указать на его исключительное право служить представителемъ общины передъ исполнительными и судебными органами села и волости. Онъ обыкновенно является на судъ либо для дачи отвѣта по искамъ и жалобамъ, предъявляемымъ къ семейной общинѣ, либо для поддержанія иска о возстановленіи ея нарушенныхъ правъ. Къ нему также правительственные чиновники обращаютъ свои требованія о скорѣйшей уплатѣ податей. На его обязанности лежитъ содѣйствовать исполненію закона о воинской повинности, а также всякихъ приказовъ и предписаній, исходящихъ отъ мѣстныхъ и губернскихъ властей.

Что касается лежащихъ на домачинѣ обязанностей по отношенію къ внутреннему управленію дворовою общиною, то онѣ двухъ родовъ: однѣ касаются лицъ, составляющихъ семейную общину, другія—находящагося въ нераздѣльномъ владѣніи имущества. Всѣ споры между совладѣльцами разрѣшаются домовладыкою, при участіи обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ семейнаго совѣта. Вмѣшательство домовладыки въ отношенія между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми оказываетъ иногда благотворное вліяніе, поскольку оно предотвращаетъ грубое злоупотребленіе мужнею и отцовскою властью; но нерѣдко случается также, что несогласія между мужемъ и женою разгораются сильнѣе отъ пристрастія домовладыки къ той или другой сторонѣ. Не мало случаевъ извѣстно, когда мужья подвергали своихъ женъ жестокимъ наказаніямъ по приказанію «большака»; съ другой стороны, довольно часты примѣры, въ которыхъ жена, поощряемая поддержкою старѣйшины дома, попираетъ права мужа и живетъ въ почти открытомъ прелюбодѣяніи со своимъ свекромъ.

Домовладыка имѣетъ также если не рѣшающій, то, во всякомъ случаѣ, совѣщательный голосъ въ такихъ вопросахъ, какъ выборъ жены для сына или выдача дочери замужъ. Такъ какъ размѣръ приданаго всегда опредѣляется семейнымъ совѣтомъ, предсѣдательствуемымъ главою двора, то отъ его рѣшенія очень часто зависитъ вопросъ о принятіи или отклоненіи брачнаго предложенія.

Къ обязанностямъ домовладыки относится также нахожденіе работы для неимѣющихъ занятія. Если дворъ слишкомъ численъ для того, чтобы всѣ его члены могли найти примѣненіе своему труду въ хлѣбопашествѣ, семья находитъ выгоднымъ разрѣшить извѣстному

числу своихъ молодыхъ людей искать заработка на сторонѣ, на частной ли службѣ, или въ качествѣ мелкихъ ремесленниковъ и разносчиковъ, странствующихъ по всей странѣ съ узлами и коробками на плечахъ. Эти торговцы въ разноску, весьма многочисленные въ нашихъ восточныхъ провинціяхъ, извѣстны подъ именемъ «офеней», «ходебщиковъ», «коробейниковъ» и «прасоловъ». Они оказываютъ существенную услугу сельскому люду, который безъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ и рынковъ, лишенъ былъ бы возможности пріобрѣтать нужные въ обиходѣ товары.

Сироты находятъ въ лицѣ семейнаго главы своего опекуна; ихъ нравственное и умственное воспитаніе зависитъ исключительно отъ него; онъ посылаетъ ихъ въ школу, находитъ для нихъ занятіе въ полѣ или отдаетъ ихъ въ ученье разнымъ деревенскимъ мастерамъ.

Въ виду того, что распоряженіе семейнымъ имуществомъ лежитъ, какъ мною уже было сказано, на домостарѣйшинѣ, онъ принимаетъ всѣ необходимыя мѣры къ обезпеченію надлежащаго исполненія всякаго рода земледѣльческихъ работъ, распредѣляя каждому его дневную долю труда въ паханіи, бороненіи и засѣваніи полей, молотьбѣ зерна и тому подобныхъ занятіяхъ. Если число рабочихъ рукъ, которыми семья располагаетъ, недостаточно для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей, домовладыка нанимаетъ чужихъ людей въ помощь своимъ. Когда наступаетъ время обмѣна продуктовъ урожая на предметы, необходимые въ крестьянскомъ обиходѣ, опять-таки на его обязанности лежитъ заключеніе договоровъ купли-продажи или мѣны. Лица, находящіяся подъ его управленіемъ, имѣютъ въ подобныхъ случаяхъ право контролировать его дѣйствія и требовать отъ него отчета во всѣхъ получаемыхъ и расходуемыхъ имъ суммахъ.

Этотъ контроль особенно полезенъ въ тѣхъ болѣе или менѣе рѣдкихъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе ряда плохихъ урожаевъ, семья оказывается въ необходимости распорядиться частью своего имѣнія. Въ подобныхъ случаяхъ вся семья имѣетъ голосъ въ выборѣ предметовъ продажи. Согласіе всѣхъ ея членовъ, ясно выраженное въ актѣ, необходимо для того, чтобы придать ему законную силу.

Средства, коими семья удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, бываютъ разнаго рода: нѣкоторыя получаются отъ земли, которой она владѣетъ, другія отъ личныхъ заработковъ отдѣльныхъ ея членовъ. Какъ бы далеко ни пребывали нѣкоторые изъ послѣднихъ, будь то странствующій разносчикъ или сельскій рабочій, нанявшійся на полевыя работы въ какомъ-нибудь отдаленномъ имѣніи, солдатъ либо морякъ, воюющій гдѣ-либо въ чужой странѣ или плавающій по морямъ у далекихъ береговъ, они, тѣмъ не менѣе, не возстаютъ про-

тивъ того, чтобы семейная община раздѣлила съ ними ихъ заработки и доходы. Семейная же община, въ свою очередь, не останавливается передъ тѣмъ, чтобы содержать жену и дѣтей своего отсутствующаго члена или платить причитающійся съ него годовой оброкъ. Коммунистическій характеръ большой русской семьи сказывается уже въ той легкости, съ какою домашняя община заставляетъ своихъ временно отсутствующихъ членовъ вносить ей получаемые ими заработки. Знакомый нѣкогда древнимъ римлянамъ peculium castrense и quasi castrense [24], повидимому, не извѣстенъ нашему обычному праву. Исключеніе изъ начала общаго пользованія допускается единственно въ отношеніи личныхъ заработковъ, добываемыхъ женщинами и дѣвушками въ часы досуга. Эти заработки, копимые изо-дня-въ-день, образуютъ обыкновенно главную часть ихъ приданаго, такъ какъ отецъ и мать прибавляютъ лишь незначительную сумму къ тому, что сколлено прилежаніемъ и успѣшною работою дѣвушки, въ теченіе многихъ лѣтъ готовящейся къ свадьбѣ. Нераздѣльную семью Великороссіи можно въ этомъ отношеніи сравнить съ семейною общиною Индіи, которая также предоставляетъ незамужней женщинѣ право составленія для себя отдѣльнаго peculium, своего рода самостоятельнаго имущества, такъ назыв. «stridhana», и притомъ тѣмъ же путемъ накопленія небольшихъ сбереженій, обыкновенно дѣлаемыхъ шитьемъ.

Приводимые крестьянами доводы въ пользу упраздненія нераздѣльности семейной общины сводятся къ слѣдующимъ: нераздѣльность, говорятъ они, заставляетъ способныхъ и трудолюбивыхъ работать на лѣнивыхъ и неспособныхъ. Несправедливо принуждать холостого человѣка раздѣлять свои доходы и сбереженія съ родственниками, вкушающими блага супружества и многочисленнаго потомства, большинство котораго, въ силу своей юности, не способно что-либо заработать.

Говорятъ также, что причиною распаденія большихъ семей являются раздоры между женщинами. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне открыто признаютъ, что они стремятся сбросить съ себя узы семейно-общиннаго быта для того, чтобы имѣть свой собственный очагъ и быть собственными господами. Очевидно всѣ эти возраженія противъ семейнаго коммунизма внушены русскому крестьянству развивающимся въ его средѣ индивидуализмомъ.

Наибольшее число раздѣловъ имѣло мѣсто въ самыхъ плодородныхъ областяхъ Россіи—въ Малороссіи и Новороссіи. Въ этихъ мѣстностяхъ небольшія семьи въ настоящее время являются уже общимъ правиломъ. Черноземная почва этихъ областей достаточно богата, чтобы своею производительностью покрывать подати, вслѣдствіе чего крестьянина и не пугаетъ особенно то обстоятельство, что онъ ли-

нится пособія и помощи родственниковъ. Духъ независимости, свойственный козакамъ, въ свою очередь, въ значительной степени объясняетъ причину, почему нераздѣльная семейная община въ настоящее время вымираетъ въ южной и юго-восточной Россіи.

Отъ славянскихъ государствъ Восточной Европы перейдемъ къ представителямъ западнаго германо-романскаго міра. При всей отдаленности ихъ современнаго правового развитія отъ первоначальныхъ родовыхъ основъ, переживанія изъ эпохи родового быта могутъ быть открыты какъ въ Швейцаріи, такъ и во Франціи и Испаніи.

Въ аппенцельскихъ «Rhoden» сохранились до нашихъ дней слѣды прежнихъ родовъ. Общинное владѣніе, связывавшее еще недавно членовъ этихъ нынѣ административныхъ округовъ, было не болѣе, какъ отраженіемъ родового единства въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Нѣчто подобное аппенцельскимъ Rhoden представляютъ такъ назыв. Slachten средневѣкового Дитмаршена. Slacht—старинное наименованіе рода (Geschlechter). Въ составъ каждаго изъ нихъ входили лица одной крови, лица, признававшія себя родственниками. Они платили и получали виры за убійство, помогали своимъ единокровнымъ, какъ значится въ самихъ источникахъ, «на водѣ и въ огнѣ» (не видѣть ли въ этихъ словахъ указанія на водную и огневую ордалію [25]?). Они являлись также соприсяжниками [26] другъ друга на судѣ, и эта обязанность извѣстна была подъ наименованіемъ Slacht nemede *).

Если въ наше время родовое устройство составляетъ вымирающую особенность одного Аппенцеля, то того же отнюдь нельзя сказать о среднихъ вѣкахъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ аллеманами и баварцами, начало кровнаго единства продержалось весьма долго. Въ «Швабскомъ Зерцалѣ» [27] родственники выступаютъ на каждомъ шагу. Для примѣра укажемъ хотя бы на запрещеніе приходить въ судъ съ толпою родственниковъ — запрещеніе, указывающее на старинную роль послѣднихъ какъ присяжниковъ или juratores обвиняемаго, свидѣтельствующихъ подъ присягою его добрую славу. Pfrund или совокупность родственниковъ сплошь-и-рядомъ упоминается также въ швейцарскихъ и баварскихъ граматахъ; о членахъ ихъ говорится какъ о лицахъ, пользующихся совмѣстно правомъ родовой преэмпціи и родового выкупа, какъ о наслѣдующихъ сообща въ имуществѣ лица, не оставившаго по себѣ нисходящихъ.

Зная, въ какомъ отношеніи стоитъ семейная община къ родовому союзу, мы въ правѣ видѣть доказательство первоначальнаго существованія этого послѣдняго также въ фактѣ современнаго господства

---

*) Nitsch, «G. der Dittmar. Geschlechts». Verf. въ «Schleswig-Hollsteinische Jahrbücher». Kiel. 1860, B. III, стр. 83 и слѣд.

семейной общины въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Франціи. Извѣстенъ классическій примѣръ подобной общины, такъ назыв. парсонери, въ департаментѣ Ніевры, описанный еще въ 1840-мъ году Дюпеномъ *). Семьи, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ каждая, владѣютъ здѣсь сообща не только землею, но и капиталами, ведя хозяйство на общія средства всѣхъ членовъ. Право наслѣдованія не извѣстно, такъ какъ, со смертью старшаго главы общины, члены ея сохраняютъ прежнюю связь между собою, продолжая владѣть и эксплоатировать сообща оставшееся по его смерти имущество. Въ одной изъ такихъ общинъ, Les Jaults, Дюпенъ нашелъ тридцать-шесть человѣкъ, занимающихъ нѣсколько зданій. Происхожденіе этого семейнаго союза восходитъ до глубокой древности. Въ семейномъ архивѣ Дюпенъ видѣлъ акты 1500 г., въ которыхъ о парсонери упоминается какъ о существовавшей издавна. По фамильнымъ преданіямъ, Les Jaults всегда владѣли землею на правахъ общинныхъ собственниковъ, а не получали ея въ пользованіе отъ феодальныхъ сеньеровъ[28]. Въ старину во главѣ парсонери стоялъ обыкновенно старшій по лѣтамъ, въ настоящее время тотъ, кого выберетъ большинство. Избранный ведетъ общее хозяйство, продаетъ и покупаетъ продукты, пріобрѣтаетъ и отчуждаетъ землю. Въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ поступаетъ, впрочемъ, не иначе, какъ съ общаго согласія. Членами союза считаются только мужчины. Дѣвушки получаютъ одно приданое и не имѣютъ затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ правъ на общее имущество. Семейныя общины или парсонери существовали еще недавно на правахъ не рѣдкаго исключенія, а общаго правила въ Ниверне, и доселѣ попадаются еще въ Оверни и въ Бурбонне; на разстояніи же одного или двухъ столѣтій онѣ были разсѣяны на всемъ протяженіи современной Франціи.

Гюй Кокиль (Guy Coquille), въ своемъ комментаріи на средневѣковый кутюмъ[29] Ниверне, говоритъ слѣдующее о семейныхъ общинахъ или парсонеріяхъ. Согласно исконному порядку сельскаго хозяйства, нѣсколько лицъ входятъ въ составъ одного союза и ведутъ сообща хозяйство, которое представляетъ немало трудностей въ Ниверне благодаря дурному качеству почвы. Одни изъ этихъ лицъ пашутъ, другія стерегутъ въ полѣ коровъ и лошадей, третьи служатъ пастухами надъ стадами барановъ и свиней. Каждый получаетъ занятіе сообразно своему возрасту и полу. Семьею завѣдуетъ одинъ человѣкъ, котораго называютъ начальникомъ надъ дворомъ. Начальникъ этотъ выбирается на должность всѣми членами семьи. Онъ повелѣваетъ надъ

*) «Excursion dans la Nièvre», lettre à M-r. Etienne, 22 Sept. 1840, стр. 6, 8 и 9-я.

всѣми. Онъ ѣздитъ въ города и на ярмарки, продаетъ и покупаетъ продукты, распоряжается движимою собственностью семьи и одинъ вносится въ налоговые списки. Изъ сказаннаго, прибавляетъ комментаторъ, можно придти къ тому заключенію, что названныя общества—настоящія семьи, и что члены ихъ связаны между собою родствомъ, дружбою и общностью экономическихъ интересовъ, притомъ такъ сильно, что образуютъ собою какъ бы единое тѣло. По всей вѣроятности, прибавляетъ Кокиль, то разореніе, которое неминуемо постигаетъ семьи при ихъ раздѣлахъ, побудило древнее законодательство къ принятію слѣдующей мѣры: кто не состоитъ членомъ парсонери, тотъ не въ правѣ участвовать въ полученіи наслѣдства, оставляемаго по себѣ кѣмъ-либо изъ ея членовъ *).

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какія причины содѣйствовали продолжительному удержанію во Франціи этихъ архаическихъ союзовъ, то едва ли ошибемся, сказавши, что эти причины кроются, съ одной стороны, въ самыхъ условіяхъ феодальнаго строя, съ другой—въ фискальныхъ интересахъ правительства. Сеньеры были заинтересованы въ томъ, чтобы семьи не раздроблялись, такъ какъ общее имущество являлось въ ихъ глазахъ матеріальною гарантіею неукоснительнаго отправленія барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей и службъ. Аналогія съ русскими порядками въ этомъ случаѣ поразительна. Въ Россіи, какъ и во Франціи, семейная община жила подъ кровомъ крѣпостничества и стала исчезать вмѣстѣ съ его паденіемъ. Съ другой стороны, и государство видѣло въ нераздѣльной семейной собственности средство къ вынужденію податной исправности. Круговая порука членовъ парсонери, взаимная отвѣтственность ихъ другъ за друга казались ему, не безъ основанія, залогомъ своевременнаго поступленія въ казну причитающихся съ крестьянъ налоговъ. Послѣдствіемъ такого воззрѣнія какъ владѣтельныхъ классовъ, такъ и правительства было проведеніе въ обычное право, въ кутюмы различныхъ мѣстностей Франціи, слѣдующаго правила. Господинъ только тогда не пользуется правомъ участія въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ его крѣпостного человѣка, когда семья покойнаго продолжаетъ жить въ нераздѣльности. Что мотивомъ такой мѣры было приведенное выше соображеніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, аналогія съ тѣми порядками, которые по тому же предмету держались еще недавно въ средѣ феодаловъ нашего Кавказа. Въ адатахъ кабардинцевъ, собранныхъ въ 1844-мъ году, прямо значится,

*) «La coutume de Nivernais», §§ bornages. Въ свою очередь, обычаи Нормандіи говорятъ о parages, разумѣя подъ ними случаи сожитія и совладѣнія братьевъ вплоть до троюродныхъ (см. «Coutumes du pais de Normandie», слово parage).

что въ интересахъ удержанія семейной нераздѣльности, обезпечивающей князьямъ и узденямъ 30 своевременное отправленіе крестьянами падающихъ на нихъ службъ, кабардинскіе феодалы требуютъ отъ лицъ, производящихъ раздѣлъ, уплаты имъ опредѣленной части общей семейной собственности.

Я довольно коротко изложилъ устройство французскихъ парсонери, такъ какъ существованіе и характеръ ихъ достаточно выяснены въ литературѣ *).

Гораздо менѣе извѣстно не только русскимъ, но и иностраннымъ юристамъ существованіе подобныхъ же союзовъ въ испанской Галиціи. Эти союзы подъ наименованіемъ галиційскихъ обществъ, «compañias de Galicia», обнимаютъ собою всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлею и принимающихъ пищу за общимъ столомъ. Члены ихъ владѣютъ въ нераздѣльности какъ недвижимостью, такъ и капиталомъ и ведутъ хозяйство сообща. Выгоды и потери, которыя терпитъ общество, равномѣрно распредѣляются между всѣми. Характерною особенностью этихъ группъ, отличающею ихъ отъ добровольныхъ сообществъ, является кровное родство лицъ, входящихъ въ ихъ составъ, и раздѣленіе прибыли и убытка не сообразно величинѣ внесеннаго каждымъ капитала, а поровну.

Въ составъ общаго имущества не входитъ пріобрѣтенное отдѣльнымъ членомъ на сторонѣ, безъ содѣйствія капитала общества—черта, отличающая галиційскіе союзы отъ болѣе архаическаго типа осетинскихъ дворовыхъ общинъ. Во главѣ общества стоитъ выбираемое лицо, которымъ обыкновенно является старѣйшій родственникъ. Онъ завѣдуетъ интересами всего союза, управляетъ его собственностью, распредѣляетъ полевыя и домашнія работы, дѣлитъ между членами поголовно получаемые въ концѣ года доходы и распоряжается общимъ достояніемъ съ совѣта и согласія всѣхъ участниковъ въ немъ **).

Единственнымъ способомъ прекращенія этихъ союзовъ, если не говорить о вымираніи всѣхъ членовъ, является дѣлежъ, производимый каждый разъ не иначе, какъ съ общаго согласія. Эти дѣлежи сдѣлались болѣе частыми съ середины XIX стол. и, по мнѣнію мѣстныхъ юристовъ, повлекли за собою весьма невыгодныя послѣдствія, въ частности—крайнее дробленіе земельной собственности, дѣлающее невозможнымъ разумное веденіе частныхъ хозяйствъ.

Общинный принципъ еще недавно былъ настолько живучъ въ

---

*) Карѣевъ, «Крестьяне во Франціи», стр. 143.

**) Don Basilio Besada-Vigo, 1849 г., «Practica legal sobre foros y compañias de Galicia», стр. 141, 143, 148, 158, 159, 163 и 171.

Галиціи, что по образцу только-что описанныхъ союзовъ возникали искусственныя сообщества лицъ не родственныхъ. Они соединяли свои земельныя владѣнія и капиталы, эксплоатировали ихъ сообща и дѣлили доходы не сообразно личнымъ паямъ, а поголовно и поровну. Я слышу, что за послѣднее время семейная община стала быстро вымирать въ сѣв.-западной Испаніи, и что скоро ея не останется и слѣда *).

Итакъ, отправляясь отъ Индіи и оканчивая западнымъ берегомъ Атлантическаго океана, мы на протяженіи сотенъ тысячъ верстъ, на которомъ раскинулось арійское племя, всюду находимъ то еще вполнѣ жизненные, то вымирающіе слѣды общественнаго устройства, ни въ чемъ не похожаго на современное. Кровное начало—происхожденіе отъ общаго родоначальника мужескаго пола, дѣйствительнаго или легендарнаго, всюду составляетъ его основу. То же кровное начало связываетъ отдѣльныхъ его членовъ и въ землевладѣльческую общину, и въ союзъ круговой помощи и защиты, обусловливая собою одинаково особенности гражданскаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго процесса.

Совокупность тѣхъ признаковъ, въ которыхъ сказывается вліяніе, оказываемое единствомъ крови на характеръ общественныхъ отношеній, обнимается обыкновенно понятіемъ родового быта. Употребляя этотъ терминъ, мы въ правѣ сказать, что арійскіе народы представляютъ въ своемъ современномъ общественномъ укладѣ много чертъ родового быта.

Спрашивается теперь, оправдываетъ ли исторія этихъ народовъ ту гипотезу, на которую невольно наводитъ изученіе этихъ переживаній: другими словами, въ правѣ ли мы говорить о родовомъ бытѣ, какъ о присущемъ всѣмъ имъ въ равной степени въ самой колыбели ихъ развитія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы представимъ въ слѣдующей главѣ.

---

*) Личное сообщеніе французскаго географа Морпнъ, проведшаго прошлымъ лѣтомъ (1904 г.) въ испанской Галиціи цѣлыхъ четыре мѣсяца.

ГЛАВА II.

Родовой бытъ въ прошедшемъ тѣхъ же арійцевъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ представленъ нами рядъ переживаній той стадіи общественнаго развитія, которая характеризуется господствомъ кровнаго начала; эти переживанія только въ томъ случаѣ могутъ быть признаны доказательствомъ родового характера отношеній у древнихъ арійцевъ, если въ историческихъ свидѣтельствахъ, данныхъ языка и миѳологіи мы не найдемъ ничего противорѣчащаго такому положенію. Отсюда необходимость предварительнаго изученія этихъ данныхъ и провѣрки ими уже добытыхъ результатовъ.

Древнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ арійцевъ—тѣ, которыя сообщаетъ намъ «Ригъ-Веда», сборникъ религіозныхъ гимновъ, всего менѣе разсчитанныхъ, разумѣется, на то, чтобы быть описаніемъ юридическихъ обычаевъ. Въ этихъ гимнахъ, въ тѣхъ обращеніяхъ, какія молящійся дѣлаетъ различнымъ божествамъ индусскаго пантеона [31], неоднократно попадаются отдѣльныя слова и цѣлыя выраженія для обозначенія слѣдующихъ понятій: понятія племени, рода, села, большой и малой семьи. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ стиховъ, въ которыхъ попадаются эти термины. Слово «jana», племя, употребляется «Ригъ-Ведою» въ приложеніи къ баратамъ, одному изъ арійскихъ народцевъ Индіи. Короля или раджу ихъ «Ригъ-Веда» называетъ въ одномъ мѣстѣ—«janasya», племенной — доказательство тому, что король стоялъ во главѣ племени.

Первостепеннымъ подраздѣленіемъ по отношенію къ «jana», пле-

мени, является «viç»—родъ. «Ригъ-Веда» упоминаетъ о нѣсколькихъ «viç», какъ образующихъ своимъ соединеніемъ племя баратовъ. О королѣ говорится въ «Ригъ-Ведѣ» какъ о лицѣ, котораго «желаютъ видѣть во главѣ себя всѣ роды (viç) одного и того же племени—«jana».

Родъ «viç» занимаетъ своими членами нерѣдко нѣсколько поселеній (grâma). Эти поселенія составлены изъ бо́льшаго или меньшаго числа дворовъ, всѣ члены которыхъ родственны между собою; другими словами, родъ развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ подраздѣленій; каждое изъ нихъ составляютъ ближайшіе родственники, обозначаемые словомъ «subandhu». Самое же подраздѣленіе носитъ наименованіе «janman». Въ одномъ изъ гимновъ мы читаемъ: кто желаетъ имѣть на своей сторонѣ отца боговъ, тотъ да приноситъ ему жертвоприношенія. Исполняющему это предписаніе гимнъ обѣщаетъ: добычу отъ непріятелей и богатство отъ людей; это богатство, значится въ немъ, доставятъ ему племя (jana), село (viç), союзъ болѣе близкихъ родственниковъ (janman) и, наконецъ, его семья. Въ этомъ перечисленіи одинъ за другимъ слѣдуютъ тѣ союзы, въ которыхъ проходила жизнь древнихъ арійцевъ: племя, родъ, большая и малая семья. Это тѣ самые союзы, которые на правахъ переживаній доселѣ продолжаютъ держаться въ нѣкоторыхъ частяхъ Индостана.

Замѣчательно при этомъ, что терминъ, употребляемый «Ригъ-Ведою» для обозначенія союза ближайшихъ родственниковъ или «janman», часто стоитъ на мѣсто «grâma» — наименованія села, обстоятельство, на основаніи котораго Циммеръ, авторъ сочиненія «Жизнь древнихъ индусовъ», рѣшается утверждать, что у нихъ жители села были между собою въ родствѣ, другими словами, что село было осѣвшимся родомъ или подраздѣленіемъ рода.

Только-что указанная организація кладетъ свой отпечатокъ и на устройство индусскаго войска. Гимны «Ригъ-Веды», упоминая о подраздѣленіяхъ арміи, употребляютъ слово «viç» — родъ «viçamviçam». Нерѣдко также они говорятъ о «viçah», воюющихъ, другими словами—о «родахъ», члены которыхъ сплошною массою идутъ на непріятеля, образуя собою одно изъ подраздѣленій войска — племени. Общественная организація, сказали мы, отражается и на устройствѣ индусскаго ополченія, мы могли бы выразиться — цѣликомъ переносится на него. Поэтому, слѣдуя подраздѣленію племени на роды, союзы болѣе близкихъ родственниковъ и малыя семьи, индусское войско не только распадается на родовые отряды, но эти послѣдніе дѣлятся, въ свою очередь, на второстепенныя группы, причемъ связующимъ началомъ между воюющими бокъ-о-бокъ является кровное родство. Вотъ почему также о начальникахъ низшихъ подраздѣленій войска говорится какъ о семейныхъ главахъ (culapâ). Эти «culapâ»

приводятъ свои отряды начальнику сельскаго войска (vrajapati), который, въ свою очередь, соединяясь съ предводителями другихъ сельскихъ ополченій, образуетъ родовой отрядъ; соединеніе же нѣсколькихъ такихъ отрядовъ и составляетъ войско племени. Обратимъ при этомъ вниманіе на то обстоятельство, что о лицахъ, входящихъ въ сельскій отрядъ, гимны «Ригъ-Веды» говорятъ какъ о родственникахъ. Итакъ, войсковое устройство древнихъ индусовъ проникнуто кровнымъ началомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и общественное, другими словами, оно—снимокъ съ послѣдняго *).

Свѣдѣнія, доставляемыя намъ «Ригъ-Ведою» о родовомъ бытѣ, восполняются тѣми, которыя на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники индусскаго права. Въ сводѣ «Ману» [32] этотъ бытъ, правда, является уже болѣе или менѣе разложившимся, но это обстоятельство не имѣетъ для насъ большаго значенія, разъ мы признаемъ, вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ и Мэномъ, сравнительно позднее происхожденіе какъ самаго свода, такъ и дошедшей до насъ редакціи его. Браминское право неблагопріятно родовой нераздѣльности: чѣмъ больше семей, тѣмъ больше число жертвенныхъ очаговъ и тѣмъ значительнѣе приношенія въ пользу жреческаго сословія. Не мудрено поэтому, если «Ману» не только дозволяетъ, но и рекомендуетъ семейные раздѣлы. Послѣдствіемъ ихъ является постоянное увеличеніе числа пожертвованій, такъ какъ каждое изъ отдѣлившихся семействъ поддерживаетъ свой домашній культъ. Поэтому раздѣлъ семей согласенъ съ закономъ **).

Проводя то же воззрѣніе, одинъ изъ новѣйшихъ индусскихъ сводовъ, «Віаса», слѣдующимъ образомъ высказываетъ свое отношеніе къ раздѣламъ. «Культъ предковъ», значится въ немъ, «имѣетъ несомнѣнно меньшее число очаговъ въ томъ случаѣ, когда родственники живутъ вмѣстѣ; отсюда —польза и даже необходимость семейныхъ раздѣловъ для душъ усопшихъ предковъ ***).

Другой сводъ, «Куллука», въ тѣхъ же видахъ называетъ семейные раздѣлы похвальными ****). Другая причина побуждаетъ еще браминское право стать на сторону раздѣловъ, сдѣлаться противникомъ архаическаго начала недѣлимой и неотчуждаемой родовой и семейной собственности. Эта причина лежитъ въ самой этой неотчуждаемости. Распоряженіе родовою собственностью предполагаетъ согласіе всѣхъ членовъ кровнаго союза; такое согласіе достигается нелегко. А между

*) «Altindisches Leben», von Heinrich Zimmer. Berlin, 1876 г; стр. 159—162.

**) «Ману», кн. IX, §§ III.

***) Ковалевскій, «Общинное землевладѣніе», стр. 114.

****) «Mayne, «Hindu Law and Usage», стр. 192.

гѣмъ даренія, иначе говоря, безвозмездныя отчужденія,—тотъ источникъ, изъ котораго жреческое сословіе почерпаетъ средства для своего существованія. Мыслимо ли послѣ этого сочувственное отношеніе съ его стороны къ началу родового и семейнаго единства, дальнѣйшее удержаніе котораго препятствуетъ накопленію недвижимой собственности въ его рукахъ? Очевидно, нѣтъ. Всячески содѣйствуя его разложенію, индусскіе своды, не исключая «Ману», поставлены въ то же время въ необходимость неоднократно упоминать о немъ хотя бы для того, чтобы установить нѣкоторыя границы по отношенію къ его дальнѣйшему господству. По смерти отца и матери, постановляетъ статья 105 книги IX, старшій сынъ вступаетъ въ управленіе всѣмъ достояніемъ семьи; остальные братья живутъ подъ его попечительствомъ подобно тому, какъ прежде они жили подъ главенствомъ отца *).

Что значатъ эти постановленія, какъ не то, что собственностью, по своду «Ману», владѣютъ не частныя лица, а нераздѣльныя семьи, члены которыхъ связаны между собою какъ общностью экономическихъ интересовъ, такъ и кровнымъ родствомъ. Старшему родственнику въ нихъ (отцу или старшему брату, по смерти отца) принадлежитъ только завѣдываніе общимъ достояніемъ семьи; распоряженіе же семейною собственностью сосредоточивается въ рукахъ всей совокупности ея членовъ. Обнимая однимъ словомъ эти различные признаки, мы не ошибемся, утверждая, что своду «Ману» извѣстна большая семья или семейная община.

Если новѣйшіе своды еще содержатъ въ себѣ слѣды прежняго родового единства, то, по отношенію къ болѣе раннимъ, менѣе проникнутымъ разлагающимъ вліяніемъ браманизма, можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ кровное начало является вполнѣ жизненнымъ и опредѣляетъ собою различнѣйшія проявленія общественности.

Одинъ изъ древнихъ сводовъ, «Ушанасъ» **), говоря о недвижимой собственности, принадлежащей цѣлому роду, объявляетъ ее недѣлимою. Вотъ буквальный переводъ самаго текста: «собственность нераздѣльна между родственниками, состоящими между собою даже въ тысячной степени родства» ***). «Митакшара» [33] къ этой чертѣ родового владѣнія присоединяетъ еще слѣдующую. По отношенію къ недвижимой собственности отчужденіе не дозволяется (очевидно, управителю родового или семейнаго достоянія), а въ другомъ мѣстѣ: земля

*) Ковалевскій; стр. 91.
**) См. Monier Williams, «Indian Wisdom», стр. 304.
***) Mayr, «Das indische Erbrecht», стр. 51.

переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія шестью различными способами, въ числѣ которыхъ стоитъ «согласіе родственниковъ» и, какъ отдѣльный способъ, «согласіе наслѣдниковъ»; другими словами—распоряженіе и въ частности отчужденіе недвижимой собственности зависитъ не отъ воли лица, стоящаго во главѣ рода или семейства, а отъ согласія всѣхъ членовъ родового союза (всѣхъ родственниковъ) и всѣхъ членовъ семейнаго союза (всѣхъ возможныхъ наслѣдниковъ). Итакъ, нераздѣльная и неотчуждаемая родовая и семейная собственность извѣстна древнему индусскому праву. Развитіе послѣдняго отправляется отъ эпохи существованія такой собственности, а слѣдовательно и тѣхъ союзовъ, по отношенію къ которымъ она является матеріальною основою.

Отъ этой родовой нераздѣльности и неотчуждаемости позднѣйшее право сохранило цѣлый рядъ характерныхъ особенностей. Ею объясняется, между прочимъ, существованіе, если не въ писанномъ, то въ обычномъ правѣ такъ называемой родовой преэмпціи, другими словами—предпочтительной покупки родственниками участка, отчуждаемаго кѣмъ-либо изъ ихъ среды *).

Только-что приведенные тексты являются, впрочемъ, единственными указаніями на существованіе, рядомъ съ нераздѣльною семейною собственностью, собственности болѣе численныхъ по своему составу кровныхъ союзовъ, другими словами, родовъ. Большинство сводовъ застаетъ индусское общество на той стадіи его развитія, при которой отъ первоначальнаго родового единства уцѣлѣло одно единство семейное, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ семьею союзъ не однихъ родителей и дѣтей, а всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлею и участвующихъ въ жертвоприношеніи общему предку (sapindas). Въ составъ этой нераздѣльной семьи входятъ, по описанію «Бодаяны», одного изъ раннихъ сводовъ, прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сыновья, внуки и правнуки **), очевидно каждый со своею семью. По составу своему семейная община древнихъ индусскихъ сводовъ не отличается, такимъ образомъ, ничѣмъ существенно отъ тѣхъ семейныхъ общинъ, которыя на протяженіи всего арійскаго міра, въ томъ числѣ и самой Индіи, попадаются и въ настоящее время на правахъ переживаній. Это та же большая великорусская семья или юго-славянская задруга. Во главѣ ея стоитъ старшій по возрасту, поэтому всегда отецъ семьи, по смерти же его старшій сынъ. Завѣдываніе семейнымъ имуществомъ сосредоточивается въ рукахъ главы; остальные члены семьи въ правѣ требовать содержанія, но не могутъ вынуждать раздѣла или

*) Mayne, «Hindu law and usage», стр. 187.
**) Maine, «Early law and usage», стр. 112.

настаивать на производствѣ имъ выдѣла изъ семейной собственности. Отчужденіе требуетъ согласія всѣхъ членовъ семьи. Все пріобрѣтенное частнымъ лицомъ поступаетъ на первыхъ порахъ въ общую казну, идетъ на удовлетвореніе общихъ потребностей. И это не удивительно. При слабомъ развитіи обмѣна и господствѣ домашняго производства, заработокъ на сторонѣ былъ фактически немыслимъ. Понятно поэтому, если въ древнѣйшій періодъ самый вопросъ о томъ, что входитъ въ составъ общаго имущества, а что составляетъ частную собственность, «peculium» того или другого изъ членовъ семьи, употребляя римскую терминологію, вовсе не могъ быть поставленъ. А это обстоятельство, въ свою очередь, породило слѣдующія послѣдствія. Когда развитіе обмѣна вызвало желаніе создавать цѣнности для удовлетворенія не однѣхъ личныхъ или семейныхъ потребностей, но и потребностей постороннихъ лицъ и семей, и эти цѣнности пріобрѣли рыночную цѣну, прежній порядокъ поступленія въ общую казну продуктовъ частнаго труда ея членовъ наложилъ свой отпечатокъ и на порядокъ распоряженія личными заработками. Одна треть этихъ заработковъ начала поступать въ семейную казну; двѣ трети удерживаемы были самимъ пріобрѣтателемъ *). Съ теченіемъ времени установилось воззрѣніе, что только тѣ цѣнности, которыя были пріобрѣтены частнымъ лицомъ безъ содѣйствія семейнаго имущества, становятся его личною собственностью; всѣ же остальныя признаются собственностью семейною. Вопросъ о томъ, какіе виды пріобрѣтаемыхъ имуществъ должны быть отнесены къ той или другой категоріи, рѣшался различно въ разныя эпохи правового развитія индусовъ. Повидимому, право личной собственности было признано прежде всего по отношенію къ добычѣ, отнятой у непріятеля, такъ какъ прямымъ источникомъ ея пріобрѣтенія являются личное удальство, личная энергія и храбрость. Нѣсколько позднѣе индусскіе своды признали право частной собственности и по отношенію къ цѣнностямъ, добытымъ личнымъ знаніемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ индусское право ставитъ однако, слѣдующее ограниченіе: необходимо, чтобы пріобрѣтеніе чего-либо храбростью или знаніемъ произошло безъ помощи семейнаго капитала. Поэтому разъ частное лицо получаетъ воспитаніе насчетъ семьи, всѣ позднѣйшія пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ при содѣйствіи накопленнаго знанія, поступаютъ уже не къ нему, а къ семьѣ. Точно также, если въ походѣ частное лицо пользовалось семейною колесницею или семейнымъ оружіемъ, его добыча идетъ на пользу всей семьи, а не составляетъ исключительнаго достоянія его одного.

---

*) «Vassishta», 25, цитируемая Mayer, «Indisches Erbrecht», стр. 29.

Съ этой точки зрѣнія, къ числу имуществъ, поступающихъ въ личную, а не семейную собственность, отнесено было со временемъ не только приносимое женою приданое, но и пріобрѣтенная ею у семьи на личныя средства наслѣдственная собственность.

Дальнѣйшій процессъ разложенія семейнаго достоянія не входитъ въ область нашего изученія. Мы ограничимся поэтому только краткимъ указаніемъ тѣхъ сторонъ быта, на которыхъ всего нагляднѣе отразился этотъ процессъ.

Въ «Митакшарѣ», сравнительно близкой къ намъ по времени, право требовать выдѣла изъ семейной собственности признается за сыномъ даже при жизни отца и матери; права этого отнюдь не признаютъ за нимъ древнѣйшіе своды. Въ этой возможности ежечаснаго выхода изъ семьи съ сохраненіемъ причитающейся доли семейнаго имущества сказывается перемѣна въ самыхъ воззрѣніяхъ на характеръ и цѣли, преслѣдуемыя семейною общиною. Союзъ, опирающійся на кровную связь, скрѣпляемый родственными узами его членовъ, со временемъ становится чѣмъ-то похожимъ на основанную на паяхъ производительную ассоціацію, выходъ изъ которой съ возвращеніемъ пая дозволяется въ каждый данный моментъ.

Другимъ проявленіемъ того же процесса разложенія семейнаго единства и упадка поддерживающаго его кровнаго начала является бо́льшая, сравнительно съ прежнимъ, свобода отчужденій. «Митакшара» допускаетъ дареніе изъ недвижимой собственности семьи, какъ со стороны отца, такъ и со стороны любого изъ ея членовъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дареніе производимо было съ благочестивою цѣлью, другими словами—въ пользу касты жрецовъ-браминовъ. «Катіаяна», «Гаринита» и другіе новѣйшіе своды признаютъ, въ свою очередь, дѣйствительными тѣ даренія, которыя въ пользу духовенства произведены будутъ кѣмъ-либо на смертномъ одрѣ. Поступая такимъ образомъ, они кладутъ начало завѣщательному праву, о которомъ въ древнѣйшихъ сводахъ не было и помину *).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что какъ въ эпоху «Ригъ-Веды» такъ и ко времени составленія древнѣйшихъ сводовъ, индусское общество жило родовыми союзами, обломками которыхъ являются современныя семейныя общины. Какъ и повсюду, родовой бытъ приходитъ у индусовъ въ упадокъ съ момента замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ, съ развитіемъ обмѣна и появленіе ихъ мѣновыхъ цѣнностей. Разложенію его способствовалъ въ значительной степени тотъ антагонизмъ, какой нераздѣльность и неотчуждаемость родовой и семейной собственности должны были вызвать въ членахъ жрече-

*) Мануе, гл. VIII и X.

ской касты. Подъ вліяніемъ браманизма, позднѣйшее право благопріятствуетъ раздѣламъ и вводитъ совершенно новое начало свободы дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій; практическое же примѣненіе этихъ началъ въ конечномъ результатѣ ведетъ къ совершенному вымиранію архаическаго принципа кровнаго единства.

Отъ индусовъ мы перейдемъ къ иранцамъ. Древнѣйшія данныя объ общественномъ ихъ бытѣ даетъ намъ Геродотъ. Въ части первой кн. 125 онъ говоритъ, что персы распадались на 10 родовъ, которые, въ свою очередь, обнимали нѣсколько колѣнъ, обозначаемыхъ имъ греческимъ терминомъ «фратрій». Въ древнемъ памятникѣ зендской литературы—въ «Вендидадѣ»—мы находимъ матеріалъ для провѣрки и восполненія вышеприведеннаго свидѣтельства. Этотъ памятникъ упоминаетъ о существованіи у древнихъ персовъ слѣдующихъ общественныхъ союзовъ: 1) лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ; наименованіе этого союза «nmana». Онъ составляетъ низшее подраздѣленіе персидскаго общества. За нимъ слѣдуетъ 3) родъ—«viç». Замѣтимъ, что родъ на языкѣ персовъ носитъ то же наименованіе, какое принадлежитъ ему въ древнѣйшемъ памятникѣ санскритской литературы—въ «Ригъ-Ведѣ». Еще болѣе численный союзъ составляетъ 3) племя—«zantu». Такъ какъ нѣсколько племенъ нерѣдко поселены бываютъ въ предѣлахъ одной и той же области, то 4) область (daghu) является какъ бы высшимъ, не только территоріальнымъ, но и личнымъ союзомъ по отношенію къ племени. Только приблизительное понятіе о числѣ членовъ каждаго изъ этихъ союзовъ даетъ напечатанный Бюрнуфомъ отрывокъ изъ «Яджна». Въ этомъ отрывкѣ Неріозенгъ говоритъ о «nmana», какъ о союзѣ мужа и жены; такимъ образомъ «nmana»—не иное что, какъ малая семья. «Viç», по его словамъ, заключаетъ въ себѣ пятнадцать паръ, «zantu»—30, daghu—50. Очевидно, что въ приведенномъ текстѣ нельзя видѣть доказательства численной опредѣленности личнаго состава вышеупомянутыхъ кровныхъ союзовъ. Онъ могъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ больше или меньше названнаго. Тѣмъ не менѣе, только-что упомянутыя числовыя данныя не лишены интереса. Изъ нихъ видно, что процессъ разложенія кровныхъ союзовъ достигъ у древнихъ персовъ той ступени развитія, при которой происходитъ выдѣленіе малой семьи и образованіе изъ нея самостоятельнаго союза, члены котораго—мужъ, жена и дѣти—живутъ особнякомъ отъ другихъ родственниковъ въ собственномъ домѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ о личномъ составѣ различныхъ общественныхъ группъ у древнихъ персовъ мы можемъ прибавить слѣдующее о характерѣ управленія ими. Каждая состоитъ въ завѣдываніи и подъ начальствомъ особаго главы. Имъ является старшій родственникъ: въ семьѣ—отецъ, въ родѣ—родовой, а въ племени—племенной старшина. Тогда какъ у индусовъ въ эпоху

«Ригъ-Веды» село — «grâma» — представляло уже нѣчто отличное отъ рода — «viç», какъ слѣдуетъ изъ самаго факта обозначенія его особымъ терминомъ, у персовъ родъ совпадаетъ съ селеніемъ: одно и то же слово «viç» выражаетъ собою какъ то, такъ и другое понятіе. Это, очевидно, объясняется тѣмъ, что село было не болѣе какъ осѣвшимся родомъ, и такимъ образомъ прямо подтверждаетъ мысль о родовомъ бытѣ, какъ объ исходномъ моментѣ въ развитіи иранцевъ *). Таковы тѣ отрывочныя и скудныя указанія, какими располагаетъ изслѣдователь древнѣйшаго быта персовъ. При всей ихъ неполнотѣ, они все же даютъ право утверждать, что общественное развитіе персовъ, подобно индусскому, открывается эпохою господства кровныхъ союзовъ.

Чтобы покончить съ арійскими народностями древняго міра, намъ необходимо остановиться еще на характеристикѣ общественнаго устройства грековъ и римлянъ.

Замѣтимъ съ самаго начала, что наши свѣдѣнія по этому вопросу далеко не отличаются обиліемъ и полнотою. Причина тому лежитъ въ недостаточности источниковъ. Если не говорить объ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», въ которыхъ, какъ и во всякаго рода эпическихъ поэмахъ, самыя условія народнаго быта затрогиваются только случайно, все, что мы знаемъ о древнѣйшемъ строѣ общественныхъ отношеній у грековъ, сводится, по справедливому замѣчанію Гильберта, къ отрывочнымъ указаніямъ позднѣйшихъ по времени «грамматиковъ» и «лексикографовъ» **).

Еще скуднѣе тѣ свѣдѣнія, какія для рѣшенія поставленнаго вопроса заключаютъ въ себѣ римскіе источники. Изслѣдователи греческихъ древностей въ состояніи опереться, по крайней мѣрѣ, на тѣ, правда, неполныя и случайныя указанія, какія по занимающимъ ихъ вопросамъ представляютъ народныя эпопеи; ничего подобнаго имъ не имѣетъ передъ собою занимающійся римскими древностями. Все, чѣмъ онъ располагаетъ, сводится къ записаннымъ анналистами легендамъ или къ отрывочнымъ и, главное, позднимъ свидѣтельствамъ Законовъ Двѣнадцати таблицъ и Институцій Гая [34].

Не удивительно, если, въ виду такого состоянія источниковъ, мы поставлены въ необходимость совершенно отказаться отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ,—въ частности вопроса о древнѣйшемъ характерѣ греческихъ и римскихъ родовъ, и ограничиться изученіемъ скорѣе переживаній родового быта у классическихъ народовъ, нежели исторіею его происхожденія и развитія.

---

*) «Ostiranische Kultur im Altertum», von W. Geiger, стр. 412.
**) «Handbuch der griechischen Staatsalterthümer».

Сокращая, такимъ образомъ, нашу задачу, мы начнемъ съ установленія факта существованія въ легендарной Греціи, съ одной стороны, родовыхъ, съ другой—семейныхъ общинъ. «Иліада» и «Одиссея» равно упоминаютъ о нихъ, описывая устройство греческаго войска. Наиболѣе рѣшительное указаніе на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ слѣдующіе два стиха «Иліады», которые мы приведемъ цѣликомъ въ переводѣ Гнѣдича. Во II пѣснѣ Гомеръ, передавая содержаніе совѣта, даннаго Агамемнону Несторомъ, влагаетъ въ уста послѣдняго, между прочимъ, слѣдующія слова:

Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя.

(Стихи 362 и 363 *).

Позднѣе въ Аѳинахъ, какъ слѣдуетъ изъ свидѣтельства Изея, сынъ всегда отправлялъ военную службу съ филою и демомъ своего родителя **).

Военное устройство древнихъ грековъ, очевидно, было снимкомъ съ гражданскаго, точь-въ-точь какъ мы видѣли это въ древней Индіи. Отсюда то заключеніе, что и въ мирное время греки временъ Гомера жили тѣми же родовыми и семейными общинами, изъ которыхъ состояли низшія и второстепенныя дѣленія ихъ войска. Родовое начало сказывается также въ легендарной Греціи въ господствѣ кровнаго возмездія, осуществляемаго не одними ближайшими, но и отдаленными родственниками и даже свойственниками потерпѣвшаго въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мстителями являются сыновья и отецъ; затѣмъ — братья, сперва родные, а потомъ двоюродные ***). Опасеніе мести со стороны братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ убитаго имъ соотечественника побуждаетъ Теоклимена искать убѣжища у Телемаха, какъ разсказываетъ о томъ «Одиссея» ****).

Въ исторической Греціи организація, основанная на кровномъ началѣ, встрѣчается одинаково какъ у дорійской, такъ и іонійской народности, въ частности у ихъ главныхъ представителей—спартанцевъ и аѳинянъ.

---

*) См. также «Одиссею», пѣснь XV, ст. 409, и XIX, ст. 377.—Thonissen, «Le droit criminel de la Grèce légendaire».

**) Isaeus, II, 36 и 42. См. Hugh Seebohm, «On the structure of greek tribal society», стр. 20.

***) Leist, «Graeco-Italische Rechtsgeschichte», стр. 42.

****) У убитаго мною человѣка много родственниковъ въ Аргосѣ; я боюсь смерти отъ ихъ рукъ и пребываю въ изгнаніи («Одиссея», XV, 272.).

Спартіаты (въ тѣсномъ смыслѣ, не включая въ ихъ число періойковъ и гелотовъ), какъ видно изъ Геродота, дѣлились на три вѣтви, названія которымъ—Гиллеи, Диманы и Памфилы. Каждая изъ этихъ вѣтвей считала себя происходящею отъ одного изъ сыновей Дора, родоначальника всѣхъ дорійцевъ. Замѣчательно, что тѣ же три вѣтви встрѣчаются въ любомъ изъ дорическихъ государствъ. Каждая изъ нихъ распадается, въ свою очередь, на тридцать «объ» или «фратрій». Древность этихъ дѣленій выступаетъ уже изъ того факта, что къ нимъ пріурочены древнѣйшія изъ публичныхъ должностей Спарты: такъ, напр., герусію или аристократическій сенатъ составляютъ 30 геронтовъ, по десяти отъ каждаго изъ родовъ; каждый поставляетъ по 100 всадниковъ, въ общемъ 300 и т. п.—Вотъ все, что намъ извѣстно о родовомъ устройствѣ древней Спарты. Слѣдомъ этого родового устройства до послѣднихъ годовъ существованія Спартанской республики остаются тѣ нераздѣльныя семьи, о которыхъ, со словъ Тимея, говоритъ Полибій, разумѣя подъ ними естественные союзы, составленные изъ братьевъ, продолжающихъ владѣть сообща имуществомъ, послѣ смерти родителя, жить подъ одною кровлею и совершать жертвоприношенія предкамъ на фамильномъ очагѣ. Распорядителемъ общаго семейнаго имущества и представителемъ остальныхъ братьевъ въ ихъ сношеніяхъ съ публичными властями является старшій братъ, носящій характерное названіе «поддержателя семейнаго очага *).

Отъ Спарты перейдемъ къ Аѳинамъ. Въ основѣ общественнаго устройства аѳинянъ до временъ Клисѳена лежитъ подраздѣленіе ихъ на четыре филы—гелеонтовъ, гоплитовъ, эгикореевъ и аргадеевъ. Подобно дорическимъ, іоническія филы производятъ себя отъ общаго родоначальника Іона. Названіе послѣднихъ трехъ филъ въ буквальномъ переводѣ указываетъ на важнѣйшее занятіе, которому предавались ихъ члены. Гоплиты — воины, эгикореи — пастухи, аргадеи — земледѣльцы. Въ противоположность прежнимъ толкователямъ, видѣвшимъ въ дѣленіи на филы своего рода кастическое устройство, новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что названія отдѣльныхъ филъ указываютъ только на преобладаніе извѣстныхъ занятій въ тѣхъ территоріальныхъ округахъ, къ которымъ пріурочены были со временемъ отдѣльныя филы **). Какъ дѣленіе на три филы встрѣчается въ любой изъ дорійскихъ «политій» [35], такъ точно дѣленіе на четыре филы попадается сплошь и-рядомъ въ древнѣйшихъ колоніяхъ, основанныхъ іонійцами. Оно замѣтно возрастаетъ въ позднѣйшихъ. Наибольшее

---

*) «Institutions sociales de Sparte», par Claudio Janet, 2 éd., стр. 22 и 88.
**) Gilbert, «Handbuch der Griechischen Staatsalterthümer», стр. 110.

число филъ встрѣчаемъ мы въ Милетѣ, счетомъ 12 *). Въ нашу задачу не входитъ обстоятельная характеристика этихъ союзовъ. Мы ограничимся поэтому замѣчаніемъ, что въ историческую эпоху въ нихъ слѣдуетъ видѣть союзы религіознаго характера. Какъ таковые, филы являются очагами культа, совершаемаго каждою въ честь ея спеціальнаго патрона—бога или героя. Заботы объ этомъ культѣ возлагаются на особаго начальника — фило-базилевса **). Филы являются каждая соединеніемъ трехъ фратрій. Связь этихъ фратрій съ родовымъ устройствомъ наглядно выступаетъ изъ того, что усыновленіе чужеродца въ Аѳинахъ считалось состоявшимся только подъ условіемъ представленія его усыновителемъ членамъ своей фратріи, которые большинствомъ голосовъ рѣшали вопросъ о его принятіи въ свою среду. По окончаніи этой процедуры, слѣдовало включеніе усыновленнаго въ реестры или именные списки членовъ фратріи ***). Согласно законамъ Дракона, обязанность мщенія падала совмѣстно сверхъ ближайшихъ родственниковъ на двоюродныхъ братьевъ и ихъ исходящихъ и членовъ одной фратріи ****). Фратріи распадаются всѣ вмѣстѣ на 360 геносовъ, считая по 30 на каждую фратрію. Грамматики и лексикографы, которымъ мы обязаны нашими свѣдѣніями объ этой своеобразной организаціи, прибавляютъ, что каждый геносъ, въ свою очередь, состоялъ изъ 30 семействъ. Гротъ справедливо видитъ въ такой строгой численной опредѣленности не болѣе какъ вымыселъ какого-то изобрѣтательнаго археолога, который, отправляясь отъ числа мѣсяцевъ въ году и числа дней въ мѣсяцѣ, придумалъ для древнѣйшаго періода аѳинской жизни эту весьма искусственную систему. Наше вниманіе останавливаетъ въ ней только фактъ включенія въ фратрію нѣсколькихъ геносовъ и составленіе послѣднихъ изъ ряда семействъ. Если мы зададимся вопросомъ о томъ, что связывало между собою членовъ этихъ геносовъ, то въ отвѣтъ на это мы должны будемъ поставить на первомъ планѣ: 1) культъ общаго предка, обыкновенно признаваемаго геносомъ за его родоначальника; 2) общее мѣсто для погребенія; 3) обязанность взаимной поддержки и защиты на судѣ; 4) нерѣдкое существованіе общей родовой собственности; 5) право вступать въ бракъ съ сиротами-наслѣдницами всего оставленнаго отцомъ имущества—эпиклерами; 6) право взаимнаго наслѣдованія, въ случаѣ окончательнаго вымиранія той или

---

*) Arnold Hug, «Studien aus dem klassischen Alterthum», стр. 2.

**) За болѣе подробною характеристикою филъ и фратрій мы отсылаемъ читателя къ Фюстелю: «Гражданская община античнаго міра», ч. II, гл. I.

***) Isaeus, VI, 25 (цитата Себома, стр. 36).

****) См. Hugh Seebohm, стр. 76.

другой семьи. Характерную особенность аѳинскихъ геносовъ въ эпоху нашего ближайшаго знакомства съ ними составляетъ сообщаемый Поллуксомъ фактъ, что члены ихъ не всегда были родственниками, хотя и приписывали себѣ общее происхожденіе, нерѣдко даже въ 16 степени, отъ какого-нибудь бога или героя—доказательство тому, что къ составу геносовъ частныя лица и цѣлыя семьи причисляемы были нерѣдко и на основаніи искусственнаго родства, каждый разъ создаваемаго путемъ усыновленія *).

Въ сочиненіи Лейста, «Graeco-Italische Rechtsgeschichte», сдѣлана попытка соединить воедино всѣ тѣ отрывочныя указанія, какія источники даютъ намъ о гентильной организаціи древнихъ Аѳинъ. Характеръ матеріала—причина тому, что нѣмецкій ученый прибавляетъ сравнительно мало новаго къ тому, что раньше его было извѣстно на этотъ счетъ. Любопытнѣйшій результатъ его изслѣдованій представляетъ въ моихъ глазахъ тотъ выводъ, что внутренняя организація греческаго геноса была та же, что и внутренняя организація индійскаго рода: подобно тому, какъ въ Индіи между родственниками различались ближайшіе — восходящіе и нисходящіе въ трехъ степеняхъ, именуемые терминомъ sapindas, и болѣе отдаленные члены рода — samánódase, такъ точно въ греческомъ мы встрѣчаемъ противоположеніе тѣхъ и другихъ: первыхъ подъ названіемъ anchisteis и вторыхъ — anepsiadoi. Только на первыхъ, одинаково въ Индіи и Греціи, падала ближайшая обязанность погребенія и почитанія мертвыхъ. Она переходила на послѣднихъ только при совершенномъ ихъ вымираніи. Положеніемъ, занимаемымъ ими по отношенію къ погребенію и къ культу усопшихъ, опредѣляются и дальнѣйшія ихъ права и обязанности по отношенію къ родству, въ частности обязанность продолжать родъ усопшаго въ случаѣ его бездѣтной смерти. Достигается эта цѣль двоякимъ образомъ: или тѣмъ, что ближайшій родственникъ изъ числа anchisteis беретъ себѣ въ жены старшую дочь покойнаго (эпиклеру), наслѣдуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оставленное ея отцомъ имущество, или же, при необезпеченности сироты и нежеланіи вступить съ ней въ бракъ, дѣлаетъ ей приданое въ положенномъ закономъ размѣрѣ и выдаетъ ее замужъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково дѣти, рожденныя отъ такого брака съ эпиклерой, считаются дѣтьми ея покойнаго отца и продолжателями семейнаго культа.

Изъ сказаннаго видно, что наслѣдованіе у аѳинянъ идетъ за одно съ обязанностью поддержанія культа предковъ и обусловленной имъ необходимости не дать угаснуть роду. То же можетъ быть ска-

*) Гротъ, «Исторія Греціи», ч. II, гл. III.

зано и о кровной мести. Она такъ же, какъ и право наслѣдованія, падаетъ на ближайшаго по степени родства изъ anchisteis. Въ историческую эпоху отъ этой обязанности мести удержалось одно лишь преимущественное право обжалованія тѣми же ближайшими anchisteis преступленій, совершенныхъ надъ ихъ единокровными. Изъ того же источника вытекало право ихъ не свидѣтельствовать на судѣ противъ родственника или выступать въ его защиту и право быть опекуномъ въ случаѣ сумасшествія кого-либо изъ ихъ среды *).

Геносъ, сказали мы, состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Эти семьи являлись въ Аѳинахъ такими же землевладѣльческими союзами, какими онѣ были въ Спартѣ. Отсутствіе на первыхъ порахъ права завѣщательнаго распоряженія (установленіе послѣдняго приписывается Солону), ограниченіе правоспособности усыновленія случаями отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ и т. д. являются не болѣе, какъ частными послѣдствіями того общаго начала, въ силу котораго отецъ семьи являлся только пожизненнымъ управителемъ ея имущества и лишенъ былъ права свободнаго распоряженія послѣднимъ. Со смертью отца семья не распадалась: раздѣлъ не всегда имѣлъ мѣсто между братьями, и они нерѣдко продолжали владѣть сообща семейнымъ достояніемъ, обыкновенно подъ начальствомъ старшаго. Такой порядокъ вещей продолжалъ держаться еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр., въ эпоху великихъ ораторовъ, рѣчи которыхъ и являются важнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о гражданскомъ правѣ аѳинянъ, въ частности объ ихъ семейномъ устройствѣ **).

Перейдемъ теперь къ другому народу классической древности—къ римлянамъ. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о родовомъ бытѣ у римлянъ является Гай. Этотъ юристъ говоритъ намъ о родовомъ устройствѣ какъ о фактѣ прошлаго, какъ о чемъ-то пришедшемъ въ упадокъ «Cum illic admonuerimus totum gentilicum ius in desuetudinem abire, supervacuum est... de eadem re tractare», говоритъ онъ въ 17 § 3 книги ***).

Если прямыя свидѣтельства о родовомъ устройствѣ принадлежатъ къ сравнительно поздней эпохѣ, эпохѣ его разложенія, то отсюда прямо слѣдуетъ необходимость или, точнѣе говоря, неизбѣжность изученія тѣхъ косвенныхъ указаній, какія на этотъ счетъ содержатъ памятники языка и письменности; эта необходимость вполнѣ

---

*) См. Leist, «Graeco-Italische Rechtsgeschichte», Jena, 1884; стр. 21—54.

**) «De jure familiarum apud Athenienses». Libri tres conscripsit A. H. G. P. Van den Es, стр. 78 и слѣд.—Caillemer, «Le droit de succession légitime à Athénes», гл. I.

***) «Gaii Institutiones» изд. Studemund, стр. 97.

сознается Моммзеномъ, который на 35 страницѣ послѣдняго изданія своей «Римской Исторіи» въ подробности останавливается на разборѣ топографическихъ названій древняго Лаціума.

Результатомъ этого разбора является признаніе ихъ патронимическими. Древнѣйшіе патриціанскіе роды даютъ свое наименованіе тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ они осѣлись. Поэтому Эмиліи, Корнеліи, Фабіи, Горація, Мененіи и т. д. въ одинаковой степени—названія родовъ и территоріальныхъ округовъ. Сообщая эти данныя, Моммзенъ въ то же время замѣчаетъ, что территоріальныя названія общи съ именами однихъ только древнѣйшихъ, отнюдь не позднѣйшихъ пришлыхъ родовъ,—обстоятельство, побуждающее насъ отнести къ глубокой древности первыя основы родового устройства въ Лаціумѣ. Итакъ, основаніе родами, если не непосредственно римской, то латинской гражданственности, отъ которой произошла, какъ извѣстно, римская, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Спрашивается, какія же черты этого древняго родового устройства сохранились въ историческую эпоху римской жизни? Ланге, у котораго сгруппированы почти всѣ эти черты, указываетъ, на основаніи свидѣтельствъ анналистовъ, на 1) принадлежность нѣкоторымъ родамъ родового имущества—ager gentilitium [36], 2) на обозначеніе всѣхъ членовъ рода общимъ родовымъ наименованіемъ, почему юристъ Павелъ и даетъ слѣдующее объясненіе самому термину gentilis: «gentilis dictus est ex eodem genere natus et is qui simili nomine appellatur» [37]. Изъ этихъ словъ видно 3), что къ gentiles вмѣстѣ съ лицами, происходящими отъ общаго родоначальника, принадлежатъ и такія, о которыхъ нельзя сказать, что они ex eodem genere nati» [38], и которые въ то же время носятъ общее родовое прозвище. Кто же эти лица? Это тѣ кліенты [39], которыхъ каждый родъ включаетъ въ свою среду, и въ которыхъ, по вѣрному замѣчанію Нибура, слѣдуетъ видѣть побѣжденныя римлянами семьи древнѣйшихъ поселенцевъ. Этихъ кліентовъ связывала съ родами, къ которымъ они были причислены, общность культа. Предметомъ этого культа являлся для кліентовъ, какъ и для ихъ патроновъ, первый основатель рода. Издержки этого культа оплачивались въ одинаковой мѣрѣ какъ патронами, такъ и кліентами. Въ честь родоначальника совершались такъ назыв. sacra gentilitia [40]. Происхожденіе кліентства Нибуръ, а за нимъ и Ланге, объясняютъ тѣмъ, что обращенные сперва въ рабство туземцы постепенно вернули часть утраченныхъ ими правъ, и въ числѣ ихъ прежде всего личную свободу, удерживая въ то же время подчиненное отношеніе къ тѣмъ родамъ и семьямъ, коихъ они считались общею собственностью *). Перехожу къ перечисленію дру-

*) «Römische Alterthümer», стр. 214—217.

гихъ проявленій родового начала: 4) отъ родового единства ко времени составленія законовъ XII таблицъ сохраняется право законнаго наслѣдованія и законной опеки (tutella legitima) членовъ gens [41], при недостаткѣ болѣе близкихъ родственниковъ со стороны отца, агнатовъ *). Какъ наслѣдовали gentiles, всѣ ли вмѣстѣ, или въ порядкѣ родства съ покойнымъ, остается неизвѣстнымъ. Что касается законной опеки членовъ «gens», то она учреждается не столько ради опекаемаго, сколько ради самого опекуна, который, какъ наслѣдникъ опекаемаго, заинтересованъ въ томъ, чтобы имущество послѣдняго не было расхищено въ его малолѣтство **). Случаи осуществленія членами gens правъ наслѣдованія и опеки продолжаютъ встрѣчаться, хотя и рѣдко, даже во времена Цицерона и Юлія Цезаря. Въ сочиненіи Цицерона, «De oratoribus», упоминается о Клавдіяхъ, которые въ спорѣ съ Марцеллами доказывали, что наслѣдство покойника принадлежитъ имъ по той причинѣ, что они члены одной съ нимъ gens. О подобномъ же случаѣ наслѣдованія членовъ gens во времена Цезаря говоритъ намъ Свѣтоній. Введеніе права завѣщательнаго распоряженія сдѣлало постепенно возможнымъ какъ оставленіе имущества чужеродцамъ, такъ и замѣну законной опеки выборной.

Позднимъ знакомствомъ древнихъ писателей съ родовымъ устройствомъ римлянъ объясняется, по всей вѣроятности, то обстоятельство, что о мести, осуществляемой цѣлыми родами, въ дошедшихъ до насъ свидѣтельствахъ нѣтъ и помину. Право личнаго возмездія, несомнѣнно, допускалось въ Римѣ или, вѣрнѣе сказать, предписывалось, но изъ законовъ XII таблицъ, упоминающихъ о jus talionis [42], не видно, чтобы обязанность мести распространялась на родственниковъ обиженнаго.

Слѣдомъ этого рано исчезнувшаго права родственниковъ на возмездіе является въ историческую эпоху такъ назыв. necis vindicta, которой пользуются одинаково — дѣти, родители, братья, sobrini [43] и consobrini ***). Подъ нею слѣдуетъ разумѣть право преимущественнаго обжалованія вышеназванными лицами случаевъ убійства родственниковъ. То же начало родового заступничества сказывается въ правѣ родителей, дѣтей и братьевъ, помимо довѣренности, выступать ходатаями на судѣ, отстаивая на немъ интересы своихъ родственниковъ ****).

Подобно другимъ народностямъ арійской семьи и римляне въ

---

*) Si adgnatus nec escit, gentiles familiam habento («Leg. XII tabul.», Tabula V. Bruns, стр. 20).

**) Муромцевъ, «Гражданское право древняго Рима», стр. 129.

***) См. Leist, «Graeco Italische Rechtsgeschichte». Jena, 1884, стр. 41.

****) Тамъ же, стр. 41. 43 и 45.

своемъ древнѣйшемъ правѣ сохранили черты архаической семейной нераздѣльности. Въ составъ древне-римской семьи входили: отецъ и мать, сыновья и дочери, внуки и внучки, наконецъ, рабы *). По своей численности названныя лица образуютъ скорѣе семейную общину, нежели малую семью. Говоря о наслѣдованіи «sui», своихъ, т.-е. тѣхъ, которые состояли подъ властью наслѣдодателя до самой его смерти, проф. Муромцевъ мѣтко замѣчаетъ: .«въ строгомъ смыслѣ, преемство своихъ» не было даже наслѣдованіемъ, т.-е. здѣсь не происходило вступленія въ права посторонняго умершаго лица. Уже при жизни своего домовладыки «sui» были участниками въ семейномъ хозяйствѣ; по смерти его они пріобрѣтали независимое юридическое положеніе. Имущество или, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть его, составляла достояніе всей семьи. Воспоминаніе о такомъ порядкѣ сохранилось еще у позднѣйшихъ юристовъ—Гая, Ульпіана и Павла **).

Вотъ, что говоритъ, напр., о наслѣдованіи sui авторъ институцій: Sed 44 sui quidem haeredes ideo appellantur, quia domestici haeredes sunt et vivo quoque parente quodammodo domini existimantur ***). При всемъ томъ въ римской семьѣ нельзя не отмѣтить одной характерной особенности. Особенность эту составляетъ широкое развитіе, которое получила въ ней власть главы семьи—отца. Онъ одинъ «sui juris», всѣ остальные члены семьи—«alieno juri subiecti» 45. Это вѣрный признакъ того, что семейная община у римлянъ вступила уже въ періодъ разложенія. Другимъ такимъ же признакомъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что римское право, въ отличіе отъ другихъ арійскихъ законодательствъ, благопріятно относится къ семейнымъ раздѣламъ. Семья остается единымъ цѣлымъ только при жизни отца. Со смертью же его сыновья становятся свободными и самостоятельными. Они сами становятся домовладыками, хотя бы не были женаты и не имѣли потомства ****).

Тогда какъ въ древнемъ мірѣ индусы, ирландцы, греки и римляне являются крупнѣйшими представителями арійской культуры, въ новомъ—мѣсто ихъ занимаютъ кельты, славяне и германцы. Изученіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ архаическомъ устройствѣ этихъ народностей мы и закончимъ поэтому настоящую главу. Древнѣйшій бытъ кельтовъ сдѣлался предметомъ сколько-нибудь обстоятельнаго изученія лишь за послѣдніе годы и вотъ по какой причинѣ: прямой источникъ для ознакомленія съ нимъ, «Древніе ирландскіе

---

*) Marquardt, «Das Privatleben der Römer», стр. 4—5.
**) Муромцевъ, «Гражданское право древняго Рима», стр. 121.
***) I. §§ 157 (изд. Studemund, стр. 70).
****) Муромцевъ, «Гражданское право древняго Рима», стр. 25.

законы» изданы и переведены на одинъ изъ языковъ современной Европы—англійскій—не болѣе четверти вѣка назадъ.

Все, чѣмъ до этого времени располагала наука, сводилось къ нѣкоторымъ отрывочнымъ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита, къ довольно позднимъ по времени законамъ графства Уэльскаго [46], законамъ XIII столѣтія, къ старинной бретанской кутюмѣ, видоизмѣненной французскими вліяніями, и къ клановымъ распорядкамъ [47] сѣверной Шотландіи, ближайшее знакомство съ которыми начинается только съ XVIII столѣтія. Кельтическая культура древней Галліи такъ рано была романизирована, что изученіе на основаніи ея своеобразныхъ особенностей кельтическаго быта—дѣло немыслимое. Того немногаго, что говорятъ Цезарь и Тацитъ о кельтахъ, недостаточно для того, чтобы прійти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію касательно ихъ внутренняго устройства. Существованіе касты друидовъ [48] само по себѣ нимало не говоритъ о разложеніи родового или семейно-общиннаго строя, такъ какъ тотъ и другой одинаково уживаются съ еще бо́льшимъ развитіемъ жреческаго сословія въ Индіи. Съ другой стороны, параллель съ германцами, проводимая древними писателями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не доказываетъ того, чтобы аналогія существовала и во всѣхъ остальныхъ сторонахъ быта, какъ не прочь думать это нѣкоторые нѣмецкіе историки. При такихъ условіяхъ приходится отказаться отъ попытки возстановленія древнекельтическаго быта на почвѣ Галліи.

Но кельтическія учрежденія уцѣлѣли въ бо́льшей или меньшей неприкосновенности въ Уэльсѣ вплоть до XIII вѣка, а въ Ирландіи и много столѣтій спустя. Въ недавней работѣ Себома сдѣлана попытка дать настолько полную картину родового устройства Уэльса, насколько это позволяла отрывочность источниковъ и ихъ сравнительно позднее происхожденіе. Кельты явились въ герцогство какъ завоеватели. Туземное населеніе было многочисленно. Чтобы удержать его въ повиновеніи, рѣшено было поставить его членовъ подъ патронатъ кельтическихъ родовъ. Послѣдніе озабочены были сохраненіемъ чистоты своего состава и потому не допускали туземцевъ-кліентовъ въ свою среду иначе, какъ въ девятомъ поколѣніи. Лица, исключенныя изъ рода за преступленія, попадали въ положеніе туземцевъ. Ихъ нисходящіе, не ранѣе девятаго поколѣнія, становились снова членами рода.

Внутри кельтическаго рода надо различать болѣе близкихъ и болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Различіе между ними выступаетъ въ неравномъ участіи въ кровомщеніяхъ. Къ первой категоріи принадлежатъ родственники первыхъ шести степеней. Они обязаны участвовать въ платежѣ выкуповъ, устраняющихъ личную расправу съ ви-

повными; родственники же въ седьмой и восьмой степеняхъ могли платить и не платить, смотря по выбору; только въ случаѣ крайней бѣдности преступника и на нихъ падала обязанность внести «динарій копья».

Старѣйшина рода надѣляетъ подрастающія поколѣнія, по достиженіи ими періода возмужалости (14 лѣтъ), скотомъ послѣ торжественнаго представленія ему ихъ родителями. Земля не дается старѣйшиной ни въ собственность, ни въ пользованіе, такъ какъ ею владѣютъ на началѣ нераздѣльности въ предѣлахъ родовой территоріи отдѣльныя дворовыя общины, такъ называемыя «велэ»—«gwely», иначе «lecta», буквально «ложа». Всѣ члены такой нераздѣльной семьи состоятъ въ кровномъ родствѣ съ ея главою, которымъ обыкновенно является пра-прадѣдъ. Кромѣ старѣйшины, родъ считаетъ еще въ своемъ составѣ особаго мстителя, предводительствующаго его ополченіемъ, и особаго посредника для подачи совѣтовъ старѣйшинѣ на случай возможныхъ столкновеній съ чужими родами*). Нераздѣльныя семьи пользуются пастбищными и лѣсными угодьями сообща, пахотной же землею въ отдѣльности, занимая извѣстные участки, удобные для хлѣбопашества, въ предѣлахъ земель рода. Эти участки воздѣлываются съ помощью тяжелыхъ плуговъ, въ которые отдѣльные родовичи впрягаютъ по парѣ быковъ такъ, чтобы въ общемъ составить восьмиголовую упряжь. Скотъ, полученный отъ родового старшины, и служитъ для такой впряги. Въ случаѣ кончины, ссуженный скотъ возвращался въ общее стадо рода и его старѣйшины. Члены рода, въ которомъ насчитываютъ до семи и даже девяти поколѣній родственниковъ, солидарно отвѣтственны [49] за преступленія, совершенныя любымъ изъ нихъ по отношенію къ члену другого рода. Наоборотъ, обиды, причиненныя родственниками, не даютъ повода къ возмездію, а только къ насильственному удаленію виновнаго изъ родственной среды **). Мѣсто кровомщенія занимаетъ нерѣдко платежъ выкупа (galanas). Онъ падаетъ одной третью на виновнаго, его родителей, братьевъ и сестеръ, а двумя третями на родъ вплоть до седьмого поколѣнія. Любопытную черту, которая повторяется одинаково и въ германскомъ и въ славянскомъ быту, и въ которой надо видѣть пережитокъ отношеній, предшествующихъ счету родства исключительно по отцу, составляетъ то, что материнскій родъ участвуетъ въ платежѣ выкупа въ размѣрѣ одной трети той части, которая приходится на

---

*) «The Tribal system in Wales» by Frederic Seebohm, стр. 62 и слѣд.— Сравни также вторую главу соч. того же автора, «The Tribal system in Anglo-saxon law», стр. 21 и слѣд.

**) «The Tribal custom in Anglo-Saxon Society», гл. 2, стр. 30 и 42.

долю отдаленнаго родства вообще *). При несостоятельности виновнаго, его замѣняютъ въ платежѣ причитающейся съ него части отдаленные родственники восьмой и девятой степени. Ихъ платежъ извѣстенъ подъ названіемъ «динарія копья».

Еще съ бо̀льшей опредѣленностью выступаютъ обычныя черты родового устройства у ирландцевъ въ эпоху, предшествующую англійскому владычеству. Древнѣйшими источниками нашихъ свѣдѣній объ ихъ внутреннемъ устройствѣ являются эпическія сказанія или легенды.

За ними слѣдуютъ такъ называемые законы брегоновъ—ученаго сословія, члены котораго являются древнѣйшими посредниками въ гражданскихъ и уголовныхъ спорахъ. Самаго да.е поверхностнаго знакомства съ этими законами достаточно для убѣжденія въ томъ, что матеріаломъ для составленія ихъ послужили судебныя рѣшенія, другими словами, тѣ третейскіе приговоры, какіе постановлялись отдѣльными членами сословія по выбору тяжущихся. Какъ литературные, такъ и юридическіе памятники древнихъ ирландцевъ, одинаково говорятъ о порядкѣ общественныхъ отношеній, не только далекомъ отъ современнаго индивидуализма, но и отъ предшествующаго ему по времени кланово-феодальнаго строя. Въ легендахъ, включенныхъ въ такъ назыв. «Leber na Guidre»—памятникѣ XII вѣка, говорится, между прочимъ, что во времена, предшествующія правленію Эда Слена, неизвѣстны были заборы, границы, каменныя стѣны, и вся земля оставалась неогороженной. Размноженіе семействъ, значится въ томъ же памятникѣ,—причина позднѣйшаго установленія оградъ. Отъ этого архаическаго коммунизма въ эпоху редактированія ирландскихъ сводовъ удержались слѣдующія черты. Рядомъ съ землями, обозначаемыми терминомъ «дибадъ», о которыхъ въ одномъ изъ сводовъ говорится какъ о надѣлахъ, производимыхъ изъ племенной земли, законы брегоновъ говорятъ еще о двухъ другихъ категоріяхъ земель. Названіе первыхъ «коибне», а вторыхъ—«орба» **). Конбне въ буквальномъ переводѣ означаетъ совокупность лицъ, пребывающихъ въ нераздѣльности въ интересахъ общаго пользованія имуществомъ, принадлежащимъ имъ по наслѣдству. Въ примѣненіи къ землѣ этотъ терминъ обозначаетъ нераздѣльную собственность лицъ, связанныхъ узами родства, другими словами, родовую собственность. Родовая собственность не исключаетъ наслѣдственнаго пользованія ею со стороны семейныхъ общинъ, въ составъ которыхъ входятъ отецъ, дѣти и

---

*) Тамъ же, стр 44 и 45.

**) См. «Старинные законы ирландцевъ», т. IV, стр. 7, 21, 27, 39, а также стр. LXXVII и XXXIV.

внуки съ ихъ семьями. Земли, находящіяся въ такомъ пользованіи, обозначаются въ ирландскихъ сводахъ терминомъ «орба».

Итакъ, древнему ирландскому праву извѣстно существованіе какъ родовой, такъ и нераздѣльной семейной собственности. Соотвѣтственно этому, въ немъ встрѣчаются оба вида союзовъ, основанныхъ на кровномъ началѣ: родъ и нераздѣльная семья. Одинъ изъ древнѣйшихъ сводовъ, по имени «Корусъ Бескна», говоритъ о существованіи у ирландцевъ четырехъ группъ наслѣдниковъ: джельфайнъ, дейрбфайнъ, ярфайнъ и нидфайнъ.

Первая состоитъ, по описанію свода, изъ пяти человѣкъ, остальныя—каждая изъ четырехъ. Если принять во вниманіе, что три послѣднія группы одновременно призываются къ участію въ наслѣдованіи, то нельзя не признать, что, за исключеніемъ джельфайновъ, прямыхъ нисходящихъ, остальныя три составлены изъ боковыхъ родственниковъ, а не изъ восходящихъ; иначе немыслимъ былъ бы самый фактъ ихъ одновременнаго участія въ наслѣдствѣ, предполагающій, что всѣ они находятся въ живыхъ въ моментъ его открытія. Группа джельфайновъ это—то, что можно назвать на языкѣ современной юридической терминологіи нераздѣльной семьей. Членами ея, кромѣ наслѣдодателя, считаются его нисходящіе: дѣти и внуки, почему численный составъ этой группы и превосходитъ однимъ человѣкомъ составъ остальныхъ. Вторую группу образуютъ боковые, происходящіе отъ отца наслѣдодателя. Третью—боковые, родоначальникомъ которыхъ является дѣдъ. Четвертую—боковые отъ прадѣда. Бо́льшая или меньшая близость родства, въ которой стоятъ отдѣльныя группы съ покойникомъ, принимается въ разсчетъ при опредѣленіи доли ихъ участія въ наслѣдствѣ. Если покойный оставилъ прямыхъ нисходящихъ, другими словами, джельфайновъ, они—одни его наслѣдники; если же ихъ нѣтъ, къ наслѣдованію призываются всѣ остальныя три группы, однако, не въ равной степени. Ближайшіе къ покойнику дейрбфайны получаютъ три четверти всего наслѣдства, слѣдующіе за ними ярфайны—три четверти остальной четверти; четверть четвертой части наслѣдства, иначе одна шестнадцатая, приходится на долю отдаленныхъ родственниковъ—нидфайновъ. При отсутствіи родственниковъ всѣхъ и каждой изъ названныхъ группъ, другими словами, при совершенномъ вымираніи рода, принадлежащая ему земля снова становится племенною собственностью, иначе говоря—дибадъ *).

Искусственность только-что разсмотрѣнной системы сама говоритъ намъ о приблизительномъ только выраженіи ею числовыми данными фактическихъ отношеній. Личный составъ отдѣльныхъ

*) См. т. IV, стр. 285.

группъ въ 4 и въ 5 человѣкъ—не болѣе какъ условный. Для насъ важна не эта подробность, а тотъ принципъ, который положенъ въ основу всей системы. Изъ позднѣйшихъ сводовъ мы узнаемъ, что неравный раздѣлъ наслѣдства между отдѣльными группами боковыхъ родственниковъ, характеризующій собою всю систему наслѣдованія, продолжалъ держаться въ Ирландіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Итакъ, ирландскій родъ состоитъ изъ лицъ, признающихъ общаго родоначальника, связанныхъ между собою нераздѣльнымъ владѣніемъ, имѣющихъ право взаимнаго наслѣдованія и распадающихся на второстепенныя группы—семейныя общины, члены которыхъ наслѣдственно владѣютъ землею на началѣ нераздѣльности.

Родовая организація сказывается у древнихъ ирландцевъ и въ сферѣ уголовнаго права. Отвѣтственность боковыхъ родственниковъ и прежде всего группы дейрбфайнъ, при отсутствіи прямыхъ исходящихъ, открыто признается въ сборникѣ, озаглавленномъ «Трактатъ о наказаніи преступленій». Вторая статья этого сборника говоритъ, что дейрбфайны, а за ними и индфайны не избавлены отъ обязанности платить падающую на преступника пеню, въ случаѣ его несостоятельности и отсутствія прямыхъ исходящихъ членовъ группы джельфайнъ *).

Отмѣтимъ еще одну изъ сторонъ проявленія родового быта въ древней Ирландіи. Усыновленіе имѣетъ своимъ очевиднымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа наслѣдниковъ. При допущеніи къ наслѣдству даже отдаленнѣйшихъ родственниковъ, весь родъ являлся заинтересованнымъ въ фактѣ усыновленія чужеродца; а отсюда слѣдующее послѣдствіе: усыновлять запрещается иначе, какъ съ разрѣшенія родового старѣйшины.

Мы сказали выше, что существованіе родового союза уживается съ одновременнымъ господствомъ семейной общины или большой семьи. Эта послѣдняя является не болѣе какъ одной изъ вѣтвей родового древа.

На вопросъ о томъ, какія лица несутъ денежную отвѣтственность за преступника, одинъ изъ ирландскихъ сводовъ отвѣчаетъ: прежде всего онъ самъ, затѣмъ его отецъ, при смерти же отца—братъ. Только при отсутствіи этихъ ближайшихъ родственниковъ, образующихъ группу джельфайновъ, наступаетъ отвѣтственность боковыхъ. Тѣ же джельфайны складываются для уплаты штрафа, извѣстнаго подъ наименованіемъ ирландской пени (ericfine) и взимаемаго съ нихъ въ случаѣ осуществленія ими личнаго возмездія кровной мести. Итакъ, джельфайны сплошь-и-рядомъ выступаютъ какъ единое цѣлое въ сферѣ тѣхъ отношеній, начало которымъ кладетъ преступленіе. Спрашивается, существуетъ ли между ними то же единеніе и въ сферѣ

*) Томъ IV, стр. 243.

гражданскихъ отношеній? Отвѣчая на вопросъ о томъ, кого считать ближайшими наслѣдниками, одинъ изъ древнихъ сводовъ Ирландіи говоритъ, что ими слѣдуетъ признать отца и сына, братьевъ и семью (fine). Если вся семья участвуетъ въ наслѣдованіи, если отецъ—наслѣдникъ покойнаго сына наравнѣ съ его братьями и дѣтьми, то въ переводѣ это означаетъ не болѣе какъ то, что смерть частнаго лица въ древнемъ ирландскомъ обществѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, не вела къ тому, что на современномъ юридическомъ языкѣ извѣстно подъ «открытіемъ наслѣдства» (delatio hacreditatis), другими словами, что послѣ смерти частнаго лица, какъ и до его кончины, продолжало держаться нераздѣльное владѣніе всей семьи. Этой нераздѣльной собственностью завѣдуетъ старшій въ семьѣ—отецъ. Его нельзя считать, однако, неограниченнымъ распорядителемъ семейнаго достоянія. Согласно древнѣйшимъ текстамъ, онъ въ правѣ выдѣлить выходящую замужъ дочь не иначе, какъ съ разрѣшенія родового старѣйшины. Дочери, какъ становящіяся въ силу брака членами чужой семьи, не имѣютъ по выходѣ въ замужество участія въ семейной собственности. О завѣщательныхъ распоряженіяхъ въ древнемъ ирландскомъ правѣ нѣтъ и помину. Геральдъ дю-Барри, правда, говоритъ о нихъ, но только по отношенію къ движимой собственности, которая, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ и при отнесеніи скота къ недвижимой, не могла быть значительна. Вотъ все, что можно сказать о родовомъ и общинно-семейномъ бытѣ древнихъ ирландцевъ на основаніи отрывочныхъ, темныхъ, на половину непонятныхъ текстовъ брегонскихъ законовъ и тѣхъ «глоссъ» или толкованій, которыя однообразно сопровождаютъ ихъ, извращая часто ихъ смыслъ.

При всей неполнотѣ картины, она все же не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что родовой бытъ лежитъ въ основѣ общественнаго быта кельтическихъ народностей. Онъ опредѣляетъ собою дальнѣйшую исторію ихъ правового развитія въ такой же степени, какъ индусовъ или персовъ, грековъ или римлянъ.

Переходя къ германцамъ, намъ приходится прежде всего остановиться на тѣхъ свидѣтельствахъ, какія дѣлаютъ на ихъ счетъ древніе писатели. По словамъ Цезаря, землею владѣютъ у германцевъ «gentes et cognationes hominum qui una coierunt», другими словами, роды и болѣе тѣсные союзы лицъ, живущихъ сообща *). Что такое эти

---

*) Въ сочиненіи «Recht und Sitte», Richard Hildebrand, подобно мнѣ, толкуетъ этотъ текстъ въ смыслѣ указанія на роды и нераздѣльныя семьи, владѣющія землею сообща (стр. 71 и 94). На стр. 95 имъ сдѣлана ссылка на мою статью о семейной общинѣ въ Россіи, съ цѣлью показать, что въ пользованіи землею сообща цѣлыми родственными союзами (Verwandtschaften,

послѣдніе, какъ не семейныя общины? Тацитъ, не упоминая прямо о существованіи подобныхъ группъ, въ то же время описываетъ отдѣльные признаки ихъ; такъ, напр., говоря объ уплатѣ виры за преступленія, онъ утверждаетъ, что эта вира идетъ въ пользу всего «дома» (recipitque satisfactionem universa domus» [50]). Мы видѣли, что, при господствѣ нераздѣльной семейной собственности, домовладыка не въ правѣ самовольно дарить ея ни при жизни, ни на случай смерти. Такія же точно запрещенія приписываетъ Тацитъ и древнему германскому праву: у германцевъ, говоритъ онъ, нѣтъ завѣщаній (nullum testamentum). Нераздѣльностью и неотчуждаемостью семейной собственности объясняется и упоминаемый Тацитомъ фактъ устраненія женщинъ отъ наслѣдованія и неполученіе ими приданаго изъ отцовскаго имущества. Приданое платитъ не отецъ невѣсты, а ея женихъ. О существованіи семейной общины у германцевъ мы узнаемъ также изъ тѣхъ данныхъ, какія Цезарь и Тацитъ сообщаютъ о военномъ ихъ устройствѣ; по словамъ перваго, сражаются германцы generatim, т.-е. родами *), по свидѣтельству второго, каждаго во время битвы окружаетъ его семья (familia) и члены болѣе численныхъ союзовъ родственниковъ, которые Тацитъ обозначаетъ терминомъ «propinquitates». Эти propinquitates, очевидно,—то же, что cognationes Цезаря.

Семейная община встрѣчается у германцевъ и въ позднѣйшую эпоху редактированія варварскихъ правдъ [51]. Мы находимъ ее одинаково у аллемановъ и баварцевъ, законы которыхъ упоминаютъ о такъ называемыхъ «genealogiae» какъ о землевладѣльческихъ союзахъ, спорящихъ между собою изъ-за границъ, у бургундовъ, которыхъ ихъ народная правда часто описываетъ какъ «consortes», владѣющихъ сообща недвижимымъ **) имуществомъ, у салическихъ и рипуарскихъ франковъ, древнѣйшіе своды которыхъ хранятъ упорное молчаніе по вопросу о продажѣ земли частнымъ лицомъ или о завѣщательномъ распоряженіи ею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыто высказываются въ пользу устраненія женщинъ отъ наслѣдованія ***). Что это все, какъ не отдѣльныя проявленія началъ неотчуждаемости и недѣлимости, присущихъ семейной собственности? Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ текстовъ «Салической Правды» (въ текстѣ Геральда) упоминается объ алодахъ, т.-е. отчинахъ [52], какъ о поступаю-

---

cognationes), о которыхъ говоритъ Цезарь, мы имѣемъ общераспространенное явленіе.

*) «Bellum gallicum», I, 51. Germani suas copias ex castris educerunt generatimque constituerunt etc. [53].

**) Agri quoque communis nullis terminis limitati exaequationem inter consortes nullo tempore denegandam [54] (add. tit. I, n. 5).

***) ...de terra vero nulla portio haereditatis ad mulierem veniat [55].

щихъ въ раздѣлъ между внуками и правнуками, прямое указаніе на то, что ими могли владѣть совмѣстно нѣсколько поколѣній родственниковъ (отецъ, сыновья, внуки и правнуки) *). Въ законахъ лангобардовъ въ числѣ прочихъ видовъ имущества говорится также о земляхъ, еще не поступившихъ въ раздѣлъ между братьями и родителями (inter fratres vel inter parentes), а также о земляхъ, раздѣленныхъ не только между братьями, но и между племянниками,—фактъ, указывающій на первоначальное существованіе нераздѣльнаго владѣнія отца не только съ дѣтьми, но и съ внуками.

Древнѣйшія грамоты также рисуютъ намъ порядокъ вещей, при которомъ земля состоитъ во владѣніи не частнаго лица, а семейной общины. Въ грамотахъ нижняго Рейна о cohaeredes, conparticipes et consanguinei [56] упоминается какъ о землевладѣльцахъ, а это означаетъ принадлежность полей въ общую собственность болѣе или менѣе значительному числу родственниковъ.

О consortes или socii [57], какъ о владѣющихъ сообща имуществомъ или подвергающихъ ихъ раздѣлу между собою, одинаково говорится какъ въ аллеманскихъ грамотахъ (въ томъ числѣ въ грамотахъ С.-Галленскаго аббатства), такъ и въ бургундскихъ или лангобардскихъ **). Интереснѣйшей стороной труда г. П. Виноградова о земельныхъ отношеніяхъ лангобардовъ надо признать описаніе имъ землевладѣльческихъ общинъ, составленныхъ изъ родственниковъ или такъ называемыхъ «Consorteriae» на основаніи грамотъ, изданныхъ академіей города Лукка. Изъ нихъ видно, что семейная община являлась вполнѣ жизненнымъ фактомъ въ средневѣковой Тосканѣ ***).

Въ кутюмахъ Франціи, какъ и въ германскихъ Weisthümer [58], она попадается намъ на каждомъ шагу; отсюда, между прочимъ, неоднократное упоминаніе въ этихъ источникахъ о необходимости испросить согласіе родственниковъ однодворцевъ на отчужденіе недвижимой собственности (это такъ называемое Beispruchsrecht). Въ нихъ говорится также о родовой преэмпціи и родовомъ выкупѣ (droit de préemption, retrait lignager на языкѣ французскихъ легистовъ [59] ****).

Полная индивидуализація недвижимой собственности—дѣло но-

---

*) Ross, «Early history of landholding among the Germans», стр. 33.

**) Ross, «Early history of landholding among the Germans». 1883 г. стр. 31 и слѣд.

***) Въ послѣднее время не мало данныхъ по вопросу о нераздѣльныхъ семьяхъ сообщено было проф. Salvioli не только въ отдѣльной монографіи (объ Affratelamento), но и въ его общемъ трактатѣ по исторіи права въ Италіи.

****) Обо всемъ этомъ можно найти немало данныхъ въ общихъ исторіяхъ французскаго и нѣмецкаго права, у Esmein, Violet, Glasson, а также у Heuzer и Schröder.

шаго времени. Она—созданіе наполеоновскаго кодекса и тѣхъ гражданскихъ сводовъ, которые возникли подъ его вліяніемъ. Говоря это, я имѣю въ виду по преимуществу крестьянское землевладѣніе. Въ средѣ высшихъ сословій разложеніе семейной общины совершилось сравнительно раньше.

Какъ и у другихъ народовъ арійской семьи, господство родового быта сказывается у германцевъ не въ одной лишь сферѣ гражданскихъ отношеній. Въ послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ преступленій, также выступаетъ начало кровнаго единства. Обязанность преслѣдовать обидчика падаетъ на родственниковъ обиженнаго. Тѣ же родственники получаютъ, въ случаѣ примиренія родовъ, и причитающуся виру или композицію. Всего нагляднѣе выступаетъ родственная солидарность въ уголовномъ правѣ сѣверныхъ германскихъ народностей, въ древнѣйшихъ сводахъ Норвегіи и Даніи, Швеціи и Исландіи. Правда, въ нихъ это начало обставлено уже значительными ограниченіями, но изъ самой новизны этихъ ограниченій легко прійти къ тому заключенію, что нѣкогда весь родъ, какъ одинъ человѣкъ, являлся мстителемъ за обиженнаго сочлена. Въ древнемъ законѣ Феоніи [60], приводимомъ Вильдою, значится: «Ни при какомъ преступленіи родственники не обязаны платить виры за преступника; исключеніе дѣлается только для убійства». Преступникъ не получаетъ помощи отъ родственниковъ, значится, въ свою очередь, въ ютландскомъ законѣ, иначе, какъ въ случаѣ убійства *). Виновный участвуетъ въ платежѣ лишь трети выкупа, другую треть несутъ родственники по отцу, третью — родственники по матери **). Въ Фрисландіи и въ позднѣйшее время за родственниками признается обязанность «не оставлять собственной крови» и помогать другъ другу въ платежѣ пени ***). По древнимъ норвежскимъ законамъ (фростатингъ и гулатингъ), весь родъ получаетъ виру, но такимъ образомъ, что бо́льшая часть ея идетъ къ ближайшимъ родственникамъ по отцу, «Banggildismen, а меньшая къ болѣе отдаленнымъ, къ такъ называемымъ Nefgildimen, одинаково родственникамъ по отцу и родственникамъ по матери, въ обоихъ случаяхъ въ женской линіи ****). Шведскій Ostgotholag (законъ восточной Готіи) распредѣляетъ слѣд. образомъ между родственниками денежную отвѣтственность за преступленія: двѣ трети виры платятъ родственники съ отцовской стороны, одну треть родственники со стороны матери. Въ отцовской линіи платежъ виры

---

*) Wilda, «Strafrecht der Germanen» стр. 370.
**) Dareste, «Études d'histoire du droit», стр. 315.
***) Wilda, «Strafrecht der Germanen», стр. 395.
****) Seebohm, «The Tribal Custom in Anglo-Saxon law». стр. 244 и 248.

производится слѣдующимъ образомъ: братъ выплачиваетъ одну половину, другую—остальные родственники до седьмой степени. Въ томъ же порядкѣ дѣлится и вира, получаемая въ вознагражденіе за убійство единокровнаго *). Еще подробнѣе говоритъ объ участіи родственниковъ въ платежѣ и полученіи виры исландскій Gragas въ особой главѣ, озаглавленной: счетъ кругамъ (Baugatal отъ baug кругъ, или кольцо и tal—число). Подъ кругами или кольцами разумѣются тѣ 4 части, на которыя дѣлится вира. Первую часть въ размѣрѣ 3 марокъ выплачиваютъ и соотвѣтственно получаютъ отецъ, сынъ и братъ; вторую часть или кольцо въ двѣ съ половиною марки—дѣдъ по отцу и внукъ отъ сына, дѣдъ по матери и внукъ отъ дочери; третье кольцо въ 2 марки—дядя по отцу и племянникъ по брату, дядя по матери и племянникъ по сестрѣ; четвертое всего въ $1^1/_2$ марки — двоюродные братья со стороны отца и матери, братья по усыновленію и сыновья сестры. За этими четырьмя кольцами слѣдовалъ еще рядъ платежей, постепенно уменьшавшихся отъ одной марки до одной унціи; они распредѣлялись въ пятой линіи бокового родства **).

Народныя правды континентальныхъ германцевъ содержатъ одни отрывочныя свидѣтельства объ участіи родственниковъ въ платежѣ и полученіи выкуповъ; всего яснѣе говоритъ объ этомъ «Салическій Законъ»: «Si alicuius pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant et aliam medietatem parentes, qui proximiores fuerint, tam de paterna quam de materna generatione dividant [61]». Изъ капитулярій [62] Хильдеберта мы узнаемъ, что этими proximiores [63] считались три ближайшихъ родственника со стороны отца и столько же со стороны матери. — Въ законахъ саксонцевъ и фризовъ значится, что треть виры платятъ родственники убійцы, а двѣ трети самъ онъ. Законы турингговъ, англовъ и вериновъ связываютъ съ правомъ на наслѣдованіе и обязанность денежной отвѣтственности за убійство. Въ однихъ лишь народныхъ правдахъ баварцевъ, рипуарскихъ франковъ и аллемановъ мы не встрѣчаемъ уже слѣдовъ участія родственниковъ въ платежѣ виры ***).

---

*) Wilda, «Strafrecht der Germanen», стр. 370 и 378.

**) Dareste, стр. 354. Проф. Виноградовъ въ статьѣ, отпечатанной имъ въ «Zeitschrift der Savigny Stiftung» въ 1902 г. (Germanistische Abtheilung), настаиваетъ на томъ, что члены перваго круга представляютъ собою ядро первоначальныхъ плательщиковъ, къ которымъ современемъ присоединены были добавочные. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что родственники по матери, участіе которыхъ въ платежѣ композиціи встрѣчается и въ кельтическомъ правѣ и въ обычаяхъ германскихъ племенъ континента, вовсе не представлены въ этомъ первоначальномъ ядрѣ? Вѣдь ихъ участіе необходимо восходитъ къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ родственниковъ по отцу, эпохѣ завершающагося перехода материнскаго рода въ отеческій.

***) Шпилевскій, «Союзъ родственной защиты».

Государственная власть, видя не безъ основанія ежечасную угрозу охраняемому ею миру въ круговой порукѣ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, отмѣнила эту послѣднюю, предпочитая солидарной отвѣтственности личную. Въ германскихъ обычаяхъ, какъ и въ кельтическихъ, наглядно выступаетъ та характерная черта родового устройства, на которую, если не ошибаюсь, впервые обращено было вниманіе мною (въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ»). Внутренній миръ въ предѣлахъ рода былъ бы немыслимъ при допущеніи кровнаго возмездія въ случаяхъ убійствъ и другихъ преступленій, совершенныхъ другъ надъ другомъ членами одного рода. Вотъ почему такія дѣянія обыкновенно сопровождаются только насильственнымъ удаленіемъ виновнаго изъ родственной среды, «потокомъ» или истребленіемъ его жилища и движимости. Скандинавское право вполнѣ подтверждаетъ справедливость выставленнаго мною положенія. Какъ въ правѣ древняго Уэльса, такъ и въ сказаніи о скандинавскомъ витязѣ Беовульфѣ, такъ, наконецъ, и въ древне-норвежскихъ законахъ красной нитью проведено это начало. Себому принадлежитъ честь окончательнаго обоснованія такой точки зрѣнія Онъ сдѣлалъ это въ послѣднемъ своемъ сочиненіи о родовомъ бытѣ англо-саксовъ, въ связи съ обычаями другихъ какъ кельтическихъ, такъ и германо-скандинавскихъ племенъ *).

Родовой характеръ древне-германскаго и скандинавскаго обществъ выступаетъ не въ одной лишь области уголовнаго права. Онъ сказывается также въ сферѣ процессуальныхъ отношеній, въ широкомъ распространеніи института послуховъ или компургаторовъ [64]. Послѣдніе вербуются изъ среды родственниковъ и принимаютъ на себя задачу обѣлить осуждаемаго, свидѣтельствуя о его доброй славѣ **).

Въ самомъ порядкѣ первоначальной колонизаціи скандинавскихъ странъ германскими выходцами и занятіи ими почвы—немало чертъ, свидѣтельствующихъ объ организаціи ихъ въ союзы не простыхъ сосѣдей, но лицъ, связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ общаго предка — мужчины, происхожденіемъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ. Профессоръ Боше въ своемъ недавнемъ сочиненіи «О земельной собственности въ Швеціи» справедливо указываетъ на то, что колонизація края свевами и готѳами въ древнѣйшій періодъ производилась не одинакими корчевщиками, какъ позднѣе въ сѣверной

---

*) «The Tribal custom in Anglo-Saxon law», стр. 71 и 241—242.

**) Объ этомъ институтѣ много сказано было мною въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ», послѣдній отдѣлъ II тома. О послухахъ въ скандинавскомъ правѣ см. Dareste, «Études sur l'histoire du droit», стр. 317 и слѣд.

части Скандинавскаго полуострова и въ Финляндіи *), а сплошными группами родственниковъ. У свевовъ эти банды носили общее съ германскими народностями континента названіе «сотенъ» («hundari»), у готѳовъ они именовались «haerap». Въ XIII вѣкѣ, въ эпоху редактированія провинціальныхъ законовъ, названные союзы изъ личныхъ уже сдѣлались территоріальными; но не такъ было на первыхъ порахъ, когда въ составъ сотенъ входила масса родственныхъ очаговъ, то это число переходившая, то лишь приближавшаяся къ нему. Осѣдаясь, эти очаги, болѣе отвѣчающіе понятію сербскихъ задругъ, чѣмъ семей, образовывали каждый особый поселокъ «by». Въ него, въ свою очередь, входило бо̀льшее или меньшее число семейныхъ участковъ, такъ называемыхъ «bol».

Очаги, принадлежащіе къ одной «сотнѣ» (hundari или haerap, позднѣе härad), въ глазахъ закона не только сосѣди (grannar), но и лица, связанныя между собою той круговой отвѣтственностью за преступленія, которая при родовомъ бытѣ падаетъ на лицъ одной крови съ виновникомъ. Только ихъ отвѣтственность наступаетъ лишь тогда, когда преступникъ не могъ быть открытъ. Мы имѣемъ передъ собою подобіе той «дикой виры», о которой заходитъ рѣчь въ нашемъ древнѣйшемъ сводѣ—«Русской Правдѣ». Что касается входящихъ въ сотню поселковъ или by (надо произносить «бю»), то онъ пользуется всей нераздѣльной и никѣмъ не выкорчеванной «общею землею», almenning, точь-въ-точь, какъ пользуются ею сообща члены распавшейся дворовой общины, у которыхъ пахота и сѣнокосы одни попали въ раздѣлъ, сдѣлались предметомъ если не частнаго, то семейнаго обладанія. Отдѣляющіеся по временамъ отъ поселка хутора (torp) не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Они пользуются общей землей (almenning), заодно съ дворами, входящими въ составъ селенія или by. Солидарность членовъ послѣдняго, иначе говоря, дворовъ,

*) О порядкѣ заселенія сѣвернаго края (Norrland) и Финляндіи мы находимъ слѣдующія данныя въ провинціальномъ законѣ Гелзингіи (Helsingie): «Кто пожелаетъ въ общемъ полѣ занять участокъ для обработки или основанія поселка, тотъ возьметъ лѣсную землю вблизи произведенныхъ запмокъ, но не посягая на ихъ границы. Онъ присвоитъ себѣ столько же поросшей деревьями почвы, сколько луговой и пахотной. Онъ займетъ пространство такой длины, чтобы хромой могъ пройти его (въ одинъ день), не чувствуя особой усталости. До восхода солнца онъ выйдетъ изъ двора съ телѣгою и конемъ, объѣдетъ занимаемый имъ участокъ и вернется домой къ полудню. Такой объѣздъ да служитъ ему входомъ во владѣніе никѣмъ еще не воздѣланной почвой. Пожелаетъ онъ занять поля подъ нивы и луга, пусть выкорчуетъ нужный ему участокъ для тройного посѣва; да водрузитъ онъ также въ землю четыре стропила для своего жилища, послѣ чего въ присутствіи двухъ свидѣтелей ему надлежитъ обойти свой участокъ и провести ему границы» (См. Dareste, «Études sur l'histoire du droit», стр. 294).

состоящихъ въ обладаніи отдѣльными имѣніями, bols, выступаетъ опять-таки въ круговой ихъ отвѣтственности при убійствѣ, совершенномъ на земляхъ «бю» или селенія неизвѣстнымъ, т.-е. нераскрытымъ виновникомъ. Только въ случаѣ ихъ несостоятельности въ платежѣ выкупа или дикой виры призываются, какъ мы видѣли, къ ея уплатѣ всѣ люди одной и той же сотни (hundari или härad) *).

Боше придерживается того взгляда, что въ предѣлахъ родовыхъ группъ не существовало на первыхъ порахъ частной земельной собственности. Въ пользу этого говоритъ не только свидѣтельство Цезаря о свевахъ: privati ac separati agri apud eos nihil est (частнаго или выдѣленнаго поля у нихъ нѣтъ), но и тотъ фактъ, что законъ Готланда приписываетъ большинству рѣшеніе вопроса о томъ, долженъ ли извѣстный участокъ поступить въ обработку, или лежать паромъ («La loi de Vestrogothie», изд. Beauchet, стр. 47). Такое постановленіе понятно только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что родственные дворы одного и того же härad, не владѣя землею въ отдѣльности, подвергали ее эксплоатаціи изъ года въ годъ съ общаго совѣта и уговора. То обстоятельство, что въ другой статьѣ того же закона говорится, что при продажѣ недвижимаго имущества, вслѣдъ за родственниками продавца, выкупомъ могутъ воспользоваться и всѣ дворы одной и той же сотни или härad, не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ первоначальной родственной связи, чѣмъ только и могъ быть порожденъ институтъ родового выкупа **). Въ противность позднѣйшей практикѣ раздѣла общаго имущества села въ частную собственность, провинціальнымъ законамъ Швеціи извѣстенъ и болѣе древній порядокъ временнаго занятія почвы въ предѣлахъ нераздѣльной марки съ помощью символическаго акта, въ которомъ, какъ думаетъ Боше, бросанію молота суждено было играть роль юридическаго занятія почвы; откуда и самое названіе такого раздѣла hamarskipt ***).

Первоначальный характеръ частнаго имѣнія или «bol» какъ надѣла въ общеродовой собственности, весьма опредѣленно выступаетъ

---

*) Beauchet, «Histoire de la propriété foncière en Suède», стр. 8 и слѣд., стр. 208, 210, 211 и 220.

**) Тамъ же, стр. 14.

***) Законъ Упланда, пишетъ Боше, говоритъ о бросаніи молота какъ о средствѣ опредѣлять разстоянія. Въ виду этого есть основаніе предположить, что въ эпоху, когда населенныя родственниками деревни или «бю» соединяли свои усилія для совмѣстнаго корчеванія почвы, каждому воздѣлывателю отдѣляемъ былъ участокъ для годового пользованія такимъ же бросаніемъ молота (стр. 23). Онъ видимо игралъ у шведовъ ту же роль, что въ нашемъ крестьянствѣ топоръ. Причина ихъ предпочтенія объясняется вѣроятно тѣмъ, что молотъ считался орудіемъ Тора, ихъ главнаго божества, почему мы находимъ его и на ихъ межевыхъ знакахъ.

еще въ датскомъ правѣ, въ законахъ Зеландіи и Ютландіи, а также въ дѣйствовавшемъ на всемъ югѣ Швеціи Законѣ Сконіи [65] (всѣ три отъ первой половины XIII столѣтія). Опираясь на нихъ, Дарестъ рисуетъ слѣдующую картину занятія почвы ранними колонистами: «Нѣсколько соединившихся и родственныхъ между собою семей подвергали совмѣстной очисткѣ лѣсной участокъ. Пахотныя земли дѣлились на нѣсколько категорій, сообразно ихъ качеству и положенію. Въ каждой семьямъ отводились ихъ доли равномѣрно путемъ особой нарѣзки, которая (отъ слова reb — веревка) получала наименованіе rebning *). Совокупность всѣхъ долей, предоставленныхъ въ пользованіе одного и того же двора, носила наименованіе bool; что это, какъ не надѣлъ крестьянской семьи въ земляхъ міра»?

Послѣдняя изъ народностей арійской крови, на которой намъ приходится остановить наше вниманіе,—славяне. Опредѣленіе древнѣйшаго характера ихъ общественныхъ отношеній представляетъ еще бо̀льшія трудности, чѣмъ тѣ, какія были встрѣчены нами при изученіи общественнаго быта кельтовъ и германцевъ. Причина тому лежитъ въ слабомъ знакомствѣ древнихъ писателей съ ихъ бытовымъ устройствомъ и скудости сообщаемыхъ ими свѣдѣній на этотъ счетъ. Все, что Тацитъ говоритъ намъ о славянахъ въ 46-ой главѣ своего трактата о древней Германіи, это—то, что, въ отличіе отъ кочевыхъ сарматовъ, виниды (венды - славяне) строятъ дома и сражаются пѣшими, вооруженные щитами. Со времени составленія тацитовой «Германіи» ни одинъ изъ писателей въ теченіе ряда столѣтій не упоминаетъ о славянахъ ни единымъ словомъ. Въ VI вѣкѣ Прокопій Кесарійскій, по случаю столкновенія ихъ съ готѳами и Византіей, снова подымаетъ о нихъ рѣчь. Самая придирчивая критика не найдетъ въ его словахъ иныхъ указаній на ихъ бытовыя условія, кромѣ слѣдующихъ: славяне не имѣютъ общаго повелителя, управляются демократическимъ образомъ, объ общихъ дѣлахъ толкуютъ на сеймахъ **). Императоръ Маврикій того же вѣка въ общемъ повторяетъ сказанное Прокопіемъ, если не говоритъ о слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы приведемъ цѣликомъ: «Не легко заключить съ ними договоръ... Будучи противнаго другъ съ другомъ мнѣнія, они не сходятся на общемъ рѣшеніи; если большинство и согласится между собою, остальные возстанутъ противъ него; одинъ другому не желаетъ покоряться. У нихъ много начальниковъ, не ладящихъ другъ съ другомъ». Маврикій совѣтуетъ по-

*) Невольно приходитъ на умъ параллель нашей верви, названіе которой происходитъ отъ веревки, служащей при отмѣриваніи почвы.

**) Собѣстіанскій («Ученія о нац. особ. славянъ»), пишетъ на стр. 191: Прокопій хотѣлъ сказать, что антская и славянская вѣтви распадаются на мелкія племена.

этому римлянамъ подарками склонять этихъ отдѣльныхъ правителей на свою сторону и тѣмъ порождать рознь между славянами. Ко всѣмъ этимъ даннымъ присоединяется въ IX вѣкѣ свидѣтельство императора Льва VI, которое не прибавляетъ почти ничего къ вышеприведеннымъ чертамъ славянскаго быта и интересно только тѣмъ, что подтверждаетъ свидѣтельство Прокопія и Маврикія о существованіи у славянъ многихъ начальниковъ или повелителей *). То же можетъ быть сказано объ однохарактерныхъ показаніяхъ позднѣйшаго по времени писателя Константина Багрянороднаго **). Этотъ недостатокъ въ извѣстіяхъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ славянскіе историки старались восполнить тѣми многочисленными указаніями, какія на этотъ счетъ разсѣяны какъ въ «Краледворской», такъ и въ «Зеленогорской рукописяхъ» [66]. Не только Воцель, но, по его примѣру, и русскіе историки и юристы, Никольскій въ томъ числѣ, позволяли себѣ обращаться къ названнымъ двумъ источникамъ и строить на основаніи ихъ картину древне-славянскаго родового быта. Задача изслѣдователя сдѣлалась поэтому болѣе трудной съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшей критикѣ удалось доказать поддѣльность «Краледворской рукописи» и подвергнуть большому сомнѣнію подлинность «Зеленогорской». Приводя извѣстный отрывокъ о семейномъ устройствѣ древнихъ славянъ, какой содержитъ въ себѣ «Зеленогорская рукопись», мы считаемъ поэтому нужнымъ оговориться, что придаемъ ему значеніе лишь настолько, насколько имъ подтверждаются другія менѣе сомнительныя свидѣтельства. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежу;
А умретъ глава, начальникъ дома—
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становятъ надъ собой владыку,
Что за нихъ всегда на сеймы ходитъ»...

Остается затѣмъ еще свидѣтельство нашего начальнаго лѣтописца: «Полянамъ-бо, живущимъ особо и володѣющимъ роды своими» и въ другомъ мѣстѣ—«сидяху кождо съ родомъ своимъ».

Таковы чуть ли не всѣ тѣ данныя, которыми мы располагаемъ по вопросу о древнѣйшемъ устройствѣ славянъ. Говоря это, я разумѣю

---

*) Отрывки изъ византійскихъ писателей, относящіеся къ древнему быту славянъ, приведены у Воцеля въ его «Древнѣйшей исторіи славянъ и чеховъ въ частности», гл. II.

**) «Эти народы не имѣютъ другихъ правителей, кромѣ жупановъ, старѣйшинъ». О племенной разрозненности славянъ говорятъ и арабскіе писатели, Масуди, Аль Бекри (Собѣстіанскій, стр. 194 и 195), Ибнъ-Якубъ (см. Крекъ, «Einleitung in die slavische Liter. Gesch.», стр. 370).

одни прямыя свидѣтельства; помимо ихъ мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи еще рядъ косвенныхъ указаній. Эти послѣднія доставляютъ намъ данныя языка, разборъ топографическихъ названій и изученіе тѣхъ переживаній, какія сплошь-и-рядомъ встрѣчаются въ первыхъ по времени памятникахъ славянскаго права. Начнемъ съ данныхъ языка.

Воцелемъ указано на то обстоятельство, что слова для выраженія понятія рода происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же корней во всѣхъ и каждомъ изъ славянскихъ языковъ. Лавровскій, объясняя первоначальное значеніе слова «племянникъ», говоритъ, что подъ нимъ разумѣли всякаго вообще родственника, и что въ этомъ смыслѣ оно употребительно и доселѣ у черногорцевъ. Какъ въ памятникахъ древней письменности, такъ и въ простонародной литературѣ встрѣчается, говоритъ онъ, нерѣдко замѣна слова «племя» словомъ «родъ».

Племянникъ значитъ поэтому то же, что членъ рода. Архаичность этого термина, такимъ образомъ, сама служитъ доказательствомъ господства у насъ нѣкогда родового быта *).

Иречекъ, Кавелинъ и другіе представители родовой теоріи, съ полнымъ основаніемъ останавливаются также на разборѣ топографическихъ названій съ цѣлью оттѣнить родовой характеръ древнѣйшихъ поселеній. Съ окончаніемъ «ичи» или «овичи», употребительнымъ для обозначенія родовой связи, происхожденія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ поселеній какъ въ Сербіи и Чехіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ, напримѣръ, Утизеновичи, Драшковичи и т. д. **).

Въ Черногоріи каждое село, по словамъ г-на Попова ***), носитъ родовое названіе, а патронимическія наименованія селъ съ окончаніемъ на «чи» и «ичи», напр., Увѣтичи, Хвалимичи, встрѣчаются нерѣдко и въ Россіи ****).

Профессоръ Котляревскій, говоря о балтійскихъ славянахъ, упоминаетъ о существованіи и у нихъ родовыхъ наименованій деревень и сельбищъ *****). О такихъ же патронимическихъ названіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей и селъ говоритъ г. Богишичъ, какъ объ общераспространенныхъ въ средѣ южныхъ славянъ.

Мы оставимъ до-поры-до-времени изученіе тѣхъ переживаній, какія содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники славянскаго права,

---

*) Лавровскій, «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ», стр. 49—51. Болѣе старинный терминъ для обозначенія племянника въ нашемъ смыслѣ слова—нетій.

**) Иречекъ, «Das Recht in Böhmen und Mähren». Ч. I, вып. I, стр. 25.

***) Шпилевскій, стр. 16.

****) Тюринъ, «Библ. для чтенія» 1850 г. № 2, стр. 136—137.

*****) Котляревскій, «Древности права балтійскихъ славянъ», стр. 74.

и постараемся вывести на основаніи приведенныхъ уже данныхъ гипотетическое заключеніе о древне-славянскомъ устройствѣ.

Древніе писатели, какъ мы видѣли, единогласны въ утвержденіи, что славянскія племена не знали единой политической власти, что они жили разрозненно, что въ каждомъ изъ ихъ подраздѣленій можно было встрѣтить отдѣльнаго начальника, власть котораго не была неограниченной, такъ какъ всѣ одинаково сходились на сеймы, и такъ какъ противодѣйствія одного человѣка было достаточно, чтобы помѣшать общему соглашенію. Эти черты очевидно ни мало не противорѣчатъ буквальному толкованію словъ Нестора о славянскихъ родахъ и находятъ себѣ полное подтвержденіе какъ въ общей распространенности патронимическихъ наименованій для селъ, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что у всѣхъ славянскихъ племенъ понятіе рода обозначается однокоренными терминами. Господство родового быта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде, вполнѣ уживается съ существованіемъ семейной общины какъ подраздѣленія рода. Главы этихъ семейныхъ общинъ сходятся на сеймы, о чемъ, между прочимъ, говоритъ и приведенный выше отрывокъ «Зеленогорской рукописи» (владыко, что за нихъ всегда на сеймы ходитъ). Представляя семью въ общихъ родовыхъ собраніяхъ, владыко, судя по тому, что говоритъ о немъ та же рукопись, является распорядителемъ внутри семейства по отношенію ко всѣмъ домочадцамъ. Онъ распредѣляетъ между ними работы и начальствуетъ надъ «челядью». Владыкою обыкновенно бываетъ отецъ семьи; по смерти же отца его дѣти, оставаясь въ нераздѣльности, сами ставятъ надъ собой начальника, другими словами, выбираютъ его изъ своей среды. Примѣръ такой нераздѣльной семьи приводитъ и нашъ начальный лѣтописецъ, говоря о Кіи, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбедѣ.

Итакъ, родъ, представляющій совокупность нѣсколькихъ нераздѣльныхъ семей, имѣющій своего старшину и свое собраніе (указаніе на послѣднее содержатъ въ себѣ византійскіе писатели—такова форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятниками исторія славянъ и ихъ права.

Очевидно, что родовой бытъ не могъ исчезнуть безслѣдно, а необходимо оставилъ по себѣ тѣ или другіе слѣды въ сравнительно позднихъ по времени первыхъ памятникахъ славянскаго законодательства. Эти слѣды и будутъ указаны нами теперь. Всего нагляднѣе выступаетъ кровный характеръ отношеній въ древнемъ сербскомъ правѣ. Задолго до появленія «Законника Стефана Душана», письменныя свидѣтельства упоминаютъ уже о сожительствѣ нѣсколькихъ братьевъ и даже болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Въ комментаріяхъ на одно Евангеліе, написанныхъ ранѣе 1200 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія

слова: «ни пощадѣхъ немощныя старости матери своее и любимую братію оставихъ и сестры и ину прочу приснь», т.-е. родство. Изъ этого текста видно, что значительное число родственниковъ жило вмѣстѣ. Былъ ли такой союзъ родомъ или семейной общиной, мы сказать не беремся, такъ какъ точной границы, отдѣляющей эти два вида союзовъ, мы не знаемъ. Замѣчаніе Зигеля, что для понятія рода въ приведенномъ текстѣ недостаетъ упоминанія о родовомъ старшинѣ, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не основано. Автору не было надобности упоминать объ этомъ старшинѣ, такъ какъ задачей было указать только на фактъ оставленія родственниковъ лицомъ, идущимъ на христіанскій подвигъ, а не дать всестороннее описаніе составныхъ элементовъ рода или семьи *). Тѣмъ не менѣе, изъ сопоставленія этого текста съ другими одновременными и болѣе ранними, въ которыхъ рѣчь идетъ однообразно объ отцѣ, живущемъ съ дѣтьми, или о нѣсколькихъ сожительствующихъ братьяхъ, можно прійти къ тому заключенію, что «Законникъ» разумѣетъ союзъ ближайшихъ только родственниковъ. Вспомнимъ, что и въ настоящее время у южныхъ славянъ встрѣчаются семейныя общины, состоящія изъ десятковъ человѣкъ, а слѣдовательно и заключающія въ себѣ родственниковъ въ различныхъ степеняхъ родства. Мы согласны поэтому съ общимъ выводомъ Зигеля, что задолго до изданія въ 1349 г. «Законника» сербы жили уже не родами, а семейными общинами **). Эти семейныя общины и разумѣетъ «Законникъ», когда говоритъ въ статьяхъ 69-й и 70-й о лицахъ, живущихъ въ одномъ домѣ: «кто окажется въ одномъ домѣ, или братья, или отецъ и т. д.... братья, которые живутъ въ одномъ домѣ» ***).

Однохарактерное устройство представляетъ намъ и славянское населеніе Хорватіи и Далмаціи, насколько это устройство обрисовывается ихъ древнѣйшимъ законодательствомъ, статутами Винодола и Полицы [67]. Въ томъ описаніи, какое на основаніи свидѣтельствъ названныхъ памятниковъ даетъ семейной общинѣ профессоръ Леонтовичъ, она является союзомъ лицъ единокровныхъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью, владѣющихъ землею сообща и управляемыхъ избраннымъ господаремъ-администраторомъ и судьею ****). Такая характеристика находитъ себѣ полное оправданіе въ слѣдующемъ текстѣ Полицкаго статута. Статья 31-я этого памятника въ переводѣ г-на Собѣстіанскаго гласитъ слѣдующее:

---

*) Сравни Зигель, «Законникъ Стефана Душана», стр. 6.
**) См. стр. 8.
***) Собѣстіанскій, «Круговая порука у славянъ», Прага. 86-го года, стр. 38.
****) Леонтовичъ, «Хорвато-Далматское Право», стр. 69—71.

«Пока не раздѣлятся братья или другіе участники (члены задруги), до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро, и зло, корысть и убытокъ, и долги, кому они должны, и кто имъ долженъ, все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ же раздѣла всякому своя доля» *).

И въ польскомъ правѣ, какъ слѣдуетъ изъ текстовъ, отпечатанныхъ Гельцелемъ въ его «Monumenta juris polonici», семейная община еще въ XIV вѣкѣ составляла обычную основу жизни. Отправляясь отъ той мысли, что общеніе имуществъ является источникомъ всѣхъ несогласій, одно законодательное постановленіе, дошедшее до насъ въ его латинской редакціи, указываетъ на тотъ путь, какимъ братья, живущіе сообща, могутъ выйти изъ нераздѣльности. Такимъ образомъ, оно косвенно свидѣтельствуетъ о томъ, что и по смерти родителя братья продолжали составлять одну семейную общину, точь-въ-точь какъ это доселѣ имѣетъ мѣсто у сербовъ и вообще у южныхъ славянъ **).

Основываясь на томъ фактѣ, что въ Полицкомъ статутѣ семейная община обозначается терминомъ вервь, г. Леонтовичъ, а за нимъ и Бестужевъ-Рюминъ, не безъ основанія видятъ въ верви «Русской Правды» не что иное, какъ семейную общину ***). Къ соображеніямъ, представленнымъ защитниками этой теоріи, мы прибавимъ съ своей стороны слѣдующее: въ «Русской Правдѣ» говорится о верви, какъ о платящей дикую виру въ томъ случаѣ, когда нельзя найти головника, т.-е. прямого виновника преступленія (ст. 89). Въ той же «Правдѣ» значится, что можно вложиться и не вложиться въ дикую виру, другими словами, или участвовать въ платежѣ ея, или не участвовать; послѣдствіемъ отказа отъ участія является прекращеніе по отношенію къ отказавшемуся прежней обязанности верви платить за него виру (ст. 90) ****).

Кровная месть, какъ хорошо извѣстно каждому, предполагаетъ участіе лицъ единокровныхъ въ преслѣдованіи правонарушителя и его родственниковъ и въ вынужденіи ихъ къ уплатѣ за «кровь». Условіе для участія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для полученія виры,—родство, на первыхъ порахъ родство въ любой степени, съ теченіемъ времени лишь въ ближайшихъ степеняхъ. Въ интересахъ сохраненія мира и спокойствія представителя политической власти считаютъ нужнымъ ограничить право обязательнаго участія въ мести и въ композиціяхъ;

---

*) Собѣстіанскій, «Круговая порука у славянъ», стр. 59.

**) Helzel, «Monumenta juris polonici». Оно начинается словами: «Cum communio in qua fratres vivunt est mater discordiae» etc.

***) См. Леонтовичъ, «О значеніи верви сравнительно съ задругою западныхъ славянъ» («Журн. Мин Нар. Просвѣщ.» 1867 г.); Бестужевъ, «Русская исторія», т. I, гл. 41.

****) Калачевъ, «Изслѣдованіе о Русской Правдѣ», стр. 114.

не рѣшаясь, однако, сразу отмѣнить стародавній обычай, въ силу котораго все родство считаетъ себя солидарнымъ съ обиженнымъ, они изъ обязательной дѣлаютъ месть и замѣняющую ее уплату виры факультативной [68] для отдаленныхъ родственниковъ. Примѣръ этому представляютъ намъ англо-саксонскіе законы, въ которыхъ уплата виры признается долгомъ ближайшей семьи обидчика, и въ то же время болѣе далекимъ родственникамъ дозволяется принимать въ ней участіе, въ вознагражденіе за что правонарушенія, ими содѣянныя, въ свою очередь, выкупаются всѣми тѣми, въ пользу кого они несутъ виру *).

Итакъ, исторіи права извѣстно, съ одной стороны, участіе въ платежѣ виры только родственниковъ, съ другой—обязательность такого участія для однихъ близкихъ родственниковъ и факультативность ея для остальныхъ. Выражаясь языкомъ «Русской Правды», мы можемъ сказать, что отдаленный родственникъ можетъ вложиться и не вложиться въ уплату виры, и что послѣдствіемъ его отказа будетъ то, что «людіе впредь ему не помогаютъ, но самъ платитъ». Прилагая сказанное къ толкованію текста о дикой вирѣ, платимой вервью, мы въ правѣ сказать, что, такъ какъ плательщики виры—родственники, и виру платитъ вервь, то и въ составъ ея (верви) должны входить, родственники, притомъ родственники какъ близкіе, такъ и отдаленные: почему 60 ст. «Русской Правды» и дозволяетъ не вложиться въ дикую виру, предваряя въ то же время, что послѣдствіемъ этого будетъ прекращеніе помощи со стороны остальныхъ членовъ верви. Союзъ, въ составъ котораго входятъ не только близкіе, но и отдаленные родственники, очевидно не иное что, какъ семейная община, съ ея, какъ мы не разъ имѣли случай замѣтить, десятками членовъ, связанныхъ между собою узами крови. Съ такимъ заключеніемъ вполнѣ согласно какъ то первоначальное значеніе, какое славянскіе языки связываютъ съ однокоренными съ вервью словами, такъ и употребленіе, дѣлаемое изъ послѣдняго термина сербскимъ языкомъ. По мнѣнію Лавровскаго, «вервь», «веревка»—слова одного происхожденія, одинаково указывающія на связь, узы, соединяющія воедино лицъ одной крови. Вервникъ доселѣ обозначаетъ на сербскомъ языкѣ родственника **). Согласно съ сказаннымъ, толкованіе встрѣчающагося въ «Правдѣ» термина «вервь» должно отправляться отъ признанія, во-первыхъ, кровнаго родства между членами верви, а во-вторыхъ,

---

*) См. мою «Исторію полицейской администраціи въ Англіи», гл. I.

**) Лавровскій, «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ», стр. 93. Въ Полицкомъ статутѣ терминъ «вервь» употребляется въ смыслѣ семейной общины или задруги.

тѣсной связи ихъ между собою. И та, и другая черта одинаково встрѣчается въ семейной общинѣ, основу которой кладетъ сожительство родственниковъ подъ одною кровлею.

Но, спрашивается, откуда могъ появиться въ текстѣ «Русской Правды» южно-славянскій терминъ, каковъ терминъ «вервь»? Какъ объяснить, что этотъ древнѣйшій памятникъ русскаго права употребляетъ непонятное для русскаго выраженіе? Замѣтимъ прежде всего, что терминъ «вервь»—далеко не единственное заимствованіе, сдѣланное составителемъ «Правды» изъ южно-славянскаго лексикона; что на ряду съ нимъ, надо поставить и столь же непонятный на первый взглядъ терминъ — братучада, который въ значеніи двоюроднаго брата попадается доселѣ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго отрывка:

У мен'има девет брат'е,
И толико братучеда *).

Если согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ изслѣдователей русской старины, которые, какъ, напримѣръ, проф. Ключевскій, полагаютъ, что «Русская Правда» находила примѣненіе себѣ въ сферѣ церковнаго суда и была редактирована лицомъ духовнымъ, то нетрудно будетъ объяснить, почему ея составитель не пренебрегаетъ терминами, смыслъ которыхъ, быть-можетъ, былъ вполнѣ понятенъ только ему одному. Вѣдь первые наши духовные и грамотѣи были, какъ извѣстно, по преимуществу, южные славяне. Удивительно ли, если при недостаточномъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ, они подчасъ прибѣгали къ отечественному для передачи тѣхъ или другихъ нормъ русскаго обычнаго права!

Если наше толкованіе встрѣчающагося въ «Правдѣ» слова «вервь» будетъ принято, а оно, во всякомъ случаѣ, менѣе спорно, чѣмъ то, которое видитъ въ ней сельскую общину или артель (объясненія Лешкова и Калачева), то придется признать, что въ «Русской Правдѣ», какъ и въ «Законникѣ Стефана Душана», какъ и въ Полицкомъ и Винодольскомъ статутахъ, встрѣчаются несомнѣнныя данныя въ пользу существованія нѣкогда у славянъ родового быта. Переживаніемъ этого послѣдняго въ «Русской Правдѣ» надо считать «вервь» или семейную общину. происхожденіе которой, какъ не разъ было замѣчено, объясняется позднѣйшимъ по времени развѣтвленіемъ рода на болѣе тѣсные союзы ближайшихъ родственниковъ.

Какъ и у другихъ арійскихъ народностей, господство родового

*) Вукъ Караджичъ, I. 283.

быта сказывается у славянъ въ фактѣ взаимной отвѣтственности лицъ единокровныхъ за совершаемыя ими преступленія. Эта отвѣтственность существуетъ какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ родомъ обиженнаго. Примѣръ перваго вида отвѣтственности мы уже видѣли выше въ отвѣтственности верви. Дикая вира, уплачиваемая ею, какъ выяснено изслѣдованіями Ланге, Иванишева и др, поступаетъ не въ руки обвиняемаго и его родственниковъ, а въ руки князя. По своему характеру она подходитъ подъ понятіе германскаго «Fredus», который, какъ извѣстно, являлся денежною пенею за нарушеніе «королевскаго мира». Для виры, въ смыслѣ германскаго «Wehrgeld», или частной «композиціи» роду обиженнаго, въ «Русской Правдѣ» существуетъ особый терминъ—«головничество». Ни въ одной изъ статей нашего древняго свода не значится, чтобы въ уплатѣ «головничества» принимали участіе и родственники обидчика. Такое участіе, тѣмъ не менѣе, встрѣчалось на первыхъ порахъ; право думать это дастъ намъ не только аналогія съ другими славянскими правдами, но и прямое свидѣтельство договора Игоря съ греками. Въ немъ мы находимъ слѣдующія слова: «ежели убѣжитъ сотворивый убійство и аще будетъ имовитъ, да возьмутъ имѣніе его ближніе убіеннаго». Множественное число, въ которомъ стоятъ лица, получающія частное вознагражденіе, даетъ право думать, что родственники, совмѣстно получавшіе композицію, заодно участвовали и въ платежѣ ея *).

Солидарность родственниковъ всего нагляднѣе выступаетъ въ юго-славянскихъ правдахъ. О далматинцахъ Рейцъ говоритъ, что у нихъ пеню за нарушеніе преступникомъ мира несли всѣ родственники, — что, прибавляетъ онъ, вело нерѣдко къ разоренію цѣлаго ряда семействъ. У сербовъ, какъ видно изъ ст. 60 «Законника Стефана Душана», денежная отвѣтственность за преступленіе падала уже не на весь родъ, а на членовъ одной съ преступникомъ семейной общины или задруги. Вотъ почему названная статья говоритъ о «господарѣ куіцны», другими словами о старшинѣ семейной общины или задруги, какъ о лицѣ, на котораго возлагается обязанность уплаты виры. Солидарная отвѣтственность родственниковъ продолжается до тѣхъ поръ, пока держится семейная нераздѣльность. Ст. 48 «Законника» постановляетъ поэтому, что лица «отдѣльныя», живущія «въ своихъ домахъ», не призываются къ уплатѣ виры и, въ свою очередь, не въ правѣ требовать, чтобы родственники платили ее за нихъ. Другія славянскія законодательства ограничиваютъ участіе родственниковъ въ платежѣ частью виры. Такъ, Винодольскій статутъ говоритъ

*) Шпилевскій, «Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ», стр. 135—145.

лишь объ участіи ихъ въ уплатѣ половиннаго выкупа *), а Вислицкій [69] предоставляетъ дальнимъ родственникамъ полученіе выкупа только при отсутствіи ближайшихъ. Наконецъ, въ Закроченскомъ статутѣ 1390 г. участіе родственниковъ изъ обязательнаго становится факультативнымъ. Въ Чешскомъ же Рядѣ о немъ не упоминается вовсе **).

Въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства родовое начало сказывается въ фактѣ принесенія родственниками на судѣ такъ называемой очистительной присяги за подсудимаго или отвѣтчика. Всего нагляднѣе эта сторона родовыхъ отношеній выступаетъ въ средневѣковомъ статутѣ Каттаро отъ 1459 года. Этимъ статутомъ предписывается, что обвиняемый въ уличномъ воровствѣ обязанъ очистить себя присягою 12-ти лучшихъ родственниковъ; въ случаяхъ, менѣе важныхъ, достаточно присяги 6-ти сродниковъ. Присягающіе свидѣтельствуютъ болѣе добрую славу лица, въ пользу котораго приносится ими присяга, нежели совершеніе или несовершеніе приписываемаго ему преступленія. Подъ наименованіемъ очистниковъ, соприсяжники извѣстны и древнему чешскому праву. Въ «Законникѣ Стефана Душана» они называются поротниками. Въ послухахъ «Русской Правды», какъ показалъ впервые Демченко, также слѣдуетъ видѣть не свидѣтелей, а лицъ, удостовѣряющихъ присягою добрую славу отвѣтчика,—его соприсяжниковъ. При всемъ сходствѣ между собою, чешскіе очистники, сербскіе поротники и русскіе послухи, отличаются тѣмъ существенно другъ отъ друга, что очистниками, какъ и послухами, могутъ быть и родственники, тогда какъ поротникомъ можетъ быть только чужеродецъ. Прямое запрещеніе родственникамъ приносить очистительную присягу, о которомъ говоритъ «Законникъ Стефана Душана», само по себѣ свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что въ прежнее время родственники являлись поротниками или соприсяжниками, другими словами, что судебная защита родственниковъ извѣстна была въ древности сербскому праву въ такой же степени, какъ и далматинскому ***).

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ вопросы о характерѣ родового устройства у различныхъ вѣтвей арійской семьи и позволимъ себѣ теперь сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые общіе выводы.

Факты дѣйствительности и факты прошлаго одинаково указываютъ на то, что въ извѣстный періодъ своей жизни народы одной съ нами крови были организованы въ общественныя группы, въ которыхъ связующимъ звеномъ было представленіе о происхожденіи

---

*) См. русскій переводъ Ягича, ст. XXXI.
**) Шпилевскій, «Союзъ родственной защиты».
***) Тамъ же, стр. 156—157.

отъ общаго родоначальника мужчины и культъ этого родоначальника. Я настаиваю на томъ, что объединяющимъ началомъ было одно представленіе. Народныя легенды, говорящія намъ о происхожденіи, напримѣръ, отдѣльныхъ клановъ Шотландіи отъ опредѣленныхъ лицъ, отъ Кона или Ферхара Макъ-Фарадайга, и однохарактерныя имъ сказанія римлянъ или грековъ о происхожденіи, положимъ, дорійцевъ или іонійцевъ и ихъ дальнѣйшихъ развѣтвленій, а также отдѣльныхъ gentes древне-римскаго государства, — не болѣе какъ сказанія, въ которыхъ извѣстному лицу, выдѣлившемуся своими заслугами, прописывается роль основателя цѣлаго рода. Факты, сообщаемые Ляйэллемъ о порядкѣ возникновенія отдѣльныхъ родовъ у раджпутовъ, въ свою очередь, нисколько не говорятъ о томъ, чтобы наличный составъ рода могъ быть съ исторической достовѣрностью возведенъ къ опредѣленному физическому лицу. Наоборотъ, они представляютъ намъ процессъ зарожденія рода въ совершенно иномъ свѣтѣ. Изъ кровнаго родственника, какимъ онъ рисовался нѣкогда нашему воображенію, родоначальникъ нисходитъ до роли смѣлаго удачника, сумѣвшаго сгруппировать вокругъ себя бо́льшее или меньшее число неродственныхъ ему семей, объединить ихъ общностью преслѣдуемыхъ цѣлей, къ которымъ въ ближайшихъ поколѣніяхъ присоединяется новое условіе, скрѣпляющее единство,—общій культъ этому же удачнику. Въ своей совокупности эти два начала — экономическое и религіозное—ведутъ постепенно къ развитію той солидарности, какой держится родовая организація. Проявленіемъ ея служитъ, съ одной стороны, общность владѣнія, остаткомъ которой и въ позднѣйшую эпоху является право совмѣстнаго наслѣдованія, а также право предпочтительной покупки и родового выкупа, съ другой—круговая порука не только въ отмщеніи обидъ, но и въ отвѣтственности за всякаго рода дѣйствія, личныя или имущественныя, совершаемыя частнымъ лицомъ въ интересахъ рода или на средства родового капитала.

Послѣ сказаннаго ясно, что мы не можемъ болѣе смотрѣть на родъ какъ на разросшуюся семью; вопросъ объ источникѣ его зарожденія все еще остается открытымъ.

Гораздо опредѣленнѣе можемъ мы высказаться на основаніи изученнаго уже нами матеріала о процессѣ образованія такъ называемой семейной общины. Она не болѣе какъ послѣднее изъ развѣтвленій рода или, вѣрнѣе, предпослѣднее, если считать завершеніемъ процесса образованіе малыхъ семей путемъ раздѣловъ *). Личный ея составъ

*) О существованіи такихъ семей даже въ классической странѣ семейной общины или задруги смотри Богишича «О несложной сельской семьѣ у сербовъ и хорватовъ» («Ж. Мин. Нар. Просв.», 1885, февраль; отд. оттискъ).

отличается несравненно большею чистотою: кровная связь живущихъ въ ней поколѣній съ прошедшими и, переступая нерѣдко черезъ рядъ посредствующихъ ступеней, съ основателемъ всего сообщества, легко можетъ быть установлена фактически. Культъ этого общаго предка въ такой же степени является въ ней связующимъ цементомъ, въ какой въ родѣ — культъ мнѳическаго или историческаго родоначальника. Но къ этому, съ одной стороны, кровному, съ другой — религіозному началу присоединяется въ семейной общинѣ въ несравненно бо̀льшей степени, чѣмъ въ родѣ, начало экономическое, сказывающееся въ ней не только въ общности владѣнія, но и въ общности труда, и обращающее все сообщество въ своего рода производительную ассоціацію. Веденіе хозяйства сообща предполагаетъ сожительство, по крайней мѣрѣ, большинства членовъ семейной общины и дѣлежъ съ ними уходящими на заработокъ родственниками всѣхъ сдѣланныхъ ими пріобрѣтеній. Экономическія и религіозныя узы семейнаго единства такъ тѣсно переплетаются между собою въ средѣ семейной общины, что очагъ служитъ въ ней одновременно и общей кухней, и общимъ алтаремъ. А терминъ, которымъ обозначаются ближайшіе участники въ культѣ предковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является кличкою для всѣхъ сожительствующихъ и трудящихся на общую пользу родственниковъ. Гдѣ кончается сожительство, тамъ кончается и ближайшее родство. Индусскіе сапинда, какъ и греческіе анхіотесъ—лица, которыхъ связываютъ одновременно и сожительство, и ближайшее участіе въ семейныхъ sacra[70]. Послѣдняя черта особенно наглядно выступаетъ въ индусскихъ сводахъ, которые признаютъ за одними только сапинда обязательство приносить предкамъ жертвенные пироги и ограничиваютъ обязанности дальнѣйшаго родства—самаподока—возліяніемъ воды на семейный жертвенникъ.

Вытекающее изъ существованія всѣхъ вышеуказанныхъ связей начало солидарности выступаетъ въ семейной общинѣ съ несравненно большею напряженностью, нежели въ родѣ. Не всѣ цѣнности, которыми владѣетъ послѣдній, составляютъ его общую собственность: рядомъ съ общимъ кладбищемъ, которое для рода имѣетъ то же значеніе жертвеннаго алтаря, какое очагъ для семьи, рядомъ съ обыкновенно встрѣчающимся въ немъ родовымъ полемъ (ager gentilitium), имѣется и обособленная собственность, которая принадлежитъ входящимъ въ составъ рода семейнымъ общинамъ. Другое дѣло послѣднія: въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нѣтъ мѣста для индивидуальнаго обладанія. Какимъ бы путемъ ни были пріобрѣтены тѣ или другія цѣнности, съ помощью или безъ помощи семейнаго капитала, онѣ равно поступаютъ въ общее пользованіе. Точно также, какимъ бы образомъ ни были произведены извѣстные долги, разъ виновни-

комъ ихъ является сожительствующій съ семьею членъ, они должны быть покрыты всѣми участниками въ ней. Отсюда въ сферѣ имущественныхъ отношеній то послѣдствіе, что нѣтъ права индивидуальнаго распоряженія, и что всѣ члены дворовой общины, выражаясь языкомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ памятниковъ, имѣютъ въ мѣнахъ и продажахъ такъ называемый Beispruchsrecht. Это уже не простое право купить отчуждаемое имущество предпочтительно предъ чужеродцемъ, какимъ пользуется всякій членъ рода; это не общее также всѣмъ родичамъ право выкупа разъ отчужденнаго имущества. Это — право дать или отказать въ своемъ согласіи на отчужденіе семейнаго достоянія; это право утвердить или отвергнуть актъ личнаго распоряженія послѣднимъ со стороны главы семьи, ея управителя и хозяина.

Тѣснѣйшая связь, объединяющая собою членовъ семейной общины, сказывается въ болѣе рѣзкомъ проявленіи въ ней начала круговой поруки. Члены семьи—ближайшіе мстители; они же—ближайшіе плательщики композицій, обыкновенные соприсяжники и поручители обвиняемаго. Участіе остальныхъ родственниковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—не болѣе какъ добавочное. Они выступаютъ то на смѣну недостающихъ однодворцевъ, то принимаютъ на себя часть падающихъ на родство обязательствъ. Соотвѣтственно и права ихъ несравненно менѣе значительны. Они наслѣдники семейнаго имущества только при совершеномъ вымираніи владѣющаго имъ сообщества. Наоборотъ, члены послѣдняго, безъ различія степеней,—всегда сонаслѣдники, въ томъ, однако, лишь смыслѣ, что, кто бы ни умеръ въ семьѣ, и какія бы новыя лица ни народились въ ней, имущество ея продолжаетъ оставаться фондомъ для покрытія издержекъ всѣхъ однородцевъ. Употребляя современную намъ юридическую терминологію, фактъ «открытія наслѣдства» въ семейной общинѣ никогда не наступаетъ, такъ какъ кончина ея главы имѣетъ послѣдствіемъ лишь перемѣну въ лицѣ управителя.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ родовая и общинно-семейная организація къ сельской, то, на основаніи приведеннаго уже матеріала, мы въ правѣ будемъ сказать, что сельская община—преемница родовой, не устраняющая собою необходимости дальнѣйшаго существованія семейной. Не вдаваясь въ вопросъ о процессѣ замѣны родовой общины сельскою, вопросъ, который легко бы могъ сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, я отмѣчу только тотъ фактъ, что какъ преемница родовой сельская община унаслѣдовала многія изъ ея характерныхъ чертъ. Общинное владѣніе въ ней—не что иное, какъ распространенное на чужеродцевъ начало родового общенія. Право предпочтительной покупки сосѣдей и сосѣдскаго выкупа—не болѣе какъ осуществляемое тѣми же чужерод-

цами право родовой преэмпціи и родового выкупа. Право наслѣдованія въ выморочномъ имуществѣ (Vicinnenrecht)—перенесенное на сосѣдей право рода наслѣдовать въ имуществѣ вымершей семьи. Круговая порука, сказывающаяся въ солидарной отвѣтственности передъ правительствомъ и за сохраненіе полицейскаго порядка, и за выполненіе натуральныхъ и денежныхъ повинностей и платежей, имѣетъ своимъ источникомъ кровную круговую поруку; тѣмъ же источникомъ объясняется выступленіе сосѣдей въ роли поручителей и соприсяжниковъ, роли, нѣкогда осуществляемой кровными родственниками. Нѣтъ также основанія полагать, чтобы сельскій сходъ и сельскій староста не были преемниками и не сложились по типу родового собранія и родового старѣйшины, хотя фактически такой переходъ едва ли можетъ быть доказанъ по недостатку источниковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ тому заключенію, что въ изученіи родового устройства лежитъ ключъ къ уразумѣнію генезиса [71] отдѣльныхъ институтовъ одинаково гражданскаго, уголовнаго и публичнаго права.

ГЛАВА III.

Материнскій родъ.

Мы познакомились пока лишь съ характерными особенностями той кровной организаціи, въ которой родоначальникомъ считается мужчина, а мѣсто, занимаемое каждымъ, опредѣляется бо̀льшей или меньшей близостью къ нему.

Въ этой организаціи женщина не играетъ почти никакой роли, и родство съ нею одною не даетъ права никому на занятіе той или другой ступени родовой лѣствицы иначе, какъ въ силу усыновленія его мужчиной, т.-е. опять-таки на томъ же основаніи если не природнаго, то искусственнаго родства съ мужчиною. Прибавимъ, что тѣмъ же путемъ усыновленія лица и совершенно постороннія роду могутъ сдѣлаться его членами, что еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что при родовой организаціи женщина ни прямо, ни косвенно не оказываетъ вліянія на общественное положеніе того или другого лица.

Если родъ съ характеризующей его мужской филіаціей [72] встрѣчается, какъ мы видѣли, у самыхъ разноплеменныхъ народностей, въ частности и у важнѣйшихъ представителей арійской семьи; если эпохой его медленнаго и самопроизвольнаго разложенія открывается достовѣрная исторія всѣхъ и каждаго изъ передовыхъ народовъ Европы и Азіи, то значитъ ли это, чтобы человѣчеству не извѣстна была и другая, быть-можетъ, еще болѣе архаическая общественная организація, гдѣ женщина, генетическая связь съ которой не требуетъ для своего признанія даже той слабой работы мысли, какую предполагаетъ установленіе мужской филіаціи, играла ту роль, какая въ родовой принадлежитъ мужчинѣ? Полвѣка назадъ самая постановка

такого вопроса едва ли была возможна. Патріархальная теорія [73], которую Мэнъ справедливо возводитъ ко временамъ Аристотеля и Платона, не допускала существованія даже въ отдаленнѣйшей древности и у наиболѣе отсталыхъ народностей такого порядка, при которомъ моногамическая или полигамическая семья, съ вполнѣ выработаннымъ въ ней верховенствомъ мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми, не была той первичной ячейкой, изъ которой, путемъ мужской филіаціи, развились бы роды и отправляющіеся отъ нихъ племенные и клановые союзы, назовемъ ли мы ихъ филами, трибами или другимъ какимъ терминомъ, заимствованнымъ изъ быта ново-европейскихъ народностей. Упоминанія древнихъ писателей, въ томъ числѣ Геродота, Діодора или Страбона, о народахъ, которымъ извѣстно одно материнство, какъ несогласныя съ ходячей теоріей, признавались баснословными; описанія же путешественниками такихъ общественныхъ порядковъ, при которыхъ женщина играетъ первенствующую роль, одинаково въ семьѣ и родѣ, отчасти относимы были къ области вымысловъ, отчасти объясняемы тѣмъ вырожденіемъ, которымъ, по соображеніямъ христіанскихъ миссіонеровъ, объясняется временный бытъ дикарей, какъ утратившихъ познаніе истиннаго Бога и связанной съ нимъ нравственности. Если не говорить о смѣлыхъ гипотезахъ Лафито, впервые подмѣтившаго еще въ концѣ XVIII вѣка широкое господство у краснокожихъ безпорядочнаго полового сожитія и обусловленное имъ отсутствіе постоянной связи дѣтей съ отцами, никто ранѣе Мак-Леннана и Бахофена не подымалъ рѣчи о материнствѣ, какъ о первоначальномъ видѣ родственныхъ отношеній. Отъ признанія материнства, какъ предшествующаго по времени отчеству, до установленія того взгляда, что основанный на женской филіаціи родъ древнѣе основаннаго на мужской, оставался одинъ шагъ, но шагъ этотъ сдѣланъ былъ не ранѣе появленія капитальныхъ трудовъ американца Моргана, который въ бытѣ ирокезцовъ и др. краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки открылъ господство еще въ наши дни такой общественной организаціи, а въ обстоятельно изученныхъ имъ системахъ наслѣдованія сотенъ разноплеменныхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта—переживанія материнскаго рода. Какъ мы сейчасъ увидимъ, вопросъ о единообразномъ прохожденіи народами разныхъ расъ той ступени развитія, которая Морганомъ обозначается терминомъ материнскаго рода, пока остается открытымъ. Послѣдователи патріархальной теоріи, съ Мэномъ во главѣ, все еще отказываютъ въ признаніи характера общности за указаннымъ Морганомъ, но далеко не объясненнымъ имъ процессомъ послѣдовательнаго перехода материнскаго рода въ отеческій. Нерѣдко слышатся голоса и въ пользу той мысли, что существованіе материнскаго рода у туземцевъ Америки

и Океаніи само по себѣ не доказываетъ того, чтобы народы семитической или арійской группы также прошли черезъ эту стадію развитія. Въ противоположности между материнскимъ и патріархальнымъ родами, материнской и патріархальной семьей многіе видятъ прирожденныя этнографическія различія, говорящія развѣ противъ единства происхожденія человѣческаго рода. Прочно установленнымъ является, такимъ образомъ, пока только фактъ существованія, на ряду съ извѣстными уже намъ родовыми группами, такихъ, основу которыхъ составляетъ происхожденіе не отъ общаго родоначальника, а отъ общей родоначальницы. Перешелъ ли этотъ материнскій родъ въ патріархальный, или нѣтъ, и если перешелъ, то по какимъ причинамъ, а также всюду ли могутъ быть отмѣчены слѣды его первоначальнаго существованія и послѣдующей замѣны, — таковы вопросы, вокругъ которыхъ и вращается въ настоящее время споръ защитниковъ и противниковъ морганової теоріи. Если наблюденія надъ непрекращающимъ своего развитія бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ состояніи указать намъ на условія, при которыхъ совершается переходъ материнскаго рода въ патріархальный, то одно лишь обстоятельное знакомство съ памятниками древнѣйшаго права арійскихъ народностей можетъ пролить свѣтъ на вопросъ о прохожденіи или непрохожденіи ими той стадіи общественнаго развитія, которая обозначается терминомъ материнскаго рода. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано трудами англійскихъ, нѣмецкихъ и отчасти русскихъ изслѣдователей. Конечно, приводимыя ими доказательства далеко не отличаются одинаковою убѣдительностью. Многія совершенно должны быть оставлены, другія нуждаются въ подкрѣпленіи новыми данными или допускаютъ иное освѣщеніе. Пополненный, провѣренный и отчасти просѣянный матеріалъ долженъ подвергнуться затѣмъ систематической обработкѣ. Ни одна область права не можетъ быть оставлена безъ разслѣдованія. Если материнство извѣстно было арійцамъ, хотя бы въ отдаленнѣйшій періодъ ихъ исторіи, то слѣды его, его переживанія, необходимо будутъ раскрыты и въ сферѣ гражданскаго права, хотя бы, напримѣръ, въ преимущественной роли братьевъ или сестеръ матери въ ряду родственниковъ-наслѣдниковъ, и въ уголовномъ правѣ, въ которомъ ихъ обязательство платить и соотвѣтственно право получать виру за убитаго будетъ прямо пропорціонально той роли, какую играютъ материнскіе родственники въ системѣ семьи и наслѣдованія. Мы найдемъ слѣды его и въ процессѣ, въ которомъ право давать подкрѣпительную присягу, всегда падающее на ближайшихъ родственниковъ, необходимо должно принадлежать и братьямъ матери, какъ ближе другихъ стоящимъ къ подсудимому, въ силу преимущественнаго значенія, нѣкогда призна-

ваемаго за женской филіаціей. Наконецъ, въ сферѣ публичнаго права родовое старѣйшинство, слѣдуя тому же закону преемства, какой одновременно господствуетъ въ сферѣ наслѣдственнаго права, необходимо сосредоточится въ рукахъ братьевъ по матери, какъ первенствующей нѣкогда группы родственниковъ. Нечего и говорить, что эти переживанія могутъ сохраниться далеко не въ равной мѣрѣ повсюду, и что о неизбѣжномъ присутствіи ихъ въ правѣ каждаго народа не можетъ быть и рѣчи. Въ сферѣ политическихъ отношеній послѣдствія происходящей рано или поздно замѣны материнства отчествомъ должны были сказаться всего раньше; первенствующая роль, разъ достигнутая мужчиною надъ женщиной, съ особенной энергіей и послѣдовательностью должна была поддерживаться имъ въ той области права, которая является прямымъ и наиболѣе надежнымъ проводникомъ всякаго вліянія и власти. Не удивительно поэтому, если въ порядкѣ преемства должности вождя и верховнаго представителя рода слѣды материнства исчезли всего ранѣе, гораздо ранѣе, чѣмъ въ правѣ наслѣдованія. Они не оставили въ большинствѣ законодательствъ даже косвенныхъ свидѣтельствъ своего существованія. Съ другой стороны, надо помнить, что сошедшій со сцены правовой порядокъ оставляетъ за собою тотъ или другой пережитокъ лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдній находитъ новыя условія для своего существованія, сохраняетъ, такъ сказать, свою raison d'être [74], хотя бы и при перемѣнѣ въ характерѣ послѣдней, а это можетъ случиться далеко не въ равной мѣрѣ во всѣхъ и каждой изъ областей права даннаго народа. Поясникъ это примѣромъ. Деверство или левиратъ [75], встрѣчающееся у цѣлаго ряда дикихъ или варварскихъ народностей какъ послѣдствіе общенія женъ между членами одной и той же группы ближайшихъ родственниковъ—братьевъ, можетъ, какъ доказываетъ примѣръ еврейскаго, индусскаго и греческаго права, удержаться въ томъ или другомъ вымирающемъ видѣ и при переходѣ народа на высшую ступень общественности, благодаря распространившемуся со временемъ взгляду на женщину какъ на объектъ имущественнаго права, или еще благодаря заботамъ о продленіи рода, весьма понятнымъ при господствѣ патріархальнаго строя и обусловленнаго имъ культа предковъ. Но значитъ ли это, что и другія проявленія того же начала архаическаго общенія женъ въ предѣлахъ родовой группы, напримѣръ, отчужденіе ихъ съ общаго согласія всѣхъ совладѣльцевъ родственниковъ или отдача ихъ на тѣхъ же условіяхъ въ наемъ или временное пользованіе, непремѣнно должны быть извѣстны тому же еврейскому, индусскому или греческому праву, несмотря на то, что въ этихъ правахъ съ исчезновеніемъ первоначальныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни такое общеніе, не явилось никакихъ новыхъ?

Очевидно нѣтъ. Я не вижу поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что ни одно изъ названныхъ законодательствъ не представляетъ намъ примѣра такихъ переживаній, хотя въ то же время всѣмъ и каждому изъ нихъ равно извѣстенъ вытекшій изъ той же причины институтъ левирата или деверства. Возьмемъ еще примѣръ. Общее всякому патріархально-родовому быту начало распоряженія женщиной со стороны ея родственниковъ получило возможность такого поздняго, сравнительно, проявленія, какъ то, какое предполагаетъ обязательное для аѳинской эпиклеры или единственной дочери-наслѣдницы вступленіе въ бракъ съ родственникомъ. Но это начало встрѣчается въ одномъ греческомъ правѣ, отнюдь не въ индусскомъ или еврейскомъ, такъ какъ въ Греціи оно нашло нужную для себя поддержку въ заботливости законодателя о безповоротномъ удержаніи имущества въ рукахъ владѣющаго имъ рода.

Считая, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для выясненія нашей мысли о причинахъ удержанія тѣмъ или другимъ правомъ извѣстныхъ только сторонъ уже пережитаго прошлаго, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаю, что вышесказаннымъ вполнѣ опредѣляются задача и планъ настоящей и слѣдующихъ за ней главъ. Отправляясь отъ характеристики материнскаго рода по тѣмъ образцамъ его, какіе въ наши дни представляетъ бытъ нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, установивши затѣмъ фактъ его широкаго распространенія въ настоящемъ и прошломъ разнообразнѣйшихъ народностей Стараго и Новаго Свѣта, я перейду къ вопросу о причинѣ и ходѣ постепенной замѣны материнскаго рода патріархальнымъ и представлю образцы такого перехода въ бытѣ современныхъ намъ дикарей. Выяснивши генезисъ патріархальнаго рода, я попытаюсь затѣмъ фактически обосновать тотъ взглядъ, что намѣченный, такимъ образомъ, процессъ развитія не составляетъ особенности однихъ народовъ Америки или Океаніи, но что о немъ можетъ идти рѣчь и въ примѣненіи къ такой передовой расѣ, какъ арійская. Съ этой послѣдней цѣлью прослѣжены будутъ мною съ возможной полнотою всѣ тѣ пережитки материнскаго рода, какіе попадаются въ древнѣйшихъ законодательствахъ этой расы, а также въ ея религіозныхъ миѳахъ и древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности.

Составъ рода у ирокезцовъ Морганъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Родъ обнимаетъ собою лицъ, считающихъ себя происходящими въ женской линіи отъ общей всѣмъ имъ миѳической родоначальницы». Такимъ образомъ, въ составъ его обязательно входятъ:

сама родоначальница и ея дѣти, дѣти ея дочерей и дѣти ея женскихъ потомковъ, сколько бы ихъ ни оказалось *).

Внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ роду служитъ носимое лицомъ имя. Въ распоряженіи каждаго рода имѣется извѣстное число собственныхъ именъ, которыя съ согласія его членовъ даются матерями ихъ новорожденнымъ; послѣдніе, по достиженіи ими совершеннолѣтія, мѣняютъ эти имена на другія. Никто, кромѣ членовъ даннаго рода, не въ правѣ присвоить себѣ одно изъ этихъ именъ. Чужеродецъ, сдѣлавшійся въ силу усыновленія членомъ рода, получаетъ, вмѣстѣ съ принятіемъ его въ родъ, и то или другое родовое названіе, причемъ обыкновенно ему сообщается имя умершаго родственника, мѣсто котораго онъ заступаетъ.

Другимъ не столь рѣзко бросающимся въ глаза признакомъ принадлежности къ роду служитъ ограниченіе въ извѣстномъ смыслѣ свободы выбора невѣсты. Члены рода не могутъ вступать въ бракъ между собою; это значитъ, что бракъ немыслимъ между лицами, считающимися родственниками въ женской линіи, что, разумѣется, нимало не исключаетъ возможности брака между тетками и племянниками, дядями и племянницами, понимая эти термины въ обычномъ намъ смыслѣ, разъ эти племянники и племянницы являются родственниками своихъ дядей и тетокъ по отцу, а не по матери. Предположимъ случай вступленія въ бракъ внука родоначальницы съ женщиной чужого рода; у супруговъ рождается ребенокъ—мужчина. Оставаясь вѣрными родовымъ представленіямъ ирокезцовъ, мы должны допустить возможность брака между рожденнымъ въ такихъ условіяхъ лицомъ и его теткой, родной сестрою его отца, съ которой онъ состоитъ въ родствѣ въ мужской, а не въ женской линіи. То же лицо отнюдь не могло бы вступить въ бракъ ни съ двоюродною, ни даже съ троюродною сестрою по матери, т.-е. ни съ дочерью ея сестры, ни съ дочерью ея кузины, такъ какъ та и другая одинаково принадлежатъ къ одному съ нимъ роду и потому являются для него запретными. Объясненіе причинъ, поведшихъ къ установленію такого запрета, представлено будетъ мною впослѣдствіи, при изложеніи генезиса материнскаго рода. Въ настоящее же время для меня достаточно констатировать самый фактъ исключенія материнской родни изъ числа лицъ, съ которыми бракъ считается дозволеннымъ.

Характерная особенность материнскаго рода—признаніе родства только чрезъ посредство женщинъ—необходимо налагаетъ свою печать на всѣ стороны общественнаго быта ирокезцевъ. Ближе всего къ системѣ родства стоятъ система наслѣдованія и на первыхъ порахъ

*) «Ancient Society», стр. 67.

совпадающая съ нею система преемства родовой власти. Не удивительно, если у ирокезцовъ къ наслѣдованію, а также къ отправленію обязанностей сахема или старѣйшины, призываются одни и тѣ же лица—ближайшіе родственники по матери, ея братья или сыновья; хотя въ послѣднемъ случаѣ все чаще и чаще сказывается вмѣшательство членовъ рода въ замѣщеніе этой дожности,—иначе говоря, выступаетъ начало избранія, которое и обусловливаетъ собою нѣкоторое отклоненіе отъ строгаго соблюденія родовой лѣствицы.

Какъ въ патріархальномъ родѣ, такъ и въ материнскомъ, кровная связь имѣетъ своимъ послѣдствіемъ установленіе между лицами, его составляющими, извѣстной солидарности. Она сказывается и въ фактѣ взаимной помощи и поддержки въ нуждѣ, и въ круговой порукѣ, проявляющейся и при самоуправномъ отраженіи насилій, причиняемыхъ чужеродцами одному изъ членовъ рода и обыкновенно обнимаемыхъ понятіемъ кровной мести, и при разложеніи на всѣхъ членовъ рода какъ обязанности платежа, такъ и права полученія выкуповъ или композицій.

Подобно патріархальному, материнскій родъ опирается на широкую демократическую основу. Преимущества родства, близость происхожденія отъ родоначальницы сказываются лишь въ правѣ занятія должности сахема или старѣйшины. Но и это преимущество все болѣе и болѣе исчезаетъ по мѣрѣ удаленія отъ эпохи первоначальнаго возникновенія рода, благодаря все сильнѣе и сильнѣе упрочивающемуся началу избранія. При немъ совершеннолѣтніе члены рода, одинаково женщины и мужчины, собранные на родовой сходъ, не только въ правѣ признать преимущество за болѣе способнымъ, хотя бы и дальнѣйшимъ родственникомъ, но и совершенно свободны въ выборѣ военныхъ вождей, функціи которыхъ прекращаются обыкновенно вмѣстѣ съ войною. Выбирая какъ родового старѣйшину, такъ и военачальника, сходы удерживаютъ за собою и право ихъ низложенія за тѣ или другіе проступки противъ родовыхъ интересовъ. Далекіе отъ мысли отказаться въ ихъ пользу отъ всей суммы принадлежащихъ имъ правъ, они удерживаютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи только такіе насущные для рода интересы, какъ усыновленіе чужеродцевъ, всего чаще военноплѣнныхъ, обыкновенно по ходатайству желающихъ принять ихъ семей, или регулированіе кровной мести и опредѣленіе размѣра виръ и композицій съ частныхъ правонарушителей, а при ихъ несостоятельности и съ ихъ родовъ.

Подобно патріархальному роду, наконецъ, материнскій является не только гражданскимъ и политическимъ, но и религіознымъ союзомъ, избирающимъ на своихъ сходахъ такъ называемыхъ у ирокез-

цовъ «хранителей вѣры» и имѣющихъ свои особыя отъ другихъ родовъ усыпальницы и кладбища.

Такова, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, характеристика материнскаго рода, какую даетъ Морганъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ бытомъ ирокезцовъ.

На протяженіи всего Новаго Свѣта материнскій родъ является доселѣ господствующимъ. Признаніе родства только со стороны матери, запрещеніе браковъ между родственниками въ женской линіи, устраненіе родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія и отъ занятія должности сахема дядями по матери, какъ ближайшими родственниками,—всѣ эти черты материнскаго рода одинаково могутъ быть отмѣчены и въ бытѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ племени гуроновъ, и у нѣкоторыхъ изъ семи дакота, у мускоковъ и криковъ, делаваровъ, шошоновъ и флоридскихъ натче. Изъ южно-американскихъ племенъ Морганъ упоминаетъ о краснокожихъ Гвіаны, какъ о такихъ, въ средѣ которыхъ существованіе одного материнства и запрещеніе браковъ между лицами, связанными другъ съ другомъ родствомъ со стороны матери, засвидѣтельствовано въ одно слово цѣлымъ рядомъ посѣтившихъ ихъ путешественниковъ. Слѣды материнскаго рода могутъ быть отмѣчены, по его словамъ, и въ бытѣ наиболѣе передовыхъ народностей Америки—у жителей ацтекской конфедераціи 76, какъ ни затемнило пониманіе ихъ юридическихъ отношеній невѣрное описаніе ихъ организаціи испанскими писателями *).

Но если Новый Свѣтъ съ населяющими его туземными племенами является ареною распространенія материнскаго родства и основанныхъ на немъ кровныхъ союзовъ, то это не значитъ, чтобы послѣдніе не встрѣчались и за его предѣлами, въ Австраліи, на Маріанскихъ островахъ, на островахъ Фиджи, Тонга и Каролинахъ, въ средѣ островитянъ Ость-Индскаго архипелага, у сингалезцовъ Цейлона, у дравидскаго населенія Индіи, въ средѣ туареговъ, у многочисленныхъ племенъ восточной Африки, равно и у тѣхъ, которыя живутъ къ югу отъ Сахары, у туземцевъ Гвинеи, Лоанго и Конго, у большинства средне-африканскихъ народцевъ, кафровъ въ томъ числѣ, на островѣ Мадагаскаръ **). Если не въ наши дни, то не только сотни но и тысячи лѣтъ назадъ черты того же порядка общественныхъ отношеній можно было встрѣтить у многихъ племенъ передней Азіи, у ликійцевъ и локровъ, а также у древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ обитателей Европы—иберовъ или выходцевъ изъ Азіи этру-

*) «Ancient Society», главы VI и VII.

**) Post, «Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit», 1875 г., стр. 95.

сковъ *). Правда, существованіе материнства у всѣхъ и каждаго изъ названныхъ народовъ можетъ быть доказываемо далеко не съ одинаковою убѣдительностью: въ пользу его признанія у этрусковъ, напримѣръ, можно привести только отрывки изъ ихъ надгробныхъ памятниковъ; на нихъ покойникъ однообразно обозначается или плодомъ такой-то матери, или рожденнымъ такою-то женщиною; имя же отца ни разу не упомянуто **). Не то у ликійцевъ. На ихъ счетъ мы имѣемъ поразительное по своей опредѣленности свидѣтельство Геродота: «Ликійцы принимаютъ имя матери, а не отца. Спросите ликійца, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ, онъ приведетъ генеалогію матери и ея восходящихъ въ женской линіи». Если прибавить къ этому, съ одной стороны, показаніе того же Геродота о томъ, что у ликійцевъ кровь матери передается рожденному отъ нея ребенку, такъ что свободная женщина въ союзѣ съ рабомъ можетъ сдѣлаться матерью свободнаго человѣка и наоборотъ, а съ другой—слова Іоанна Дамаскина о наслѣдованіи у ликійцевъ имущества не уходящими въ чужой родъ сыновьями, а остающимися въ материнскомъ родѣ женщинами,—то въ результатѣ получится картина, довольно близкая къ той, какую рисуетъ передъ нами Морганъ, говоря о родахъ ирокезцовъ ***).

Общераспространенность материнскаго рода, доказанная вышеприведеннымъ перечисленіемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ существованіе его было установлено въ настоящемъ или прошломъ, сама по себѣ говоритъ о томъ, какъ произвольно утвержденіе Мэна, что общественные союзы, подобные тѣмъ, какіе наблюдаемы были Морганомъ въ средѣ ирокезцовъ, составляютъ особенность лишь немногихъ обществъ, но именно тѣхъ, въ которыхъ, по причинѣ ли постоянныхъ войнъ съ сосѣдями и увода послѣдними ихъ женщинъ въ плѣнъ, господства ли женскаго дѣтоубійства, или самаго порядка ихъ основанія кочующими группами, насчитывающими въ своемъ составѣ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, численное равенство половъ нарушено въ пользу мужчинъ ****). Начать съ того, что самое существованіе такихъ обществъ, какъ чего-то не исключительнаго, а болѣе или менѣе распространеннаго, должно быть подвергнуто сомнѣнію: широкое господство обычая похищать невѣстъ, котораго не станетъ отрицать и Мэнъ, необходимо должно было вести къ установленію равенства между отдѣльными родами по отношенію къ числу

*) Bachofen, «Die Sage von Tanaquil».
**) Тамъ же, стр. 283 и 290.
***) Giraud Teulon, «Les Origines du mariage et de la famille», 1884 г., стр. 279.
****) Мэнъ, «Древній законъ и обычай», глава VII, стр. 162 и слѣд.

входящихъ въ ихъ составъ мужчинъ и женщинъ. Къ тому же результату должно было вести и широкое господство женскаго дѣтоубійства, если послѣднее вообще можетъ быть признано какъ постоянное, а не временное явленіе, вызываемое однимъ преходящимъ недостаткомъ въ пищѣ и потому существенно не вліявшее на измѣненіе пропорціональнаго отношенія мужчинъ къ женщинамъ. Наконецъ, что касается третьей причины, поведшей, согласно Мэну, къ малочисленности женщинъ, до колонизаціи цѣлыхъ материковъ, каковы Америка и Австралія, кочующими группами, составленными по преимуществу изъ мужчинъ, то приводимый имъ въ пользу этой гипотезы фактъ «заселенія острововъ Тихаго океана мужчинами, прибывшими туда съ небольшимъ числомъ женщинъ», такъ рѣзко противорѣчитъ всему, что намъ извѣстно о порядкѣ переселенія народовъ, что едва ли можетъ быть признанъ общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. То, что говорятъ намъ Цезарь и Тацитъ о переселенческомъ движеніи германскихъ племенъ, переходившихъ на новыя мѣста жительства вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, то, что мы знаемъ о порядкѣ выселенія англо-саксовъ въ Британію, выселенія, сопровождавшагося совершеннымъ опустѣніемъ ихъ прежнихъ мѣстъ жительства *), не говоря уже о классическомъ примѣрѣ исхода евреевъ изъ Египта цѣлыми семьями и родами, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что переселенцы, какъ общее правило, снимаются съ занятыхъ ими пространствъ сплошными массами; объ оставленіи ими за собою женщинъ не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, что съ перспективой отдаленнаго и опаснаго плаванія, какого требовало заселеніе нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, не вяжется присутствіе въ средѣ эмигрантовъ большого числа женщинъ: ближайшій примѣръ тому можетъ представить исторія тѣхъ завоевательныхъ набѣговъ, какіе предпринимаемы были въ средніе вѣка скандинавскими викингами, и которые повели, между прочимъ, къ возникновенію Исландскаго государства. Но, не говоря уже о томъ, что за первымъ переселеніемъ съ преобладающимъ мужскимъ элементомъ легко могли послѣдовать другія, участіе въ которыхъ принимали, между прочимъ, ранѣе оставленныя женщины, не удерживаемыя болѣе на мѣстахъ неизвѣстностью предлежащаго имъ пути,—самое предположеніе о заселеніи всего, напримѣръ, американскаго материка какими-то обществами «повольниковъ», при полной фактической необоснованности, настолько противорѣчитъ аналогичнымъ явленіямъ изъ исторіи заселенія стараго материка, что мы не затруднимся отнести его къ числу придуманныхъ въ интересахъ теоріи произвольныхъ гипотезъ. Но если бы доктрина Мэна могла предста-

*) См. Freeman, «Norman Conquest». Т. I, гл. 1.

вить въ свою пользу и болѣе убѣдительныя доказательства, если бы въ концѣ концовъ, мы и согласились съ нимъ, что во многихъ обществахъ число женщинъ было значительно меньше числа мужчинъ, то, спрашивается еще, какое объясненіе могъ бы дать этотъ фактъ существованію въ ихъ средѣ материнскаго рода? Все, что говоритъ Мэнъ для разъясненія этого темнаго вопроса, буквально сводится къ слѣдующему: «надо признать, замѣчаетъ онъ, что въ обществахъ, страдавшихъ отъ сравнительной малочисленности женщинъ, развитіе интеллекта..... должно было привести людей къ установленію учрежденій, которыя соотвѣтствовали бы такому численному неравенству между полами, хотя бы уже въ видахъ удержанія въ извѣстныхъ предѣлахъ той половой ревности, которая, не будучи ничѣмъ сдержана, необходимо повела бы къ непрерывнымъ насиліямъ и кровопролитіямъ» *). Не выяснивши болѣе опредѣленно своей мысли, Мэнъ на слѣдующей затѣмъ страницѣ говоритъ уже о «счетѣ родства по женской линіи», какъ объ обычаѣ, вытекшемъ изъ факта существованія въ нѣкоторой части человѣчества и въ извѣстное время общественныхъ группъ, заключавшихъ въ себѣ значительно меньшее число женщинъ, чѣмъ мужчинъ **). Такимъ образомъ, мы въ правѣ полагать, что къ числу порядковъ, придуманныхъ, по мнѣнію Мэна, съ цѣлью наложить узду на мужскую ревность, слѣдуетъ отнести и материнскій родъ, который, такимъ образомъ, является чѣмъ-то вполнѣ искусственнымъ. Но приведенное объясненіе предполагаетъ въ дикаряхъ такой высокій процессъ творчества, какого Мэнъ съ своей теоріей юридическихъ фикцій [77] не допускаетъ и на несравненно высшей ступени общественности. Вѣдь фикція, состоящая въ подведеніи, напримѣръ, отношеній семьи къ принимаемому въ ея среду чужеродцу подъ типъ отношеній отца къ сыну, требуетъ отъ обращающихся къ ней лишь того наипростѣйшаго процесса мысли, который мы называемъ аналогіей. Иное дѣло построеніе такой сложной общественной организаціи, какъ та, какую представляетъ материнскій родъ. Вѣдь при немъ члены одной и той же семьи распадаются на двѣ группы: на уходящихъ въ чужой родъ братьевъ и на остающихся въ родѣ сестеръ; бракъ запрещается въ предѣлахъ одной и той же группы, въ союзъ круговой поруки включаются одни лица, связанныя материнскимъ родствомъ. Искусственное созданіе такой сложной организаціи можетъ быть продуктомъ лишь цѣлаго ряда самостоятельныхъ творческихъ процессовъ, требующихъ несравненно бо̀льшей напряженности мозга и сильнѣйшей способности къ продолжительному сосредоточенію мысли

*) Мэнъ, тамъ же, стр. 165.
**) Мэнъ тамъ же, стр. 166

на одномъ предметѣ, чѣмъ тѣ, какія можно допустить въ младенческій періодъ человѣчества. Къ тому же какъ объяснить, что эти искусственныя созданія, обязанныя своимъ возникновеніемъ не самопроизвольному развитію, а сознательному преслѣдованію опредѣленныхъ цѣлей, отлились въ почти однохарактерныя формы на самыхъ отдаленныхъ концахъ земного шара, слѣдовательно, при полной невозможности непосредственнаго заимствованія ихъ однимъ народомъ у другого?

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теорія Мэна далеко не можетъ быть признана удачной. Опорой ей служитъ слишкомъ большое число неподкрѣпленныхъ фактами посылокъ; принятіе же конечнаго ея вывода требовало бы отъ насъ радикальной перемѣны нашихъ воззрѣній на сравнительную неподвижность человѣческаго ума въ ранній періодъ общественнаго развитія.

Посмотримъ теперь, какое иное объясненіе можетъ быть дано факту происхожденія материнскаго рода. При изложеніи генезиса материнства необходимо отправляться отъ признанія слѣдующихъ двухъ, какъ мы полагаемъ, одинаково твердо обоснованныхъ положеній: непрочности брачныхъ узъ на низшихъ ступеняхъ общежитія и вытекающей отсюда невозможности установить фактическую связь между ребенкомъ и родившимъ его отцомъ. Я говорю, что оба положенія кажутся мнѣ одинаково безспорными; сомнѣніе на ихъ счетъ едва ли возможно при современномъ состояніи нашихъ этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній. Насъ могутъ, конечно, раздѣлять попрежнему вопросы о томъ, было ли безпорядочное половое сожитіе общимъ правиломъ, мирилось ли оно съ явнымъ кровосмѣшеніемъ, и можно ли видѣть въ нерѣдко попадающейся и въ историческую эпоху поліандріи слѣды его прежняго господства. Но никто изъ насъ не въ правѣ отрицать того, что связь мужчины съ женщиной на раннихъ ступеняхъ общежитія далеко не отличалась прочностью и постоянствомъ, что она расторгаема была на каждомъ шагу, и что цѣломудріе и вѣрность не считались необходимыми добродѣтелями, особенно въ дѣвушкахъ. Какъ и другія явленія культуры, современная намъ нравственность женщинъ является продуктомъ тысячелѣтняго развитія, и чѣмъ болѣе мы будемъ проникаться этой мыслью, тѣмъ болѣе станемъ дорожить ею. При непрочности брачныхъ узъ, легко могло случиться, что въ моментъ рожденія ребенка его дѣйствительный отецъ, порвавши прежнюю связь, состоялъ уже въ новомъ союзѣ *), а слѣдовательно, не оставалось иного исхода, кромѣ

---

*) На такой именно случай, повидимому, и разсчитано правило одного изъ ирландскихъ юридическихъ сводовъ, книги Aicill, постановляющее: «ребенокъ можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому, до тѣхъ

того, чтобы или считать отцомъ обладателя матери въ моментъ рожденія ею ребенка, или, не подымая вовсе вопроса о патернитетѣ, довольствоваться признаніемъ легко констатируемаго факта родства ребенка съ матерью и чрезъ ея посредство съ ея родственниками. Препятствіемъ къ первому долгое время должно было являться рѣшительное несходство новорожденнаго съ сожителемъ его матери. Правда, индусское и римское права доказываютъ намъ, что съ теченіемъ времени это воззрѣніе все же восторжествовало: ребенокъ сталъ считаться сыномъ лица, которому принадлежала мать. Это именно и признаютъ индусскіе своды, когда говорятъ объ отеческихъ правахъ мужа на всѣхъ дѣтей, прижитыхъ его женою съ посторонними людьми *); это же имѣетъ въ виду и римское право, выставляя афоризмъ «pater est quem nuptiae demonstrant» (отецъ тотъ, на кого указываетъ обрядъ совершенія брака, передающій мужчинѣ права на женщину). Но если, въ концѣ концовъ, вопросъ о патернитетѣ и былъ рѣшенъ этимъ искусственнымъ порядкомъ, то мотивомъ къ его принятію было желаніе не отымать у мужа приплода отъ пріобрѣтенной имъ покупкою жены, иначе говоря, сохранить за нимъ всѣ тѣ имущественныя выгоды, которыя должны были вытекать для него изъ брака. А что это на самомъ дѣлѣ было такъ, доказательствомъ служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что за мужемъ женщины, доставшейся кому-либо уводомъ, ирландскіе своды признаютъ патернитетъ лишь въ случаѣ покупки имъ этого права у родной матери, посредствомъ платежа суммы, равняющейся выкупу дѣтей **). Не купивши женщины, мужчина не имѣетъ права и на ея приплодъ; онъ можетъ пріобрѣсть это право не иначе, какъ производствомъ соотвѣтствующихъ платежей.

Объясняя материнство тѣмъ обстоятельствомъ, что, при непрочности брачныхъ узъ, дѣйствительнаго отца ребенка можетъ не оказаться на лицо въ моментъ его рожденія, я рѣшительно оставляю ту почву, на которой доселѣ производима была защита моргановой теоріи. Писатели, слѣдовавшіе, по-моему, слѣпо за американскимъ этнографомъ, какъ, напр., Жиро Телонъ или Колеръ, позволяли себѣ утверждать, что древнему человѣку вовсе не было доступно сознаніе того, что ребенокъ есть продуктъ не только женщины, но и сожительствовавшаго съ нею мужчины. Нельзя, въ самомъ

поръ, пока свидѣтельство людей не укажетъ ему отца» (Сокольскій, «Къ ученію объ организаціи семьи у кельтовъ»).

*) См. Mayne, «Hindu law and usage», а также Kohler, «Das indische Familienrecht». «Zeitschrift für die vergleichende Rechtswissenschaft», 1879 г.

**) «Ancient laws of Ireland», т. III, стр. 541; Сокольскій, «Къ ученію объ организаціи семьи у кельтовъ», стр. 46.

дѣлѣ, согласиться съ Колеромъ, что такое сознаніе составляетъ особенность лишь новѣйшаго времени *), такъ какъ уже Гиппократу приходилось бороться съ господствовавшей въ его время физіологической доктриной, согласно которой ребенокъ есть произведеніе не матери, а исключительно отца, и та же доктрина влагается Эврипидомъ въ уста одного изъ его дѣйствующихъ лицъ, Аполлона, который ею защищаетъ поступокъ Ореста, отмстившаго матери за смерть отца, какъ единственнаго виновника его жизни **). При чрезвычайной скудости состоящихъ въ нашемъ распоряженіи археологическихъ данныхъ, на которой съ такимъ основаніемъ настаиваетъ Мэнъ, мы навсегда, быть-можетъ, должны отказаться отъ мысли опредѣлить въ точности широту умственнаго кругозора древняго человѣка, его способность или, наоборотъ, неспособность не научнаго, конечно, а интуитивнаго пониманія многаго изъ того, что составляетъ достояніе современнаго намъ знанія, въ томъ числѣ и вопроса о томъ, участвуетъ ли отецъ наравнѣ съ матерью въ рожденіи происходящаго отъ нея приплода. Болѣе вѣроятной, однако, кажется намъ догадка Мэна, что нерѣдкое сходство дѣтей съ отцами должно было наводить на мысль о непосредственномъ ихъ участіи въ актѣ рожденія ***). Вотъ почему мы и считаемъ нужнымъ отказаться вполнѣ отъ той аргументаціи, которая отправляется отъ недоказаннаго факта полнѣйшаго игнорированія древнѣйшими обществами физіологической связи, которая существуетъ между отцомъ и родившимся отъ него ребенкомъ. И безъ ея содѣйствія отсутствіе на первыхъ порахъ патернитета легко можетъ быть объяснено, разъ мы примемъ во вниманіе вышеприведенныя положенія, во-первыхъ, непрочность брачныхъ связей, во-вторыхъ, возможность прекращенія ихъ до момента рожденія ребенка, и сдѣлаемъ изъ всего этого тотъ ближайшій выводъ, что въ то самое время, когда для ребенка особенно необходимо было постоянное присутствіе матери-кормилицы, его дѣйствительный отецъ могъ быть уже членомъ другой семьи, такъ что о фактической передачѣ его послѣднему не могло быть и рѣчи. Сожительство подъ однимъ кровомъ съ родившей его матерью и ея родственниками необходимо должно было укрѣпить въ младенцѣ то чувство любви, которое вызываютъ въ немъ

---

*) Стр. 393. «Während die Zusammengehörigkeit der Kinder mit der Mutter sich von der Natur selbst dem ersten Blicke verräth, ist der Zusammenhang mit dem Vater in den tiefsten Schleier gehüllt, den erst die physiologischen Forschungen unserer Tage zu lüften verstanden» [78].

**) См. Мэнъ, стр. 155, прим., и 156.

***) Мэнъ, стр. 155. Замѣчательно, однако, что, по свидѣтельству Спенсера и Гиллена, туземцамъ внутренней Австраліи совершенно недоступно пониманіе акта зачатія.

расточаемыя на него заботы. Не удивительно, если онъ начинаетъ сознавать существованіе извѣстной родственной связи не только съ вскормившей его грудью матерью, но и съ живущими съ нею родственниками, прежде всего съ ея братьями, на которыхъ, какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ кормильцами (по-санскритски bhrâtar, по-русски братъ, отъ корня bhr, означающаго поддерживать, питать), непосредственно падала забота о матеріальномъ благосостояніи живущихъ при нихъ сестеръ *), а косвенно и ея приплода. Во все то время, пока продолжаются процессъ вскармливанія и первоначальный уходъ за младенцемъ, отца можетъ не быть на лицо. Такое явленіе было даже обычнымъ. Иначе оно не вызвало бы къ жизни того строгаго предписанія, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ, въ томъ числѣ у горцевъ нашего Кавказа, дѣти до ихъ совершеннолѣтія не должны признавать своихъ отцовъ, по крайней мѣрѣ публично, и для избѣжанія возможныхъ встрѣчъ съ ними обыкновенно отдаются на воспитаніе въ чужую семью, къ аталыкамъ **). Отсутствіе постояннаго сожительства съ отцомъ, очевидно, является препятствіемъ къ развитію въ ребенкѣ того чувства привязанности, при которомъ только и мыслимо возникновеніе въ немъ сознанія родственной связи съ виновникомъ его рожденія и родственниками послѣдняго. Удивительно ли послѣ этого, если въ конечномъ результатѣ непрочность половыхъ узъ среди первобытныхъ обществъ лишаетъ послѣднія необходимыхъ условій для возникновенія патернитета и связаннаго съ нимъ агнатическаго родства. Сожительство исключительно съ родственниками матери до момента наступленія половой зрѣлости необходимо вызываетъ, въ свою очередь, въ подрастающихъ поколѣніяхъ то чувство солидарности съ материнскимъ родомъ, наглядным выраженіемъ котораго являются начало взаимной помощи и круговая порука, какъ въ самоуправствѣ, такъ и въ платежѣ выкуповъ или композицій. А эта солидарность, въ свою очередь, является тѣмъ связующимъ цементомъ, благодаря которому нисходящіе и восходящіе когнаты составляютъ собою одно цѣлое и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями выступаютъ какъ одинъ человѣкъ. Сообща владѣютъ они имуществомъ, сообща ведутъ переговоры съ чужеродцами, усыновляя, напримѣръ, съ общаго согласія своихъ плѣнныхъ или отщепенцевъ отъ чужихъ однохарактерныхъ съ ними группъ; сообща,

---

*) Svasor (сестра) по-санскритски составное слово отъ vas—жить и sa – предлогъ съ, что даетъ намъ право на слѣдующій переводъ этого слова: «живущая вмѣстѣ» (съ братомъ). Pictet, «Origines indoeuropéennes», т. III.

**) Однохарактерныя явленія попадаются и въ бытѣ другихъ народовъ. См. Giraud Teulon, «Les origines du mariage et de la famille».

наконецъ, рѣшаютъ они положить конецъ сдѣлками о мирѣ кровной враждѣ съ сосѣдними родами.

При полной отчужденности отъ отца и агнатическихъ родственниковъ, исходящимъ поколѣніямъ не остается иного исхода, какъ подчиниться въ интересахъ единства дѣйствія руководительству старшихъ членовъ материнской родни, кому-либо изъ дядей по матери, не ушедшему въ чужой родъ для брачнаго сожитія. Не удивительно, если такой старшій дядя и становится сперва фактически, а позднѣе и въ силу признанія его самими родичами, главою рода, старѣйшиною или, употребляя обычное въ средѣ краснокожихъ выраженіе, сахемомъ. Предположеніе, что во главѣ рода, основаннаго на материнствѣ, необходимо должна стоять женщина, и что послѣдняя играетъ въ немъ господствующую роль, ту самую, какая впослѣдствіи въ родѣ агнатическомъ принадлежитъ мужчинѣ, что съ материнствомъ, такимъ образомъ, неразрывно связана гинекократія, не подтверждается этнографическими данными. Какъ построенное на одностороннемъ толкованіи религіозныхъ миѳовъ древности, оно должно быть оставлено окончательно *).

Если въ предшествующемъ нами сдѣлана была попытка объяснить происхожденіе идеи материнства ранѣе возникновенія мысли о патернитетѣ и соотвѣтственно когнатическаго родства ранѣе и при полномъ незнакомствѣ съ родствомъ агнатическимъ; если намъ удалось выяснить вышеприведенными соображеніями тѣ причины, которыя побуждаютъ когна́тическихъ родственниковъ соединиться въ союзы круговой поруки, съ полнымъ основаніемъ обозначаемые терминомъ родовъ, и поставить во главѣ себя старѣйшаго въ родѣ матери—ея старшаго брата, то одна черта материнскаго рода—запрещеніе брачныхъ связей между входящими въ него членами, все еще не нашла себѣ надлежащаго толкованія. И это не удивительно, если принять во вниманіе, что запрещеніе, о которомъ идетъ рѣчь, встрѣчается въ обществахъ, въ которыхъ одинаково неизвѣстны какъ патріархальный, такъ и материнскій роды, или попадаются только зачатки послѣдняго, и что, такимъ образомъ, причина его возникновенія лежитъ внѣ сферы тѣхъ факторовъ, которые вызвали къ жизни патернитетъ и основанное на немъ когнатическое родство. Изучая бытъ австралійскихъ камиларои и курнаи на основаніи образцоваго описанія его, составленнаго англійскими миссіонерами Физонъ и Гаунтъ, мы встрѣчаемъ указаніе на существованіе въ ихъ средѣ такихъ племенъ, которымъ, какъ, напр., жителямъ «Mount Gambier», «Darling

*) Признаніе этой гинекократіи и составляетъ слабую сторону въ оригинальныхъ построеніяхъ Бахофена (см. «Das Mutterrecht»).

River» или «Queensland», извѣстно одно лишь дѣленіе на двѣ группы мужчинъ и на двѣ группы женщинъ, причемъ мужчинамъ первой группы дозволяется вступать въ бракъ только съ женщинами второй группы, а мужчинамъ второй группы—только съ женщинами первой. Для наглядности приведемъ самыя названія этихъ группъ, употребительныя между туземцами «Mount Gambier»: группы мужчинъ обозначаются у нихъ, первая именемъ «Kumite», а вторая именемъ «Kroki»; группы женщинъ носятъ тѣ же имена, только съ прибавкой частицы «gor»: первая, такимъ образомъ, слыветъ Kumite-gor, вторая Kroki-gor. Согласно представленіямъ названныхъ племенъ, каждый мужчина изъ группы Kumite въ правѣ вступить въ брачное сожительство съ каждой изъ женщинъ группы Kroki-gor, всякій же Kroki можетъ взять въ жены только Kumite-gor. Ношеніе женщинами первой группы приблизительно одного имени съ мужчинами той же группы, а второй—одного съ мужчинами второй группы само указываетъ на то, что между соотвѣтствующими группами мужчинъ и женщинъ существуетъ извѣстное родство. Одинаковость наименованія, какъ мы видѣли, всегда является внѣшнимъ выраженіемъ родства; и дѣйствительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что братья и сестры одной матери попадаютъ въ тѣ двѣ группы, между которыми запрещается заключеніе брачныхъ узъ; а съ ними вмѣстѣ двоюродные и троюродные братья и сестры, дяди и тетки, племянники и племянницы. Такимъ образомъ, ближайшей цѣлью дѣленія на группы является стремленіе воспрепятствовать половому общенію ближайшихъ родственниковъ, и такъ, повидимому, понимаютъ дѣло и сами камиларои, одно изъ сказаній которыхъ повѣствуетъ на этотъ счетъ слѣдующее. По сотвореніи міра, братья, сестры и другіе ближайшіе родственники безпрепятственно вступали между собою въ браки до тѣхъ поръ, пока не обнаружились дурныя послѣдствія такихъ союзовъ и совѣтъ старшинъ не счелъ нужнымъ принять мѣръ противъ нихъ. Обратившись съ молитвою къ Мурамура (Доброму Духу), старшины услышали отъ него слѣдующій приказъ: роды должны быть раздѣлены на вѣтви, и послѣднія обозначены каждая именемъ одушевленнаго или неодушевленнаго предмета, какъ, напр., собака, мышь и т. д.; члены одной и той же вѣтви не должны впредь вступать въ бракъ между собою, а могутъ сожительствовать лишь съ членами другой вѣтви; такъ, мужчина изъ вѣтви собаки не можетъ жениться на женщинѣ изъ той же вѣтви, но ничто не мѣшаетъ ему заключать союзъ съ женщиной изъ вѣтви мыши и т. п. *).

Въ этой легендѣ, въ которой, очевидно, нѣтъ ничего истори-

*) «Kamilaroi and Kurnai» by Fison et Howitt. 1880. Melbourne, стр. 25.

ческаго, сказывается то рано или поздно пробуждающееся сознаніе необходимости положить конецъ кровосмѣсительнымъ связямъ, которое проглядываетъ, напримѣръ, въ гимнахъ «Ригъ-Веды» въ отказѣ сестры Ями вступить въ сожительство съ своимъ братомъ Яма *). Чѣмъ обусловливалось пробужденіе этого сознанія—отвѣта на это не даетъ намъ, ни легенда камилароевъ, ни древнѣйшіе памятники арійской письменности. Имѣя въ виду, что протестъ противъ кровосмѣсительныхъ союзовъ долженъ быть отнесенъ еще къ періоду, предшествующему эпохѣ возникновенія материнскаго рода, мы должны приписать ему причины, которыя бы отвѣчали младенческому состоянію народнаго сознанія. Вотъ почему намъ трудно согласиться съ повторяющимъ Дарвина Мэномъ, что выгоды скрещиванія рано стали понятны людямъ, и что послѣдствіемъ этого явилось запрещеніе кровосмѣсительныхъ браковъ. Не отрицая того, что пастушескіе народы простымъ наблюденіемъ надъ стадами могли убѣдиться въ его счастливыхъ результатахъ, и разъ убѣдившись въ нихъ, установить упомянутые запреты, я полагаю, что послѣдніе возникли гораздо ранѣе перехода къ пастушеской жизни, подъ вліяніемъ причины, которая должна была дѣйствовать съ самаго начала, такъ какъ она обща человѣку съ другими животными. Говоря это, я разумѣю то чувство ревности, раннему пробужденію котораго Мэнъ приписываетъ, какъ мы видѣли, такое рѣшающее вліяніе на весь строй древней жизни, и которое, по моему мнѣнію, съ самаго начала должно было грозить мирному существованію сообществъ, не обратившихся къ началу экзогаміи или къ разрѣшенію браковъ только съ чужеродцами. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи еще частной собственности на недвижимость и слабо развитой привычкѣ къ накопленію запасовъ, кто, какъ не женщина, должна была явиться яблокомъ раздора между членами одного и того же сообщества; вѣдь она являлась причиной и междуплеменныхъ, и родовыхъ препирательствъ, классическимъ образцомъ чего могутъ служить распри, связываемыя народнымъ преданіемъ съ фактомъ похищенія римлянами сабинокъ. Но всякое сообщество, а въ томъ числѣ и родовое, можетъ держаться лишь подъ условіемъ внутренняго мира. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему на разнообразнѣйшихъ концахъ земного шара одна общая причина повела къ установленію системы экзогамическихъ браковъ. Нечего и говорить, что экзогамія въ эпоху господства материнскаго рода не вполнѣ отвѣчала тому представленію, какое связывали съ нею впослѣдствіи народы, живущіе агнатическими группами. О запрещеніи браковъ между не одними единоутробными, но и единокровными родственниками, не

*) См. Миллеръ, «Очерки арійской миѳологіи». Асвины, гл. I.

могло въ это время быть и рѣчи, такъ какъ послѣдніе вовсе не входили въ составъ рода, а относимы были къ чужеродцамъ. Это обстоятельство, въ свою очередь, косвенно указываетъ на то, что источникъ возникновенія экзогаміи не лежитъ въ сознаніи необходимости скрещиванія для полученія лучшей породы, такъ какъ этой необходимости она не удовлетворяла вполнѣ во все время господства материнскаго рода. Гораздо вѣроятнѣе поэтому то предположеніе, что одинъ лишь позднѣйшій переходъ отъ ограниченной къ полной экзогаміи, при которой запрещаются браки и съ роднею отца, совершился подъ вліяніемъ этого сознанія. Это, въ свою очередь, вполнѣ отвѣчаетъ и бо́льшей сравнительно изощренности въ этотъ позднѣйшій періодъ человѣческаго мышленія, и накопленію извѣстныхъ наблюденій насчетъ послѣдствій скрещиванія, что, очевидно, не могло воспослѣдовать ранѣе эпохи приручения животныхъ и перехода къ пастушескому образу жизни.

Во всякомъ случаѣ, той экзогаміи, о которой говоритъ Макъ-Леннанъ, впервые пустившій въ обращеніе этотъ терминъ,—экзогаміи, запрещающей бракъ не только въ средѣ рода, но и въ средѣ цѣлаго племени, никогда не существовало. Какъ у племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественности, такъ и у тѣхъ, которыя перешли уже къ выдѣленію изъ своей среды когнатическихъ и даже агнатическихъ родовъ, бракъ въ предѣлахъ племени возможенъ; чего обычай не допускаетъ, это сожительства мужчинъ и женщинъ одной группы, а такихъ группъ въ племени всегда болѣе одной, все равно—будутъ ли онѣ организованы по типу тѣхъ, какія, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ средѣ австралійскихъ дикарей, или по сравнительно высшему типу материнскаго и даже отеческаго рода *). Точно также не вѣрно и то положеніе Макъ-Леннана, будто экзогамія устраняетъ одновременное господство эндогамическихъ запретовъ, если только понимать подъ послѣдними запрещеніе брака не съ членами одноплеменныхъ родовъ, а съ лицами изъ чужого племени. У такихъ даже народовъ, какъ евреи или арабы, религія которыхъ ведетъ къ искусственному установленію эндогаміи, т. - е. къ запрещенію браковъ съ иноплеменниками, какъ съ лицами, отверженными Богомъ и нечистыми, экзогамія внутри племени въ полномъ ходу, и бракъ между членами одного рода считается не менѣе запретнымъ, чѣмъ и у любого изъ такъ называемыхъ Макъ-Леннаномъ экзогамическихъ племенъ. Вообще объясненіе, даваемое шотландскимъ этнографомъ, какъ роли экзогаміи въ средѣ древнѣйшихъ человѣческихъ сообществъ, такъ и самому генезису ея, при современномъ состояніи нашихъ знаній по этому предмету должно быть признано не-

*) См. Giraud Teulon, стр. 103.

удачнымъ; отъ всѣхъ его построеній, по крайней мѣрѣ въ этой области, остается лишь нѣсколько безспорно вѣрныхъ замѣчаній, въ родѣ того, напримѣръ, что всюду, гдѣ встрѣчается обычай похищать невѣстъ, существовала и экзогамія, и наоборотъ. Основная же мысль о томъ, что источникъ ея происхожденія лежитъ въ обычаѣ убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, послѣдствіемъ чего являются скудость женщинъ въ племени и необходимость пріобрѣтать ихъ у сосѣдей похищеніемъ или покупкой, не выдерживаетъ ни логической, ни этнографической провѣрки. Уже Спенсеромъ побѣдоносно установленъ былъ тотъ взглядъ, что, при общераспространенности убійства дѣвочекъ, недостатокъ въ нихъ долженъ былъ бы наступить одновременно и въ равной степени у сосѣднихъ другъ къ другу племенъ, а слѣдовательно не могло бы возникнуть условій, благопріятныхъ развитію экзогаміи.

Но, помимо этого соображенія, можетъ быть представленъ и рядъ другихъ, столь же неблагопріятныхъ теоріи Макъ-Леннана. Если, какъ онъ полагаетъ, дѣтоубійство дѣвочекъ было вызвано желаніемъ уничтожить въ самомъ корнѣ причину постоянныхъ распрей съ сосѣдями изъ-за похищенія ими женщинъ, и послѣдствіемъ такого истребленія явилась экзогамія, т.-е. возведенная уже въ обязательный обычай практика похищенія, то несоотвѣтствіе послѣдствій съ цѣлью необходимо должно было вызвать у практикующихъ дѣтоубійство племенъ воздержаніе отъ дальнѣйшаго обращенія къ нему. Къ тому же, если признать основательнымъ приводимый Макъ-Леннаномъ мотивъ возникновенія обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, то все же остается непонятнымъ, почему подъ вліяніемъ того же побужденія дикари не обращаются къ истребленію своихъ стадъ, которыя для ихъ сосѣдей должны служить не меньшею приманкою, а слѣдовательно такой же причиной къ враждебнымъ столкновеніямъ, какъ и принадлежащія племени женщины. Необъясненною является также въ теоріи шотландскаго этнографа и причина, по которой дикари смотрятъ на женщину какъ на бремя для семьи; вѣдь женщина на низшихъ ступеняхъ культуры представляетъ собою несравненно большую цѣнность, нежели на высшихъ; до замужества она работница, трудъ которой болѣе чѣмъ оплачиваетъ издержки ея содержанія; при выдачѣ въ замужество она доставляетъ своему роду, поздиѣе семьѣ, значительный доходъ въ формѣ калыма, уплачиваемаго ея женихомъ, а также его семьею или родомъ въ качествѣ выкупа за ея похищеніе, и на подобіе того, какъ платится вира за всякій матеріальный ущербъ, причиненный другъ другу чужеродцами. При слабомъ развитіи другихъ видовъ цѣнностей, при зарождающейся только собственности на движимость и при отсутствіи всякаго постояннаго присвое-

нія земельныхъ участковъ, женщина является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ имуществъ. Она поэтому переходитъ по наслѣдству, является объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ: мѣны и купли-продажи. Почему бы, спрашивается, развиться тутъ практикѣ убивать дѣвочекъ предпочтительно предъ мальчиками. Есть больше основаній думать, что убійства дѣвочекъ были случайными явленіями, вызываемыми временной недостачей средствъ къ жизни. Болѣе обстоятельное знакомство съ бытомъ племенъ, которымъ приписывается убійство дѣвочекъ, показываетъ, что къ послѣднему онѣ обращаются лишь изрѣдка подъ давленіемъ необходимости; жертвою временнаго недостатка средствъ къ жизни являются новорожденные мужчины въ такой же степени, какъ и новорожденныя женщины, а вмѣстѣ съ ними подчасъ и дряхлые старики и старухи, т.-е. всѣ тѣ, кто, за отсутствіемъ необходимыхъ физическихъ силъ, долженъ жить на чужой счетъ. Къ тѣмъ даннымъ, которыя по этому вопросу приводитъ Жиро Телонъ, ссылающійся одинаково и на примѣръ китайцевъ, и на обычаи африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ дикарей *), я, съ своей стороны, могу прибавить слѣдующія, полученныя мною на Кавказѣ путемъ личнаго разспроса по преимуществу осетинскихъ и сванетскихъ священниковъ, которымъ лица ихъ паствы нерѣдко каялись на духу въ убійствѣ новорожденныхъ дѣтей, одинаково того и другого пола. Послѣднее имѣло мѣсто не въ сѣверной Осетіи, сравнительно богатой стадами и хлѣбомъ, а въ южной, въ которой народъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ горами, ведетъ почти нищенское существованіе, благодаря недостатку пастбищъ и нивъ, и нерѣдко на цѣлыя недѣли бываетъ отрѣзанъ непогодою и дурнымъ состояніемъ дорогъ отъ всякаго общенія съ сосѣдями. Но и въ этихъ горныхъ ущельяхъ дѣтоубійство, все болѣе и болѣе исчезающее подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства, практиковалось всегда лишь какъ крайнее средство, какъ нѣчто временное и преходящее, какъ результатъ выбора меньшаго зла изъ бо́льшаго, вовсе не какъ унаслѣдованный отъ предковъ обычай. Жертвами его являлись одинаково мальчики и дѣвочки, хотя послѣднимъ, которыхъ горцы цѣнили менѣе первыхъ, какъ неспособныхъ къ ношенію оружія и оборонѣ страны отъ непріятелей, всегда оказывалось печальное предпочтеніе. Этимъ и обусловливаются, вѣроятно, такъ часто сообщаемыя путешественниками извѣстія о господствѣ и въ средѣ другихъ народовъ обычая истреблять однѣхъ лишь новорожденныхъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., на островахъ Фиджи, встрѣчается, впрочемъ, и обратное явленіе—преимущественное убійство мальчиковъ, фактъ, прочно установленный недавними статисти-

*) «Les origines du mariage», стр. 112 и слѣд.

ческими изысканіями и вполнѣ отвѣчающій тому, что намъ извѣстно о производствѣ почти всѣхъ работъ у фиджійцевъ женщинами и о непосредственномъ участіи послѣднихъ въ военныхъ предпріятіяхъ, обстоятельство, которое необходимо возвышаетъ ихъ значеніе въ обществѣ и является препятствіемъ къ ихъ истребленію въ младенческомъ возрастѣ *).

Истолкованныя въ такомъ свѣтѣ этнографическія свидѣтельства объ убійствѣ новорожденныхъ вполнѣ согласны съ тѣми, какія дошли до насъ изъ исторіи классическихъ народовъ древности, спартанцевъ и римлянъ. Не полъ младенца, а выборъ его семьи и въ частности отца рѣшалъ вопросъ о томъ, будетъ ли онъ оставленъ въ живыхъ, или безжалостно умерщвленъ. Итакъ, все, что мы знаемъ объ истребленіи нарождающихся поколѣній по волѣ ихъ родителей, не позволяетъ намъ подводить этого обычая подъ то опредѣленіе, какое даетъ ему Макъ-Леннанъ, называющій его «женскимъ» дѣтоубійствомъ, а слѣдовательно и видѣть въ немъ источникъ такого общераспространеннаго факта, какъ экзогамія.

*) Fison. «Kamilaroi», стр. 171—176.

ГЛАВА IV.

Эндогамія и экзогамія.

Макъ-Леннану удалось только поставить, но не рѣшить вопроса о происхожденіи экзогаміи, а между тѣмъ этотъ вопросъ можетъ считаться центральнымъ въ исторіи развитія рода, сперва материнскаго, а затѣмъ и отеческаго. Макъ-Леннанъ впервые отмѣтилъ фактъ существованія запретовъ брачнаго сожитія между членами одной и той же группы родственниковъ и далъ этимъ запретамъ доселѣ удержанное за ними названіе экзогаміи. Онъ тѣмъ самымъ указалъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ путь, по которому надо идти при объясненіи особенностей архаическихъ отношеній между полами. Самъ онъ дважды пробовалъ дать объясненіе отмѣченному имъ факту, и ни одно изъ предложенныхъ имъ не могло удовлетворить сравнительныхъ этнографовъ и соціологовъ. Они избрали новые пути при изученіи источника экзогаміи и предложили на этотъ счетъ новыя теоріи. Ни одна изъ нихъ не пользуется, однако, широкимъ признаніемъ въ средѣ этнографовъ. Новыя данныя о бытѣ австралійскихъ негритосовъ, какъ и дикаряхъ, живущихъ на Андаманскихъ островахъ, навели недавно изслѣдователей на мысли, отличныя отъ тѣхъ, какія высказывались лѣтъ 30 назадъ, когда впервые поднятъ былъ вопросъ о происхожденіи брачныхъ запретовъ. Все болѣе и болѣе выясняется невозможность связывать послѣдніе съ мѣрами, принятыми къ тому, чтобы избѣжать кровосмѣшенія, понимая подъ нимъ сожитіе съ ближайшими родственниками. Брачные запреты охватываютъ вѣдь обширныя категоріи лицъ, состоящихъ другъ съ другомъ въ отдаленнѣйшемъ родствѣ. Съ другой стороны, все болѣе выясняется то обстоятельство, что экзогамія не исключаетъ возможности союза между членами одного и того же пле-

мени, но принадлежащими къ различнымъ подраздѣленіямъ послѣдняго. А это, въ свою очередь, доказываетъ, что дѣло идетъ не объ устраненіи союзовъ между лицами, считающими себя происходящими отъ общаго родоначальника, а о регулированіи брачныхъ отношеній между опредѣленными группами единоплеменниковъ. Сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе. Въ теоріи Макъ-Леннана экзогамическимъ обществамъ противополагаются эндогамическія, т.-е. такія, въ которыхъ браки происходятъ въ тѣсной родственной средѣ. Такіе порядки считаются шотландскимъ этнографомъ за древнѣйшіе. Экзогамическія общества, согласно его теоріи, развились изъ эндогамическихъ. И этому утвержденію не удалось выдержать контроля положительныхъ данныхъ. Оказалось, что эндогамія часто составляетъ удѣлъ мелкихъ человѣческихъ группъ, крайне разъединенныхъ между собою и попадающихъ въ виду этого въ невозможность вступать въ бракъ иначе, какъ съ близкими родственниками. Въ такомъ положеніи находятся, напримѣръ, веддасы [80] Цейлона. У нихъ такого рода браки довольно часты *). Ошибочно было бы думать, однако, что и у веддасовъ бракъ всегда принимаетъ форму сожитія ближайшихъ родственниковъ, или чтобы обычаемъ дозволялось супружеское сближеніе брата съ сестрой. Вирховъ настаиваетъ на томъ, что бракъ со старшей сестрой считается у нихъ запретнымъ, а Ле-Мезюрье показываетъ, что сплошь-и-рядомъ браки происходили и происходятъ у веддасовъ между членами разныхъ семей **). Я имѣю, впрочемъ, основаніе полагать, опираясь на свидѣтельство Вирхова, что дѣйствительная причина, по которой веддасы, вступая въ браки и съ не-родственницами, отдаютъ, тѣмъ не менѣе, предпочтеніе послѣднимъ, лежитъ не въ ихъ изолированности, а въ переживаніи ими порядковъ, нѣкогда державшихся въ правящемъ родѣ у сингалезцовъ. Не одни веддасы придерживаются въ Цейлонѣ того же предразсудка, благопріятнаго бракамъ съ родственницами. То же можно сказать о другомъ туземномъ племени, о мурахъ. Мы читаемъ о нихъ въ томъ же журналѣ цейлонской вѣтви Азіатскаго Общества, что предпочтеніе отдается бракамъ дѣвушекъ съ ихъ двою-

---

*) Ле-Мезюрье пишетъ о веддасахъ Цейлона въ журналѣ цейлонской вѣтви Азіатскаго Общества, т. IX, 1886 г.: «Между ними рѣдко общеніе. Они не сходятся даже для общихъ празднествъ». Вирховъ также говоритъ объ обособленіи семей веддасовъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга обширными пространствами. См. переводъ его монографіи въ томѣ IX того же журнала за № 33, стр. 369.

**) Вотъ это свидѣтельство: «Когда дѣвушки достигнутъ извѣстнаго возраста, ихъ руки просятъ у родителей тѣ или другіе молодые люди. Родители никогда не отказываютъ въ рукѣ первому, кто вздумаетъ посвататься. Никакихъ подарковъ не дается по этому случаю, никакой обрядъ не имѣетъ мѣста. Женихъ зоветъ дѣвушку изъ хижины ея родныхъ и при-

родными братьями, сыновьями дядей по матери или молодыхъ людей съ потомствомъ отцовской сестры *). О бракѣ съ тѣми же лицами говорится какъ о самомъ почетномъ послѣ брака съ младшею сестрою и въ томъ отчетѣ, какой братья Саразинъ даютъ въ третьемъ томѣ своихъ «Изслѣдованій естествоиспытателя на Цейлонѣ» **).

Но если два племени, одинаково бывшія подъ властью сингалезской династіи, придерживаются однихъ и тѣхъ же порядковъ при заключеніи браковъ, и эти порядки встрѣчались издавна въ средѣ правящей ими семьи, то вѣроятнымъ можно считать то предположеніе, что мы имѣемъ передъ собой довольно обычный фактъ подражанія низшихъ высшимъ, и что дѣйствительный источникъ происхожденія брака съ родственницами у веддасовъ надо искать въ условіяхъ, вызвавшихъ его къ жизни въ средѣ начальствующей династіи у сингалезцовъ. Но сингалезская династія не была единственной, отдававшей въ своихъ бракахъ предпочтеніе родственницамъ; то же извѣстно о королевскихъ родахъ въ древнемъ Египтѣ и древней Персіи ***). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ болѣе или менѣе общимъ явленіемъ, объясненіе которому, очевидно, надо искать въ тѣхъ самыхъ соображеніяхъ, которыя мѣшаютъ правящимъ родамъ въ наши дни вступать въ брачные союзы иначе, какъ съ членами такихъ же, какъ они, правящихъ родовъ. Но тамъ, гдѣ такихъ родовъ не имѣется, или гдѣ препятствіемъ къ общенію съ ними является различіе религіи, забота о поддержаніи своего высокаго ранга и страхъ неравнаго брака необходимо должны повести къ разрѣшенію и даже поощренію со-

---

глашаетъ ее войти въ собственную хижину. Невѣста накладываетъ повязку вокругъ таліи жениха; съ этой минуты они мужъ и жена. Въ этомъ свидѣтельствѣ, очевидно, нѣтъ ничего, что бы говорило объ исключеніи всякихъ другихъ браковъ, кромѣ заключаемыхъ съ ближайшими родственницами.

*) Тамъ же, т. X, «The marriage customs of the Moors of Ceylon by Ahamadu Bawa», стр. 220.

**) «Ergebnisse naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon», т. III, стр. 465.

***) Въ позднѣйшей литературѣ парсовъ (въ книгѣ «Bahman-Jascht») еще говорится о священной обязанности вступать въ бракъ съ родственницами и возможности искупить ея исполненіемъ даже смертные грѣхи (Wilutzky, «Vorgeschichte des Rechts», I, стр. 55). У Geiger въ «Ost-iranische Kultur in Altertum» (Erlangen, 1882 г., стр. 245 и 246) приведены факты, доказывающіе распространенность брака съ близкими родственницами въ Персіи и не въ одной только царской династіи. Геродотъ (кн. 3. § 31) ошибочно считаетъ Камбиза отвѣтственнымъ за введеніе въ Персіи брака съ сестрами. На египетскихъ могильныхъ памятникахъ нерѣдки упоминанія о томъ, что поименованная въ надписи женщина была любящей домавладычицей и сестрой своего мужа. Бракъ на сестрахъ встрѣчался и въ семьѣ фараона (Wilutzky, стр. 58).

юзовъ между родственниками. Подражаніе, заставившее нѣкоторыя туземныя племена Цейлона придерживаться въ своихъ бракахъ эндогамическаго порядка, вызвало такое же предпочтеніе союзовъ между близкими родственниками и у нѣкоторыхъ племенъ Дагестана, бывшихъ нѣкогда въ тѣсномъ общеніи съ Персіей и ея культурой *).

Едва ли можно отнесть къ эндогаміи, какъ это дѣлаетъ Вилуцкій, обычаи, въ силу которыхъ отецъ унаслѣдуетъ отъ сына его вдову, и то лишь при отсутствіи въ семьѣ покойника неженатаго брата. О такомъ обычаѣ, какъ о распространенномъ въ средѣ индусскаго племени хиниовъ, говоритъ, со словъ Колера, цитируемый нами авторъ **).

Такой бракъ, можетъ-быть, и на самомъ дѣлѣ бываетъ эндогамическимъ, но вдова только потому переходитъ къ отцу, что родъ, уплатившій за нее «калымъ», не желаетъ терять его даромъ. Болѣе отвѣчаетъ природѣ эндогамическаго брака предпочтеніе, какое краснокожіе изъ племени айлахитовъ отдаютъ въ Бразиліи, по словамъ Марціуса, союзамъ съ родственницами передъ союзами съ чужеродками. Изолированность этого племени можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ этого обычая ***).

То обстоятельство, что боги греческаго Олимпа часто вступаютъ въ бракъ съ сестрами (такъ, Зевсъ съ Герою), едва ли имѣетъ иной источникъ, кромѣ того, какой представляетъ страхъ такъ называемой mésaillance, т.-е. неравныхъ браковъ, а для боговъ такими неравными браками будутъ вообще всякіе союзы съ лицами, не происходящими непосредственно отъ нихъ самихъ. То же надо сказать о бракахъ въ средѣ германскаго божественнаго рода Wonen ****).

Та же исключительность могла вызвать и среди евреевъ пристрастіе къ бракамъ съ родственницами. На нее, повидимому, указываетъ Библія въ извѣстномъ разсказѣ о посылкѣ Исаакомъ сына своего Іакова къ Лавану для того, чтобы онъ выбралъ себѣ жену

---

*) Въ моемъ «Законѣ и обычаѣ на Кавказѣ» подробно говорится о такихъ порядкахъ: т. II, «Семейно-родовыя отношенія у горцевъ Дагестана». Въ собраніи свѣдѣній о народахъ средней Азіи монаха Іоакинѳа сдѣлано извлеченіе изъ китайскихъ лѣтописей о народѣ, именуемомъ ими босы. О нихъ значится: «Женъ болѣе берутъ изъ родныхъ сестеръ». Народъ этотъ представляетъ много сходныхъ этнографическихъ чертъ съ иранцами и парсами (поклоняются духу огня, умершихъ бросаютъ въ горахъ. Люди, занятые погребеніемъ усопшихъ, считаются нечистыми и живутъ внѣ города; Іоакинѳъ, ч. III, стр. 168 и 169. Сравни мой «Законъ и обычай на Кавказѣ», т. I, главу объ иранскихъ вліяніяхъ).

**) Kohler, «Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft», т. VI, стр. 188; Wilutzky, стр. 56.

***) См. Martius, «Reise nach Brasilien», стр. 118, примѣч.

****) Wilutzky, стр. 57.

изъ одного съ нимъ рода *). У меня не имѣется данныхъ, доказывающихъ, чтобы эндогамія имѣла другой источникъ, кромѣ указаннаго, т.-е. изолированности, нерѣдко поддерживаемой религіозными предписаніями **). Объ эндогамическихъ обществахъ нельзя говорить въ строгомъ смыслѣ слова какъ о предшествующихъ по времени обществамъ экзогамическимъ. Въ противность Макъ-Леннану, я позволю себѣ утверждать, что древнѣйшимъ порядкомъ нужно считать тотъ, при которомъ имѣлась наибольшая свобода въ выборѣ невѣсты.

Тѣ примѣры эндогаміи, какіе представляютъ намъ дикія и варварскія племена нашего времени, говорятъ всѣ въ пользу той мысли, что предпочтеніе брачныхъ узъ съ родственницами обусловливается враждебностью къ сосѣдямъ или эгоистическимъ желаніемъ обезпечить собственному роду имущественныя выгоды, связанныя съ бракомъ. Въ экваторіальной Африкѣ—пишетъ Вестермаркъ—племена, воздерживающіяся отъ каннибализма, не вступаютъ въ брачныя отношенія съ людоѣдами. У бушменовъ женщина считаетъ всякій бракъ, заключенный съ лицомъ, не принадлежащимъ къ ея племени, униженіемъ для себя. У говасовъ Мадагаскара выборъ невѣсты не выходитъ за предѣлы племени, рода или семьи, изъ желанія сохранить за этими группами собственность, которая иначе отошла бы съ невѣстою въ чужой родъ. Мы не станемъ умножать примѣровъ, указывая на слѣды эндогамическаго брака и у нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ Индіи, въ частности Бенгала, описанныхъ Дальтономъ, ни о томъ, что такой бракъ встрѣчается между айносами въ Японіи, даяками Борнео, ново-зеландцами и ново-гвинейцами ***). Всѣ эти факты не идутъ наперекоръ тому представленію, что эндогамическіе запреты вызываются разрозненностью тѣхъ группъ, которыя ихъ придерживаются, воззрѣніемъ ихъ

---

*) О другомъ семитическомъ племени, объ аравитянахъ, Страбонъ повѣствуетъ, что у нихъ сожитіе брата съ сестрой дѣло обычное.

**) Этому замѣчанію не противорѣчатъ приводимые Вилуцкимъ факты существованія эндогаміи и въ частности почти обязательнаго брака между двоюродными братьями и сестрами (у однихъ съ отцовской, у другихъ съ материнской стороны) у нѣкоторыхъ племенъ бедуиновъ (съ отцовской стороны), у гондовъ Декана (сынъ сестры женится на дочери брата) и у хиниовъ Индіи (тоже), наконецъ, у древнѣйшихъ обитателей Китая и у каранбовъ антильскаго архипелага. У тѣхъ и у другихъ дѣвушки обязаны вступать въ бракъ съ сыновьями ихъ материнскаго дяди (брата ихъ матери). Всѣ эти факты обнародованы были уже Колеромъ на основаніи англо-индусскихъ источниковъ («Zeitschr. für vergl. Rechtswissensch.», т. VI, стр. 187 и 406, и т. VIII, стр. 144). Тотъ фактъ, что цыгане Австріи вступаютъ доселѣ въ бракъ съ близкими родственницами, также говоритъ въ пользу тѣсной зависимости, въ какой изолированность стоитъ съ эндогаміей (Wilutzky. стр. 57, примѣч. 2).

***) См. «Исторія человѣческой семьи» Вестермарка, стр. 366 и 367.

на чужеродца какъ на врага, съ которымъ немыслимо никакое общеніе. Воззрѣніе это весьма распространено было у древнихъ народовъ. Вѣдь рабство грозило у нихъ тому иностранцу или той иностранкѣ, которые вступали въ союзъ съ гражданкой или соотвѣтственно съ гражданиномъ. Такой смѣшанный бракъ запрещенъ былъ въ Спартѣ; онъ считался недѣйствительнымъ въ Римѣ и не велъ, по свидѣтельству Гая, къ порожденію законнаго наслѣдства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда чужеродцы принадлежали къ группѣ тѣхъ, которымъ спеціально даровано было право вступать въ супружество съ римлянками (такъ называемый jus connubii) [81]. Всѣ приведенныя данныя, а также рядъ другихъ, говорящихъ о запрещеніи браковъ между кастами и сословіями, а равно между послѣдователями разныхъ вѣроученій, оправдываютъ заключеніе Вестермарка, что источникъ эндогамическихъ запретовъ надо искать въ недостаткѣ симпатіи, или, какъ мы предпочли бы выразиться, въ недостаткѣ чувства солидарности. Они падаютъ вмѣстѣ съ развитіемъ альтруизма, племенной, расовой, сословной и религіозной терпимости *).

Справедливо въ то же время и другое положеніе того же писателя, что у народовъ, у которыхъ встрѣчается эндогамія, рѣчь идетъ въ сущности о заключеніи браковъ между единокровными, но не единоутробными. Бракъ между братомъ и сестрой—пишетъ Вестермаркъ **)—означаетъ союзъ между дѣтьми одного отца, а не дѣтьми одной матери. Мы видѣли подтвержденіе этому на примѣрѣ веддасовъ и другихъ туземныхъ племенъ Цейлона. Но если такъ, то въ тотъ болѣе или менѣе отдаленный періодъ, когда считалось родство только по матери, эндогаміи въ дѣйствительности не было, такъ какъ браки съ родственницами по отцу не могли признаваться союзами съ близкими родственниками. А это приводитъ насъ къ тому заключенію, что отсутствіе брачныхъ запретовъ или ограниченіе ихъ запретомъ прямого кровосмѣшенія, выступающаго, напримѣръ, въ союзѣ сына съ матерью или единоутробныхъ брата и сестры, характеризуетъ собою начальный періодъ человѣческаго общежитія.

Итакъ, мы стоимъ передъ вопросомъ не о переходѣ эндогамическихъ обществъ въ экзогамическія, а о зарожденіи брачныхъ запретовъ въ обществахъ, не знавшихъ другихъ исключеній отъ начала свободы полового сожитія, кромѣ преслѣдованія узъ, заключаемыхъ сыномъ съ матерью или единоутробными братомъ и сестрой. Очевидно, что съ того момента, когда невѣста стала сопровождать мужа

---

*) Вестермаркъ, стр. 546.
**) Тамъ же, стр. 332.

въ его родъ *), понятіе кровосмѣшенія постепенно распространилось и на браки между единокровными, а не одними только единоутробными. Сожитіе дочери съ отцомъ сдѣлалось столь же предосудительнымъ, какъ и сожитіе сына съ матерью; братомъ и сестрою стали считаться и лица, имѣющія одного родителя. Но къ этимъ новымъ представленіямъ присоединились еще слѣдующія. Такъ какъ невѣста отнята была у ея родителей, то между мужемъ, уведшимъ ее въ свое жилище, и матерью невѣсты должны были возникнуть отношенія обособленности, если не явной вражды. Отсюда довольно распространенный обычай избѣгать самой встрѣчи съ тещей, укрываться отъ нея и, какъ связанное съ нимъ послѣдствіе, запрещеніе брачныхъ узъ съ самой тещей.

Тэйлоръ справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ «О брачныхъ системахъ и законахъ наслѣдованія» **), что обычай избѣгать присутствія родственниковъ жены встрѣчается по преимуществу тамъ, гдѣ супругъ селился или продолжаетъ еще селиться въ домѣ невѣсты, не потому ли, что на такого мужа смотрятъ какъ на вторгшагося въ чужую среду? Онъ роднится съ нею не раньше, какъ послѣ рожденія у него ребенка, который становится живою связью между нимъ и семьею его жены. Но разъ онъ пожелаетъ увезть за собою эту послѣднюю, хотя бы оставивъ первороженнаго жениной родиѣ, онъ снова становится по отношенію къ ней чужеродцемъ.

Упомянутый обычай терпитъ также другое объясненіе; оно кажется мнѣ лично болѣе правдоподобнымъ. Разъ мы примемъ во вниманіе, что браки нерѣдко заключаются съ дѣвочками, не достигшими половой зрѣлости, то какъ не допустить, что селящійся въ семьѣ невѣсты женихъ встрѣчаетъ въ своей свекрови женщину въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ? При такихъ условіяхъ весьма возможнымъ сдѣлалось бы сожитіе тещи съ зятемъ, если бы обычай не отнесъ такого сожитія къ числу недозволенныхъ дѣйствій, недозволенныхъ уже потому, что послѣдствіемъ ихъ было бы нарушеніе мира въ родственной средѣ. Вотъ почему, какъ показываетъ примѣръ живущихъ въ Канадѣ красно-

---

*) Древнѣйшій бракъ заключаемъ былъ путемъ отработка невѣсты. Женихъ селился съ ней въ домѣ родителей. Это—тотъ бракъ, который извѣстенъ библейскому преданію объ Іаковѣ, отрабатывающемъ у Лавана сперва Лію, а затѣмъ Рахиль. Бракъ этотъ весьма распространенъ у малайцевъ Суматры, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ амбиль-анакъ. Мы встрѣчаемъ его и у туземныхъ племенъ Китая, принадлежащихъ къ тюркско-монгольской расѣ (см. «Сказанія китайскихъ лѣтописцевъ о народахъ средней Азіи монаха Іоакинѳа», ч. II, стр. 22, 950). О бракѣ отработкомъ подробно говорятъ голландецъ Wilken и итальянецъ Mazzarella («La condizione giuridica del marito nella famiglia matriarcale». Catania, 1899, стр. 13 и слѣд.).

**) «Журналъ Лондонскаго Антропологическаго Общества», т. XVIII, 1888 г., стр. 91.

кожихъ изъ племени кри (cree), зять, живя въ домѣ родителя невѣсты, воздерживается отъ всякаго обмѣна мыслей и словъ, какъ съ тестемъ, такъ и съ тещей. Только съ момента рожденія ребенка возникаетъ общеніе между названными лицами, такъ какъ съ этого момента зять перестаетъ быть чужимъ и начинаетъ слыть за отца одного изъ членовъ рода, т.-е. появившагося на свѣтъ младенца. Къ числу разныхъ поводовъ къ брачнымъ запретамъ надо присоединить приказъ воздерживаться отъ союза съ лицами старшаго возраста или поколѣнія. Вотъ почему мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ туземцевъ Занзибара *) правило, гласящее: никто не долженъ вступать въ сожитіе со своей бабкой — матерью матери, съ своей теткой съ материнской или отцовской стороны. То же можетъ быть сказано о большинствѣ туземныхъ племенъ сѣверо-западной Индіи, нашедшихъ описаніе себѣ въ сочиненіи Крука, Стиля и другихъ изслѣдователей.

Такъ, о жителяхъ Декана мы читаемъ у Стиля, что никто не можетъ вступить въ бракъ ни съ матерью, ни съ сестрой, ни съ дочерью отцовскаго брата или сестры, ни съ дочерью материнскаго брата или сестры, ни съ дочерью собственнаго брата или сестры **). Бракъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ запретенъ потому, что они считаются полубратьями и полусестрами. При этомъ господство материнскаго или, наоборотъ, отческаго счета родства проявляется въ запрещеніи или разрѣшеніи брака между дѣтьми сестры и дѣтьми брата, или наоборотъ. Вѣдь дѣти брата не могутъ считаться утробными родственниками дѣтей сестры. Въ сочиненіи Крука мы читаемъ: «у канду бракъ немыслимъ даже съ исходящими отъ дядей по отцу или по матери». Въ Мирзапурѣ это правило выражается слѣдующими словами: «бракъ запрещенъ въ собственной семьѣ, въ семьѣ дяди по матери и тетки, въ семьѣ дяди по отцу, по крайней мѣрѣ, въ трехъ поколѣніяхъ» ***). Запретъ брака съ восходящими родственниками по отцу и матери и ихъ потомствомъ—явленіе настолько распространенное, что о немъ можно говорить какъ о свойственномъ самымъ разнообразнымъ народностямъ и расамъ; такъ, напримѣръ, оно свойственно жителямъ Андаманскихъ острововъ ****). То же запрещеніе бра-

---

*) Я разумѣю тѣхъ, которые живутъ въ Boudei Country. См. «Журналъ Антропологическаго Общества въ Лондонѣ», 1895 г. стр. 201.

**) Steele (Arthur), «Law and custom of Hindu castes within the Dekhan provinces». London, 1868 г. стр. 346.

***) Crooke, «The casts and tribes of the North West. Provinces of India», т. III, стр. 130 и 241, а также 258 и 288.

****) См. Man, «On the Aboriginal inhabitants of the Andaman Islands», т. XII «Журнала Антропол. Общества въ Лондонѣ», стр. 126.

ковъ между двоюродными братьями и двоюродными сестрами составляетъ, можно сказать, общее правило у туземныхъ племенъ сѣверо-западной Индіи и Бенгала. У одного дравидскаго племени музаха (Musaha), по словамъ одного мѣстнаго изслѣдователя, Нестфильда, дѣвушка не можетъ вступить въ бракъ съ сыномъ материнской сестры или материнскаго брата, а также съ сыномъ отцовской сестры или отцовскаго брата, равно какъ и съ сыномъ или внукомъ отцовской тетки или дяди *). У сингалезцевъ браки между дѣтьми двухъ братьевъ или двухъ сестеръ не допустимы, но того же нельзя сказать о бракахъ между дѣтьми брата и дѣтьми сестры, очевидно, потому, что они имѣютъ разныхъ матерей, а это, въ свою очередь, указываетъ на счетъ родства по одной матери **). Въ Китаѣ мы встрѣчаемъ оба вида брачныхъ запретовъ: 1) запрещеніе брака между двумя разными по возрасту поколѣніями, т.-е. младшаго поколѣнія со старшимъ; такъ, нельзя вступать въ бракъ съ теткой или дядей по матери; 2) но рядомъ съ этимъ правиломъ существуетъ и другое, запрещающее бракъ между двоюродными братьями по отцу, но не по матери ***). У многихъ народностей эти брачные запреты идутъ значительно далѣе указанныхъ границъ и исключаютъ возможность супружества даже съ самыми отдаленными родственниками. Это утверждаетъ, напр., объ абипонахъ Парагвая Добрицгоферъ ****). У многихъ индусскихъ племенъ сѣверо-западной Индіи и Бенгала бракъ вообще не встрѣчается между лицами, относительно которыхъ имѣется представленіе какъ о родственникахъ *****); то же можно сказать о барайи: «Они не вступаютъ въ союзъ ни съ членами собственной семьи, ни съ потомствомъ материнскаго дяди или отцовской сестры, пока живетъ память о родствѣ» ******).

Запретъ брачныхъ узъ распространяется иногда и на свойствен-

---

*) Crooke, т. IV, стр. 19.

**) У сингалезцовъ даже считается за правило, что старшій сынъ старшаго брата долженъ сдѣлаться мужемъ старшей дочери старшей сестры отца. См. Kohler, «Rechtsvergleichende Studien», 1889 г., стр. 232.

***) Колеръ говоритъ: «Sodann gilt bezüglich der uteriner Verwandtschaft der Satz, dass man zwar eine uterine Verwandte heiraten darf, aber nur wenn sie auf derselben Generationsstufe steht, nicht wenn eine Generationsstufe höher oder tiefer» [82] (Kohler, «Über das Chinesische Recht» въ «Rechtsvergleichende Studien», стр. 188).

****) Dobritzhofer, т. II. англійскаго перевода, стр. 212. «The Abipones abhor the very thougt of marrymg any one related to them by the most distant ty of relationship» [83].

*****) Это мы читаемъ, напримѣръ, о барайи. У нихъ бракъ съ потомствомъ дяди или тетки, все равно по матери ли, или по отцу, запрещенъ во всѣхъ степеняхъ, пока, значится у Крука, держится память о родствѣ, что обыкновенно не переходитъ за 6-ое или 7-ое поколѣніе.

******) Крукъ (Crooke), т. I, стр. 179 и 192.

никовъ, такъ что возникаетъ правило, въ силу котораго нельзя взять невѣсты изъ того же рода, изъ котораго на памяти людей вышли жены родственниковъ. Мы находимъ это правило, напр., у барга. Они не берутъ женъ изъ тѣхъ родовъ, которые ранѣе поставили невѣстъ ихъ родственникамъ. Только съ того момента, когда теряется память о такихъ бракахъ, новые союзы становятся возможными *); то же можно сказать и о племени бари **). Вѣроятно, дальнѣйшимъ развитіемъ того же принципа было запрещеніе обычаемъ браковъ съ членами родовъ, поселенныхъ въ предѣлахъ одного и того же селенія и даже въ сосѣднихъ селеніяхъ. Такое правило распространено у туземцевъ Пенджаба, въ округѣ Карналь ***).

Не стоитъ ли въ основаніи этого правила, съ одной стороны, родовой характеръ поселеній, засвидѣтельствованный широкимъ распространеніемъ въ Индіи такъ называемыхъ эпонимическихъ наименованій отдѣльныхъ селъ, т.-е. обозначенія ихъ именемъ родоначальника ****), а съ другой—строгое соблюденіе правила не брать невѣсть изъ родовъ, уже поставившихъ женъ родственникамъ? Очевидно, что продолжительное дѣйствіе такого правила необходимо ведетъ за собою торжество того представленія, что невѣстъ надо всегда брать издалека. Мы встрѣчаемся съ господствомъ подобной точки зрѣнія у нѣкоторыхъ племенъ сѣверо-западной Индіи, упоминаемыхъ Крукомъ. Это правило встрѣчается, напр., у курмисовъ Бенгала, о которыхъ говоритъ Дальтонъ *****), и у несовъ и пенкасовъ сѣверо-западныхъ провинцій. И внѣ Индіи такіе порядки встрѣчаются сплошь-и-рядомъ; такъ, напр., у вотяковъ, о которыхъ Максъ Бухъ пишетъ слѣдующее: «Невѣсту никогда не берутъ изъ селенія жениха, но изъ какого-нибудь другого селенія, расположеннаго по сосѣдству» ******).

Вестермаркъ настаиваетъ на томъ, что экзогамическіе запреты имѣли въ виду воспрепятствовать браку между лицами, жившими въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ. Вотъ почему у гренландцевъ, по описанію Нансена, экзогамія состоитъ въ требованіи, чтобы браки заключаемы были между лицами разныхъ поселеній. По той же при-

*) Тамъ же, стр. 184.

**) Тамъ же, стр. 202.

***) См. «Gazetteer of the Karnal district published under the authority of the Punjab government», Lahore, 1892 г., стр. 111: «Every clan is exogamous. Besides no man usually marries into a family of whatever clan it maybe, that is settled in his own village, or in any village adjoining his own».

****) См. Risley, «Castes and tribes of Bengal», стр. LIII, а также Crooke, т. I, стр. CLXI.

*****) Объ ораонахъ мы читаемъ у Дальтона: «Считается болѣе почетнымъ брать невѣсту издалека», стр. 248.

******) «Die Wotjaken, eine ethnologische Studie», 1882 г., Stuttgart, стр. 50

чинѣ кафры противятся союзамъ лицъ, живущихъ по сосѣдству другъ съ другомъ, а у нѣкоторыхъ племенъ, разсѣянныхъ на холмахъ Нейльгири, какъ и у зулусовъ и камчадаловъ, наконецъ, у ногайцевъ, бракъ запрещенъ между мужчинами и женщинами одного и того же селенія. Ссылаясь на меня, Вестермаркъ говоритъ: «И въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ часто обозначается терминомъ «чужой, чужанинъ», что указываетъ на его происхожденіе изъ другого, чѣмъ невѣста, поселка» *). Ко всѣмъ этимъ даннымъ сочиненіе Крука позволяетъ прибавить новыя. Оказывается, что у нѣкоторыхъ племенъ сѣверо-западной Индіи, напримѣръ, у канджаровъ и у сансія, невѣсту надо брать непремѣнно изъ чужого поселка (from an other Camp **).

Вестермаркъ, повидимому, склоненъ видѣть источникъ экзогаміи не въ запретѣ браковъ съ родственниками ***) и свойственниками, а въ желаніи устранить союзы между сосѣдями. Я же, въ противность ему, полагаю, что широкое примѣненіе правила о запрещеніи браковъ между родственниками и свойственниками имѣло своимъ послѣдствіемъ требованіе не брать невѣстъ изъ сосѣдства. То, что у него является причиной, у меня носитъ характеръ слѣдствія. Дюркгеймъ, который въ данномъ вопросѣ раздѣляетъ взглядъ Вестермарка, старается обосновать его соображеніями психологическаго характера. Слѣдуя за Крауле, онъ справедливо указываетъ, заодно за послѣднимъ, что женщина въ періодъ очищеній считалась существомъ нечистымъ — обстоятельство, благодаря которому ее временно изолировали. Эта практика, доселѣ держащаяся у разнообразнѣйшихъ племенъ земного шара, найдена была мною и у хевсуровъ, на ряду со многими другими чертами, общими имъ съ древними персами, насколько можно судить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Авесты ****).

Нисколько не отрицая общераспространенности такого предразсудка, я никакъ не могу сдѣлать изъ его существованія тотъ дальнѣйшій выводъ, что воззрѣніе на женщину какъ на существо нечистое породило желаніе искать союза съ дѣвушками, взятыми издалека, такъ какъ, очевидно, даже на самой низшей ступени умственной культуры дикари прошлаго, какъ и современные, не могли путемъ опыта не придти къ убѣжденію въ одинаковости ихъ анатомической структуры и физіологическихъ функцій. Итакъ, Дюркгеймъ, на мой взглядъ, нисколько не объяснилъ источника экзогамическихъ

---

*) Kovalevsky, «Marriage among the Early Slavs in Folk-Lore», т. I. стр. 475.

**) Crooke, т. IV, стр. 279, и т. I, стр. CCII.

***) Westermark, «The History of Human Marriage», стр. 321 и 330.

****) См. мой «Законъ и обычай на Кавказѣ», т. I, а также докладъ конгрессу оріенталистовъ въ Лондонѣ объ иранской культурѣ на Кавказѣ.

запретовъ; вопросъ этотъ остается столь же открытымъ, какъ и прежде. Новую попытку къ его рѣшенію предложилъ Аткинсонъ, ко мнѣнію котораго присоединяется и Ленгъ. Вотъ въ чемъ состоятъ существенныя стороны ихъ общей доктрины. Отправляясь отъ той же мысли, что и Дарвинъ, мысли, что чувство ревности, свойственное уже человѣкообразнымъ обезьянамъ, должно было проявляться весьма энергично и въ начальныхъ человѣческихъ сообществахъ, Аткинсонъ полагаетъ, что глава моногамической группы, какой рисуется его воображенію первобытная семья, насильственно удалялъ изъ предводительствуемаго имъ семейства всѣхъ совершеннолѣтнихъ подростковъ мужескаго пола, дабы тѣмъ самымъ обезпечить себѣ одному неограниченное право пользованія женщинами. Эту гипотезу стараются обосновать на цѣломъ рядѣ фактовъ и соображеній слѣдующаго порядка. Аткинсонъ заявляетъ, что онъ впервые остановился на такой гипотезѣ объ источникѣ экзогаміи при знакомствѣ съ тѣми многочисленными запретами, какими дикари южныхъ морей предупреждаютъ сношенія братьевъ и сестеръ. Въ Новой Каледоніи, напримѣръ, всякое общеніе между ними не только словами, но даже знаками не дозволено обычаемъ. Тогда какъ дѣвушка остается въ домѣ родителей, мальчику 7—8 лѣтъ отъ роду дозволяется только приходить на домъ для принятія пищи и проводить это время исключительно въ обществѣ мужчинъ. Весь же остальной день и всю ночь онъ остается въ стѣнахъ большого жилища, устроеннаго для холостяковъ, которое можно встрѣтить въ любомъ поселеніи андаманцевъ *). Здѣсь я открою скобки съ цѣлью показать, что подобные порядки отнюдь не могутъ считаться особенностью однихъ южныхъ морей. Дома для холостяковъ и рядомъ съ ними дома для дѣвушекъ или незамужнихъ женщинъ встрѣчаются сплошь-и-рядомъ не только въ Меланезіи, но также въ Полинезіи, на восточномъ берегу Африки и въ средѣ краснокожихъ племенъ Америки **). Не менѣе интересно то обстоятельство, что такіе же дома встрѣчаются въ Азіи, у туземцевъ Бенгала, какъ показываютъ слѣдующія описанія, которыя мы заимствуемъ у Дальтона. Говоря о дравидійскомъ племени ораоновъ (Oraon), живущемъ въ Бенгалѣ, Дальтонъ пишетъ: «Во всѣхъ древнѣйшихъ поселеніяхъ этого племени встрѣчается зданіе, именуемое Dhum-Kuria, въ которомъ жи-

---

*) «Social origins by Andriew Lang». Primal Law by J. J. Atkinson, стр. 214 и 215.

**) Crowley въ статьѣ «О сексуальныхъ запретахъ», отпечатанной въ «Журналѣ Лондонскаго Антропологическаго Общества» въ 1895 г., сообщаетъ много любопытныхъ данныхъ о мѣрахъ, принимаемыхъ для обособленія половъ у различныхъ племенъ земного шара. Въ Новой Британіи въ каждомъ селѣ можно встрѣтить два обширныхъ зданія, изъ которыхъ одно слу-

вутъ мужчины-холостяки; они должны проводить въ немъ обязательно ночь, подъ страхомъ пени, за исключеніемъ случаевъ отлучки изъ селенія» *). Тотъ же писатель указываетъ на существованіе такихъ же, какъ онъ выражается, «клубовъ холостяковъ» и у горцевъ Rajmahal. «Обычай — пишетъ онъ—требуетъ исключенія изъ домашней усадьбы неженатыхъ подростковъ обоего пола. Мужчины спятъ въ особомъ зданіи; дѣвушки имѣютъ свои дортуары» **). У гондовъ центральнаго Бенгала холостяки на ночь покидаютъ семейную резиденцію и переходятъ въ общіе покои ***). У Singphos, живущихъ неблизости къ сѣверной границѣ Бенгала, дѣвушки имѣютъ особое помѣщеніе. Тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ обителей, ихъ размѣщаютъ по домамъ, занятымъ вдовами; гдѣ же подобныя жилища существуютъ, тамъ дѣвушки ставятся подъ надзоръ какой-нибудь старухи; онѣ могутъ подъ ея наблюденіемъ принимать у себя молодыхъ мужчинъ ****).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ, одинаково Стараго и Новаго Свѣта, желаніе избѣжать сожитія между молодежью обоихъ половъ вызвало рядъ предупредительныхъ мѣръ и повело къ обособленію юношей отъ дѣвушекъ преимущественно въ ночное время. Возвращаясь къ развитію взглядовъ Аткинсона на источникъ экзогаміи, я долженъ указать на то, что онъ сопоставляетъ подобные запреты со свидѣтельствомъ Дарвина объ изолированномъ существованіи антропоидныхъ обезьянъ, въ частности горилль, и о половой ревности, заставляющей ихъ исключать изъ банды мужскихъ подростковъ. Онъ принимаетъ во вниманіе также другое сообщеніе того же ученаго *****) о частыхъ схваткахъ, происходящихъ между старымъ быкомъ и молодыми подростками, готовыми ежечасно отбивать

жить для мужчинъ, а другое для женщинъ. Ни одинъ изъ половъ не въ правѣ посѣщать зданія, занятаго лицами другого пола. Въ Новой Гвинеѣ женщины, какъ пишетъ Д'Альбертисъ, проводятъ ночь въ особыхъ помѣщеніяхъ, недалеко отъ мужчинъ-родственниковъ (см. Д'Альбертисъ, т. I, стр. 282, 320, 390 и 391). У краснокожихъ Калифорніи мужчины живутъ въ особыхъ зданіяхъ, которыя Паульсенъ называетъ клубами, и куда не можетъ проникнуть ни одна женщина. Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія Лафито указывалъ на существованіе подобныхъ же клубовъ у нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной Америки (т. I, стр. 576). Крапфъ, въ своемъ повѣствованіи о неграхъ восточной Африки, также говоритъ о зданіяхъ, занятыхъ мужчинами, и въ которыя не смѣетъ проникнуть ни одна женщина (Krapff, «Осьмнадцать лѣтъ въ восточной Африкѣ», стр. 58). Всѣ этифакты приведены въ упомянутой статьѣ Крауле (1895 г., стр. 230—231).

*) Dalton, «Ethnology of Bengal». 1872 г., стр. 247.
**) Тамъ же, стр. 272.
***) Тамъ же, стр. 279.
****) Тамъ же, стр. 12.
*****) Происхожденіе человѣка», англ. текстъ, стр. 501.

у него самокъ. Изъ всего этого Аткинсонъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что первобытный человѣкъ, движимый чувствомъ ревности, положилъ основаніе тому, какъ онъ выражается, «первичному праву», которое запрещаетъ всякое общеніе между братомъ и сестрой. Примѣненіе этого правила бокъ-о-бокъ съ тѣмъ, которое запрещало сожитіе сына съ матерью, необходимо должно было повести къ установленію въ границахъ отдѣльной семьи требованіе брать жену со стороны. Продолженіе семьи было немыслимо безъ заключенія такихъ экзогамическихъ браковъ *). Разъ допустивши гипотезу о томъ, что первичными группами были семьи, составленныя изъ одного патріарха, всѣхъ женщинъ, какъ взрослыхъ, такъ и не достигшихъ половой зрѣлости, и однихъ только мужскихъ подростковъ, Аткинсонъ отправляется отъ этого положенія при дальнѣйшемъ рѣшеніи вопроса о томъ, откуда возрастные мужчины могли получать нужныхъ имъ женщинъ. Отвѣтъ напрашивается самъ собой. Этихъ женщинъ они могли достать только извнѣ. Но что, въ такомъ случаѣ, могло воспротивиться притязаніямъ патріарха на этихъ, взятыхъ со стороны женщинъ? Аткинсонъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, говоря: установленіе обычаемъ правила, по которому свекоръ долженъ избѣгать всякаго общенія со снохой. Этотъ обычай доселѣ пользуется, какъ мы уже видѣли, широкимъ распространеніемъ. Нарушеніе же его со стороны патріарха должно было, по мнѣнію Аткинсона, повлечь за собою обособленіе сыновей съ ихъ женами отъ семьи родителей **). Къ этимъ причинамъ развитія экзогаміи присоединился запретъ сожитія отца съ дочерьми, запретъ, вызванный, по мнѣнію Аткинсона, соображеніями уже иного порядка. Если, пишетъ онъ, мы будемъ имѣть въ виду, что наиболѣе многочисленная группа имѣетъ наибольшіе шансы пережить другія, то естественнымъ покажется смотрѣть на бракъ отца съ дочерью какъ на нѣчто вредное въ виду того, что при такомъ бракѣ размноженіе необходимо ограниченно. Вѣдь такой бракъ равнозначителенъ праву одного старшаго поколѣнія на всѣхъ молодыхъ женщинъ. Такъ какъ, по законамъ природы, старшее поколѣніе должно сойти со сцены раньше младшаго, то ясно, что дочери остались бы часть жизни безъ произведенія потомства, такъ какъ изъ семьи патріарха удалены были всѣ мужчины, достигшіе половой зрѣлости ***). Съ другой стороны, семейный союзъ не могъ бы численно возрастать, если бы путемъ отдачи дочерей въ замужество не имѣлось возможности включать въ него постороннихъ лицъ на правахъ супруговъ ****). Но проникшіе,

*) Ленгъ и Аткинсонъ, стр. 238.
**) Тамъ же, стр. 243 и 244.
***) Тамъ же, стр. 252.
****) Тамъ же, стр. 253 и 254.

такимъ образомъ, въ патріархальную среду чужеродцы не могутъ допустить дальнѣйшаго сожитія патріарха съ ихъ женами. Послѣдствіемъ же всего этого должно быть внесеніе въ ту, на первыхъ порахъ, коммунистическую среду, какой является первобытная семья, извѣстнаго обособленія супружескихъ правъ. Такъ какъ банды, допустившія подобное обособленіе, склонны къ большому размноженію, а слѣдовательно и оказываются болѣе жизнеспособными, то не мудрено, если упомянутыя ограниченія постепенно становятся обязательнымъ правомъ. Такимъ образомъ, въ самой группѣ образуются подраздѣленія. Въ ней обособляются братья отъ сестеръ, старшіе отъ младшихъ поколѣній; между тѣми и другими бракъ становится немыслимъ *). Эндогамія или союзъ внутри группы болѣе невозможна; мѣсто ея заступаетъ экзогамія.

Мы прервемъ на этомъ передачу теоріи Аткинсона, къ которой открыто присоединяется и Ленгъ **); и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ она можетъ быть защищаема на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи этнографическаго матеріала. Два положенія, лежащія въ ея основѣ, намъ кажутся недоказанными и спорными. Первое состоитъ въ признаніи изолированной жизни первобытныхъ семей, якобы отвѣчающей вполнѣ изолированности антропоидныхъ обезьянъ. Но въ средѣ этихъ послѣднихъ ближе извѣстныя шимпанзе живутъ не изолированно, а группами въ нѣсколько индивидовъ. У самыхъ отсталыхъ охотничьихъ племенъ, напримѣръ, у бушменовъ и перитосовъ Австраліи, встрѣчаются сообщества въ одинъ или полтора десятка членовъ. О вымирающихъ веддасахъ извѣстно, что они нѣкогда входили въ составъ тотемистическихъ группъ [85]; да и въ настоящее время двѣ-три семьи братьевъ сожительствуютъ у нихъ другъ съ другомъ. Условія первобытной борьбы съ животными и людьми не допускаютъ возможности изолированной жизни или добровольнаго устраненія старшимъ и нерѣдко старикомъ всѣхъ сыновей, достигшихъ половой зрѣлости и способныхъ быть ратниками. Съ другой стороны, имѣются свидѣтельства, позволяющія сомнѣваться въ томъ, чтобы при кратковременности союзовъ, какой отличается первобытное общество, чувство ревности сказывалось съ особенной энергіей. У насъ имѣется рядъ данныхъ о томъ, что оно, наоборотъ, весьма слабо. Какъ объяснить въ противномъ случаѣ существованіе весьма распространенной практики ссужать женъ или обмѣниваться ими, какъ примирить съ такою ревностью не менѣе распространенный обычай гостепріимнаго гетеризма, въ силу котораго

*) Тамъ же, стр. 255—260.
**) Тамъ же, стр. 9 и 31.

временно поставленный подъ защиту домашняго культа чужеродецъ приглашается къ сожитію не только съ незамужними, но и съ замужними женщинами, и отказъ гостя принимается за обиду? Если бы чувство ревности было прирожденнымъ, нельзя было бы понять и широкаго распространенія пробныхъ браковъ, не всегда сопровождающихся заключеніемъ прочныхъ узъ, и высокой оцѣнки, какой пользуются при выборѣ невѣсты женщины, оказавшіяся до брака способными къ беременности, какъ, напримѣръ, у вотяковъ. Какъ, съ другой стороны, примирить съ ревностью широкое распространеніе того обычая многомужія или поліандріи, который встрѣчается не въ одномъ Тибетѣ, но вообще всюду, гдѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ число женщинъ ограниченнѣе числа мужчинъ, между прочимъ, у древнихъ аравитянъ.

Но если нельзя, на мой взглядъ, связывать происхожденіе экзогаміи ни съ существованіемъ на первыхъ порахъ однѣхъ изолированныхъ семей, ни съ сильнымъ проявленіемъ чувства ревности, то не имѣется ли другихъ основаній къ тому, чтобы правило о заключеніи брака съ родственницами постепенно уступило мѣсто обратному требованію—заключенія ихъ съ чужеродками? Ранѣе появленія книги Ленга и Аткинсона мною высказано было уже мнѣніе, довольно сходное съ тѣмъ, какимъ они объясняютъ частный фактъ происхожденія запрета супружескаго общенія между отцомъ и дочерьми. Въ мемуарѣ, представленномъ мною IV съѣзду международнаго института соціологовъ и посвященномъ вопросу о происхожденіи рода, я, между прочимъ, говорю: «Ежедневная борьба съ дикими звѣрями и враждебными имъ группами людей побуждала первыя человѣческія сообщества направлять всѣ усилія къ одной цѣли—не уменьшать, а, наоборотъ, возможно увеличивать число собственныхъ членовъ. Одно уже это обстоятельство должно было повести къ установленію обычая добывать женщинъ со стороны». Если и въ наше время негритосъ Австраліи смотритъ на своихъ сестеръ какъ на средство получить въ обмѣнъ бо́льшее или меньшее число женъ, то нѣтъ основанія думать, что въ періодъ перехода отъ эндогамическихъ или безразличныхъ союзовъ къ экзогамическимъ, періодъ, по всей вѣроятности, совпадающій съ господствомъ не только материнства, но и обычая мужа селиться рядомъ съ жениной роднею, то обстоятельство, что въ той или другой группѣ имѣлось на лицо значительное число дѣвушекъ, являлось прямымъ условіемъ увеличенія ея численнаго состава, а слѣдовательно и ея оборонительныхъ средствъ, путемъ привлеченія въ группу столь же значительнаго числа зятьевъ. Если прибавить, что дѣти, рожденныя отъ брака, считались принадле́жащими къ роду матери, то станетъ ясно, что человѣческая группа, устранявшая союзы съ чужеродцами, могла разсчитывать на увеличеніе своихъ наличныхъ силъ и производитель-

ныхъ средствъ, насколько то и другое зависитъ отъ многочисленнаго потомства. Какъ сильно эти соображенія входили въ разсчеты первобытныхъ группъ, видно изъ того, что многія народности допускаютъ отдѣльное поселеніе мужей съ женами только послѣ рожденія у нихъ ребенка и подъ условіемъ, что этотъ ребенокъ останется въ родѣ жены.

Къ только-что указанному соображенію я готовъ присоединить еще одно. Бракъ съ близкими родственницами, какъ и всякая индивидуализація въ сферѣ первобытной родственной среды, могъ имѣть послѣдствіемъ нарушеніе того внутренняго мира, который одинъ обезпечивалъ ея сплоченность и единство передъ врагами. Устраняя возможность эндогамическихъ союзовъ, обычай тѣмъ самымъ содѣйствовалъ сохраненію внутренняго согласія и искоренялъ поводы къ раздорамъ. Требованіе, чтобы невѣста была по возможности приведена издалека, также указываетъ на заботу о томъ, чтобы фактъ индивидуальнаго присвоенія женщины не сдѣлался поводомъ къ продолжительнымъ междоусобіямъ, болѣе вѣроятнымъ въ томъ случаѣ, когда имѣешь дѣло съ ближайшими сосѣдями. Позднѣйшее по времени представленіе, что путемъ обмѣна невѣстами возникаетъ и болѣе тѣсное общеніе практикующихъ его группъ, въ свою очередь, должно было содѣйствовать упроченію обычая экзогаміи, какъ ведущаго за собой увеличеніе оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ тѣхъ родовъ, которые ея придерживаются. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ поводъ думать, что происхожденіе обычая заключать браки съ чужеродками можетъ быть объяснено и помимо такихъ произвольныхъ, на мой взглядъ, допущеній, какъ, напримѣръ, недостатокъ дѣвушекъ-родственницъ, въ виду частаго убійства ихъ въ моментъ рожденія, или въ виду тѣхъ предразсудковъ, какіе существуютъ у одного пола по отношенію къ другому, и которые будто бы не могли произвести одинаковаго дѣйствія, разъ ставился вопросъ о взятіи женщинъ со стороны. Такимъ образомъ, возникновеніе экзогаміи мыслимо и безъ предположенія, что глава семьи, входя въ роль ревниваго султана, изгоняетъ изъ нея всѣхъ сыновей, достигшихъ половой зрѣлости, такъ какъ желаетъ обезпечить себѣ самому исключительное обладаніе всѣми женщинами, въ томъ числѣ и дочерьми. Мы продолжаемъ думать, что данное нами объясненіе болѣе правдоподобно и менѣе насилуетъ факты, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми намъ пришлось считаться.

Экзогамія принадлежитъ къ числу распространеннѣйшихъ въ мірѣ обычаевъ. Мы встрѣчаемъ ее одинаково и у народностей, которымъ извѣстна система обозначенія родовъ именами животныхъ и растеній, такъ называемый тотемизмъ, и у народовъ, совершенно незнакомыхъ съ подобными порядками. Это обстоятельство позволяетъ намъ утверждать, что оба явленія не стоятъ въ той причинной зависимости,

которую не прочь признать за ними ревнители ученія объ универсальности тотемизма. Весьма характерны въ этомъ отношеніи факты изъ быта инородческихъ племенъ Россіи. У нихъ можно было открыть только слабые слѣды культа медвѣдя, собаки или оленя *). Одни родовыя клейма, носящія, напримѣръ, у якутовъ и чукчей наглядные черты неумѣлаго изображенія животныхъ и растеній, даютъ право предполагать существованіе въ отдаленнѣйшемъ прошломъ этихъ народовъ практики тотемизма. А между тѣмъ экзогамическіе запреты всѣмъ имъ хорошо извѣстны; слѣдовательно, экзогамія—явленіе болѣе общаго порядка, нежели тотемизмъ, и утверждать, что послѣдній предшествуетъ первому—значитъ насиловать факты. Вотъ почему я никакъ не могу согласиться съ однимъ утвержденіемъ г. Николая Харузина. Послѣдній, во второмъ выпускѣ своей «Этнографіи» буквально говоритъ слѣдующее: «Характерное запрещеніе вступать въ бракъ лицамъ, принадлежащимъ къ одному и тому же тотемическому союзу, приводитъ къ такъ называемой экзогаміи» **). Авторъ вообще приписываетъ тотемизму преувеличенное значеніе. Такъ, для него источникъ появленія счета родства по крови также слѣдуетъ искать въ тотемизмѣ, именно въ той чертѣ его, согласно которой люди, имѣющіе одного и того же тотема, не могли вступать въ бракъ между собою ***).

Но если такъ, то почему же господину Харузину удалось открыть господство экзогамическихъ запретовъ и счета родства по матери между народностями, не знающими тотемизма, въ частности, у киргизовъ и у гиляковъ, о тотемистическомъ устройствѣ которыхъ онъ лично не говоритъ намъ ни слова и по той наипростѣйшей причинѣ, что никакого тотемизма у нихъ въ дѣйствительности не существуетъ. Имѣется у нихъ способъ различать роды или принадлежность къ роду значками, такъ называемыми «тамгами», но между клейменьемъ скота, условнымъ знакомъ, позволяющимъ опредѣлить его принадлежность къ тому или другому роду, и тотемизмомъ, т.-е. возведеніемъ извѣстнаго звѣря или извѣстнаго растенія на степень родоначальника, лежитъ еще цѣлая бездна. «Каждый родъ—пишетъ о киргизахъ, со словъ Гродекова, г. Харузинъ—имѣетъ свою особенную родовую «тамгу». Члены одного и того же рода владѣли общимъ имуществомъ и отмѣчали родовыми клеймами или тамгами свой скотъ и другіе предметы обладанія». Тамга, слѣдовательно, играла первоначально

---

*) О культѣ медвѣдя и собаки см. въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» статьи Харузина и Ядринцева. О родовыхъ тамгахъ съ изображеніемъ животныхъ можно найти любопытныя данныя въ извѣстномъ сочиненіи Сѣрошевскаго о якутахъ, стр. 470.

**) «Этнографія», вып. II, стр. 114.

***) Тамъ же, вып. II, стр. 109.

роль родового герба. «Древность тамгъ—говоритъ словами г-на Гродекова проф. Харузинъ—подтверждается тѣмъ, что многія названія родовъ, а еще чаще колѣнъ въ нихъ происходятъ отъ названія тамгъ, напримѣръ, киргизскій родъ средней орды—таракты имѣетъ тамгою гребень (по-тюркски тарактъ), откуда и родъ ведетъ свое прозвище» *). Очевидно, что гребень, служившій обозначеніемъ роду, не могъ играть въ глазахъ членовъ послѣдняго той же роли, какая принадлежала, напримѣръ, медвѣдю или совѣ, кэнгуру или опоссуму, каучуковому дереву и т. д., среди родовъ, принявшихъ имя этихъ животныхъ или растеній. Нельзя думать, чтобы киргизы, принадлежавшіе къ роду гребня, принимали мѣры къ его размноженію путемъ какихъ-либо магическихъ дѣйствій или воздерживались отъ его употребленія, слѣдуя религіознымъ запретамъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ сплошь-и-рядомъ австралійскіе тотемы въ томъ описаніи, какое даютъ имъ Спенсеръ и Гиллень **), а также тотемы краснокожихъ, характеръ которыхъ раскрываютъ предъ нами Морганъ ***) и Дорсей ****). Но сближеніе обоихъ способовъ обозначенія рода не лишено значенія; оно бросаетъ косвенно свѣтъ и на природу тотемистическихъ прозвищъ; гребень и медвѣдь, каучуковое дерево и та или другая скала имѣютъ между собою только то общее, что одинаково могутъ служить чертой отличія—и только этимъ, а это обстоятельство наводитъ на мысль о томъ, что въ основѣ и самаго тотемизма лежало прежде всего желаніе тѣмъ или другимъ прозвищемъ, связаннымъ съ характеромъ тѣхъ условій, въ которыхъ находился родъ,—нахожденіемъ его, напримѣръ, близъ озера или скалы, въ мѣстности, обильной медвѣдями, лягушками, совами или, наконецъ, каучуковыми деревьями и т. д.,—обособить его отъ всѣхъ другихъ родовъ, сдѣлать его легко узнаваемымъ какъ для его членовъ, такъ и для постороннихъ. Въ этомъ смыслѣ тотемизмъ служилъ той же цѣли, какой служитъ и тамга или еще эпонимическія названія, обозначеніе рода именемъ его славнаго предка, не всегда его родоначальника. Если поэтому тотемизмъ и не былъ общимъ явленіемъ, то только потому, что имѣлись другіе способы различенія отдѣльныхъ группъ, и эти группы могли быть группами экзогамическими, независимо отъ того, считался ли тотъ или другой звѣрь, или то и другое растеніе ихъ родоначальникомъ и патрономъ. Такъ было и въ разсматриваемомъ нами случаѣ киргизскихъ родовъ. «Въ недавнее еще время—пишетъ

*) Тамъ же, т. II, стр. 232.
**) «The native tribes of Central Australia», стр. 112, 168, 197, 467.
***) «Ancient Société», стр. 165 и слѣд.
****) «Omaha Sociology» (въ изд. Бюро Этнологіи при смисоновскомъ институтѣ въ Вашингтонѣ).

г. Харузинъ—роды киргизовъ представляли изъ себя экзогамныя группы: браки съ женщинами своего рода были у нихъ строго запрещены» *). У гиляковъ также нѣтъ тотемовъ, хотя всѣмъ имъ, повидимому, свойственъ культъ медвѣдя, мясо котораго не бросается собакамъ, и при убійствѣ котораго не должны присутствовать женщины **). Праздникъ медвѣдя, пиршество въ честь медвѣдя, совмѣстное потребленіе его мяса на періодически повторяющихся празднествахъ, все это—черты, общія тѣмъ родамъ, которые у краснокожихъ Сѣверной Америки имѣютъ своимъ тотемомъ это животное; но у гиляковъ всѣ роды одинаково чествуютъ медвѣдя, а слѣдовательно нѣтъ основанія говорить о связи у нихъ съ тотемомъ тѣхъ экзогамическихъ запретовъ, существованіе которыхъ признается г. Харузинымъ, говорящимъ: «Родъ или «халль» гиляковъ—замкнутая экзогамная организація» ***).

Экзогамія также широко распространена и между южными славянами, въ частности между черногорцами и герцеговинцами, у которыхъ не имѣется, однако, ни малѣйшихъ слѣдовъ тотемизма. «Члены братства—пишетъ г. Харузинъ—не могутъ вступать въ бракъ между собой, такъ какъ считаются родственниками. Въ настоящее время допускаются исключенія, но еще въ недавнемъ прошломъ братства были строго экзогамными организаціями» ****).

Въ Индіи, гдѣ экзогамія пользуется широкимъ распространеніемъ, особенно среди дравидскихъ племенъ, она встрѣчается какъ тамъ, гдѣ имѣются тотемы и тотемическія названія отдѣльныхъ родовъ, такъ и тамъ, гдѣ нѣтъ тотемовъ, и родъ получаетъ названіе отъ славнаго предка, все равно — родоначальника или нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, заглянемъ въ сочиненія Рислея и Крука о кастахъ и племенахъ Бенгала и соотвѣтственно сѣверо-западныхъ провинцій Индіи. «Тотемическія названія—пишетъ Рислей—составляютъ только одинъ изъ способовъ обозначенія родовыхъ группъ, способовъ, которые всѣ служатъ одной и той же цѣли». Ею нашъ авторъ считаетъ строгое соблюденіе экзогамическихъ запретовъ *****). Рислей объ-

---

*) «Этнографія», вып. II, стр. 233.

**) Г-нъ Харузинъ говоритъ какъ «чужеродки», но очевидно, не всѣ же гилякскія женщины могутъ считаться таковыми. Запрещеніе имѣетъ поэтому другую причину, ту самую, которая заставляетъ многія дикія племена держать женщинъ вдалекѣ отъ ритуальныхъ торжествъ. Я разумѣю воззрѣніе на нихъ какъ на существа нечистыя. Источникъ же такихъ воззрѣній былъ указанъ раньше въ текстѣ. Сравни, впрочемъ, Crowley, «Sexual Taboo», «Журн. Лонд. Антропол. Института». 1895 г. стр. 122, 123 и слѣд.

***) «Этнографія», выпускъ II, стр. 238.

****) Тамъ же, стр. 249.

*****) Risley, «Castes and tribes of Bengal». стр. LXIX.

ясняетъ происхожденіе тотемическихъ названій въ Индіи слѣдующимъ образомъ. Они кажутся ему не болѣе какъ прозвищами, данными со стороны лицамъ, отличавшимся извѣстными свойствами при жизни. Такъ, человѣкъ, котораго по тѣмъ или другимъ причинамъ звали тигромъ, можетъ сдѣлаться для его потомства предметомъ культа какъ тигръ. Ему будутъ приноситься извѣстныя жертвы изъ страха, что въ образѣ дикаго звѣря, въ данномъ случаѣ тигра, онъ станетъ причинять вредъ потомству, разъ послѣднее окажется нерадивымъ въ исполненіи своихъ обязанностей къ нему, какъ къ предку *). «Въ настоящее время—пишетъ тотъ же Рислей—главная цѣль, достигаемая тотемистическими названіями, это—соблюденіе родами правила объ экзогаміи. Такъ, у ораоновъ (Oraons), у бакатовъ (Bakat), у кора (Kora) и другихъ племенъ, считается за правило, что мужчина не можетъ вступить въ бракъ съ женщиной одного съ нимъ тотема **). Но тѣ же экзогамическіе запреты существуютъ и въ тѣхъ родахъ, которые носятъ имена эпонимовъ. Число тотемическихъ дѣленій въ одномъ и томъ же племени весьма различно: такъ, у азура (azura), племени не-арійскомъ, которое живетъ, главнымъ образомъ, плавкою желѣза, мы встрѣчаемъ 13 тотемическихъ дѣленій. Тотемъ сохранилъ еще свое значеніе не только по отношенію къ брачнымъ запретамъ, но и въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ членовъ рода не смѣетъ ни ѣсть, ни рѣзать, ни вообще причинять какой-либо вредъ тому растенію или звѣрю, имя котораго служитъ ему тотемомъ ***). Наиболѣе распространенной является передача тотема въ мужской линіи, но имѣются также примѣры и еще чаще слѣды перехода его въ материнской линіи. Нѣсколько тотемовъ входитъ въ составъ одного и того же подраздѣленія племени и не повторяется въ другомъ его дѣленіи. Такъ, у багдіа (Bagdia), земледѣльческой, рыболовной и служебной касты—племени центральнаго и западнаго Бенгала по антропологическимъ признакамъ при-

*) Тамъ же, стр. 70.

**) Тамъ же, т. I, стр. 91 и 507. Въ Бенгалѣ у племенъ, даже теряющихъ обычай обозначать роды именами животныхъ, сохранилась въ преданіи память не только о существованіи тотемическихъ дѣленій племени, но и о наслѣдованіи тотема въ женской линіи тамъ, гдѣ нынѣ господствуетъ счетъ родства въ мужской линіи; сохранилось представленіе и о томъ, что животное, давшее имя тотему, священно и неприкосновенно. Родъ нашей матери, говорятъ, напримѣръ, агарвалы—купеческая каста изъ Бегара и Верхней Индіи—есть родъ земли; поэтому агарвалы не позволяютъ себѣ ни убить змѣи, ни причинить ей какой-либо вредъ (Рислей, т. I, стр. 5).

***) Тамъ же, стр. 25. Такъ, у Baranwa, у которыхъ имѣется 8 экзогамическихъ группъ, никто не можетъ вступить въ бракъ съ женщиной, принадлежащей къ одному роду съ тѣмъ, изъ котораго вышла его мать, какъ нельзя также взять женщины изъ рода отца, къ которому принадлежитъ самъ женихъ (тамъ же, стр. 64).

надлежащей къ дравидской расѣ,—имѣется нѣсколько подраздѣленій, именуемыхъ Рислеемъ подкастами. Каждое содержитъ въ себѣ нѣсколько экзогамическихъ группъ, имѣющихъ любая свой тотемъ. Однѣ называютъ себя черепахой, другія — бобомъ и т. д. Тотемическое растеніе или животное считается запретнымъ для всѣхъ членовъ группы *). Тамъ, гдѣ, какъ у Baidya, нѣтъ тотемическихъ названій, и мѣсто ихъ занимаютъ названія эпонимическія, которыми служатъ имена святыхъ мужей, такъ называемыхъ «rishis», экзогамическіе запреты, тѣмъ не менѣе, весьма строго соблюдаются. Нѣсколько родовъ входитъ нерѣдко въ составъ одной и той же подкасты. Брачные запреты не распространяются на послѣднія; другими словами, бракъ возможенъ и между членами одной и той же подкасты, разъ они принадлежатъ къ отличнымъ другъ отъ друга родамъ. Въ тѣхъ племенахъ, въ которыхъ уже исчезли тотемическія дѣленія и не существуетъ другихъ брачныхъ запретовъ, кромѣ тѣхъ, какіе предписываются индусскимъ правомъ, слѣды болѣе ранняго существованія тотемизма выступаютъ въ такихъ, напримѣръ, чертахъ, какъ почитаніе той или другой птицы, того или другого звѣря. Такъ, племя баруи (Baroui) не позволитъ себѣ убить собаки **).

Не продолжая далѣе нашихъ выписокъ, мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно для обоснованія того взгляда, что въ Бенгалѣ, независимо отъ существованія или несуществованія у того или другого дравидскаго племени тотемовъ, общимъ правиломъ признается заключеніе брака не въ предѣлахъ рода, а между отдѣльными родами. Но то же самое можетъ быть сказано и относительно туземныхъ племенъ сѣверо-западныхъ провинцій Индіи. Крукъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Нашъ анализъ показалъ, что въ этихъ провинціяхъ господствуетъ нѣсколько различныхъ формъ экзогаміи: во-первыхъ, та, которая состоитъ въ запрещеніи браковъ между родственниками, принимающими ближайшее участіе въ жертвоприношеніяхъ душамъ усопшихъ предковъ; они извѣстны индусскимъ сводамъ подъ наименованіемъ sapindas ***); во-вторыхъ, запрещеніе браковъ въ предѣлахъ эпонимическихъ группъ, отвѣчающихъ представленію о родахъ; они извѣстны подъ наименованіемъ «готра» (gotra) и распространены въ средѣ высшихъ кастъ брамшновъ, которые и производятъ себя отъ восьми пред-

*) Тамъ же, стр. 37.
**) Тамъ же, стр. 71.
***) Sapindas тѣмъ отличаются отъ болѣе отдаленныхъ родственниковъ, или samonodokas, что поставляютъ, вмѣстѣ съ питьемъ, и пищу для покойниковъ. Samonodokas же только участвуютъ въ возліяніяхъ. Sapindas обнимаютъ собой пять степеней родства со стороны отца; въ числѣ этихъ степеней покойникъ составляетъ одну. «Ману», ч. III, § 5.

ковъ, играющихъ по отношенію къ нимъ, по словамъ Крука, ту роль, какую 12 сыновъ Іакова играли по отношенію къ происходящимъ отъ нихъ колѣнамъ израильскимъ. Помимо браминовъ, и члены другихъ высшихъ кастъ, рабски подражающихъ ихъ порядкамъ, также завели у себя дѣленія на эпонимическія группы или «готра». Въ этомъ отношеніи въ сѣверо-западной Индіи повторилось то же, что и въ Бенгалѣ, гдѣ, какъ говоритъ Рислей, кшатріямъ и вансіямъ дозволено было принять то же дѣленіе на «готра», какое существуетъ въ средѣ греческой касты. Путемъ подражанія эта практика распространилась и на касты, ниже стоящія на общественной лѣстницѣ; такъ, напримѣръ, на касту медиковъ, касту писцовъ и цѣлый рядъ другихъ кастъ, имѣющихъ между собою то общее, что изъ ихъ рукъ браминъ можетъ принять сосудъ съ водою для питья *). Настаивая на той же мысли, Крукъ говоритъ: «Какъ только та или другая каста пріобрѣтетъ высшее противъ другихъ общественное положеніе, какой-нибудь услужливый браминъ спѣшитъ пріискать для нея приличную генеалогію, отнести ее къ тому или другому браминскому роду или «готра». Съ кастой—прибавляетъ Крукъ—происходитъ то же, что въ Англіи съ успѣшнымъ пивоваромъ, возвышаемымъ до положенія пэра королевства. Ему немудрено установить генеалогію, восходящую ко временамъ норманнскаго завоеванія». Во всѣхъ этихъ «готра» степень родства считается по отцу. Изъ сказаннаго ясно, что, въ большинствѣ случаевъ, эти родовыя дѣленія болѣе или менѣе недавняго происхожденія и только заступили мѣсто другихъ, болѣе раннихъ. Каковы же были эти послѣднія? Крукъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, говоря, что у низшихъ кастъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и слугъ мы встрѣчаемъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ обыкновенно дѣленіе на подкасты, члены которыхъ въ правѣ вступать въ брачные союзы другъ съ другомъ, но подъ условіемъ принадлежности къ разнымъ подраздѣленіямъ одной и той же касты; тамъ же, гдѣ нѣтъ такихъ подраздѣленій, дѣйствуетъ правило, запрещающее супружество съ семью или болѣе ближайшими степенями родственниковъ (счетъ родства происходитъ въ мужской линіи). Къ этому присоединяется еще одно ограниченіе: не принято брать невѣстъ изъ той семьи, въ которой одинъ изъ мужскихъ родственниковъ нашелъ себѣ жену. Это правило соблюдается до тѣхъ поръ, пока живетъ память о самомъ фактѣ, т.-е. обыкновенно не долѣе трехъ поколѣній. Наконецъ, четвертую категорію экзогамическихъ родовъ составляютъ тѣ, которые носятъ тотемическія названія. Крукъ насчитываетъ 24 племени дравидскаго происхожденія, у которыхъ имѣются тотемы и господствуетъ правило, что ни-

*) Рислей, стр. LI. Крукъ, стр. CLXXI.

кто не долженъ вступать въ бракъ съ женщиной одного съ нимъ тотема. Одни считаютъ такимъ тотемомъ козла, другіе — черепаху, третьи — дракона, четвертые—ласточку, пятые—луну, шестые—солнце. По словамъ капитана Монгомери, горцы, живущіе въ Гималаяхъ вокругъ кашмирской долины, называютъ своихъ дѣтей по имени дикихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, волкъ, левъ, тигръ и т. д., съ присоединеніемъ еще какого-нибудь эпитета. «Такимъ же точно образомъ—пишетъ Крукъ — цѣлые роды слывутъ подъ наименованіемъ волковъ, что обыкновенно приписываютъ ихъ алчности; но, быть-можетъ, въ этомъ надо видѣть одни слѣды тотемическихъ прозвищъ *). Хотя у большинства племенъ дравидскаго происхожденія экзогамическіе запреты считаются только при родствѣ въ отцовской линіи, тѣмъ не менѣе, у нѣкоторыхъ сохранились еще слѣды и болѣе раннихъ патріархальныхъ запретовъ. Такъ, у канкаровъ (Kancar) не дозволенъ бракъ съ дочерью материнскаго дяди **); точно также канду не вступаютъ въ союзы съ семьею материнскаго дяди, а также съ семьею материнскаго дяди ихъ отца. Нѣкоторые идутъ еще далѣе и избѣгаютъ браковъ съ лицами, ведущими свой родъ отъ материнскаго дяди ихъ прадѣда. Тѣ же канду воздерживаются отъ браковъ съ дѣтьми материнской сестры ***). Тѣхъ же приблизительно порядковъ придерживаются и коль (Col) ****). Вобще къ запретамъ вступать въ бракъ съ отцовской роднею присоединяются весьма часто дополнительные запреты—брать въ жены материнскихъ родственницъ. Говоря о дравидскомъ племени музагаръ (Musahar), г. Несфильдъ пишетъ: «Дѣвушка не можетъ быть отдана въ бракъ сыну материнской сестры или материнскаго брата, а также сыну отцовской сестры и отцовскаго брата, наконецъ, сыновьямъ и внукамъ отцовской тетки или отцовскаго дяди. Такимъ образомъ, со стороны материнской запретъ не идетъ далѣе одного поколѣнія, а со стороны отцовской—двухъ» *****). Профессоръ Колеръ (Kohler), анализируя, между прочимъ, на основаніи книги Крука, обычное право сѣверо-западныхъ провинцій Индіи, справедливо находитъ слѣды материнства у многихъ туземныхъ племенъ. Къ числу такихъ слѣдовъ онъ относитъ и запрещеніе брака даже съ потомствомъ дѣда по матери ******).

*) См. Крукъ стр. CLXXXII, а также его «Вступленіе къ народной религіи и фольклору сѣверо-западн. провинцій». Аліахабадъ, 1891 г., стр. 279 и 282.

**) Crook, «The castes and tribes», т. III, стр. 123.

***) Тамъ же, т. III, стр. 130.

****) Тамъ же, стр. 294 и 297.

*****) Крукъ, т. IV, стр. 19.

******) «Zeitschrift für die vergleichende Rechtswissenschaft, 1893 г. стр. 165 и слѣд.

Я думаю, что изъ всего сказаннаго съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что даже въ обществахъ, въ которыхъ, какъ въ индусскомъ, счетъ родства по отцу, при установленіи запретовъ, имѣетъ преимущественное значеніе, экзогамія имѣла въ виду предупредить на первыхъ порахъ возможность союза съ материнскими родственниками; одно уже это обстоятельство указываетъ на раннее происхожденіе экзогамическихъ запретовъ, въ періодъ такъ называемаго материнства, и возможность сближенія въ этомъ отношеніи индусскихъ порядковъ съ тѣми, которые по вопросу объ экзогаміи господствуютъ въ обществахъ, въ которыхъ доселѣ связь по матери признается болѣе тѣсной, чѣмъ связь по отцу. Въ такихъ условіяхъ находятся, какъ мы знаемъ, туземцы двухъ материковъ, австралійскаго и американскаго; въ послѣднемъ, въ частности племена Сѣверной Америки. Но на этихъ двухъ материкахъ экзогамія, вмѣстѣ съ заботою о запрещеніи брака между лицами, принадлежащими къ разнымъ поколѣніямъ, повела къ возникновенію своеобразной системы счета родства не по степенямъ, а по классамъ, которую многіе писатели связывали и связываютъ съ господствомъ особой формы брака, не личнаго, а группового. Согласно такой точкѣ зрѣнія, сторонниками которой являются одинаково и Моргапъ, и Файзенъ, тотъ или другой мужчина, въ силу принадлежности его къ извѣстной группѣ и извѣстному поколѣнію, имѣлъ право считаться мужемъ и сожительствовать при случаѣ со всѣми женщинами другой группы и того же поколѣнія. Я самъ не прочь былъ, въ прежнее время, раздѣлять такую точку зрѣнія и думалъ найти подтвержденіе ей въ нѣкоторыхъ обычаяхъ чеченцевъ и черкесовъ въ томъ описаніи, какое даетъ имъ Бэль. Я думаю въ настоящее время, что есть возможность объяснить происхожденіе системы классоваго родства у негритосовъ и краснокожихъ и безъ гипотезы существованія у нихъ, первоначально, не личныхъ союзовъ, а группового брака. Я полагаю, что источникомъ такого классоваго родства явилось, съ одной стороны, широкое пониманіе экзогамическихъ запретовъ, а съ другой — желаніе устранить супружеское сожитіе между членами разныхъ поколѣній. Но, прежде чѣмъ дать объясненіе самой системѣ классоваго счета родства, намъ необходимо познакомиться съ ея природою, а для этого у насъ нѣтъ лучшаго средства, какъ обратиться къ сочиненіямъ тѣхъ писателей, которые всего полнѣе представили намъ всѣ частности этихъ, на первый взглядъ странныхъ, порядковъ.

ГЛАВА V.

Классовая система родства у австралійцевъ и краснокожихъ.

Въ сочиненіи Спенсера и Гиллена классовая система родства, на существованіе которой у австралійцевъ указано было уже Файзеномъ и Гаунтомъ въ 1880 году, въ книгѣ «Камиларои и курнаи» *) представлена въ слѣдующемъ видѣ. «Основная черта организаціи негритосовъ центральной Австраліи, какъ и другихъ племенъ того же материка—пишутъ оба изслѣдователя—, составляетъ дѣленіе племени на двѣ экзогамическія группы, члены которыхъ могутъ вступать въ бракъ между собой. Каждая изъ этихъ группъ можетъ подвергнуться новымъ дѣленіямъ. Какъ послѣдствіе такого обособленія членовъ племени въ отдѣльныя группы, возникла цѣлая серія терминовъ для обозначенія степеней родства; она служитъ средствомъ опредѣлить относительное положеніе каждаго члена въ предѣлахъ племени. Чѣмъ менѣе сложна организація послѣдняго — продолжаютъ тѣ же писатели—, тѣмъ нагляднѣе выступаетъ та черта, которую Гаунтъ и Файзенъ обозначили терминомъ «группового» брака. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями такой бракъ доселѣ встрѣчается на правахъ дѣйствующаго обычая, регулируемаго опредѣленными и ясно выступающими правилами. Это можно утверждать, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, тогда какъ у другихъ термины, употребляемые для обозначенія степеней родства, указываютъ на существованіе прежде такого же группового брака. Когда мы находимъ, напримѣръ, что у племени арунта человѣкъ обозначаетъ значительное число мужчинъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ группѣ, терминомъ «окиіа»,—терминомъ, который примѣняется и къ отцу, когда мы узнаемъ, что тотъ же человѣкъ именуетъ всѣхъ женъ названныхъ родственниковъ тіа—мать, а всѣхъ ихъ сыновей—старшими или младшими братьями (окиліа и итіа), намъ трудно вывести изъ всего этого другое заключеніе, кромѣ того, что такая практика доказываетъ признаніе не индивидуальнаго, а группового родства». Всѣ отцы —

*) См. въ особенности главы II и III.

лица, принадлежащія къ той же группѣ, что и дѣйствительный отецъ, всѣ матери—женщины той же группы, что и дѣйствительная мать, а всѣ братья — члены одной группы съ тѣмъ лицомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Противъ предположенія, высказаннаго еще Макъ-Леннаномъ и нашедшаго себѣ дальнѣйшее развитіе со стороны г. Купова,—предположенія, что въ этихъ названіяхъ надо видѣть только формы вѣжливаго обращенія, нѣчто подобное той практикѣ, какая встрѣчается въ нашемъ крестьянскомъ быту, гдѣ если не отцами и матерями, то дядями и тетками именуются лица старшаго возраста, не состоящія, однако, въ томъ опредѣленномъ родственномъ отношеніи къ обращающемуся къ нимъ, какое существуетъ въ дѣйствительности между дядей или теткой и племянникомъ. Спенсеръ и Гилленъ приводятъ слѣдующія соображенія. Племя арунта, у котораго обычна такая номенклатура родства, въ то же время признаетъ за каждымъ лицомъ особое имя и въ своихъ обращеніяхъ обозначаетъ его этимъ именемъ *). «Мужчины каждаго племени—говорятъ Спенсеръ и Гилленъ — примѣняютъ одинъ и тотъ же терминъ и къ женщинѣ, съ которой они вступаютъ въ дѣйствительный бракъ, и ко всѣмъ тѣмъ, которыя могли бы сдѣлаться ихъ женами, т.-е. принадлежатъ къ той группѣ, въ которой онъ можетъ искать себѣ невѣсту. То же надо сказать и о терминѣ, служащемъ для обозначенія какъ дѣйствительной матери, такъ и всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ отецъ, согласно обычаю, могъ взять себѣ въ жены. Если не считать такіе термины за обозначеніе родства—прибавляютъ отъ себя Спенсеръ и Гилленъ—, то придется сказать, что у данныхъ племенъ вообще не имѣется никакихъ способовъ для обозначенія связи по крови. Такая номенклатура тѣмъ болѣе кажется странной, что въ одну группу съ дѣйствительной матерью можетъ попасть ея сестра-ребенокъ, которую, тѣмъ не менѣе, придется называть именемъ матери даже взрослому человѣку». Заключеніе, къ какому приходятъ авторы цитируемаго мною сочиненія,—то, что нельзя дать удовлетворительнаго объясненія самому факту возникновенія классовой системы родства, не допустивъ предварительнаго существованія группового брака, который, какъ они утверждаютъ, доселѣ встрѣчается, по крайней мѣрѣ, у одного изъ австралійскихъ племенъ—у арунта. Въ чемъ же, спрашивается, выступаетъ этотъ послѣдній фактъ?

Говоря о другомъ австралійскомъ племени, урабуна (urabuna), Спенсеръ и Гилленъ указываютъ на то, что, помимо жены или женъ, съ которыми мужчина состоитъ у нихъ въ сожитіи, и которыя пребываютъ въ одной съ нимъ стоянкѣ, каждый имѣетъ еще право вступать въ любовную связь съ рядомъ женщинъ, принадлежащихъ къ тому же классу родственницъ, изъ котораго взята была имъ жена. Всѣ онѣ

*) Спенсеръ и Гилленъ, стр. 55, 56, 57.

должны входить въ составъ другого дѣленія племени, чѣмъ то, какого онъ состоитъ членомъ; каждая женщина, не исключая и его жены, можетъ стоять въ такомъ же отношеніи къ другимъ членамъ рода; послѣдніе не принадлежатъ къ одному съ нею дѣленію. «Не существуетъ того, пишутъ Спенсеръ и Гилленъ, что можно назвать исключительнымъ правомъ мужчины на одну какую-нибудь женщину». Братья, отъ которыхъ зависитъ распорядиться судьбою дѣвушки, могутъ предоставить одному мужчинѣ предпочтительное право на нее, а другимъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ группѣ, второстепенныя права. Число женщинъ, на которыхъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ имѣть такія второстепенныя права, неограниченно и зависитъ отъ его могущества и популярности. Мужчины, имѣющіе одинаковыя второстепенныя права на извѣстное число женщинъ, обыкновенно живутъ группами; рѣдко случается, чтобы мужъ препятствовалъ человѣку, имѣющему второстепенныя права на его жену, сожитіе съ нею. Всякая попытка, сдѣланная въ этомъ смыслѣ съ его стороны, ведетъ къ свалкѣ; на ревниваго мужа смотрятъ съ осужденіемъ. У тѣхъ же племенъ распространенъ обычай ссужать женъ. Когда тотъ или другой человѣкъ долженъ отправиться въ мѣстность, гдѣ онъ не разсчитываетъ найти ни жены, ни тѣхъ женщинъ, на которыя у него имѣются второстепенныя права, мужчины одного съ нимъ класса обыкновенно уступаютъ ему принадлежащія имъ преимущества, одинаково какъ на своихъ первыхъ женъ, такъ и на второстепенныхъ. Всѣ дѣти, прижитыя въ сожитіи, какъ съ дѣйствительной супругой, такъ и съ второстепенными женами, слывутъ одинаково подъ именемъ сыновей и дочерей даннаго лица; для нихъ онъ является отцомъ. У племени діери, описаннаго Гауитомъ, встрѣчается та же организація. Дальнѣйшая черта въ этой классовой системѣ родства та, что признается различіе между дѣтьми старшихъ и младшихъ братьевъ матери, старшихъ или младшихъ сестеръ отца. На однихъ только нисходящихъ отъ старшихъ братьевъ и сестеръ распространяется обязанность сожитія; при этомъ все равно, идетъ ли счетъ родства въ мужской линіи, какъ у арунта, или въ женской, какъ у урабуна *).

Существенное различіе между отдѣльными племенами въ отношеніи къ классовой системѣ родства сводится только къ тому, что у однихъ имѣется всего два подраздѣленія или класса, а у другихъ въ каждомъ изъ этихъ подраздѣленій встрѣчаются еще свои второстепенныя тотемическія группы. Членъ одного класса не можетъ вступать въ сожитіе съ женщиной любой тотемической группы своего же класса, а только съ женщиной группы, принадлежащей къ противоположному классу; иногда также не со всѣми безразлично, а

*) Тамъ же, стр. 61—65.

только съ женщинами опредѣленныхъ тотемовъ. Намъ нѣтъ надобности пускаться въ дальнѣйшія подробности, такъ какъ сказанное содержитъ въ себѣ всѣ характерные признаки классовой системы родства.

Остается теперь задаться вопросомъ о ея происхожденіи. Спенсеръ и Гилленъ, повидимому, считаютъ первичнымъ дѣленіе на два экзогамическихъ класса или группы, а позднѣйшимъ—подраздѣленіе классовъ на тотемическіе союзы. Однообразное распаденіе всѣхъ племенъ на два класса или на число, кратное двухъ, необходимо предполагаетъ цѣлесообразную искусственность, направленную къ сознательной цѣли устраненія возможности эндогамическаго брака. Въ сказаніяхъ австралійскихъ племенъ выступаетъ такая точка зрѣнія, но Спенсеръ и Гилленъ справедливо указываютъ на то, что сказанія обыкновенно придумываются для объясненія разъ установившихся отношеній, а слѣдовательно не могутъ быть приводимы какъ источникъ, объясняющій ихъ возникновеніе. Вотъ почему Ленгъ, желая устранить всякую мысль о возможности искусственнаго происхожденія классовой системы родства, справедливо, на мой взглядъ, отправляется въ своемъ объясненіи отъ обратнаго предположенія, что тотемическіе роды, встрѣчаемые нами и тамъ, гдѣ нѣтъ классовой системы родства, возникли ранѣе основного и однообразно повторяющагося дѣленія племени на двѣ группы или на число группъ, въ которыхъ два повторяется нѣсколько разъ. Приведемъ его аргументацію. На стр. 35 своей книги «Исходные моменты общественнаго развитія» (Social Origins) Ленгъ объявляетъ, что, вопреки ходячему мнѣнію, онъ постарается обосновать ту мысль, что запрещеніе браковъ въ средѣ тотемовъ предшествовало по времени образованію двухъ группъ или соединенію тотемовъ въ эти двѣ группы, послѣ чего бракъ между тотемами одной группы сталъ запретнымъ. Самый терминъ «дѣленіе» племени на двѣ группы или, какъ онъ выражается, «фратріи», Ленгъ предпочитаетъ замѣнить словомъ соединеніе тотемовъ въ двѣ группы или фратріи. «Я не думаю—пишетъ онъ на стр. 40—, что съ самаго начала присуще было желаніе избѣжать возможности якобы вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ или безнравственныхъ по природѣ союзовъ между близкими родственниками, сознательнымъ выраженіемъ чего и было бы дѣленіе племени на двѣ экзогамическія группы. Я полагаю, что самыя условія жизни повели къ установленію извѣстныхъ правилъ, независимо отъ всякихъ соображеній нравственнаго характера». Позднѣйшія же разсужденія касательно послѣдствій, вызываемыхъ примѣненіемъ этихъ правилъ, повели къ созданію извѣстныхъ нравственныхъ представленій, что, въ свою очередь, содѣйствовало исправленію самыхъ правилъ. На стр. 43 тотъ же атворъ указываетъ на то, что и тѣ двѣ группы или фра-

тріи, на которыя дѣлится племя, также носятъ тотемическій характеръ, и что имена ихъ свидѣтельствуютъ о такомъ же точно происхожденіи, какъ и составляющіе ихъ тотемы. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ одно дѣленіе именуется «опссоумъ», а другое—«аллигаторъ» или еще «кэнгуру» и т. д. Это обстоятельство одно уже позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ группами, однохарактерными по природѣ съ тѣми, какими являются входящіе въ ихъ составъ тотемическіе роды. Такимъ образомъ, Ленгъ становится на точку зрѣнія, какъ-разъ обратную той, выразителемъ которой является Гаунтъ, а за нимъ Спенсеръ и Гилленъ, видящіе въ такихъ дѣленіяхъ на двѣ группы или фратріи продуктъ сознательнаго рѣшенія (deliberate arrangement),—рѣшенія, преслѣдующаго напередъ поставленную цѣль. Ленгъ справедливо настаиваетъ на томъ, что нѣтъ возможности объяснить ни ближайшаго мотива къ такому дѣленію, ни способа, какимъ рѣшеніе произвести такой раздѣлъ племени на двѣ половины могло быть проведено на практикѣ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы племя, жившее ранѣе «нераздѣльной коммуной», другими словами—въ коммунистическомъ общеніи, могло бы составить себѣ представленіе о чемъ-либо лучшемъ *). Ленгъ приводитъ затѣмъ одинъ фактъ въ пользу своей гипотезы, именно тотъ, что одни и тѣ же тотемы не повторяются въ каждомъ изъ двухъ дѣленій или фратрій, на которыя распадается племя, а наоборотъ, каждое дѣленіе имѣетъ свои собственные тотемическіе роды **). Ленгъ полагаетъ, что нельзя объяснить себѣ иначе, какъ обширное племя, подобное тлинкитамъ въ Сѣверной Америкѣ, могло имѣть съ самаго начала только два тотема, совпадающіе съ его дѣленіемъ на двѣ группы или фратріи—ворона и волка; нельзя также понять, почему, при дальнѣйшемъ подраздѣленіи, въ составъ этихъ первоначальныхъ двухъ тотемическихъ группъ не вошли, какъ естественное послѣдствіе взаимныхъ браковъ, одинаковые тотемы. Поясникъ его мысль примѣромъ. Мужчина изъ группы *А* женится на дѣвушкѣ изъ группы *Б*, и наоборотъ—мужчина *Б* на женщинѣ *А*. Предположимъ, что группа *А* разбилась на нѣсколько подраздѣленій a^1, a^2, a^3, a^4 и т. д., и что то же произошло и съ группой *Б*. Браки происходятъ теперь между отдѣльными подраздѣленіями *А* только съ извѣстными подраздѣленіями *Б*, и наоборотъ. Какой получится отъ этого результатъ? Очевидно тотъ, что въ группу, представленную *А* большимъ, войдутъ *б* малыя, и, наоборотъ, въ группу, представленную *Б* большимъ, — *а* ма-

*) Стр. 42

**) Исключеніе представляетъ одно лишь племя арунта, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, ребенокъ принадлежитъ къ тому или другому тотему, смотря по мѣсту, въ которомъ мать его считается зачавшей (стр. 55 и 56).

лыя, т.-е. получится дѣленіе каждаго тотема на двѣ части, изъ которыхъ одна отойдетъ въ одну фратрію, а другая въ другую; но этого, въ дѣйствительности, мы не встрѣчаемъ. Въ нашемъ примѣрѣ группа *А* большое заключаетъ въ себѣ подраздѣленія, въ которыхъ *б* малыя не представлены, и, наоборотъ, а если такъ, то слѣдуетъ предположить, что *А* большое составилось изъ соединенія *а* малыхъ, а *Б* большое—изъ соединенія *б* малыхъ, что *а* и *б* малыя существовали ранѣе *А* и *Б* большихъ. Какъ же возникли эти позднѣйшія, большія дѣленія? Ленгъ отвѣчаетъ—естественнымъ путемъ и постепенно благодаря практикѣ взаимныхъ браковъ *). Но, въ такомъ случаѣ, почему же эти соединенія отдѣльныхъ тотемовъ во-едино повели къ созданію только двухъ группъ или числа группъ, кратнаго двухъ? На этотъ вопросъ я не нахожу отвѣта въ сочиненіи Ленга, но я полагаю, что такой отвѣтъ можетъ быть данъ. Для этого надо предположить только различіе въ мощи между отдѣльными тотемическими группами,—мощи, которая, въ свою очередь, имѣла, по всей вѣроятности, ближайшимъ источникомъ различіе, во-первыхъ, въ численномъ составѣ, а во-вторыхъ, въ обиліи животной и растительной пищи. Очевидно, что менѣе могущественные тотемы встрѣтили бо́льшую трудность вступить въ обмѣнъ женщинами съ другими, и что этотъ обмѣнъ, наоборотъ, легко устанавливался между тотемами болѣе или менѣе равной численности и богатства (я имѣю въ виду преимущественно обиліе дичи и рыбы). Обмѣнъ женъ между могущественными тотемами непремѣнно долженъ былъ повести къ установленію въ племени, по меньшей мѣрѣ, двухъ экзогамическихъ группъ или числа, кратнаго двухъ. Менѣе мощные роды могли добиться тѣхъ же преимуществъ брачнаго обмѣна, примкнувъ къ этимъ двумъ или кратнымъ къ двумъ группамъ. Междоусобія тотемовъ, оканчивавшіяся миромъ и брачнымъ общеніемъ, могли вліять на отнесеніе однихъ тотемовъ въ одну группу, а другихъ—въ противоположную. Строгое же соблюденіе правила объ экзогаміи навсегда сдѣлало невозможнымъ повтореніе въ обѣихъ группахъ или фратріяхъ, иначе говоря, въ главныхъ двухъ дѣленіяхъ, однихъ и тѣхъ же тотемовъ. Такимъ образомъ, могли возникнуть такія, напримѣръ, соединенія тотемовъ въ два класса или фратріи: въ одномъ 4 тотема, въ другомъ 5; тотемы перваго отличны отъ тотемовъ второго Число тотемовъ не обязательно равное. Брачные запреты, возникшіе независимо отъ всякой классовой системы родства и касающіеся лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ поколѣніямъ, повели къ сокращенію числа тѣхъ, между которыми дозволенъ союзъ. Независимо и въ дополненіе къ правилу, запрещающему бракъ между тотемами одной и той же группы, явилось требованіе заключать его между лицами одного

*) Стр. 63.

и того же поколѣнія; наконецъ, установленное практикой пристрастіе къ обмѣну невѣстами или, наоборотъ, женихами между членами двухъ или болѣе тотемовъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ, повело къ тому, что не всѣ тотемы одного класса стали вступать въ союзы со всѣми тотемами другого, иначе говоря, что союзы одного какого-нибудь тотема, заключаемые съ членами другого опредѣленнаго тотема, принадлежащаго къ противоположному классу, стали считаться если не исключительно дозволенными, то наиболѣе одобряемыми обычаемъ и потому почетными. Такимъ образомъ, къ экзогаміи классовъ присоединилась еще добавочная экзогамія тотемовъ, исключающая возможность брать женщинъ изъ части второстепенныхъ группъ, входящихъ въ составъ того или другого класса. Подобнаго рода отношенія могли возникнуть и независимо отъ существованія или несуществованія группового брака, а отсюда тотъ выводъ, что при классовой системѣ родства такой групповой бракъ можетъ одинаково имѣть и не имѣть мѣста какъ, съ другой стороны, групповой бракъ можетъ встрѣтиться и тамъ, гдѣ не имѣется болѣе или никогда не имѣлось классовой системы родства.

Въ книгѣ «Законъ и обычай на Кавказѣ», ссылаясь на данныя, впервые обнародованныя о черкесахъ Бэлемъ, я считалъ возможнымъ указать на существованіе и среди горцевъ Кавказа организаціи, напоминающей дѣленія негритосовъ и краснокожихъ на классы и экзогамическіе роды. Вотъ эти факты. Бэлемъ впервые было отмѣчено существованіе въ средѣ абазинскихъ племенъ, населяющихъ горныя долины по побережью Чернаго моря, своеобразной общественной организаціи, характеръ которой онъ передаетъ словомъ «братство». Въ составъ каждаго изъ братствъ, или «тлеухъ», входитъ нѣсколько родовъ (ачихъ). Отношенія между мужчинами и женщинами одного и того же братства тѣ же, что между братьями и сестрами. Члены братства считаютъ себя происходящими отъ общаго корня и потому самому кровными родственниками. Интересную для насъ черту составляетъ то обстоятельство, что бракъ между мужчинами и женщинами одного и того же братства считается недозволеннымъ. Въ старые годы, по описанію Бэля, виновные въ нарушеніи этого правила бросаемы были въ море. Брачные запреты распространяются не только на членовъ одного и того же рода, но и на членовъ всѣхъ и каждаго изъ родовъ, входящихъ въ одно и то же братство. При этомъ все равно, идетъ ли дѣло о заключеніи брака между свободными или несвободными членами сообщества *).

Мое сближеніе черкесскихъ братствъ съ экзогамическими классами и тотемами австралійцевъ и краснокожихъ встрѣтило критика

*) Ковалевскій, «Законъ и обычай на Кавказѣ», т. I, стр. 10.

въ лицѣ г. Долинскаго, напечатавшаго особый этюдъ о семьѣ у кавказскихъ горцевъ сперва на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ Колера, а затѣмъ по-русски въ «Запискахъ Общества Исторіи, Филологіи и Права» при варшавскомъ университетѣ. Г. Долинскій полагаетъ, что братства черкесовъ — одна изъ тѣхъ политическихъ федерацій, о которыхъ намъ такъ много говоритъ Морганъ, какъ о существующихъ у краснокожихъ, и которыя ничего будто бы не имѣютъ общаго съ тотемическими группами, а возникли подъ вліяніемъ условій взаимной защиты и нападенія *). Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ слѣдующее соображеніе: «Бэль говоритъ, что сплошь-и-рядомъ различныя братства входятъ въ одинъ общій союзъ, и брачные запреты распространяются на всѣхъ. Но это обстоятельство именно и свидѣтельствуетъ въ пользу возможности сближенія черкесскихъ братствъ съ классами и тотемическими родами австралійцевъ. Разъ братство составлено изъ родовъ, запрещающихъ бракъ не только въ собственныхъ предѣлахъ, но и въ границахъ всего братства, то мы, очевидно, находимся въ присутствіи порядковъ, однохарактерныхъ съ тѣми, при которыхъ у негритосовъ Австраліи экзогамія распространяется не только на цѣлые роды, но и на возникшіе изъ нихъ классы. Мнѣ говорятъ, такая экзогамія черкесскихъ братствъ — продуктъ искусственный, созданный подъ вліяніемъ подражанія родственнымъ отношеніямъ. Но я не вижу ничего естественнаго и въ классовой системѣ австралійцевъ. Вѣдь, съ моей точки зрѣнія, которая въ данномъ случаѣ сходится со взглядами Ленца, эти классы возникли путемъ соглашенія составившихъ ихъ родовъ—соглашенія, одна сторона котораго (и исключительно только эта) извѣстна намъ изъ описанія англійскихъ этнографовъ: я разумѣю ту, въ силу которой бракъ запрещенъ между членами всѣхъ родовъ, входящихъ въ составъ одного и того же класса. Наши свѣдѣнія объ австралійской системѣ не позволяютъ намъ сказать утвердительно, были ли, или нѣтъ роды, входящіе въ составъ одного и того же класса, и политическими союзниками? И то и другое возможно; я даже склоненъ думать, что болѣе тѣсныя отношенія возникали между родами, обмѣнивавшими своихъ женщинъ, такъ какъ всюду въ исторіи, между прочимъ, у классическихъ народовъ древности, право вступленія въ бракъ, jus connubii, встрѣчалось бокъ-о-бокъ съ политическимъ единеніемъ. Бэль нигдѣ не говоритъ намъ о томъ, чтобы запрещеніе браковъ между родами, входящими въ составъ одного и того же «тлеуха» или черкесскаго братства, было обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ прочности ихъ единенія; буквальная передача его свидѣтельства гласитъ только слѣдующее: «И

*) Вып. II, 1903 г., стр. 130.

когда, какъ это обыкновенно бываетъ, многія братства входятъ въ одинъ общій союзъ, правило касательно запрещенія браковъ обязательно соблюдается всѣми и каждымъ изъ нихъ. Весьма вѣроятно, что прекращеніе случаевъ увода невѣстъ ведетъ къ крѣпости у черкесовъ брачныхъ узъ». Вѣдь союзы, ранѣе этого всего чаще заключавшіеся такимъ порядкомъ, неизбѣжно влекли за собою междусемейную и даже междуродовую вражду». Г. Долинскій думаетъ, что въ образованіи братствъ у черкесовъ мы должны видѣть не что иное, какъ послѣдствіе усыновленія однимъ родомъ другихъ родовъ; но если бы это было такъ, то, во-первыхъ, это ничего бы не доказывало противъ нашего положенія, такъ какъ усыновленіе мелкихъ родовъ большими въ средѣ краснокожихъ нисколько не препятствуетъ существованію у нихъ не только экзогамическихъ родовъ, но и союзовъ такихъ родовъ или классовъ. Прежде чѣмъ признать, однако, такое происхожденіе черкесскихъ экзогамическихъ классовъ, включающихъ въ себя нѣсколько родовъ, г. Долинскому слѣдовало бы представить хоть одинъ примѣръ усыновленія на Кавказѣ родомъ рода, а не однихъ частныхъ лицъ. Я такого примѣра не знаю. Мой критикъ беретъ у меня же факты и соображенія, доказывающіе, что кровная месть прекращается на Кавказѣ нерѣдко путемъ установленія искусственнаго родства между обиженнымъ родомъ и убійцею или взамѣнъ его съ подростkомъ изъ одного съ послѣднимъ рода. Но въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ усыновленіемъ не цѣлаго рода, а отдѣльнаго члена его, что, очевидно, не одно и то же. И почему бы искусственному родству, якобы возникающему между членами родовъ, входящихъ въ составъ одного и того же союза,—союза, цѣлью котораго была бы общая защита и общее нападеніе, не принять формы братства по оружію? Но послѣднее, какъ говоритъ и самъ г. Долинскій, не имѣетъ слѣдствіемъ запрещенія брачныхъ узъ. Нѣтъ, съ другой стороны, никакого основанія утверждать, что мнимыя усыновленія рода родомъ непремѣнно принимали форму молочнаго братства, сопровождающагося, какъ извѣстно, брачнымъ запретомъ. Г. Долинскимъ не приведено въ пользу такой мысли не только достаточныхъ, но вообще какихъ-либо доказательствъ. Мѣсто ихъ занимаютъ разсужденія въ родѣ слѣдующаго: «Это было до извѣстной степени братство по оружію, но не формальный обмѣнъ оружіемъ между отдѣльными членами, не ведущій за собою запрещенія брака, а сильный, тѣсный, братскій союзъ подъ эгидой общаго оружія» (стр. 132). Какое различіе существуетъ между братствомъ по оружію и братствомъ подъ «эгидой общаго оружія», г. Долинскій такъ намъ и не сказалъ. До выясненія этого различія мы будемъ думать, что политическій союзъ, преслѣдующій цѣли нападенія и защиты, если и подражаетъ въ своемъ устройствѣ какому-нибудь типу индивидуальнаго братства, то, очевидно,

только братству по оружію, т.-е. такому, которое не ведетъ къ установленію брачныхъ запретовъ. А такъ какъ въ черкесской организаціи въ томъ описаніи, какое даетъ ей Бэль, характерной чертою являются именно эти брачные запреты, то я и отказываюсь признать ихъ источникомъ братства по оружію, какъ не устанавляющаго такихъ запретовъ.

Итакъ, чтобы дать то объясненіе черкесскимъ «тлеухамъ», на которомъ остановился г. Долинскій, ему пришлось, во-первыхъ, сочинить институтъ какого-то коллективнаго усыновленія родовъ родами, чему мы не находимъ ни одного примѣра на Кавказѣ. а во-вторыхъ, построить гипотезу какого-то братства по оружію между родами, которое почему-то имѣетъ иныя послѣдствія, чѣмъ братство по оружію между отдѣльными воинами. Замѣнить факты предположеніями и подкрѣплять одно предположеніе другимъ, очевидно, пріемъ не научный *). Я не ограничился въ моей попыткѣ опредѣлить природу черкесскихъ «тлеуховъ» однимъ упоминаніемъ о брачныхъ запретахъ, распространяемыхъ у нихъ не только на роды, но и на союзы родовъ. Я указалъ еще на то, что этой стороной своего быта черкесскіе роды вполнѣ приближаются къ тѣмъ, какіе, напримѣръ, Морганъ имѣлъ случай наблюдать у краснокожихъ Америки; о послѣднихъ авторъ «Древняго общества» говоритъ: «У ирокезовъ бракъ не только запрещенъ въ предѣлахъ одного и того же рода, но онъ не возможенъ даже въ томъ случаѣ, когда женихъ и невѣста, принадлежа къ разнымъ родамъ, входятъ въ составъ одного и того же братства. У одного изъ племенъ принадлежащихъ къ ирокезской конфедераціи, у сенекъ, браки не могутъ быть заключаемы между членами слѣдующихъ «тотемовъ» или родовъ: медвѣдя, волка, кастора и черепахи. Входящія въ составъ ихъ семьи вольны въ то же время вступать въ супружескіе союзы съ четырьмя «тотемами», составляющими одно и то же

*) Противоположеніе политическаго характера черкесскихъ «тлеуховъ» съ характеромъ ихъ, какъ экзогамическихъ классовъ, потому уже можетъ считаться не заслуживающимъ серьезнаго вниманія, что всюду, гдѣ возникаютъ политическіе союзы между племенами, однимъ изъ средствъ къ ихъ установленію является допущеніе между ними обмѣна невѣстъ; между тѣмъ роды, входящіе въ составъ черкесскаго «тлеуха», т.-е. этого воображаемаго политическаго союза, обязаны, наоборотъ, воздерживаться отъ заключенія брачныхъ узъ между собою. Насколько jus connubii ведетъ къ сближенію родовъ и установленію между ними союзовъ, указываетъ, между прочимъ. Гроссе.«Тамъ—пишетъ этотъ изслѣдователь—, гдѣ господствуетъ родовая экзогамія, она не обходится безъ вліянія на политическое устройство. Родственныя отношенія, порождаемыя постоянными браками между экзогамическими родами, постепенно обращаются въ узы, препятствующія повторенію между ними кровныхъ междоусобій. Такимъ образомъ, брачный обмѣнъ ведетъ къ созданію постояннаго политическаго союза, къ обращенію родовъ въ племя». (Гроссе, «Формы семьи и формы хозяйства», стр. 129 нѣмецкаго изданія).

братство. Эти тотемы носятъ наименованія: лани, бекаса, сокола и цапли» *). Различіе состоитъ только въ томъ что у черкесовъ я не нахожу тотемическихъ названій для родовъ и классовъ, тогда какъ у американскихъ племенъ они обычны.

Я старался указать на наличность и у чеченцевъ нѣкотораго подобія съ черкесскими «тлеухами» или братствами, т.-е. соединеніями нѣсколькихъ родовъ. На стр. 17 моего «Закона и обычая на Кавказѣ» я говорю: «Чеченцамъ братства извѣстны подъ наименованіемъ «тайпъ». Чеченскія «тайпы» хотя и распадаются на второстепенные союзы «гаары» и «пекіи», но, тѣмъ не менѣе, принадлежащіе къ нимъ мужчины считаются всѣ братьями «вопа». Между ними браки запрещены даже въ двѣнадцатой степени родства. Г-нъ Долинскій критикуетъ мой взглядъ. Онъ думаетъ, вслѣдъ за Лаудаевымъ, что «тайпа» не болѣе какъ родъ; но чѣмъ же будутъ въ такомъ случаѣ второстепенные союзы, мною указанные, т.-е. «гаары и пекіи»? Для меня они—роды и семейныя общины; соединеніе же ихъ образуетъ братство. Упоминаемое мною, со словъ Харузина, запрещеніе брака даже въ двѣнадцатой степени родства, или, какъ онъ выражается, «до двѣнадцатаго колѣна», равнозначительно на практикѣ безграничной экзогаміи. Вотъ почему оно, вопреки мнѣнію г. Долинскаго, и даетъ право сравнивать чеченскій родъ съ тотемическими группами, также экзогамными. Что значитъ, затѣмъ, слѣдующее мѣсто въ разсужденіяхъ моего критика, я сказать не берусь, такъ какъ смыслъ его ускользаетъ отъ моего пониманія. Заявивъ сначала: «Неужели запрещеніе родственныхъ браковъ даетъ право сравнивать чеченскій родъ съ тотемическими группами», мой критикъ прибавляетъ, повидимому, въ качествѣ аргумента: «Въ такомъ случаѣ мы должны были бы находить въ Китаѣ переживаніе группового брака, такъ какъ извѣстно, что тамъ лица, носящія одно имя, не должны вступать въ бракъ» (стр. 136). Какую силу имѣетъ такое совершенно произвольное сближеніе китайскаго обычая съ запретомъ браковъ вплоть до двѣнадцатаго колѣна для признанія или непризнанія факта существованія широкой экзогаміи у чеченцевъ, очевидно, составляетъ тайну моего критика. Лично я не имѣю никакого основанія пускаться въ объясненіе китайскаго обычая. Но если въ Китаѣ бракъ запрещенъ лицамъ, носящимъ одинаковое имя, то, вѣроятно, потому, что ношеніе одного имени когда-то считалось доказательствомъ принадлежности къ одной и той же группѣ родственниковъ, между которыми бракъ былъ запрещенъ, а если такъ, то чѣмъ же китайскій обычай подкашиваетъ силу приведенной мною аргументаціи? Я не ограничился сопоставленіемъ кавказскихъ родовъ съ такими же союзами тотемическихъ группъ

*) Стр. 13

въ Австраліи и у краснокожихъ по вопросу о брачныхъ запретахъ. Я старался показать еще общность всѣмъ имъ той черты, что цѣломудріе, соблюдаемое по отношенію къ дѣвушкамъ рода, не имѣетъ мѣста по отношенію къ женщинамъ-чужеродкамъ. Я привелъ свидѣтельство Сталя о томъ, что имѣть любовника не считалось позорнымъ для черкесскихъ женщинъ, и что мужья ихъ гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Я настаивалъ на томъ, что подобныя свидѣтельства дошли до насъ отъ разныхъ эпохъ, какъ отъ арабскихъ путешественниковъ X вѣка, такъ и отъ голландскихъ и французскихъ XVII *). Г. Долинскій, желая ослабить силу этихъ свидѣтельствъ, старается истолковать ихъ въ смыслѣ невиннаго волокитства, не исключающаго возможность поцѣлуевъ; но такое толкованіе едва ли передаетъ точно смыслъ слѣдующаго, напримѣръ, показанія французскаго писателя Таверные: «Когда мужъ, войдя въ домъ, застаетъ жену свою съ любовникомъ, онъ выходитъ, ничего не говоря; чѣмъ больше жена имѣетъ любовниковъ, тѣмъ бо́льшій оказывается ей почетъ». Не говоритъ также въ пользу невинности отношеній къ женщинамъ-чужеродкамъ, сдѣлавшимся женами членовъ рода и братства, то обстоятельство, что, по словамъ Сталя, у черкесскаго племени шапсуговъ имѣть любовника не считалось позоромъ, и мужья гордились тѣмъ, что ихъ жены любимы посторонними мужчинами. Нельзя же думать, въ самомъ дѣлѣ, что снисходительность мужей къ любовнымъ похожденіямъ женъ вызывалась у черкесовъ, какъ думаетъ г. Долинскій, сознаніемъ, что, въ виду сладострастія ихъ супругъ и частаго отсутствія ихъ владѣльцевъ, благоразуміе велитъ имъ не настаивать чрезмѣрно на исключительности своихъ правъ **). Очевидно, что мы имѣемъ предъ собой снисходительность, вынуждаемую обычаемъ и совершенно непонятную въ родовомъ обществѣ, въ которомъ прелюбодѣяніе всегда считается кровной обидой, вызывающей кровную месть или, по меньшей мѣрѣ, насильственное удаленіе обидчика изъ рода, разъ имъ является родственникъ. Въ чемъ же искать источникъ такого обычая? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде надо остановиться на изученіи сопутствующихъ его явленій и спросить себя, не подсказываютъ ли отвѣта такіе факты, какъ упоминаемый Дюбуа-де-Монпере обычай черкесовъ его времени не показываться публично съ женою, не посѣщать ея иначе, какъ тайкомъ, считать грубостью всякій вопросъ о ней какъ о женѣ.

Въ существованіи такихъ порядковъ не можетъ быть высказываемо сомнѣніе, такъ какъ они засвидѣтельствованы Потоцкимъ и Бэлемъ. Первый говоритъ, что мужья только по ночамъ, да и то крадучись, пробираются въ помѣщеніе, отведенное для ихъ женъ, а второй раз-

*) «Законъ и обычай на Кавказѣ», стр. 11 и 12.
**) См. стр. 138—139.

сказываетъ, какъ, вошедши съ вѣдома мужа въ жилище жены, онъ обратилъ супруга въ бѣгство. Всѣ эти факты, очевидно, позволяютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы индивидуализація супружескихъ правъ была проведена столь же полно въ прошломъ черкесовъ, какъ въ любомъ обществѣ магометанскомъ или христіанскомъ, придерживающемся все равно началъ моногаміи или полигаміи. Съ другой стороны, то обстоятельство, что всегда воспитываемые на сторонѣ молочнымъ отцомъ или аталыкомъ дѣти черкесовъ какъ бы усыновляются ихъ родителемъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, также наводитъ на мысль, что и отцовскія права не носили того характера опредѣленности, какой присущъ имъ въ обществахъ съ строгой индивидуализаціей супружескихъ отношеній *). На ту связь, въ какой аталычество, т.-е. обязательная отдача дѣтей на воспитаніе въ чужую семью, можетъ стоять съ недостаткомъ индивидуализаціи супружескихъ, а потому и отцовскихъ правъ, навелъ меня одинъ обычай полинезійскаго племени маори (maori), у которыхъ существовала классовая система родства; члены одной экзогамической группы и одного поколѣнія считались у нихъ братьями и имѣли супружескія права на женщинъ другой группы и одного съ ними поколѣнія; послѣднія слыли ихъ сестрами. У этихъ маори дѣти съ самаго рожденія поступали къ усыновителямъ, на обязанность которыхъ падало ихъ вскармливаніе и воспитаніе. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ и соображеній я пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить къ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу является спорной; очевидно, не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могутъ быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе дѣтей тѣмъ или другимъ мужчиной обращаетъ ихъ въ его потомство. Для этого недостаточно одного рожденія въ той или другой семьѣ; требуется еще усыновленіе, принимающее вышеописанную форму передачи аталыкомъ взрослаго сына въ руки мужа его матери» (стр. 17). Г. Долинскій ставитъ мнѣ въ вину, что въ другомъ моемъ сочиненіи, появившемся за

*) На 15-ой стр. I тома моего «Закона и обычая» я пишу: «Когда воспитанникъ достигнетъ совершеннолѣтія, т.-е. окажется способнымъ принимать участіе въ войнѣ, аталыкъ въ торжественной процессіи приводитъ его къ отцу. Отецъ, одаривъ воспитателя, принимаетъ сына въ свою семью. Такому акту предшествуетъ совершеніе обряда, символически выражающаго нежеланіе рода допустить актъ усыновленія. Бэль, который лично присутствовалъ при передачѣ аталыкомъ сына въ руки отца, разсказываетъ, что на толпу всадниковъ, сопровождавшую воспитателя и его питомца, аульная молодежь, подчиняясь требованію обычая, сдѣлала шуточное нападеніе: нѣсколько минутъ продолжалась пальба холостыми, разумѣется, зарядами; наконецъ, аталыку удалось пробить себѣ дорогу».

три года до «Закона и обычая на Кавказѣ», я, говоря не о черкесахъ, а объ осетинахъ, настаивалъ на томъ обстоятельствѣ, что обязательная отдача дѣтей на воспитаніе въ чужое семейство, иначе говоря, аталычество, стоитъ въ причинной связи съ желаніемъ предупредить возможность пристрастія матери къ дѣтямъ того лица, которое ей особенно дорого *). Я не вижу, чтобы эта мысль стояла въ противорѣчіи съ вышеприведенной. Высказывая ее, я только разсматриваю одну изъ сторонъ тѣхъ отношеній, какія порождаются недостаткомъ индивидуализаціи супружескихъ, а потому и отеческихъ правъ. Другую же сторону тѣхъ же отношеній представляетъ необходимость символическаго дѣйствія, служащаго формальнымъ признаніемъ связи совершеннолѣтняго сына съ его родителемъ. Это не мѣшаетъ г. Долинскому заявлять, что «такое противорѣчіе во взглядахъ не нуждается въ поясненіи». Я думаю, что читатель согласится, что при поясненіи такое противорѣчіе оказывается несуществующимъ. Если для освѣщенія природы черкесскихъ братствъ мнѣ пришлось поднять столько смежныхъ вопросовъ, то, очевидно, потому, что я имѣю дѣло скорѣе съ пережитками старыхъ порядковъ, чѣмъ съ развивающимся и вполнѣ жизненнымъ учрежденіемъ. То обстоятельство, что въ каждый данный моментъ быть того или другого народа заключаетъ въ себѣ обломки прошлаго, т.-е. такія стороны, которыя идутъ въ разрѣзъ съ общими его условіями, не позволяетъ критику выдвигать противъ изслѣдователя то обвиненіе, что предложенное имъ объясненіе стоитъ въ логическомъ противорѣчіи съ другими сторонами изучаемыхъ имъ порядковъ. Логическое противорѣчіе имѣетъ въ такихъ случаяхъ основаніемъ противорѣчіе фактическое. Вотъ почему чистота отношеній, существующихъ между братомъ и сестрою въ большинствѣ кавказскихъ обществъ, въ томъ числѣ у пшавовъ, нисколько не мѣшаетъ тому, что тѣмъ же терминомъ названнаго брата пшавская дѣвушка называетъ и избраннаго ею любовника; терпимость же, съ какой общественное мнѣніе относится къ такому внѣбрачному сожитію, очевидно, можетъ быть сближена съ тѣмъ разгуломъ, какой у тѣхъ же пшавовъ господствовалъ нѣкогда на праздникѣ въ честь Лаши-Георгія, миѳическаго сына царицы Тамары, иногда отожествляемаго съ Георгіемъ-Побѣдоносцемъ. Всѣ эти факты сближаются мною съ данными, сообщаемыми о бытѣ австралійскихъ племенъ и указывающими на то, что сознанію сколько-нибудь прочныхъ брачныхъ узъ не препятствуетъ половая распущенность до брака, опять-таки фактъ, важный для меня въ томъ смыслѣ, что имъ поддерживается гипотеза насчетъ первоначальнаго существованія у пшавовъ порядковъ, имѣвшихъ мало общаго съ моногамической семьею и отчествомъ, т.-е. со счетомъ родства по отцу, нынѣ упрочившимся среди

*) Долинскій, стр. 181

горцевъ. Можно ли послѣ сказаннаго видѣть противорѣчіе случайное, а не сознательное,—противорѣчіе, отражающее собою коллизію настоящихъ порядковъ съ прошлыми въ томъ фактѣ, что, какъ выражается мой критикъ, «одинъ разъ цацали—братъ и сестра, и ихъ отношенія чистыя, а другой разъ это — любовники, и самъ обычай представляетъ изъ себя переживаніе добрачнаго гетеризма» (стр. 181).

Итакъ, я не думаю, чтобы моя гипотеза о существованіи нѣкогда въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, прежде всего черкесовъ, такихъ порядковъ и отношеній, при которыхъ экзогамическіе роды могли образовать собою цѣлые союзы или классы, на всѣхъ членовъ которыхъ распространены были брачные запреты, была поколеблена только-что разсмотрѣнными возраженіями. Не думаю также, чтобы было основаніе подвергать сомнѣнію ту связь, въ какой эта система стоитъ съ тою неопредѣленностью супружескихъ правъ, какая нѣкогда отличала собою обычаи черкесовъ и, въ свою очередь, могла имѣть источникомъ бракъ не индивидуальный, а групповой.

Но групповой бракъ, повторяю, не есть необходимое условіе для возникновенія экзогамическихъ классовъ или фратрій наравнѣ съ экзогамическими родами; вотъ почему у многихъ инородцевъ Россіи, у которыхъ нашимъ этнографамъ удалось найти слѣды классовой системы родства, въ то же время не обнаружено пока слѣдовъ группового брака. Быть-можетъ, самыя интересныя страницы въ работѣ покойнаго Харузина о семьѣ и родѣ *) представляютъ тѣ, на которыхъ имъ собраны во-едино данныя, добытыя изученіемъ быта русскихъ инородцевъ по вопросу о классовой системѣ родства какъ о предшествовавшей у нихъ родству индивидуальному. «Система дѣленія племени на классы по возрасту, которую нашли у австралійцевъ, оставила — пишетъ г. Харузинъ — свои слѣды и въ номенклатурѣ родственниковъ у нѣкоторыхъ финскихъ и тюркскихъ народностей Россіи». У вотяковъ, черемисовъ и мордвы въ названіяхъ родства можно отмѣтить воспоминаніе (?) объ этомъ дѣленіи. Вотяки, напримѣръ, имѣютъ для передачи понятій отецъ (аи) и мать (мумы) тѣ же слова, которыя означаютъ самецъ и самку вообще; ихъ языкъ не имѣетъ спеціальныхъ терминовъ для обозначенія особыхъ кровныхъ отношеній, связывающихъ мальчика и дѣвочку съ кѣмъ-либо изъ взрослыхъ. Сынъ обозначается тѣмъ же словомъ, что и всякій мальчикъ; дочь тѣмъ же, что и всякая дѣвочка. Различаются не кровныя связи, а возрастъ членовъ семьи. Нѣтъ также спеціальныхъ названій для передачи понятій брата и сестры. Выраженіе «нюня» и «ахай» означаютъ вообще мужчину старше меня, будетъ ли имъ, по русской терминологіи, племянникъ, старшій братъ, дядя или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отецъ. Слово «вынъ» означаетъ мужчину моложе меня,

*) II выпускъ его «Этнографіи».

безразлично, будетъ ли это младшій братъ, или младшій племянникъ; слова «апа» и «акай»—женщину старше меня, все равно, идетъ ли рѣчь о старшей сестрѣ, старшей теткѣ, или племянницѣ старше меня; слово же «сузэръ»—женщину моложе меня. Всѣ эти факты, въ объясненіи И. Н. Смирнова, впервые на нихъ указавшаго, сохраняютъ память о времени, когда человѣкъ, пытавшійся опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ его мужчинамъ и женщинамъ, принималъ во вниманіе только различіе въ возрастѣ и не выдѣлялъ изъ среды этихъ мужчинъ и этихъ женщинъ такихъ, съ которыми бы чувствовалъ себя связаннымъ ближайшими узами въ силу происхожденія отъ общихъ родителей. Изъ мужчинъ старше себя по возрасту онъ не могъ указать даже на лицо, какое онъ могъ бы назвать родителемъ. Онъ видѣлъ вокругъ себя только группу самцовъ—мужчинъ, способныхъ къ дѣторожденію (ан), и среди этихъ самцовъ нѣсколькихъ старѣйшихъ (нёрресъ-ан), названіе, которое дается одинаково какъ дѣду, такъ и старшему брату отца». То обстоятельство, что, какъ видно изъ изслѣдованій того же г. Смирнова, вотяки, если судить по даннымъ ихъ языка, нѣкогда знали только родство по матери и доселѣ, какъ указано Первухинымъ, въ обращеніи къ женамъ называютъ ихъ по имени, унаслѣдованному ими отъ матерей, въ свою очередь, получившихъ эти имена отъ бабокъ, наконецъ, тотъ фактъ, что нѣкоторыя родовыя прозвища вотяковъ—доселѣ женскія, позволяютъ думать, что классовое родство ихъ стоитъ въ причинной зависимости отъ той неопредѣленности отца, на которую указываетъ господство материнства. Есть поэтому основаніе думать, что и у вотяковъ существовали нѣкогда тѣ отношенія, которыя обнимаются понятіемъ группового брака *). Держащаяся доселѣ у вотяковъ свобода внѣбрачныхъ и добрачныхъ отношеній, о которыхъ, помимо Смирнова, говорятъ и болѣе ранніе изслѣдователи, между прочимъ, Бехтеревъ и Максъ Бухъ **), въ значительной степени подкрѣпляютъ эту догадку.

Но не у однихъ вотяковъ мы находимъ слѣды существованія нѣкогда классовой системы родства. То же г. Смирновъ утверждаетъ и о другихъ финскихъ племенахъ, въ частности о черемисахъ и мордвѣ. У первыхъ «отдѣльныя лица различаются другъ отъ друга не по степени кровной близости къ данному человѣку, а возрастомъ. За исключеніемъ отца и матери, всѣ прочіе родственники дѣлятся на двѣ группы родственниковъ, старшихъ и младшихъ. Названіе «изія» обозначаетъ дядю моложе отца, старшаго брата, его сына, если онъ

*) Съ этимъ заключеніемъ, вѣроятно, не согласился бы г. Харузинъ, который въ толкованіи источника происхожденія классовой системы родства придерживается взглядовъ Кунова, отрицавшаго связь классовой системы съ групповымъ бракомъ.

**) См. «Die Wotjiaken, eine ethnologische Studie», 1882 г. стр. 45 и 47.

старше даннаго лица, двоюроднаго брата при томъ же условіи; слово «шёло»—младшаго брата, племянника, внучатнаго племянника, младшаго двоюроднаго брата, двоюроднаго племянника; слово «ака»—тетку, (моложе отца) старшую сестру, двоюродную сестру, разъ она старше даннаго лица». Что же касается мордвы, то у нихъ одно и то же слово служитъ для обозначенія жены, снохи и женщины вообще. Они не дѣлаютъ различія въ своей номенклатурѣ между сыномъ и молодымъ человѣкомъ вообще, дочерью и дѣвушкой вообще. Въ названіи родни отмѣчается только возрастъ, а не кровная связь. «Словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ дѣдъ, бабка, дядя, тетка, племянникъ, братъ, сестра, внукъ, внучка, въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ» — говоритъ г. Смирновъ. Они замѣняются рядомъ терминовъ, указывающихъ на то, что одно лицо моложе или старше другого.

И у сибирскихъ инородцевъ можно открыть слѣды такой же классовой номенклатуры родства. О якутахъ г. Сѣрошевскій говоритъ: «У нихъ нѣтъ терминовъ для обозначенія понятія брата и сестры вообще. Въ случаѣ необходимости назвать ихъ, они употребляютъ теперь русскія слова «братъ и сестра»; для выраженія же соотвѣтствующаго родства по-якутски приходится для старшихъ братьевъ употреблять терминъ «убэй», для младшихъ — «ини», для старшихъ сестеръ—«эджій», для младшихъ—«балысъ». Эти же названія даются дядямъ, племянникамъ, теткамъ, внукамъ разныхъ степеней, даже отчиму и мачихѣ. Родня, сообразно съ этимъ, какъ бы распадается на двѣ группы: мужчинъ и женщинъ, родившихся ранѣе даннаго лица, и мужчинъ и женщинъ, родившихся послѣ него. Слово «убэй» нѣкогда было замѣняемо болѣе древнимъ, означавшимъ старшій мужчина, какъ слово «эджій» — терминомъ «аласъ», старшая женщина». Что касается гиляковъ, то они называютъ отцомъ и всѣхъ братьевъ отца, а матерью всѣхъ женъ этихъ братьевъ, а равно и всѣхъ сестеръ своей матери, мужья которыхъ соотвѣтственно именуются отцами. Если прибавить, что, по свидѣтельству Штернберга, гиляки въ настоящее время имѣютъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ и на сестеръ своей жены, то мудрено будетъ не придти къ тому заключенію, что въ гилякахъ мы имѣемъ примѣръ такого же тѣснаго отношенія классовой системы родства къ групповому браку, какое мы находимъ у австралійцевъ и краснокожихъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ я имѣю возможность прибавить еще устное сообщеніе, сдѣланное мнѣ въ Парижѣ г. Богоразомъ, о бытѣ изученныхъ имъ чукчей. У нихъ доселѣ практикуется подобіе группового брака. Уѣзжая на значительное разстояніе къ члену одного съ нимъ племени и класса, чукча разсчитываетъ на возможность вступить въ сожитіе съ женой своего хозяина. Такой порядокъ г. Богоразъ не считаетъ проявленіемъ одного общераспространеннаго у дикихъ народовъ обычая госте-

пріимнаго гетеризма *), который, какъ я думаю, также имѣетъ свои корни въ порядкахъ, предшествовавшихъ индивидуализаціи супружескихъ правъ. Такъ какъ книга г. Богораза еще не вышла, то я не имѣю возможности указать на то, въ какомъ отношеніи этотъ групповой бракъ стоитъ къ практикуемой чукчами системѣ родства, въ которой, какъ намъ извѣстно изъ болѣе раннихъ работъ также обращается вниманіе на возрастъ и принадлежность къ одному, или не одному поколѣнію съ даннымъ лицомъ.

Я полагаю, что сказаннаго достаточно для установленія того факта, что система классоваго родства имѣла гораздо бо́льшее распространеніе, чѣмъ думало и думаетъ большинство современныхъ этнографовъ. Проф. Колеръ представляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Полемизируя съ Вестермаркомъ и Куновымъ, онъ, какъ мнѣ кажется, побѣдоносно установилъ тотъ фактъ, что ни одна сколько-нибудь серьезная работа по исторіи семьи не можетъ обойтись безъ той массы данныхъ, какая была собрана Льюисомъ Морганомъ въ его извѣстномъ трудѣ: «Системы родства и свойства». Берлинскій ученый сдѣлалъ попытку извлечь изъ этого сочиненія все существенное для древнѣйшей исторіи семьи. Онъ воспол-нилъ также эти данныя тѣми, какія заключаетъ въ себѣ такъ обстоятельно изученная Дорсеемъ организація родственныхъ отношеній у омага, одного изъ племенъ краснокожихъ, живущаго на западномъ склонѣ Кордильеровъ. Матеріалъ, собранный австралійскими этнографами, начиная съ Файзена и Гаунта и оканчивая Спенсеромъ и Гилленомъ, только подтвердилъ основную точку зрѣнія Моргана на существованіе системъ родства, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя господствуютъ въ наше время. Они показали, что родству индивидуальному предшествовало родство цѣлыхъ группъ и поколѣній; всѣ попытки свести номенклатуру родственниковъ, господствующую у племенъ, придерживающихся классовой системы, къ простымъ обращеніямъ, предписываемымъ вѣжливостью, оказались неудачными, и пришлось согласиться, что за этой номенклатурой стоятъ юридическія отношенія и нравственныя представленія, совершенно несогласныя съ тѣми, которымъ мы слѣдуемъ, и въ то же время вполнѣ вытекающія изъ матеріальныхъ и духовныхъ условій тѣхъ народовъ, которые ихъ придерживаются. Возьмемъ, напримѣръ, племя діери одно изъ тѣхъ, которыя живутъ во внутрен-

*) Писатели XVIII вѣка, въ томъ числѣ Георги, засвидѣтельствовали фактъ гостепріимнаго гетеризма среди сѣверныхъ народностей Сибири, въ частности у чукчей и коряковъ. Чукчи, напримѣръ, разрѣшали лицу, возвратившемуся изъ далекаго плаванія, пользованіе всѣми женщинами юрты. Сравни Харузина, выпускъ II, стр. 87.

ней части австралійскаго материка. Его бытъ описанъ во всѣхъ подробностяхъ г. Гауитомъ въ 20-мъ томѣ «Записокъ Лондонскаго Антропологическаго Института». Все въ этомъ бытѣ согласовано и вытекаетъ естественнымъ порядкомъ изъ материнства и группового брака. Дѣти обоего пола, пишетъ Гауитъ, считаются принадлежащими къ тотему матери. Тотемы входятъ въ составъ двухъ классовъ, въ предѣлахъ которыхъ бракъ запрещенъ. Союзы возникаютъ только между членами тотемовъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ. Строгая солидарность связываетъ между собою членовъ одного и того же тотема. Такъ какъ тотемы не пріурочены къ одной какой-либо мѣстности и члены ихъ разсѣяны по всей странѣ, то каждому легко найти гостепріимный пріемъ у своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ родственниковъ даже при перемѣщеніи на значительное разстояніе. Гостя принимаютъ его родственники или, въ случаѣ ихъ отсутствія, члены одного съ нимъ тотема (они извѣстны у діери подъ наименованіемъ «мурду»). Всѣ тѣ, кто имѣетъ общій тотемъ, живутъ совмѣстно, питаются отъ общей трапезы и «уступаютъ другъ другу своихъ женъ». Даже чужеземца, приходящаго издалека, допускаютъ, какъ гостя ко всѣмъ этимъ преимуществамъ. Первый вопросъ, который ставятъ ему, гласитъ: каковъ твой тотемъ? Сообразно полученному отвѣту, его принимаютъ въ ту или другую группу дѣйствительных или мнимыхъ родственниковъ. Рядомъ съ бракомъ одного мужчины съ одной женщиной, взятой изъ любого тотема, подъ условіемъ принадлежности послѣдняго къ другому классу, чѣмъ тотъ, въ которомъ состоитъ брачующійся, діери допускаютъ еще супружеское сожитіе того же мужчины съ рядомъ другихъ женщинъ или той же женщины съ рядомъ другихъ мужчинъ, но подъ условіемъ, чтобы мужчины и женщины принадлежали къ разнымъ группамъ или классамъ. Тогда какъ первая жена извѣстна у нихъ подъ наименованіемъ «ноа», второй прозвищемъ служитъ слово «пирауру». Въ такихъ отношеніяхъ не могутъ состоять члены одного и того же тотема, такъ какъ они почитаются людьми одной крови; не могутъ входить въ такіе союзы и всѣ тѣ, кто, согласно понятіямъ группового родства, можетъ считаться состоящимъ въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ и, наоборотъ, братьевъ къ сестрамъ или сестеръ къ братьямъ. Брачные запреты включаютъ въ себя еще требованіе—не допускать къ такимъ союзамъ ни отца, ни его братьевъ и сестеръ, ни дѣтей послѣднихъ. Ноа, т.-е. первой женой, является женщина, которая была отдана въ замужество ея родителями въ младенческомъ возрастѣ или присуждена быть женой даннаго лица рѣшеніемъ главы племени и его «большого совѣта»—подобія племенныхъ вѣчъ. Мужчина не можетъ имѣть больше одной ноа или первой жены, но, кромѣ ноа, онъ имѣетъ освященную обычаемъ любовницу, «пирауру», своего рода вторую

жену. Опять-таки отъ совѣта, на этотъ разъ стариковъ, зависитъ присужденіе тѣхъ или другихъ женщинъ разнымъ членамъ племени на правахъ второстепенныхъ женъ, «пирауру». Такое присужденіе производится только въ пользу мужчинъ, предварительно прошедшихъ особый обрядъ посвященія. У заинтересованныхъ не справляются объ ихъ взаимномъ расположеніи. Совѣтъ стариковъ озабоченъ при выборѣ только соображеніями классоваго родства. Передъ началомъ ежегодно повторяющагося празднества «Curaweli-wonkana», старѣйшина провозглашаетъ имена тѣхъ паръ, которыя впредь должны состоять въ отношеніяхъ пирауру, или въ дозволенномъ обычаемъ прелюбодѣяніи. При каждомъ новомъ имени раздаются шумныя привѣтствія со стороны всѣхъ, живущихъ въ стоянкѣ. На празднествѣ, въ теченіе 3—4 часовъ, господствуетъ широкій разгулъ, причемъ каждый вступаетъ въ сожитіе только со своей пирауру. Такъ какъ ежегодно происходитъ присужденіе новыхъ любовницъ, то одно и то же лицо можетъ имѣть ихъ значительное число. Мужчина всегда въ правѣ требовать признанія своихъ супружескихъ правъ при встрѣчѣ съ пирауру, но только въ случаѣ отсутствія ея законнаго супруга, того, для кого она «ноа». Послѣдняя не можетъ быть отнята отъ супруга иначе, какъ во время продолженія годовыхъ празднествъ, на которыхъ господствуетъ, какъ сказано, общій разгулъ, да еще въ случаѣ согласія ея супруга, который вообще рѣдко отказываетъ въ немъ. Мужчина, для котораго женщина является ноа, всегда имѣетъ по отношенію къ ней бо́льшія права и обязанности, чѣмъ тотъ, для котораго она — пирауру. Но, въ случаѣ отсутствія, такъ сказать, законнаго супруга, старшій изъ любовниковъ принимаетъ на себя обязанности ея защиты. Законная жена, ноа, при встрѣчѣ съ пирауру въ стоянкѣ мужа имѣетъ право на первое мѣсто. Это наглядно выступаетъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ обычаѣ: на ночь мужчина ложится около огня, рядомъ съ нимъ—его законная жена, а за нею легализированная обычаемъ любовница—пирауру. Между любовниками также соблюдается нѣкоторая іерархія правъ: старшій имѣетъ преимущество надъ младшимъ. «Всѣ эти правила, пишетъ Гауитъ, разсчитаны на то, чтобы сдѣлать невозможной ревность, а между тѣмъ послѣдняя проявляется нерѣдко съ большою силою, такъ какъ мужья не прочь держать своихъ женъ только для себя, а этому препятствуетъ положеніе этихъ женъ какъ допускаемыхъ обычаемъ любовницъ, пирауру, для другихъ мужчинъ». Считается особымъ почетомъ получить въ такія любовницы жену старѣйшины, его ноа. Старѣйшина, въ свою очередь, пользуется своимъ привилегированнымъ положеніемъ для пріобрѣтенія возможно бо́льшаго числа ноа и пирауру. Дѣти отъ легализированныхъ любовницъ считаются сыновьями и дочерями любовника; для нихъ онъ—отецъ; матерью же они признаютъ законную жену своего отца,

его ноа, а не его пирауру. Иногда между законнымъ отцомъ и незаконнымъ, законной матерью и незаконной устанавливается то различіе, что незаконные считаются малыми отцами и малыми матерями. Женщины говорятъ, что имъ не извѣстно, кто отецъ ихъ дѣтей: тотъ ли, кто состоитъ къ нимъ въ отношеніяхъ законнаго мужа, или тотъ, кто пользуется правами терпимаго обычаемъ любовника. Ребенокъ признается соотвѣтственно ребенкомъ цѣлой группы родственниковъ, одинаково считающихся его отцами, въ виду принадлежности своей къ старшему, чѣмъ онъ, поколѣнію. Въ случаѣ смерти ноа пирауру заступаетъ ея мѣсто въ дѣлѣ ухода за дѣтьми Дѣти ноа и дѣти пирауру считаютъ себя братьями и сестрами и, по утвержденію Гауита, не обнаруживаютъ другъ къ другу никакой зависти. Имѣть многихъ легализированныхъ любовницъ, или пирауру, выгодно для мужчины, во-первыхъ, потому, что работа его отъ этого сокращается, такъ какъ пирауру при встрѣчѣ съ нимъ удѣляетъ въ его пользу часть заготовленной ею пищи. Сверхъ того, человѣкъ, имѣющій многихъ пирауру, можетъ пріобрѣсть вліяніе тѣмъ, что ссужаетъ этихъ любовницъ молодымъ людямъ, еще не получившимъ своихъ; въ обмѣнъ за любовницъ идутъ подарки, и получается поддержка въ собраніяхъ. Гауитъ указываетъ на то, что многіе накопляютъ путемъ такой практики оружіе и ткани, которыя затѣмъ отдаются ими въ даръ выдающимся лицамъ или начальству ихъ тотема, а это, въ свою очередь, усиливаетъ положеніе человѣка среди его рода. Гауитъ заканчиваетъ свое описаніе заявленіемъ, что отношенія женщинъ - пирауру къ ихъ второстепенному мужу носятъ характеръ группового брака. Дѣти отъ такихъ союзовъ, въ свою очередь, образуютъ группу братьевъ и сестеръ, между которыми бракъ запрещенъ *). Я полагаю, что избранный примѣръ не оставляетъ въ умѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что групповой бракъ стоитъ въ причинной связи со счетомъ родства по классамъ. Но та или другая черта этой въ общемъ стройной системы можетъ исчезнуть раньше или позже другой; этимъ объясняется, почему у многихъ племенъ удержалась, какъ мы видѣли, только классовая система родства, а у другихъ — слѣды существованія рядомъ съ законнымъ супружествомъ и легализированнаго обычаемъ любовничества. Къ числу этихъ послѣднихъ народностей я не прочь отнести и ближайшихъ сосѣдей черкесовъ—осетинъ. У нихъ нѣтъ, какъ у черкесовъ, родовъ, соединившихся въ экзогамическія братства, но каждый женатый мужчина имѣетъ еще и законную любовницу, жену по имени «номулусъ»; прижитыя съ нею дѣти, подъ именемъ «кавдасардовъ», остаются при домѣ родителя; въ случаѣ же смерти или отсутствія законныхъ дѣтей, они

*) «Мемуары Антропологическаго Института», т. XX, стр. 34, 37, 43, 53, 55, 57 и 99

заступаютъ мѣсто послѣднихъ въ наслѣдованіи. Отношенія подобнаго рода извѣстны были и древнему праву. Можетъ быть поставленъ и вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ греческій или римскій конкубинатъ отвѣчаетъ современному понятію незаконной связи или тому легализированному обычаемъ наложничеству, какимъ является отношеніе осетина къ его именной женѣ или номулусъ. У древнихъ индусовъ форма сожитія, извѣстная подъ наименованіемъ «ніога», во многомъ приближается къ тѣмъ же порядкамъ. Ссылаясь на меня, г. Харузинъ указываетъ на то, что при безплодіи индусскій мужъ въ правѣ устроить сожитіе своей жены съ лицомъ постороннимъ, причемъ дѣти отъ такого сожительства будутъ принадлежать мужу. Тотъ же институтъ, по словамъ цитируемаго автора, встрѣчается и у ряда другихъ народностей. «Родственные эскимосамъ коняги на восточномъ берегу Аляски — пишетъ г. Харузинъ—разрѣшаютъ женщинамъ выборъ такъ называемыхъ «половинщиковъ», т.-е. помощниковъ мужей». Алеуты также на время уступаютъ своихъ женъ — обычай, извѣстный и осѣдлымъ корякамъ, чукчамъ и тунгузамъ. Въ какихъ бы цѣляхъ ни отдавалась жена постороннему лицу, дѣти, прижитыя имъ въ такомъ союзѣ, считаются дѣтьми ея мужа. Нѣчто подобное извѣстно было и древнимъ грекамъ, въ частности спартанцамъ и аѳинянамъ. Согласно законамъ Ликурга, слабосильнымъ мужьямъ разрѣшалось предоставить своихъ женъ въ распоряженіе болѣе юныхъ и крѣпкихъ. Плутархъ въ біографіи Пирра приводитъ слѣдующій разсказъ: «Клеонимъ женился на старости лѣтъ на молодой и красивой Хилоесъ. Не будучи болѣе способнымъ къ брачной жизни, онъ самъ отдалъ ее своему храброму внуку, Акротатосу, сыну царя Ареоса. Ихъ отношенія пользовались всеобщимъ признаніемъ, а дѣти, ими рожденныя, считались дѣтьми Клеонима». По словамъ того же писателя, Солонъ дозволилъ эпиклерѣ, т.-е. единственной наслѣдницѣ семейнаго имущества, вступать въ связь, при безплодіи ея супруга, съ любымъ изъ его родственниковъ *).

Г. Харузинъ не прочь былъ бы распространить и на германцевъ, и на славянъ силу того общаго замѣчанія, что дозволенное мужемъ сожитіе жены съ лицомъ постороннимъ, съ цѣлью прижитія ребенка, который будетъ считаться его собственнымъ, принадлежитъ къ числу унаслѣдованныхъ арійцами чертъ архаическаго семейнаго устройства. Но на этотъ разъ ему приходится довольствоваться матеріаломъ, довольно сомнительнымъ и, во всякомъ случаѣ, лишеннымъ того характера общности, какой необходимо присущъ всякой нормѣ обычнаго права. Изъ того обстоятельства, что проф. Кистяковскому удалось въ 1874 и 1875 гг. найти 2 — 3 случая въ практикѣ мировыхъ судовъ, въ которыхъ тотъ или другой человѣкъ требовалъ,

*) Харузинъ: вып. II, стр. 75 и 76.

вознагражденія за то, что заступилъ мужа въ исполненіи его супружескихъ обязанностей *), еще нельзя дѣлать того вывода, что среди крестьянскаго населенія Россіи держатся до сихъ поръ порядки, близкіе къ индусской ніогѣ. Для того, чтобы извѣстный случай имѣлъ характеръ обычнаго, необходимо, чтобы общественное мнѣніе высказалось въ его пользу или, по крайней мѣрѣ, относилось къ нему терпимо, а этого, разумѣется, мы не находимъ по отношенію къ случаямъ, подобнымъ только-что описанному. Вотъ если бы г. Харузину удалось найти хотя одинъ приговоръ, признающій основательной такую претензію, можно было бы говорить объ обычаѣ, но такого приговора нѣтъ и быть не можетъ при современномъ уровнѣ нравственности въ Малороссіи. Сила сдѣланнаго замѣчанія, разумѣется, распространяется и на выводы, дѣлаемые на основаніи толкованія преданія о св. Елисаветѣ или шуточнаго разсужденія, включеннаго въ запись мѣстнаго обычнаго права округа Бохумъ. Самъ г. Харузинъ признаетъ, что въ преданіи о св. Елисаветѣ выражено неодобреніе къ поведенію рыцаря, который, не имѣя дѣтей, просилъ содѣйствія ландграфа Людвига. Въ Бохумскомъ ландрехтѣ совѣтъ перенести жену, не получающую должнаго ухода, черезъ изгородь и предложить ее тому, кто доставилъ бы ей подобный уходъ, едва ли можетъ быть принятъ за что иное, какъ за одну изъ тѣхъ грубыхъ шутокъ, которыя не разъ встрѣчаются въ записяхъ мѣстнаго обычнаго права. Остается затѣмъ одна уставная грамата изъ Вестфаліи «довольно поздняго происхожденія», въ которой также встрѣчается упоминаніе объ обязанности мужа уступить сосѣду жену, разъ онъ не можетъ самъ удовлетворить ея любовнаго запроса. То обстоятельство, что эта грамата довольно поздняго происхожденія, въ связи съ указанной уже чертою—юмористическимъ отношеніемъ памятниковъ народнаго права къ нѣкоторымъ бытовымъ явленіямъ, также не позволяетъ считать приведенный фактъ за доказательство общепризнаннаго обычая. Я самъ когда-то не прочь былъ накоплять возможно бо́льшее число данныхъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ выставляемыхъ мною положеній, но болѣе продолжительный опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что накопленіе не вполнѣ безспорныхъ свидѣтельствъ только подкашиваетъ силу общаго вывода; это приходится повторить и въ данномъ случаѣ. Г. Харузинъ заимствуетъ, впрочемъ, свою мысль о существованіи ніоги и у древнихъ германцевъ изъ сочиненія Кулишера, который, съ одной драгоцѣнной чертой—богатствомъ научнаго воображенія, соединяетъ и существенный недостатокъ—отсутствіе строгаго анализа приводимыхъ имъ фактовъ.

---

*) Въ просьбѣ значится: «Въ прошломъ году нанялъ меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, за 10 руб.».

ГЛАВА VI.

Происхожденіе родовыхъ порядковъ.

Съ той точки зрѣнія, какая нашла выраженіе себѣ въ предшествующихъ главахъ, родъ, очевидно, не можетъ быть по своему источнику разросшеюся семьею, какъ это думали еще недавно послѣдователи такъ называемой патріархальной теоріи. Я полагаю, что въ ея созданіи не малая роль выпала на долю библейскаго преданія о Іаковѣ и двѣнадцати колѣнахъ израильскихъ, потомковъ его 12-ти сыновъ. Когда въ болѣе близкое къ намъ время нѣмецкіе историки познакомились съ существованіемъ родового быта, прежде всего въ Дитмаршенѣ, то они перенесли на эти родовые порядки ту точку зрѣнія, которая въ ихъ умѣ сложилась подъ вліяніемъ занесеннаго въ Библію преданія. Нибуръ, знакомый съ родовымъ устройствомъ Дитмаршена, поспѣшилъ воспользоваться открытіемъ въ Институціяхъ Гая извѣстнаго текста о римской «генсъ» (gens), чтобы распространить и на древнюю латинскую культуру ученіе о родѣ какъ о разросшейся семьѣ. Такъ какъ въ древней Греціи существовало подобіе римской генсъ въ томъ «геносѣ», какой лежитъ въ основаніи болѣе сложной организаціи фратрій и филъ, то возникло представленіе, что родовые союзы были естественнымъ продолженіемъ семьи у цѣлаго ряда арійскихъ народностей, древнихъ и новыхъ. Въ то время, когда Гегель приступилъ къ чтенію своихъ лекцій по философіи права, эти воззрѣнія были еще настолько новы, что великій берлинскій метафизикъ не счелъ возможнымъ внести въ свою картину послѣдовательнаго развитія общественныхъ формъ, вслѣдъ за семейнымъ союзомъ, и союзъ родовой *). Но вскорѣ затѣмъ въ трудахъ Эйхгорна и Рогге, этихъ

*) У Гегеля за семейнымъ союзомъ слѣдуетъ гражданское общество (bürgerliche Gesellschaft). См. §§ 181 и 182 (изд. Bolland'a, вышедшее въ Лейденѣ въ 1902 г.).

піонеровъ въ разработкѣ исторіи германскаго права, родовое устройство было признано исходнымъ моментомъ въ развитіи нѣмецкаго общества. Когда вслѣдъ затѣмъ, по примѣру полемики, завязавшейся между западными историками по вопросу о томъ, считать ли, или не считать родовое устройство источникомъ всей дальнѣйшей соціальной и политической эволюціи, завязался въ Россіи споръ о родовомъ или общинномъ бытѣ древнихъ славянъ, извѣстное свидѣтельство нашей начальной лѣтописи «сидяху кождо съ родомъ своимъ» многими было истолковано въ смыслѣ существованія и у нашихъ отдаленныхъ предковъ разросшейся семьи, извѣстной имъ подъ наименованіемъ рода. Родовые порядки признавали у насъ одинаково и Эверсъ, и Погодинъ, и Соловьевъ, и Чичеринъ, причемъ не возникало ни малѣйшаго разнорѣчія между названными писателями насчетъ того, что именно нужно считать родомъ. Въ немъ видѣли продуктъ естественнаго размноженія той первоначальной общественной ячейки, какой признавалась патріархальная семья, основанная на власти мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми. Однимъ изъ послѣднихъ выразителей родовой теоріи явился въ Россіи, какъ извѣстно, Никитскій. Въ статьѣ, напечатанной имъ сперва въ «Вѣстникѣ Европы», а затѣмъ вошедшей въ составъ его «Очерка внутренней исторіи Пскова», вышедшаго въ 1873 году, родъ понимается уже въ болѣе широкомъ смыслѣ. Работы англійскаго историка права Мэна и нѣмецкаго юриста Іеринга обнаружили присутствіе въ германскомъ родѣ такихъ элементовъ, появленіе которыхъ нельзя было приписать одному факту естественнаго размноженія патріархальной семьи. Эти чужеродные элементы проникли въ родъ, по объясненію названныхъ писателей, вскорѣ получившему общее признаніе, благодаря усыновленію; теорія усыновленія, такимъ образомъ, сдѣлалась той поправкой, тѣмъ существеннымъ дополненіемъ, которое позволило теоріи рода, какъ разросшейся семьи, сохранить занятое ею положеніе въ области юридическихъ древностей, вплоть до нашего времени. Въ этомъ легко убѣдиться и изъ того, что говоритъ г. Никитскій о славянскомъ родѣ въ упомянутомъ уже мною сочиненіи. «Первоначальному обществу — пишетъ онъ—было чуждо всякое представленіе о какой-либо иной связи между людьми, кромѣ родственной». Но при помощи фикціи явилась возможность уже въ древнѣйшій періодъ распространить понятіе о родствѣ на лицъ, не принадлежащихъ къ семьѣ. При ея помощи, рядомъ съ естественной семьею, стали возникать къ жизни новыя единицы, болѣе обширныя, но не переставшія считать себя семьями, не переставшія производить себя отъ одного и того же вымышленнаго начальника—патріарха. Подобно тому, какъ родоначальниковъ, отъ которыхъ считали себя происшедшими цѣлыя афганскія племена и въ особенности ихъ ханы, нельзя считать за дѣйстви-

тельныхъ лицъ, такъ точно и на Руси нужно признать вымышленными родоначальниками Кія, Щека и Хорива, Радима и Вятку и, вѣроятно, множество другихъ, имена которыхъ до насъ не дошли. Фиктивная же семья есть не что иное, какъ родъ. Сравнительная исторія показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской вѣтви родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ кромѣ лицъ, связанныхъ узами крови, и постороннихъ членовъ. Кельтическій кланъ или кланъ горной Шотландіи оказывается не совсѣмъ чуждымъ посторонней примѣси (слѣдуетъ ссылка на Мэна «Древнее право», стр. 129). Индійскіе общественные союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою среду людей, совершенно посторонних ъ. Что касается греческихъ родовъ, то уже Аристотель и Дикіархъ отрицали существованіе въ нихъ строгой родственной связи, а новѣйшіе историки Греціи (въ томъ числѣ Гротъ) не боятся признать греческіе роды отчасти искусственными. Въ римской жизни, какъ семья постоянно пополнялась новыми лицами путемъ усыновленія, такъ точно и другія высшія единицы (новая ссылка на Мэна «Древнее право», стр. 130). Въ древней Германіи фиктивный элементъ рода характеризовался названіями sui, vicini gegyldan. «Однако, русская наука—жалуется г. Никитскій—какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ какія ей пришлось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ». Для всѣхъ представленіе о родѣ, какъ о естественномъ кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ, а между тѣмъ исторія славянъ содержитъ въ себѣ доказательства существованія фиктивныхъ семей еще въ XV столѣтіи. Упоминаемая Полицкимъ статутомъ (изъ Хорватіи) «вервь» представляетъ, рядомъ съ ясными слѣдами своего кровнаго происхожденія (члены верви называются братьями), и доказательство тому, что братство иногда основывалось на фикціи; между братьями различались ближніе, дальніе и, наконецъ, вервные или сосѣди (сусѣди). Г. Никитскій доказываетъ, что то же можно утверждать и о родахъ древне-русскихъ. О родѣ вообще приходится поэтому сказать, что онъ не образуется благодаря естественному размноженію семьи, пріобрѣтающей все новыхъ и новыхъ членовъ, но что онъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннихъ лицъ *). Таково мнѣніе г. Никитскаго. Въ его изложеніи родовая теорія дѣлаетъ одновременно и шагъ впередъ, и шагъ назадъ. Изъ дѣйствительнаго родъ становится какимъ-то фиктивнымъ союзомъ. Если онъ основанъ на кровномъ родствѣ, то усыновленіе, подводящее отношенія чужерод-

*) Никитскій, «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», стр. 5—10.

цевъ подъ отношенія кровнаго родства, можетъ быть только дополненіемъ къ факту естественнаго его развитія изъ одной первоначальной ячейки, т.-е. патріархальной семьи. Тѣ, кто болѣе другихъ подчеркнулъ роль усыновленія въ образованіи родовыхъ союзовъ,—а никто не сдѣлалъ этого съ такой полнотой, какъ Мэнъ,—нимало не отказались отъ исконнаго воззрѣнія на родъ какъ на разросшуюся семью. Придуманная г. Никитскимъ фикція — не болѣе, какъ расширительное толкованіе доктрины Мэна о роли фикціи не въ созданіи, а въ восполненіи кровныхъ союзовъ.

Очевидно, что съ того момента, когда современной этнографіи удалось поставить насъ лицомъ къ лицу съ союзами, столь же численными, какъ и роды, и въ то же время не имѣющими ни малѣйшаго представленія о патріархальной семьѣ, скажу болѣе, въ которыхъ отецъ является чужеродцемъ, не представилось дальнѣйшей возможности сохранить старинныя воззрѣнія на родъ какъ на разросшуюся семью иначе, какъ подъ условіемъ придумать для этихъ, не менѣе рода, экзогамическихъ союзовъ особый терминъ. Ихъ стали поэтому называть кланами, точно кельтическій кланъ не является такимъ же кровнымъ союзомъ, какимъ можно признать славянскій или германскій родъ. Такимъ образомъ, старинная теорія вовсе не можетъ считаться спасенной благодаря изобрѣтенію новаго имени для неприня-тыхъ ею во вниманіе фактовъ и отношеній. Становится необходимымъ пересмотрѣть весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ и на основаніи его дать такое опредѣленіе рода, которое бы одновременно обнимало собою всѣ виды его, безъ всякаго отношенія къ тому, производится ли счетъ родства въ немъ по матери, или по отцу, признается ли родительская власть за матерью и ея родственниками, или за отцомъ и агнатами.

Если мы внимательнѣе отнесемся къ тѣмъ немногочисленнымъ свидѣтельствамъ, которыми изслѣдователь располагаетъ по вопросу о родѣ у древнихъ римлянъ и вообще у латинянъ, то намъ придется разойтись съ тѣмъ ученіемъ, которое считаетъ кровное единство отличительной чертой рода.

Цицеронъ, который вмѣстѣ съ Гаемъ является главнымъ нашимъ источникомъ при опредѣленіи природы родовыхъ союзовъ у римлянъ, ни словомъ не упоминаетъ о единствѣ происхожденія, а только объ общности имени, о принадлежности къ свободному состоянію и объ общности религіозныхъ обрядовъ *). Мы не имѣемъ также возможности привести изъ исторіи кельтическаго, славянскаго, греческаго или ин-

*) Нибуръ уже отмѣтилъ вполнѣ правильно характеръ этихъ свидѣтельствъ («Римская исторія», 1811 г., т. I, стр. 232).

дусскаго рода ни одного факта, доказывающаго, что родъ—не болѣе какъ размножившаяся семья. «Повѣсть временныхъ лѣтъ», дѣйствительно, говоритъ намъ не только о родахъ, но и о цѣлыхъ племенахъ, носящихъ патронимическія названія, какъ, напримѣръ, радимичи и вятичи. Но въ ней ни однимъ словомъ не упоминается то по природѣ невѣроятное явленіе, что цѣлое славянское племя размножилось отъ одной пары, отъ брака Радима и брака Вятки. Поэтому нѣтъ основанія не прилагать къ происхожденію этихъ патронимическихъ названій того толкованія, какое Нибуръ давалъ появленію въ древнемъ мірѣ такихъ же эпонимическихъ родовъ эвпатридовъ и т. д. Эти названія, думалъ онъ, даютъ ошибочное представленіе о происхожденіи отъ одной семьи; вѣроятнѣе, что имя наиболѣе выдающейся изъ семей приписано было всему роду. «Слово нѣкоего христолюбца», говоря о родѣ, также не говоритъ ничего о единствѣ его происхожденія, тогда какъ общность религіознаго культа въ средѣ рода указана имъ словами: «поклоняхуся роду и роженицамъ», т.-е. не родоначальникамъ, а родоначальницамъ рода—черта глубокаго архаизма, свидѣтельствующая о томъ, что въ славянскихъ родахъ мы отнюдь не въ правѣ видѣть продуктъ размноженія одной патріархальной семьи.

Нельзя сказать, чтобы наши свѣдѣнія о германскомъ родѣ отличались бо́льшей полнотою и опредѣленностью. Цезарь говоритъ намъ о «gentes et cognationes hominum qui una coierunt», т.-е. о родахъ и когнатическихъ союзахъ людей, живущихъ совмѣстно. Но въ этомъ текстѣ единственная подробность, приковывающая къ себѣ наше вниманіе, это — то, что римскій историкъ избѣгаетъ употребленія термина «агнаты», означающаго родственниковъ по отцу, и предпочитаетъ ему слово «когнаты», равнозначительное родственникамъ со стороны матери. Не видѣть ли въ этомъ черту, сходную съ той, какую мы находимъ въ кланѣ ирокезцовъ, напримѣръ, у которыхъ извѣстна одна материнская семья, т.-е. семья, группирующаяся обыкновенно около старшаго «когната». То, что Тацитъ говоритъ намъ о древнихъ германцахъ, подтверждаетъ нашу догадку. Глава XX «Германіи» прямо говоритъ, что сынъ сестры пользуется такимъ же почетомъ у материнскаго дяди, какъ и у отца. Многіе считаютъ даже эту связь съ дѣдомъ по матери (avunculus) болѣе священной и болѣе крѣпкой, чѣмъ связь съ отцомъ. Въ то время, когда редактированъ былъ текстъ «Салической Правды», у германцевъ еще уцѣлѣли нѣкоторые слѣды материнской семьи, а именно въ правѣ наслѣдованія. Мать, а не отецъ, получала имущество сына, умершаго бездѣтнымъ, что, очевидно, не могло имѣть источникомъ своимъ другого факта, кромѣ перехода состоянія не къ отцовскому, а къ материнскому роду. За смертью, это состояніе возвращалось къ тому источнику, изъ котораго оно вышло,

т.-е. въ материнскій родъ. При кончинѣ матери, значится въ «Салической Правдѣ», ранѣе открытія такого наслѣдства, имущество переходитъ къ ея брату и сестрѣ, т.-е. въ материнскій родъ *). На тотъ же материнскій родъ указываетъ и символическій актъ, совершаемый человѣкомъ, желающимъ выйти изъ рода, снять съ себя обязательство родственника, отказываясь въ то же время и отъ соотвѣтственныхъ правъ. Этотъ актъ, извѣстный «Салической Правдѣ» подъ названіемъ chrenecruda, состоитъ въ бросаніи глыбы земли въ ближайшаго родственника (proximior parens). Кого же считаетъ такимъ ближайшимъ родственникомъ разбираемый нами текстъ? «Отказывающійся отъ родства—гласитъ онъ—долженъ бросить комъ земли въ мать и брата, затѣмъ въ сестру матери и ея дѣтей, затѣмъ въ трехъ ближайшихъ родственниковъ изъ рода матери», т.-е., очевидно, въ членовъ материнской родни, иначе говоря, выходъ изъ рода есть разрывъ съ материнской роднею. Прибавка, слѣдующая за приведенными словами и гласящая, что то же обязательство платить за вышедшаго изъ рода падаетъ и на трехъ родственниковъ въ отцовской линіи, признается новѣйшими изслѣдователями, въ томъ числѣ Фикеромъ, позднѣйшей прибавкой. Одно уже опущеніе имени отца въ числѣ лицъ, на которыхъ переходятъ обязательства, должно считаться, думаетъ Фикеръ, достаточнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ исконности текста. Позднимъ переживаніемъ такого материнскаго родства является, по указанію Фикера, та статья обычнаго права, Гено въ редакціи, данной ему въ 1534 г., которая гласитъ, что при уплатѣ вознагражденія за убійство половина выкупа идетъ къ ближайшему наслѣднику со стороны матери. Разъ доказано, что ни въ древне-славянскомъ, ни въ древне-германскомъ правахъ счетъ родства не производимъ былъ исключительно по отцу, а, наоборотъ, по матери, и разъ работами Бахофена, Макъ-Леннана, Жиро Телона и Даргуна установленъ тотъ же фактъ по отношенію къ древнимъ грекамъ, то не можетъ быть высказываемо сомнѣніе въ томъ, что родъ и въ средѣ арійцевъ на первыхъ порахъ не былъ отожествляемъ—какъ это имѣло мѣсто въ позднѣйшей исторіи Рима—съ совокупностью агнатовъ, т.-е. лицъ, имѣющихъ общаго предка со стороны отца; а если такъ, то отсюда слѣдуетъ, что родомъ нужно считать совокупность семей, все равно—материнскихъ или отеческихъ, которыя съ бо̀льшимъ или меньшимъ основаніемъ счи-

*) Ср. Dargun, «Mutterrecht und Raubehe», стр. 61, и Julius Ficker, «Untersuchungen zur Erbenfolge der ostgermanischen Rechte», т. III, §§ 949—956. Фикеръ, расходясь въ деталяхъ съ Даргуномъ, признаетъ заодно съ нимъ, что на первыхъ порахъ наслѣдство шло къ материнскимъ родственникамъ Muttermagen).

таютъ себя соединенными узами крови, имѣютъ общій культъ, общія прозвища, коллективную отвѣтственность за дѣянія, совершенныя однимъ изъ ихъ членовъ, и обыкновенно общее пользованіе имуществомъ или частью послѣдняго,—пользованіе, иногда переходящее въ собственность. Но, съ этой точки зрѣнія, какое основаніе имѣемъ мы выдѣлять въ особую категорію тѣ тотемическія группы, которыя мы встрѣчаемъ у краснокожихъ Америки, у негритосовъ Австраліи, у нѣкоторыхъ народностей Африки и Азіи, наконецъ, у черкесовъ и чеченцевъ нашего Кавказа, а равно и у туземцевъ Аравіи. Всѣ эти союзы, будутъ ли ими ирокезскія тотемическія группы, или арабскія гаии (hayy), или тлеухи черкесовъ, подобно славянскимъ, германскимъ и кельтическимъ родамъ, имѣютъ между собою то общее, что смотрятъ на себя какъ на нѣчто цѣлое, имѣютъ культъ, общій для всѣхъ ихъ членовъ, и обнаруживаютъ тѣсную солидарность въ собственной средѣ, поддерживая общими усиліями борьбу съ членами враждебныхъ имъ группъ и участвуя въ кровной мести или, въ замѣнъ ея, въ платежѣ выкуповъ. Наконецъ, тѣ же союзы сходны еще съ родами въ томъ, что члены всѣхъ ихъ въ равной степени придерживаются экзогамическихъ запретовъ и владѣютъ сообща всѣмъ или частью имущества; такъ что союзъ не можетъ быть нарушенъ, ни препирательствами изъ-за женщинъ, ни тѣми, поводъ къ которымъ даетъ неравенство состояній. Подтвердимъ все сказанное примѣрами. Согласно тому описанію, которое американецъ Морганъ даетъ быту ирокезцовъ, родъ у нихъ составленъ изъ лицъ, близкихъ другъ къ другу только по матери, т.-е. считающихъ себя происшедшими отъ общей родоначальницы, подобія той роженицы, о которой говорится въ примѣненіи къ русскимъ славянамъ въ «Словѣ нѣкоего христолюбца». Родъ этотъ пополняется дѣтьми матери, дѣтьми ея дочерей, но не сыновей, такъ какъ послѣдніе увеличиваютъ своими рядами число членовъ въ родѣ ихъ женъ *). Составленный, такимъ образомъ, изъ родственниковъ по матери, родъ ирокезцовъ имѣлъ то общее съ агнатическимъ родомъ римлянъ, составленнымъ изъ однихъ родственниковъ по отцу, что члены его, подобно членамъ послѣдняго, имѣли общее имя, общій культъ, взаимныя обязательства въ дѣлѣ защиты отъ общихъ враговъ, т.-е. чужеродцевъ. Все различіе сводилось къ тому, что наименованія когнатическихъ и агнатическихъ родовъ были не одинаковы. Первые всего чаще обозначались именемъ своего тотема, вторые носили патронимическія названія. Тотемическіе союзы участвовали въ кровной мести или соотвѣтственно въ платежѣ выкуповъ;

*) См. Морганъ, «Древнее общество», англійскій текстъ, стр. 67 и 68.

они владѣли въ нераздѣльности родовымъ имуществомъ, охотами и уловами и оказывали поддержку другъ другу, сооружая, напримѣръ, общимъ трудомъ жилища для новобрачныхъ. Морганъ настаиваетъ на фактѣ занятія ирокезцами обширныхъ построекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «длинныхъ домовъ», въ которыхъ жили и вели хозяйство сообща отъ 5 до 20 семей. Они, пишетъ Морганъ, придерживались въ своемъ бытѣ коммунистическаго принципа. Роды выбирали своего старѣйшину или такъ называемаго «сахема». Тамъ, гдѣ установилась наслѣдственность этой должности, она переходила не отъ отца къ сыну, а въ женской линіи отъ отца къ брату или племяннику по сестрѣ. У нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ, напр., у сенека, совѣтъ изъ членовъ рода въ случаѣ смерти сахема выбиралъ двухъ кандидатовъ. Такъ какъ роды состояли въ федеративной связи между собою, то требовалось утвержденіе одного изъ этихъ кандидатовъ всѣми родами, входившими въ составъ союза. Родъ ирокезцовъ былъ экзогамическимъ союзомъ; другими словами, бракъ въ его средѣ былъ запрещенъ. Женихъ и невѣста должны были принадлежать къ разнымъ родамъ. За исключеніемъ предметовъ, стоявшихъ въ самомъ близкомъ отношеніи къ покойнику и истребляемыхъ на его могилѣ, имущество, разумѣется, только движимое, переходило къ материнской роднѣ, къ братьямъ, сестрамъ и дядямъ по матери, если рѣчь шла о мужчинѣ,—къ дѣтямъ и сестрамъ, за исключеніемъ братьевъ, если дѣло шло о наслѣдованіи женщинъ. Въ обоихъ случаяхъ наслѣдство оставалось въ родѣ матери. Дѣти покойнаго ничего не получали изъ его имущества, такъ какъ самъ онъ принадлежалъ къ иному роду, чѣмъ ихъ мать. По той же причинѣ супругъ ничего не наслѣдовалъ отъ жены или жена отъ мужа. Въ платежѣ выкуповъ за преступленія родъ, по словамъ Герера, помогалъ недостаточнымъ своимъ членамъ. Обязанность отмщать убійство собрата признавалась всѣми племенами краснокожихъ, въ частности ирокезцами. Дѣло не обходилось, однако, безъ попытокъ предупредить междоусобія поднесеніемъ подарковъ и выраженіемъ соболѣзнованія о случившемся. Каждый разъ, когда совершалось злодѣяніе, члены рода обидчика созываемы были на вѣче и дѣлали предложеніе объ уплатѣ выкупа. Но эти предложенія принимались только при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ; въ противномъ же случаѣ, родъ обиженнаго назначалъ одного или нѣсколькихъ мстителей изъ своей среды; они должны были открыть убійцу и воздать ему за злодѣяніе. Чувство солидарности сказывалось не только въ защитѣ отъ обидъ, но и въ непосредственной помощи въ нуждѣ. Родъ обращался и къ усыновленію чужеродцевъ, увеличивая тѣмъ самымъ свой численный составъ.

Взятые на войнѣ плѣнники или убивались, или принимаемы

были въ составъ рода, пишетъ Морганъ. Женщины и дѣти обыкновенно испытывали на себѣ милосердіе враговъ, въ формѣ усыновленія. Тотъ, въ чью пользу оно было произведено, попадалъ въ положеніе брата и сестры. Если къ усыновленію обращалась мать, то принятый въ семью становился ея сыномъ. Взятые въ плѣнъ обыкновенно заступали при усыновленіи мѣсто убитаго или умершаго естественною смертью родовича. Когда въ племени сенека родъ сокола значительно уменьшился въ своемъ составѣ, чтобы спасти его отъ окончательнаго вымиранія, родъ волка согласился уступить ему извѣстное число своихъ членовъ, которые всѣ и были усыновлены. Усыновленіе происходило въ торжественной формѣ, принимавшей религіозный характеръ. На общемъ собраніи членовъ рода двое старѣйшинъ, объяснивши предварительно, въ чью пользу происходитъ усыновленіе, и какое имя долженъ получить усыновляемый, брали его за руки и прохаживались съ нимъ по залѣ собранія, при звукахъ пѣсни, пріуроченной къ случаямъ усыновленія. При этомъ обыкновенно усыновляемый дѣлалъ три круга въ сопровожденіи старѣйшины.

Въ религіозномъ отношеніи родъ у ирокезцовъ проявлялъ свое вліяніе избраніемъ изъ собственной среды извѣстнаго числа «хранителей вѣры» какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; они принимали участіе въ устройствѣ шести годичныхъ торжествъ религіознаго характера, падавшихъ частью на новый годъ, частью на періоды посѣва и жатвы. Хозяйственная часть этихъ празднествъ состояла въ завѣдываніи особыхъ «хранительницъ вѣры». Ими устраиваема была та общая трапеза, въ которой принимали участіе всѣ члены рода. Во время празднества произносимы были заклинанія, и читались молитвы, въ которыхъ высказываема была признательность великому духу и второстепеннымъ геніямъ за блага, ниспосланныя ими на членовъ рода, и испрашивалось ихъ благоволеніе на будущее время. Родъ имѣлъ свою усыпальницу, въ которой хранились кости покойниковъ; считалось противнымъ религіи смѣшивать кости родовича съ костьми чужеродца. Въ старые годы ирокезцы придерживались распространеннаго у краснокожихъ обычая освобождать трупъ отъ мяса и сохраняли одинъ скелетъ. Кости послѣдняго складывались въ особыя хранилища, сдѣланныя изъ коры. Ихъ нерѣдко держали въ домѣ покойника. Позднѣе установился обычай погребенія; не всегда имѣлись родовыя кладбища, чаще сельскія, иногда племенныя.

Каждый родъ имѣлъ свое родовое собраніе, на которомъ избираемы были начальники или «сахемы» и «хранители вѣры». На этихъ же собраніяхъ прощались обиды, нанесенныя роду, или принимаемы были мѣры къ ихъ отмщенію. Усыновленія также производимы были

на этомъ собраніи. На немъ же выбирались и делегаты на общій совѣтъ племени *).

Если мы сопоставимъ теперь съ родомъ ирокезцовъ отдѣльныя черты того устройства, какое представляютъ собою дагестанскіе «тохумы» или роды, то, за исключеніемъ материнскаго родства, мѣсто котораго заступаетъ родство по отцу, мы встрѣтимся съ болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ и каждой изъ отмѣченныхъ нами особенностей. Дагестанскій родъ представляетъ нѣчто цѣлое въ своихъ сношеніяхъ съ чужеродцами; онъ совмѣстно отмщаетъ обиды, нанесенныя одному изъ его членовъ, совмѣстно выплачиваетъ выкупы за насилія, причиненныя членамъ другого рода однимъ изъ собственныхъ родовичей. Чтобы уклониться отъ участія въ кровной мести или платежѣ выкуповъ, надо предварительно выйти изъ рода и выразить этотъ актъ символическимъ дѣйствіемъ, напримѣръ, вбиваніемъ гвоздя въ стѣну мечети. Кровная месть нерѣдко прекращается усыновленіемъ обидчика или всего чаще кого-либо изъ малолѣтнихъ членовъ одного съ нимъ рода. Та же черта наглядно выступаетъ и въ осетинскомъ обычномъ правѣ. Въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ», какъ и въ «Законѣ и обычаѣ на Кавказѣ», я не разъ имѣлъ случай указывать на существованіе любопытнаго обычая, такъ называемаго «самопосвященія» (кифаэльдисинъ). Совершившій убійство въ траурной одеждѣ являлся къ родственникамъ убитаго, членамъ одного съ нимъ рода, и, такъ сказать, отдавалъ себя въ ихъ руки, что, между прочимъ, выражалось символически предоставленіемъ имъ топора для расправы съ нимъ. На стр. 10 моего «Современнаго обычая» я слѣдующимъ образомъ описываю этотъ обрядъ: «Въ траурной одеждѣ, съ отпущенными волосами приходитъ на могилу убитаго осетинскій кровникъ, чтобы совершить обрядъ самопосвященія. Убійца отдаетъ себя въ руки покойника, а послѣдній устами оставшихся въ живыхъ родственниковъ прощаетъ ему обиду. Совершившій обрядъ самопосвященія навсегда избавлялся отъ дальнѣйшей мести родственниковъ, но зато принималъ по отношенію къ нимъ и покойнику извѣстныя обязательства, въ числѣ которыхъ было совершеніе поминокъ **).

У другихъ кавказскихъ горцевъ еще нагляднѣе выступаетъ фактъ замѣны убитаго убійцею или кѣмъ-либо изъ членовъ его рода, въ виду чего происходитъ усыновленіе того или другого обиженнымъ родомъ. «Первое, что предстоитъ сдѣлать лицу, желающему избѣжать кровомщенія,—пишу я на стр. 35 перваго тома моего «Закона и обычая

---

*) См. Морганъ, «Древнее общество», стр. 62—87.
**) Ковалевскій, т. II, стр. 16 и 51.

на Кавказѣ»—это поступить въ члены обиженнаго рода. Средствомъ къ тому можетъ служить совершеніе, хотя бы украдкой, того дѣйствія, съ которымъ обычаи горцевъ связываютъ представленіе объ усыновленіи; достаточно прикоснуться губами къ обнаженной груди женщины обиженнаго рода и тѣмъ вступить съ нимъ въ искусственное родство». Съ тою же цѣлью кабардинцы стараются похитить ребенка у обиженнаго рода; сдѣлавшись, такимъ образомъ, насильно воспитателемъ одного изъ его членовъ, кабардинскій убійца тѣмъ самымъ вступаетъ съ нимъ въ отношенія искусственнаго родства, при которомъ дальнѣйшая месть немыслима. Въ Дагестанѣ помилованіе ждетъ убійцу подъ условіемъ, что онъ вступитъ въ родъ своей жертвы и постарается замѣнить матери и роднѣ понесенную ими утрату. Кровное единство, солидарность всѣхъ членовъ рода сказываются не въ одномъ совмѣстномъ отмщеніи обидъ, но также въ общности культа, въ поддержкѣ на судѣ въ формѣ присяги и соприсяги, приносимой родственниками за родственника. Не желая повторять того, что сказано было мною на этотъ счетъ въ первомъ томѣ моего «Закона и обычая на Кавказѣ», гдѣ въ главѣ объ агнатическомъ родѣ собраны различныя черты, характеризующія родовое единство на Кавказѣ, я укажу только на существованіе и въ общественной организаціи черкесовъ, чеченцевъ, осетинъ и т. п. родовыхъ властей и совѣтовъ. «Нельзя связывать съ понятіемъ родовыхъ старшинъ—говорю я на стр. 67 перваго тома моего «Закона и обычая на Кавказѣ»—представленія ни объ избирательной, ни о наслѣдственной должностяхъ». Старѣйшинами въ родѣ считались тѣ, кто своимъ возрастомъ, своею доблестью и смѣлыми набѣгами, своей мудростью и справедливостью, успѣвалъ снискать себѣ довѣріе родственниковъ. Ихъ первенствующее значеніе выступало особенно наглядно на тѣхъ родовыхъ сходахъ, на которыхъ разбирались случаи столкновеній между отдѣльными родами. Исключеніе изъ рода порочныхъ членовъ, обсужденіе общихъ мѣръ къ отмщенію общихъ роду обидъ или къ уплатѣ причитающихся за нихъ выкуповъ, рѣшеніе такихъ существенныхъ для рода вопросовъ, какъ вопросъ о вступленіи его въ братство съ другими родами или о заключеніи съ ними временныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ, таковы тѣ дѣла, которыя входили въ компетенцію родовыхъ собраній. Эти собранія носили у осетинъ названіе «нихасовъ». Адигейскимъ же народностямъ, въ томъ числѣ черкесамъ, они извѣстны были подъ названіемъ «зіу-ча». Баронъ Сталь слѣдующимъ образомъ описываетъ родовое устройство абадзеховъ, татаръ, убыховъ и другихъ кавказскихъ народностей, болѣе или менѣе выселившихся нынѣ съ занимаемаго ими побережья Чернаго моря. Каждая родовая община, «псухо», управляется своей

сходкой; на ней большимъ вліяніемъ пользуются старшины, «тамата»; простой же народъ обыкновенно только присутствуетъ, но рѣшающаго голоса не имѣетъ *).

Я полагаю, что простого сопоставленія родового устройства ирокезцовъ съ тѣмъ, черты котораго только-что были приведены изъ быта кавказскихъ горцевъ, достаточно для того, чтобы съ увѣренностью сказать, что родъ принадлежитъ къ числу тѣхъ учрежденій, характеръ которыхъ не мѣняется подъ вліяніемъ пространства, времени и расы. Правда, у ирокезцовъ мы встрѣчаемъ материнское родство, а у кавказскихъ горцевъ счетъ его происходитъ по отцу; но въ средѣ краснокожихъ имѣются племена омага, у которыхъ материнство уже уступило мѣсто отчеству, а у кавказскихъ горцевъ мною же указаны были многочисленныя переживанія материнства. Родовое устройство съ только-что указанными чертами внутренняго единства и тѣсной солидарности между лицами, входящими въ его составъ, встрѣчается въ начальный періодъ исторіи и у тѣхъ двухъ группъ народовъ, которымъ принадлежитъ первенствующая роль въ поступательномъ движеніи человѣчества. Говоря это, я разумѣю, конечно, семитовъ и арійцевъ. Арабскій родъ или такъ называемая «гаин» въ періодъ времени, предшествующій Магомету, по словамъ Робертсона Смиса и Вилькена, сохранялъ еще многочисленные слѣды материнства. Его члены, подобно тотемическимъ группамъ краснокожихъ, объединены были единствомъ имени и культа, предметомъ котораго являлись предки. Они обнаруживали свою солидарность въ совмѣстномъ отмщеніи убійствъ и другихъ случаевъ причиненія имъ матеріальнаго вреда чужеродцемъ. Г. Прокшъ, который недавно посвятилъ цѣлую монографію вопросу о кровной мести у арабовъ до Магомета, подтвердилъ новыми данными то представленіе, какое изслѣдователи связывали съ характеромъ кровной мести у арабовъ. Онъ доказалъ, что она дѣйствительно носитъ характеръ религіозной обязанности, источникъ которой лежитъ въ культѣ предковъ. Гораздо раньше выхода въ свѣтъ монографіи г. Прокша я уже настаивалъ на той же мысли. «Только религіозной стороной мести—говорилъ я во второмъ томѣ моего «Современнаго обычая и древняго закона»—можно объяснить тотъ фактъ, что въ Осетіи, при выдачѣ родомъ обидчика кого-либо изъ своихъ членовъ на правахъ искупительной жертвы, родственники убитаго осуществляли кровомщеніе на самой могилѣ; они думали успокоить тѣмъ прахъ убитаго. Иногда осетины довольствовались отрѣзываніемъ уха у виновнаго, которое они затѣмъ, по словамъ Берсенева, съ большою торжественностью зарывали въ землю». Въ томъ же сочиненіи мною указано было

*) См. Леонтовичъ, «Адаты кавказскихъ горцевъ», т. I, стр. 192.

и на религіозный характеръ мести у арабовъ. Англійскій писатель Спенъ еще въ 1843 году собралъ рядъ данныхъ для характеристики этой стороны мести. «Арабы убѣждены—писалъ онъ—, что кровь убитаго вблизи трупа превращается въ птицу, именуемую «hamah». Въ эту птицу переселяется душа покойнаго. «Oscuna»—не перестаетъ щебетать эта птица, что въ переводѣ значитъ: дай мнѣ напиться, дай мнѣ напиться крови моего убійцы» *).

Не у однихъ арабовъ кровная месть носитъ религіозный характеръ. Можно утверждать это до нѣкоторой степени и относительно древнихъ евреевъ. И они знали мстителя-родственника, такъ называемаго «гоэль». Ближайшій родственникъ убитаго, на котораго, согласно книгѣ Чиселъ (глава XXXV, стихи 16 по 21), падала обязанность смыть кровь кровью, считался опозореннымъ, если не приводилъ ся въ исполненіе. Нечего и говорить, что кровомщеніе не узаконено Моисеемъ, а только признано имъ. Правило «око за око, зубъ за зубъ» встрѣчается въ законодательствѣ вавилонянъ, въ недавно обнародованномъ текстѣ закона Хаммураби, вышедшаго за 2250 лѣтъ до Р. Хр. **).

Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ намъ думать, что у семитическихъ народовъ, даже въ эпоху ихъ перехода къ осѣдлой и государственной жизни, сохранились еще многія черты родового устройства.

Но сказанное о семитахъ должно быть повторено и объ арійцахъ. Винченцо Мандзини, недавно напечатавшій въ «Обозрѣніи уголовнаго права», выходящемъ въ Италіи, статью о криминальной палеонтологіи, приводитъ изъ «Иліады» и «Одиссеи», какъ и изъ норвежскаго сказанія о Ніалѣ, рядъ мѣстъ, показывающихъ, что обязанность отмщенія сознаваема была всѣми членами рода. «Нашъ позоръ перейдетъ изъ вѣка въ вѣкъ—читаемъ мы, напримѣръ, въ 24-ой пѣснѣ «Одиссеи», стихъ 548—, если убійцъ нашихъ сыновъ и братьевъ мы оставимъ безъ наказанія». Въ той же «Одиссеѣ» говорится о пользѣ имѣть по смерти сына, который отмстилъ бы убійцѣ («Одиссея», пѣсня 3-я, стихъ 254) ***).

Говоря о гомеровской Греціи, я, въ свою очередь, привелъ изъ «Иліады» слѣдующіе отрывки въ доказательство религіознаго характера

---

*) «Современный обычай», т. II, стр. 12.

**) Ср Пятикнижіе, кн. II, ст. 21 и 24; кн. III, ст. 20, 24; кн. V: ст. 19, 21 со статьями 196 и 197 законовъ Хаммураби Послѣднія гласятъ, «Кто выколетъ кому глазъ, тотъ долженъ потерять собственный. Кто кому разломитъ кость, тому кость должна быть разломана» (Winckler, «Die Gesetze Hammurabis» Leipzig. 1902 г., стр. 32). Ср. «Moses und Hammurabi» von Dr. Johannes Jeremias, 1903 г., стр. 21.

***) «Rivista penale», мартъ 1903 г., стр. 290.

мести у древнихъ грековъ. Отецъ Гарпаліона, не имѣя возможности личнаго возмездія, проливаетъ обильныя слезы потому, что видитъ въ этомъ невольное упущеніе своихъ обязанностей къ покойникамъ. Религіозный характеръ мести выступаетъ и въ томъ, что на правахъ искупительной жертвы приносятся убитому Патроклу 12 троянскихъ юношей *). Говоря о родѣ у арійцевъ, въ частности у грековъ, необходимо указать на то, что неисполненіе обязанности кровомщенія ставило человѣка въ положеніе, близкое къ тому, въ какое у кавказскихъ горцевъ попадаютъ такъ называемые «абреки», т.-е. отщепенцы отъ рода или лица, насильственно изъ него удаленныя. Такія лица, бѣгствомъ уклонившіяся отъ обязанности кровомщенія, въ устахъ Гомера являются лишенными «всякой цѣны», т.-е. за ихъ убійство никто не можетъ требовать ни мести, ни выкупа. Лейстъ въ своей «Греко-итальянской правовой исторіи» указываетъ на то, что кровомщеніе носило характеръ обязанности для всѣхъ членовъ рода, а иногда и для того высшаго союза, фратріи, который объединялъ собою нѣсколько родовъ. Мы знаемъ также, что греческіе роды, подобно римскимъ, имѣли каждый обыкновенно особое, патронимическое, названіе и свой культъ. Вспомнимъ, что говоритъ на этотъ счетъ о римскомъ родѣ Цицеронъ. Въ своей «Исторіи Греціи» Гротъ настаиваетъ на томъ, что въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ странахъ родъ или genos, всегда имѣлъ свое патронимическое названіе; то же можетъ быть повторено и о Спартѣ (т. III, стр. 62). Согласно законамъ Аѳинъ и острова Кортины, усыновленіе, производимое частнымъ лицомъ, нуждалось въ санкціи всего рода, откуда то послѣдствіе, что усыновляемаго представляли въ собраніе фратріи; достаточно было перерыва жертвоприношенія, совершаемаго усыновителемъ, перерыва, вызваннаго вмѣшательствомъ одного изъ присутствующихъ, чтобы самый актъ признанъ былъ недѣйствительнымъ **).

Но едва ли родовое устройство не сохранилось въ наибольшей цѣлости и неприкосновенности у арійскихъ народовъ новой Европы и въ частности у кельтовъ, славянъ и германцевъ.

Всѣ ранніе повѣствователи о бытѣ кельтовъ Ирландіи и Уэльса въ одно слово указываютъ на тотъ фактъ, что кровная месть у нихъ осуществляема была на разстояніи ряда поколѣній. Геральдъ дю Барри ***) говоритъ объ ирландцахъ, что они одинаково мстятъ и за новыя и за старыя обиды. Эта обязанность мщенія падала на всѣхъ

---

*) См. «Современный обычай», т. II, стр. 13—14.

**) См. Hugh E. Seebohm, «О строѣ греческихъ племенъ». 1895 г., стр. 26—45.

***) «Cambriae, Hiberniae Descriptio», Lugduni Batavorum, 1630, cap. XVII.

членовъ рода, извѣстнаго въ Уэльсѣ подъ названіемъ «сенедль». И въ болѣе позднихъ памятникахъ членами такого рода считались родственники до девятаго поколѣнія. То же число поколѣній требовалось для потомства лица, пришедшаго съ чужбины, прежде, чѣмъ это потомство могло разсчитывать на включеніе въ ряды полноправныхъ уроженцевъ страны. Главою рода считался старшій по возрасту, вплоть до девятаго поколѣнія, но этотъ вождь, извѣстный подъ именемъ «пэнсенедль», руководилъ дѣлами рода только въ мирное время. Родъ имѣлъ также своего высшаго вождя, извѣстнаго подъ именемъ мстителя рода (dialwr); его обязанность была вести родъ на войну, преслѣдовать всѣхъ, кто причинялъ ему вредъ, а слѣдовательно и руководить въ старые годы до момента установленія судовъ кровомщеніями и легализированнымъ обычаемъ самоуправствомъ. Наконецъ, въ родѣ былъ и свой посредникъ, выбираемый, какъ значится въ записяхъ, всѣмъ родомъ изъ числа мудрѣйшихъ, т.-е. наиболѣе возрастныхъ и свѣдущихъ въ обычаяхъ. Въ позднѣйшіе законодательные своды, между прочимъ, въ кодексѣ Венедотіи, занесены тѣ правила, которыя должны были руководить выборомъ родового старѣйшины. Отъ кандидата требовались слѣдующія условія: принадлежность къ числу семейныхъ старшинъ, зажиточность и старшинство по лѣтамъ. Отъ рода зависѣло слѣдить за чистотою его кровнаго состава, поэтому мать призывалась къ принесенію присяги въ томъ, что ея сынъ рожденъ въ сожитіи съ членомъ рода; эта присяга произносима была передъ алтаремъ того храма, въ которомъ находилась усыпальница рода. По достиженіи совершеннолѣтія, т.-е. 14-лѣтняго возраста, человѣкъ становился полноправнымъ членомъ рода и получалъ отъ главы послѣдняго нужное ему число головъ рабочаго скота, а также свою долю участія въ общемъ стадѣ рода *). Въ трактатахъ брегоновъ, т.-е. ирландскихъ посредниковъ, выступаютъ отдѣльныя черты кельтическаго рода въ моментъ его уже начавшагося разложенія. Изъ того обстоятельства, что въ составъ рода входило цѣлыхъ четыре категоріи родственниковъ, прямыхъ и боковыхъ, слѣдуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ обширною группою, связанною представленіемъ объ общемъ предкѣ. Трактаты брегоновъ занимаются внутреннимъ устройствомъ рода только случайно, когда имъ предстоитъ рѣшить вопросъ, очевидно, не ставившійся на первыхъ порахъ,—вопросъ о раздѣлѣ наслѣдства между всѣми членами. Раздѣлъ этотъ производится на неравныя доли, смотря по принадлежности того или другого лица къ прямымъ родственникамъ или боковымъ. Послѣдніе, въ свою очередь, распадаются на лицъ, происходящихъ отъ отца, дѣда или прадѣда наслѣдодателя. Въ случаѣ отсут-

*) См. Seebohm, «The tribal system in Wales», стр. 62, 63, 64 и 66.

ствія всѣхъ и каждаго изъ нихъ, т.-е. въ случаѣ полнаго вымиранія рода, имущество его сливается съ имуществомъ всего племени, изъ котораго оно вышло. Отвѣтственность боковыхъ родственниковъ, при отсутствіи прямыхъ, за преступленія, совершенныя членомъ рода, выступаетъ наглядно въ одномъ трактатѣ ирландскихъ посредниковъ, озаглавленномъ «О наказаніи за злодѣянія». Вторая статья этого трактата гласитъ, что боковые родственники, происходящіе отъ отца и дѣда, не избавлены отъ платы падающаго на преступника выкупа, но только въ случаѣ несостоятельности виновнаго и недостатка прямыхъ родственниковъ. Родовой старѣйшина, какъ видно изъ другого трактата тѣхъ же брегоновъ («Подраздѣленіе племени и его территоріи», стр. 259), сохраняетъ еще въ Ирландіи то же право контроля за чистотою кровнаго состава рода, какое принадлежитъ ему и въ Уэльсѣ. Поэтому усыновленіе дозволено не иначе, какъ съ его согласія. И въ позднѣйшее время насильственнаго сближенія ирландской культуры съ англійской родъ, насколько можно судить по описанію англійскаго судьи Джона Девиса отъ 1613 года, еще представлялъ собою совокупность ряда семей подъ предводительствомъ выбраннаго ими начальника, обыкновенно члена привилегированной династіи. Въ предѣлахъ родового округа законнорожденные и незаконнорожденные получали въ пользованіе опредѣленный надѣлъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по близости ихъ къ общему родоначальнику. Этимъ надѣломъ каждый пользовался до тѣхъ поръ, пока смерть кого-либо изъ членовъ рода не обусловливала собою производства новаго раздѣла родовой земли старѣйшиной, съ цѣлью сохранить принципъ пропорціональности надѣловъ со степенью родства *). Родовые порядки удержались также въ значительно, впрочемъ, измѣнившемся видѣ, но зато всего долѣе въ сѣверной Шотландіи. Избираемый прежде старѣйшина сдѣлался здѣсь, какъ и въ позднѣйшіе годы въ Ирландіи, майоратнымъ собственникомъ. На земляхъ, нѣкогда родовыхъ, теперь ставшихъ его личными, размѣстились владѣльцы двоякаго рода. Одни связаны съ нимъ узами крови и болѣе или менѣе обезпечены насчетъ не только продолжительности, но и безпрерывности своего пользованія. Другіе, будучи чужеродцами, вполнѣ зависятъ отъ его доброй воли, какъ въ отношеніи къ размѣру производимыхъ ими платежей, такъ и въ отношеніи къ сроку своего пользованія. Клановый бытъ слѣдующимъ образомъ описанъ однимъ англійскимъ офицеромъ. «Горные шотландцы—сообщаетъ онъ—представляютъ цѣлую іерархію родовыхъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего

*) См. Приложеніе къ III тому моего «Экономическаго роста Европы», стр. 381—394.

начальника. Всѣ, отъ низшихъ до высшихъ, почитаютъ себя родственниками. Въ предѣлахъ каждаго изъ подраздѣленій отдѣльныя семьи владѣютъ землею на зависимыхъ отношеніяхъ отъ начальника клана. Но онъ не въ правѣ отобрать ея у пользователей, а можетъ получать съ нихъ только опредѣленные обычаемъ платежи. Незанятыя земли, иначе говоря, пустопорожнія, сдаются начальникомъ клана въ аренду обыкновенно чужеродцамъ и на условіяхъ, ими самими опредѣленныхъ» *).

Что касается родового устройства древнихъ германцевъ, то древнѣйшія свидѣтельства столь же категоричны, сколь и кратки. Цезарь говоритъ намъ о gentes, т.-е. о родахъ, и cognationes hominum qui una coierunt, т.-е. о семейныхъ общинахъ, какъ занимающихъ собою всю площадь германскихъ поселеній. Тацитъ — о томъ, что германцы сражаются, окруженные членами своего рода **). Отъ этихъ родовыхъ порядковъ уцѣлѣли въ позднѣйшее время, одинаково въ скандинавскомъ мірѣ и въ мірѣ германскомъ, многочисленныя переживанія, между прочимъ, въ области уголовнаго права. «Убійца— значится въ интересномъ сборникѣ, составленномъ архіепископомъ Андреемъ Сунезеномъ въ XIII столѣтіи—долженъ избѣгать встрѣчи съ родственниками своей жертвы изъ опасенія ихъ мести. Онъ покидаетъ поэтому вмѣстѣ со своими близкими прежнее жилище, прежній приходъ и даже ту улицу, на которой онъ могъ бы встрѣтиться со своими противниками. Законъ Ютландіи еще считаетъ нужнымъ принять мѣры противъ родственниковъ, которые позволили бы себѣ мстить за преступленія, не имѣвшія послѣдствіемъ смерти лица, близкаго по крови» ***). Законы фризовъ еще допускаютъ соблюденіе родственниками ихъ обязанностей помогать въ кровомщеніи и платежѣ выкупа за преступленія. Они, такимъ образомъ, сохраняютъ слѣды тѣхъ порядковъ, которые нѣкогда господствовали въ Фрисландіи въ случаѣ убійства родственниковъ. Гриммъ въ своихъ «Германскихъ юридическихъ древностяхъ» говоритъ намъ, что при погребеніи жертвы одинъ изъ родственниковъ три раза касался его могилы обнаженнымъ мечомъ, крича при этомъ: «месть, месть, месть!» ****). Та же обязанность родового возмездія выступаетъ въ скандинавскомъ мірѣ, въ извѣстной легендѣ о Ніалѣ. Послѣдній готовъ разстаться съ жизнью

---

*) См. Skeene, «The highlanders of Scotland».

**) Въ главѣ XXI «Германіи» Тацитъ говоритъ объ обязанности унаслѣдовать и дружественныя и враждебныя отношенія, завязавшіяся у отца или у обоихъ родителей, что, очевидно, указываетъ на кровомщеніе въ границахъ не одного агнатическаго, но и когнатическаго рода.

***) См. Wilda, «Das Strafrecht der Germanen», стр. 181 и 370.

****) Grimm, «Deutsche Alterthümer».

потому, что не въ силахъ отмстить за убійство своихъ дѣтей и въ то же время не хочетъ жить въ позорѣ *). Въ шведскихъ законахъ еще постоянно заходитъ рѣчь объ участіи родственниковъ въ платежѣ выкуповъ за преступленія. Чертой глубокаго архаизма, переносящей насъ въ эпоху материнства и тѣмъ самымъ указывающей на исконность родовой мести и замѣнившихъ ее композицій, надо считать то обстоятельство, что въ шведскихъ Gotalag **) (Готалагъ), т.-е. въ законахъ Готіи, одна треть платы за убійство вносится родственниками по матери ***). У славянъ, помимо свидѣтельства Нестора «сидяху кождо съ родомъ своимъ», легко открыть въ позднѣйшихъ по времени юридическихъ памятникахъ, а также въ доселѣ дѣйствующемъ обычномъ правѣ черногорцевъ, многочисленные слѣды нормъ и отношеній, зарожденіе которыхъ мыслимо только въ родовой средѣ. У южныхъ славянъ, какъ показалъ г. Вестничъ въ «Журналѣ сравнительнаго правовѣдѣнія», т. IX, стр. 55 и 58, обязанность кровомщенія падаетъ не только на членовъ семьи, но и на членовъ рода жертвы. Этимъ объясняется, почему цѣлыя селенія, составленныя изъ такихъ родовъ, призываются къ уплатѣ композицій или выкуповъ. Что такіе порядки извѣстны были въ прошломъ не однимъ южнымъ славянамъ, доказательство этому можно найти и въ «Русской Правдѣ», озабоченной мыслью ограничить кровомщеніе ближайшими родственниками, и въ статутѣ польскаго короля Казиміра Великаго, отъ XIV столѣтія, гдѣ прямо говорится, что соблазнившій дѣвушку отдается на «милость ей самой и ея друзей»—терминъ, слишкомъ широкій, чтобы обнимать однихъ ближайшихъ родственниковъ ****).

Какъ бы многочисленны ни были факты, приведенные доселѣ съ цѣлью доказать существованіе внутренней солидарности среди членовъ одного и того же рода, они освѣтили пока только одну сторону вопроса—отношеніе рода къ другимъ однохарактернымъ группамъ. Но намъ необходимо узнать еще, въ чемъ проявлялась внутренняя связь его членовъ, позволявшая имъ считать себя частями одного цѣлаго. Мы касаемся тѣмъ самымъ одного изъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ организаціи рода. Какъ я думаю, родъ былъ замиренной средою,

---

*) Сага о Ніалѣ переведена на французскій языкъ Rodolphe Dareste.

**) Wilda, стр. 378.

***) То же, впрочемъ, постановляетъ и одинъ изъ кодексовъ Уэльса, кодексъ Венедотіи, т. III, § 1. Обстоятельство, позволяющее намъ утверждать, что родовые порядки и связанные съ ними родовая месть и родовые выкупы возникли у арійцевъ еще въ эпоху ихъ перехода отъ материнства къ отчеству.

****) Vita ipsius sit in oppressae virginis gratia et amicorum eiusdem (Статутъ Великой Польши, ст. de Raptoribus).

внутри которой, при обыкновенномъ теченіи жизни, не могло возникнуть разногласія благодаря тому, что сознательно или безсознательно въ немъ устранены были всякіе поводы къ столкновеніямъ, а именно: не имѣлось личной аппропріаціи стадъ, пастбищъ и годныхъ къ обработкѣ земель, а также женщинъ.

Я придерживаюсь того мнѣнія, что это послѣдствіе было достигнуто благодаря совокупности причинъ, начало которыхъ нужно искать въ условіяхъ существованія первобытныхъ народовъ, охотничьихъ и рыболовныхъ, не имѣвшихъ, слѣдовательно, повода къ индивидуальной аппропріаціи почвы и ея продуктовъ. Съ другой стороны, я думаю, что ежедневная борьба съ дикими звѣрями и враждебными племенами принуждала первыя человѣческія сообщества направлять свои усилія къ одной цѣли: не уменьшать, а, наоборотъ, сколько возможно, увеличивать число собственныхъ членовъ. Это одно уже должно было мѣшать распространенію кровной мести за преступныя дѣянія, совершенныя въ средѣ рода, и побуждать членовъ послѣдняго добывать себѣ женщинъ на сторонѣ.

Эта практика послужила къ установленію обычая брать женщинъ изъ поселеній, расположенныхъ на далекомъ разстояніи отъ собственныхъ, дабы тѣмъ самымъ избѣжать послѣдствій, какія влечетъ за собой фактъ ихъ похищенія, т.-е. мести родственниковъ жертвы. Въ этихъ причинахъ и нужно по-моему искать начало двухъ слѣдующихъ очень распространенныхъ въ мірѣ правилъ: 1) не столько безнаказанности, сколько непреслѣдованія убійцы родственниками жертвы въ томъ случаѣ, когда убійца и жертва принадлежатъ къ одному и тому же роду; 2) запрещеніе жениться на женщинахъ своего рода, иначе говоря, обязательность экзогаміи. Попытаемся обосновать нашу двойную гипотезу на извѣстномъ числѣ данныхъ, изъ которыхъ бо́льшая часть извѣстна; нѣкоторыя же сдѣлались намъ доступны только послѣ ряда изслѣдованій, охватившихъ еще мало изученныя народности Кавказа и внутренней Индіи.

Что родъ, дѣйствительно, является замиренной средой, въ которой немыслимо пролитіе крови въ возмездіе преступнику, это наглядно выступаетъ въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ. Убійца родственника принуждается покинуть оскорбленный его поступкомъ аулъ, сдѣлаться «абрекомъ», или, по меньшей мѣрѣ, носить внѣшній знакъ своей «отверженности», разрыва съ нимъ всякаго общенія. Вотъ почему у сванетовъ—у которыхъ нарушители мира въ родственной средѣ продолжаютъ жить въ своихъ аулахъ—ихъ обязываютъ носить особую повязку изъ камней, всякихъ сношеній съ ними тщательно избѣгаютъ. То обстоятельство, что въ «Русской Правдѣ» за преступленія, совершенныя въ родственной средѣ, въ частности за отцеубійство, слѣ-

дуютъ «потокъ и разграбленіе» *), т.-е. истребленіе всего имущества виновнаго, вмѣстѣ съ его жилищемъ, послѣдствіемъ чего было вынужденное оставленіе прежняго мѣстожительства, очевидно, подтверждаетъ ту же точку зрѣнія. А что и въ Россіи былъ классъ лицъ, отвѣчающихъ понятію кавказскихъ абрековъ, на это указываетъ слѣдующій текстъ «Русской Правды». Въ числѣ лицъ, не имѣющихъ человѣка, который бы мстилъ за нихъ, «Правда», на ряду съ такимъ чужеземцемъ, какъ славянинъ, знаетъ и такъ называемаго «изгоя». Я не прочь думать поэтому, вопреки мнѣнію проф. Сергѣевича, что Калачовъ вѣрно опредѣлилъ первоначальное значеніе изгойства въ Россіи, говоря, что изгоями были лица, лишившіяся защиты своихъ родственниковъ, очевидно, за злодѣянія, совершенныя ими въ родственной средѣ. Впослѣдствіи этотъ терминъ могъ получить расширительное толкованіе; его могли распространить и на всѣхъ, кто вообще лишился покровительства; а такъ какъ въ этомъ положеніи должны были оказаться и отпущенные на волю рабы, то я ничего не вижу удивительнаго въ томъ, если изгоями назывались и вышедшіе на волю холопы **). Сама этимологія слова «изгой», предложенная г. Мякутскимъ и принимаемая г. Сергѣевичемъ, не противорѣчитъ воззрѣнію на нихъ какъ на людей, разорвавшихъ съ прежнею средою и связаннымъ съ нею покровительствомъ. Сближеніе съ латышскимъ глаголомъ «izi» (иду) даетъ для слова «изгой» (izgoes) значеніе «вышедшій» ***). Можно выйти изъ родства, лишиться обязанностей и правъ родового возмездія, какъ можно выйти изъ холопства и потерять не только связанныя съ нимъ обязанности, но также право на защиту господина. Текстъ «Русской Правды» въ академическомъ спискѣ гласитъ: «аще не будетъ кто мстя, то сорокъ гривенъ за голову»... «аще изгой будетъ; или славянинъ, то сорокъ гривенъ, положити зань». Если осиротѣвшій князь, какъ видно изъ приводимаго Сергѣевичемъ церковнаго устава новгородскаго князя Всеволода, могъ считаться изгоемъ, наравнѣ съ поповымъ сыномъ и съ холопомъ, то этотъ терминъ, очевидно, не обозначалъ только вышедшихъ на волю рабовъ, но вообще человѣка, попавшаго въ условія, отличныя отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ родился, а такимъ могъ быть и не имѣвшій болѣе мстителя родствен-

---

*) То обстоятельство, что «потокъ и разграбленіе», какъ указываетъ проф. Сергѣевичъ, вошли въ «Русскую Правду» подъ вліяніемъ византійскаго права, не ослабляетъ силы нашей аргументаціи. Самое заимствованіе стало возможнымъ только въ виду того, что предлагаемая византійскими законами система отвѣчала вызванной жизнью потребности удаленія преступника изъ родственной среды.

**) Сергѣевичъ, «Русскія юридическія древности». 1902 г., т. I, стр. 275.

***) Тамъ же, стр. 274.

никъ, не имѣвшій его, очевидно, въ виду разрыва съ родственной средою, что, въ свою очередь, обусловливалось преступленіемъ, совершеннымъ имъ противъ этой среды. Всѣ эти соображенія, очевидно, не имѣли бы значенія, если бы у цѣлаго ряда народовъ одной съ славянами арійской культуры нельзя было найти того же беззащитнаго положенія лицъ, порвавшихъ съ родственной средой. Въ «Одиссеѣ», Теоклименъ, подошедши къ Телемаку, дѣлаетъ ему слѣдующее признаніе: «я ушелъ изъ Аргоса, моего родного города, послѣ убійства гражданина и члена одного со мною рода. Я узнанъ, мнѣ предстоитъ отнынѣ бродить среди людей» *). У кельтовъ Ирландіи, какъ указываетъ д'Арбуа-де-Жюбенвилль, убійцы родственника принадлежали къ такъ называемой «красной семьѣ» (Derg-fine). Они лишались всѣхъ преимуществъ родства, т.-е. за нихъ родственники не являлись болѣе мстителями и не платили болѣе выкупа **). У германцевъ, какъ и у скандинавцевъ, лица, удаленныя изъ рода, извѣстны были подъ наименованіемъ «варги»; народная фантазія уподобляла ихъ волкамъ, бродящимъ въ одиночествѣ, и которыхъ каждый можетъ убить безнаказанно.

Если, такимъ образомъ, продолжительное нарушеніе мира въ предѣлахъ рода было избѣгнуто тѣмъ обстоятельствомъ, что преступленія, направленныя противъ родственниковъ, имѣли послѣдствіемъ не кровную месть, а насильственное удаленіе преступника изъ родственной среды, то, съ другой стороны, система экзогамическихъ запретовъ, устраняя возможность столкновенія между членами рода изъ-за факта аппропріаціи женщинъ, необходимо вела къ тому же послѣдствію, т.-е. къ обращенію рода въ замиренную среду. Родъ представлялъ собою единство внутри въ такой же степени, какъ и извнѣ, — внутри въ силу общности имени, культа и владѣнія,—извнѣ въ силу совмѣстнаго преслѣдованія обидъ, наносимыхъ чужеродцами, отстаиванія своихъ коллективныхъ правъ на землю, на принадлежащій ему районъ лѣсныхъ и пастбищныхъ угодій, въ предѣлахъ которыхъ частная аппропріація, аппропріація не въ собственность, а въ пользованіе, могла производиться съ вѣдома, если не всегда съ согласія, рода и подъ условіемъ приложенія личнаго труда къ поднятію нови и ея дальнѣйшей обработкѣ. Родъ продолжалъ представлять собою нѣчто цѣлое и единое и въ позднѣйшую эпоху установленія не только племенныхъ, но и государственныхъ отношеній. Я разумѣю это въ томъ смыслѣ, что передъ посредническимъ судомъ или судомъ территоріальнымъ

*) Книга I, пѣснь XV, стихи 272—278.

**) Д'Арбуа-де-Жюбенвилль ссылается при этомъ на II томъ «Древнихъ законовъ Ирландіи», стр. 284, и на IV т., стр. 288.

его члены выступали какъ одинъ человѣкъ, разъ дѣло шло объ отстаиваніи ихъ гражданскихъ и уголовныхъ претензій. Они приносили присягу другъ за друга и являлись свидѣтелями доброй славы обвиняемаго, его соприсяжниками или «послухами» (термины, употребляемые германскими и русскими источниками; послѣдній, въ частности, «Русской Правдой»). Отъ этой жизни сообща, отъ этой вѣры въ общихъ святителей, которыми обыкновенно являлись души усопшихъ и славныхъ своими дѣяніями предковъ, у членовъ рода, рядомъ съ единствомъ имени, появлялось и представленіе объ общемъ происхожденіи. Это происхожденіе могло быть или совершенно баснословнымъ, отправлявшимся отъ признанія, что душа отдаленнаго предка вселилась въ того или другого звѣря, напр., медвѣдя, орла, сокола, кэнгуру и т. д., или же заключала въ себѣ нѣкоторую долю исторической правды въ томъ смыслѣ, что то или другое лицо, прославленное своими дѣяніями и состоявшее нѣкогда членомъ рода, искусственно возводимо было въ его родоначальники; такова была судьба многихъ правящихъ родовъ, напр., меровинговъ и каролинговъ. Ничто не доказываетъ, чтобы Меровей былъ первымъ въ своей династіи, а что Карлъ Великій не былъ родоначальникомъ своего дома, на то имѣются историческія данныя. Совершенно то же повторяется и съ родами, доселѣ населяющими отдѣльныя мѣстности Индіи, какъ въ границахъ сѣверо-западныхъ провинцій, такъ и въ Пенджабѣ или Бенгалѣ. Крукъ указываетъ на то, что рядъ тотемическихъ родовъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ члены подымаются по ступенямъ общественной лѣстницы, начинаютъ приписывать себѣ происхожденіе отъ того или другого «риши» или миѳическаго святого; тѣмъ самымъ они уподобляются родамъ браминовъ или такъ называемымъ «готра», которые въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ всѣ производятъ себя отъ восьми болѣе или менѣе миѳическихъ предковъ. Имена многихъ изъ этихъ послѣднихъ встрѣчаются въ генеалогіяхъ княжескихъ династій у раджпутовъ *). Рислей, въ свою очередь, указываетъ на то, что въ Бенгалѣ и Орриссѣ рядъ тотемическихъ родовъ дравидскаго происхожденія заимствовалъ родовые порядки и родовыя названія у арійскаго племени раджпутовъ **). Тѣ же изъ нихъ, которые сохраняютъ тотемическія названія, напримѣръ, кушгары Ориссы, стараются объяснить ихъ тѣмъ, что родоначальники ихъ рода, тѣ или другіе святые «риши», сочли нужнымъ принять образъ того животнаго, отъ котораго они себя производятъ, чтобы избѣжать преслѣдованій бога Шивы ***).

---

*) Crooke, «The casts and tribes of the NW. Provinces of India», стр. CLXVII и CLXXI.

**) Risley, «Casts and Tribes of Bengal», стр. XLV.

***) Risley, стр. XLVII.

Я полагаю, что послѣ всего сказаннаго трудно будетъ поддерживать различіе по природѣ между тотемическими группами и родами; я считаю себя поэтому въ правѣ повторить сказанное мною четыре года назадъ на IV собраніи Международнаго Института Соціологіи, а именно, что родъ или gens—не что иное, какъ первобытное человѣческое стадо, трансформированное благодаря продолжительной практикѣ экзогаміи и устраненію начала кровнаго возмездія въ отношеніяхъ его членовъ между собою. Этимъ двумъ причинамъ оно обязано тѣмъ, что сдѣлалось замиренной средой. Внутреннее согласіе придало роду большое единство въ отстаиваніи отъ чужеродцевъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, прежде всего цѣлости своего личнаго и территоріальнаго состава. Сдѣлавшись средоточіемъ анимистической религіи [86] въ двухъ ея формахъ: культа тотема и культа эпонима [87], родъ къ прочимъ причинамъ своей внутренней солидарности присоединилъ еще одну—единство вѣрованій, а это единство, въ свою очередь, породило представленіе и объ общемъ происхожденіи его членовъ, объ общемъ ихъ родоначальникѣ, которымъ признается то звѣрь или принявшій звѣриный образъ отдаленнѣйшій прадѣдъ, то тотъ или другой эпонимъ, чаще миѳическое, чѣмъ историческое лицо, въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно принадлежащее не къ числу первоначальныхъ, а позднѣйшихъ героевъ и руководителей рода.

Слѣды утробнаго рода у арійцевъ.

Если справедлива та мысль, развитію которой посвящены были предшествующія главы, если тотемическіе союзы одной природы съ родами и отличаются отъ нихъ только инымъ счетомъ родства, то естественно возникаетъ въ умѣ вопросъ о томъ, не находятся ли оба указанныхъ нами типа въ отношеніяхъ историческаго преемства? Нельзя ли утверждать, что агнатическимъ родамъ предшествовали по времени когнатическіе или утробные? Вѣдь послѣдніе для своего возникновенія нуждаются въ одной лишь комбинаціи материнства и экзогаміи, ограниченной притомъ сферою однихъ единоутробныхъ, съ тою жизнью сообща, начало которой положила необходимость общей защиты и совмѣстнаго добыванія средствъ пропитанія.

Но если такъ, то и въ прошломъ арійскихъ народовъ, несмотря на широкое преобладаніе у нихъ агнатическихъ родовъ, немудрено будетъ найти слѣды групповой организаціи, основу которой составляетъ связь по матери, а не по отцу. Такому предположенію противорѣчитъ та точка зрѣнія, выразителемъ которой является Мэнъ, точка зрѣнія, раздѣляемая во Франціи такимъ выдающимся соціологомъ, какъ покойный Тардъ *). Мэнъ полагалъ, что стадіи процесса общественнаго развитія могли быть безконечно разнообразны. Если вѣрить ему, народы въ своей эволюціи слѣдовали не одному или двумъ, а множеству различныхъ путей. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что у насъ не имѣется никакихъ данныхъ къ тому, что въ теченіе обширнаго до-историческаго періода общества переживали разно-

---

*) См. «Les transformations du droit» par G. Tarde. «Observations préliminaires», стр. 8 и слѣд.

временно однѣ и тѣ же перемѣны *). Тардъ не сказалъ ничего другого ни въ своей «Общественной Логикѣ», ни въ своихъ «Трансформаціяхъ права». И для него, какъ для великаго англійскаго юриста-философа, «народы разными руслами устремляются въ общее море забвенія».

Но если такъ, то можно ли говорить о родовомъ бытѣ, какъ объ общемъ явленіи, и тѣмъ болѣе настаивать на той мысли, что въ самомъ этомъ родовомъ устройствѣ можетъ быть отмѣченъ переходъ отъ материнства къ отчеству? Мнѣ кажется, однако, что отрицать фактъ прохожденія тѣмъ или другимъ народомъ той стадіи развитія, которая извѣстна подъ названіемъ утробнаго рода, мы въ правѣ лишь тогда, если въ его прошломъ не сохранилось никакихъ пережитковъ материнства и связанныхъ съ ними порядковъ. Прежде чѣмъ согласиться поэтому съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые, съ Мэномъ во главѣ, полагаютъ, что арійскіе народы пошли отличнымъ отъ другихъ путемъ, что съ самаго начала имъ извѣстны были патріархальная семья и развившійся изъ нея агнатическій родъ, намъ необходимо убѣдиться въ томъ, что въ религіозныхъ и правовыхъ памятникахъ этихъ народовъ, а также въ ихъ языкахъ имѣются всѣ данныя для такого утвержденія. Если же въ результатѣ изслѣдованія получатся, какъ мы надѣемся показать, совершенно обратные выводы, то придется согласиться съ тѣми, кто, какъ Морганъ, Макъ-Леннанъ или Бахофенъ, не видитъ причинъ, почему бы ходъ общественнаго развитія арійцевъ представлялъ собою нѣчто особое. Слѣды материнства и основаннаго на немъ когнатическаго родства удержались далеко не одинаково у отдѣльныхъ вѣтвей арійской семьи. Говоря это, я не хочу устанавливать между ними того различія, какое, повидимому, допускаетъ Bernhöft, говоря, что одни унаслѣдовали его отъ общихъ предковъ, другіе, въ числѣ ихъ римляне и индусы, заимствовали его у сосѣдей, разноплеменныхъ съ ними по крови. Причина, по которой кельтическое или германское право въ состояніи дать намъ сравнительно бо́льшій матеріалъ по вопросу о материнствѣ, нежели римское, индусское или славянское, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что знакомство наше съ ними начинается въ эпоху, несравненно болѣе раннюю, чѣмъ та, съ которой жизнь римлянъ, индусовъ или славянъ становится достояніемъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, съ какого періода начинается наше знакомство съ древне-римскимъ бытомъ, какъ не со времени рѣшительнаго торжества политической организаціи надъ родовой, включенія послѣдней въ первую и

*) Мэнъ, «Древній законъ и обычай», глава VII, стр. 168 русскаго перевода, вышедшаго подъ моей редакціей.

соотвѣтственнаго окрашиванія ея далеко не архаическими чертами? Если агнатическій родъ извѣстенъ намъ въ Римѣ лишь по небольшому числу его переживаній, то удивительно ли, что о материнствѣ и когнатическомъ родѣ мы можемъ найти въ памятникахъ римской жизни лишь слабые намеки, съ трудомъ констатируемые современными романистами?

Не въ лучшія условія попадаемъ мы при изученіи занимающаго насъ вопроса по памятникамъ славянскаго быта. Указаніе на то, что славяне «сидяху кождо родомъ своимъ», передаваемое «Повѣстью временныхъ лѣтъ», литературнымъ произведеніемъ, возникшимъ, по мнѣнію Ключевскаго, не ранѣе XI столѣтія, да нѣсколько столь же короткихъ и неопредѣленныхъ показаній византійскихъ и арабскихъ анналистовъ и путешественниковъ,—вотъ все, что дошло до насъ о древнѣйшемъ порядкѣ ихъ устройства. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если о существованіи или несуществованіи въ ихъ средѣ материнства мы, на самомъ дѣлѣ, пока ничего не знаемъ положительнаго.

Ни одинъ изъ народовъ одной съ нами крови не представляетъ такого богатства ранних, по времени, письменныхъ памятниковъ, какъ индусы. Повидимому, гдѣ, какъ не у нихъ, искать рѣшающихъ свидѣтельствъ по занимающему насъ вопросу? Между тѣмъ ни у кого, за исключеніемъ развѣ римлянъ, эти свидѣтельства не являются болѣе скудными и неопредѣленными; ни одинъ народъ не представляетъ бо́льшихъ трудностей при изученіи древнѣйшихъ условій его быта. Причина тому лежитъ налицо. Все, что дошло до насъ о порядкѣ устройства индусовъ, начиная съ эпохи первоначальнаго заселенія имп полуострова, носитъ на себѣ рѣзкую религіозную окраску. Ни одинъ институтъ ихъ древняго права не выступаетъ передъ нами въ его первоначальномъ, такъ сказать, чистомъ видѣ, а лишь въ толкованіи, данномъ ему браминами или жрецами. При такихъ условіяхъ языкъ, случайно занесенныя въ требники старинныя легенды да немногіе пережитки древнѣйшаго права въ юридическихъ сводахъ одни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о материнствѣ и сравнительно позднемъ происхожденіи патернитета и агнатическаго родства.

Гораздо обильнѣе въ этомъ отношеніи греческій матеріалъ. Не удивительно, если на основаніи его и была построена впервые теорія материнства. Характеръ матеріала наложилъ, однако, свою печать и на добытые съ помощью его выводы. Дѣло въ томъ, что прямыхъ свидѣтельствъ о бытѣ эллиновъ мы не имѣемъ ранѣе эпохи троянской войны, когда греческіе народы успѣли уже устроиться въ политическія сообщества, имѣли своихъ царей (басилевсовъ), свои собранія старшинъ и народа. Для всей предшествующей эпохи не

имѣется иныхъ источниковъ, кромѣ миѳологическихъ сказаній: богатыя бытовыми чертами греческія легенды постоянно смѣшиваютъ правду съ вымысломъ, туземное съ чужимъ, привнесеннымъ съ востока. Изслѣдователю не легко разобраться въ этомъ далеко не однокачественномъ матеріалѣ, не легко выдѣлить тѣ именно черты, которыми характеризуется древнѣйшая жизнь грековъ. Несомнѣнно, что народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта, но несомнѣнно также и то, что въ эту характеристику быта небеснаго привносится много сверхъестественнаго. Надо помнить притомъ, что миѳологическія сказанія не являются чѣмъ-то навсегда пріуроченнымъ къ той области, въ которой они возникли, что они легко переходятъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного народа къ другому, и вполнѣ оправдываютъ приписываемое имъ современной наукой названіе странствующихъ сказаній. А если такъ, то всегда ли возможно отличить туземное отъ заимствованнаго, и не представляется ли возможности приписать народу, чьи легенды мы изучаемъ, черты чужого быта, быта того народа, въ средѣ котораго онѣ впервые появились? Ошибки, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, тѣ самыя, какія были сдѣланы Бахофеномъ при построеніи теоріи материнства. Смѣшивая нерѣдко эллинскія легенды съ восточными, перешедшими къ грекамъ изъ Малой Азіи, и перенося на повседневный обиходъ тѣ самыя черты, которыми фантазія эллиновъ облекала космическія явленія, Бахофенъ не только повѣрилъ историческому существованію амазонокъ, но и построилъ на этой, по источнику восточной, легендѣ теорію никогда не существовавшаго въ греческой дѣйствительности женовластія, чѣмъ и подалъ поводъ сомнѣваться въ основательности и прочихъ своихъ выводовъ. Съ большей критикой отнесся къ тому же матеріалу Макъ-Леннанъ. Не удивительно поэтому, если его построенія въ этой области, не отличаясь тою же широтою, что бахофенскія, представляются несравненно болѣе прочными.

Изъ населяющихъ Европу арійскихъ народностей кельты до послѣдняго времени всего менѣе были изучаемы со стороны ихъ древнѣйшаго устройства. Причина тому лежала въ недостаткѣ источниковъ. Чего не въ состояніи были дать ни военные мемуары Цезаря, ни поздніе сравнительно памятники обычнаго права Бретани и Уэльса, то въ недавнее время доставили намъ трактаты брегоновъ, изъ которыхъ одинъ восходитъ до эпохи первоначальнаго насажденія христіанства въ Ирландіи и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ нормы несравненно менѣе испытавшія на себѣ иноземныя вліянія, нежели проникнутые правомъ салическимъ и карловингскими капитуляріями «Кутюмы» Бретани или редактированные въ эпоху англійскаго владычества законы Уэльса. Изданіе этихъ памятниковъ вызвало, какъ

и можно было ожидать, оживленную разработку кельтическаго права, но она производима была пока приверженцами патріархальной теоріи и не привела поэтому ни къ какимъ результатамъ по вопросу о материнствѣ кельтовъ. Нашъ соотечественникъ, г. Сокольскій, первый подмѣтилъ въ старинныхъ законахъ Ирландіи существованіе многихъ пережитковъ древняго материнства. Сближая ихъ съ тѣми, какіе заключаютъ въ себѣ уэльскіе источники, онъ попытался обосновать тотъ взглядъ, что родство древнихъ кельтовъ было исключительно когнатическимъ. Эта попытка, какъ предшествовавшая во времени всѣмъ прочимъ, заслуживаетъ высшей оцѣнки, чѣмъ та, которую она получила доселѣ. Положенія г. Сокольскаго кажутся мнѣ вполнѣ обоснованными. Они нашли подтвержденіе себѣ въ работахъ Даргуна *).

Тому же писателю принадлежитъ и первая попытка провѣрить теорію материнства на основаніи германскихъ источниковъ, свидѣтельствъ Тацита и иныхъ пережитковъ, какіе удержались въ варварскихъ «Правдахъ». Уже упомянутыя монографіи Даргуна представляютъ лишь болѣе полное выполненіе плана, впервые задуманнаго русскимъ ученымъ.

Обозрѣвши, такимъ образомъ, тотъ матеріалъ, на основаніи котораго можетъ быть рѣшенъ вопросъ о материнствѣ у народовъ арійской семьи, и указавши на разработку, какую онъ нашелъ въ трудахъ европейскихъ и русскихъ ученыхъ, я перехожу въ настоящее время къ передачѣ тѣхъ фактовъ, на которыхъ опирается раздѣляемое мною мнѣніе объ однохарактерности процесса развитія арійскихъ и неарійскихъ народностей, насколько рѣчь идетъ о смѣнѣ материнства отчествомъ.

Имѣя въ виду представить въ этомъ сочиненіи скорѣе выводы изъ фактовъ, нежели самые факты, я напередъ отказываюсь отъ мысли исчерпать имѣющійся по этому вопросу матеріалъ. Для моихъ цѣлей важнѣе приведеніе немногихъ, бьющихъ въ глаза, данныхъ, нежели массы такихъ, которыя вызывали бы на каждомъ шагу разнорѣчіе въ истолкованіи ихъ. Послѣднее важно для изслѣдователя, впервые подымающаго извѣстный вопросъ, отнюдь не для систематизатора.

Начну мой перечень съ тѣхъ народовъ, въ памятникахъ которыхъ удержалось всего болѣе слѣдовъ материнства: съ кельтовъ и германцевъ. Рѣшительное подтвержденіе той мысли, что родственная связь ребенка съ матерью признавалась у кельтовъ гораздо ранѣе установленія патернитета, я вижу въ тѣхъ нормахъ древняго ирландскаго и уэльскаго правъ, которыя говорятъ о порядкѣ признанія извѣстнаго мужчины отцомъ ребенка. Всюду, гдѣ родительская власть

*) «Mutterrecht und Vaterrecht».

вытекаетъ изъ самаго факта брачной связи, всюду, гдѣ господствуетъ правило: «pater est quem nuptiae demonstrant», родственныя отношенія ребенка къ отцу возникаютъ помимо всякаго признанія его послѣднимъ. Иное дѣло въ древней Ирландіи и въ герцогствѣ Уэльскомъ. Актъ рожденія порождаетъ здѣсь только ту родственную связь, которую мы называемъ материнствомъ. Непризнанный отцомъ ребенокъ попадаетъ въ родъ матери. Для занесенія его въ родъ отца необходимо, чтобы рожденіе его отъ опредѣленнаго мужчины было доказано женщиной, или чтобы дѣйствительный отецъ, мужъ или любовникъ, призналъ ребенка своимъ.

«При рожденіи младенца—читаемъ мы въ книгѣ «Aicill»—мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ: чей это ребенокъ? и только въ случаѣ отвѣта: твой, получалъ право считать его своимъ» *). Послѣднее, впрочемъ, имѣло мѣсто лишь тогда, если за жену внесенъ былъ выкупъ ея роду. Иначе сынъ считался принадлежащимъ роду матери, и права отца на него признавались лишь подъ условіемъ предварительной покупки ихъ послѣднимъ у рода жены. «Отъ ея родственниковъ зависитъ продать или не продать дѣтей—учитъ ирландскій законовѣдъ—, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если жена взята была у ея рода силою; буде же похищеніе состоялось съ ея согласія, отецъ въ правѣ требовать продажи ему дѣтей родомъ жены». Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ уплата сполна всего, что полагается обычаемъ за ихъ жизнь; иначе говоря, отецъ вноситъ роднымъ жены размѣръ виры, какая была бы уплачена имъ въ случаѣ убійства ребенка **). Такое право признается, повидимому, лишь тогда, если дитя родилось на разстояніи не болѣе одного мѣсяца со времени увода его матери ***). Г. Сокольскій почему-то не обратилъ вниманія на это ограниченіе, на самомъ дѣлѣ, весьма существенное и свидѣтельствующее о томъ, что въ глазахъ комментатора источникомъ, изъ котораго вытекали права рода на младенца, было зачатіе его матерью во время совмѣстнаго сожительства мужа съ ея родственниками. Тѣсная связь ребенка съ родомъ матери выступаетъ и изъ тѣхъ постановленій ирландскаго права, которыя предвидятъ случай, когда отецъ или не пожелаетъ признать ребенка своимъ, или лишенъ всякихъ правъ въ силу гражданской смерти, а потому и неспособенъ установить агнатической связи между новорожденнымъ и собственнымъ родомъ. Послѣдствіемъ отреченія, которое могло быть произведено какъ отцомъ, такъ, и въ

*) «Anc. Laws of Ireland», т. III, стр. 315.
**) Тамъ же, стр. 541.
***) «The children that are begotten by her outside before a month or within the space of a month belong by right to the family of the mother» (стр. 541).

случаѣ смерти послѣдняго, главой его рода въ сообществѣ съ шестью родовичами-соприсяжниками, было включеніе ребенка въ родъ матери *). То же имѣло мѣсто и при рожденіи младенца послѣ того, какъ отецъ его поставленъ былъ внѣ закона **). Не удивительно, если въ ряду наслѣдниковъ мы находимъ въ Ирландіи и такъ назыв. «glasfine» или дѣтей женщины, выданной ея родомъ за чужеродца ***), если древнее право Уэльса перечисляетъ цѣлыхъ шесть категорій дѣтей, относимыхъ къ роду ихъ матери и раздѣляющихъ ея общественное положеніе: 1) сынъ, отъ котораго законнымъ порядкомъ отрекся его отецъ, 2) сынъ, прижитый незамужней женщиной съ согласія ея рода, 3) сынъ дѣвушки, обольщенной неизвѣстнымъ мужчиной, 4) сынъ свободной, выданной ея родомъ за полусвободнаго (чужеродца, поселеннаго въ Уэльсѣ—alltud'a), 5) сынъ дѣвушки, обольщенной полусвободнымъ (alltud'омъ), наконецъ, 6) сынъ женщины, отданной въ видѣ залога по обязательствамъ ея отца въ чужую страну и сдѣлавшейся беременной во время пребыванія въ ней ****).

Въ виду той преимущественной роли, какую мать играетъ въ опредѣленіи общественнаго положенія дитяти, не мудрено, если одинъ изъ комментаторовъ древнѣйшаго трактата брегоновъ, Сенхусъ Моръ, считаетъ возможнымъ дать слѣдующее толкованіе слову мать—mathoir. Послѣднее, по его мнѣнію, состоитъ изъ двухъ словъ: mo (болѣе) и thoir (помогаетъ). Такое словопроизводство указываетъ на то, что мать болѣе помогаетъ (ребенку), чѣмъ отецъ *****).

При тѣсной связи ребенка съ матерью и черезъ ея посредство съ родомъ послѣдней, ирландское и уэльское права, признавая агнатическое родство, не могли въ то же время устранить когнатовъ отъ участія въ родовомъ самоуправствѣ и отъ права получать, по крайней мѣрѣ, часть виръ, слѣдуемыхъ имъ съ чужеродцевъ, въ случаяхъ нарушенія мира и причиненія матеріальнаго вреда. Этому праву соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, обязанность участвовать въ платежѣ композицій въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ по обычаю утробный родъ призывается къ ихъ полученію. На все это мы находимъ рѣшительныя указанія, какъ въ трактатахъ брегоновъ, такъ и въ сводахъ сѣвернаго и южнаго Уэльса. Они опредѣляютъ размѣръ участія рода матери въ платежѣ композиціи слѣдующимъ образомъ: изъ двухъ третей головщины, падающихъ не на убійцу, его родителей и дѣтей,

---

*) «Venedotian Code», B. II, ch. XXXI, 18, 19.
**) «Aicill» (A. L. т. III, стр. 385).
***) «A. L.», т. IV, стр. 285 и 291.
****) Сокольскій, «Къ ученію объ организаціи семьи и родства», стр. 44 и 45.
*****) «A. L.», т. II, стр. 317.

а на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, двѣ трети уплачиваетъ родъ отца, одну треть—родъ матери. Получается головщина родственниками убитаго въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она платится родственниками убійцы: часть, поступившую отъ отцовскаго рода убійцы, получаетъ отцовскій родъ убитаго, а часть, выплаченную материнскимъ родомъ убійцы,—материнскій родъ убитаго. При этомъ, какъ замѣчаетъ г. Сокольскій, каждый изъ родовъ убійцы заключалъ отдѣльно миръ съ соотвѣтствующимъ родомъ убитаго, и миръ этотъ скрѣпляемъ былъ каждый разъ присягою ста лучшихъ мужей изъ рода убитаго, удостовѣрявшихъ, что убійца прощенъ *).

Солидарность каждаго не только съ родственниками по отцу, но и съ родственниками по матери, сказывается не при одной лишь кровной мести и платежѣ головщины. Она даетъ себя знать и въ правѣ кредитора обезпечить уплату долга насильственнымъ захватомъ имущества у родственниковъ какъ по отцу, такъ и по матери **) и въ обязательствѣ утробнаго рода участвовать, наравнѣ съ агнатическимъ, въ призрѣніи малолѣтнихъ, больныхъ, увѣчныхъ и умалишенныхъ ***). Всего слабѣе сказываются слѣды первоначальнаго господства у кельтовъ когнатическаго родства въ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая должна быть отнесена къ числу позднѣйшихъ по времени возникновенія; я разумѣю отношенія, которыя устанавливаются фактомъ владѣнія землею.

Материнскій родъ, какъ мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, возникъ въ эпоху, предшествовавшую постоянной осѣдлости и прочно установившемуся землевладѣнію. Удивительно ли, если слѣды его менѣе замѣтны въ этой области, если кодексъ Гвента, напр., считаетъ возможнымъ установить слѣдующее правило: «Буде лицо, требующее земельнаго участка въ силу родства, прибѣгнетъ, доказывая послѣднее, три раза къ веретену (т.-е. къ доказательству родства по женской линіи), требованіе его признано будетъ неосновательнымъ». Тѣмъ не менѣе, и въ сферѣ земельныхъ отношеній г. Сокольскому удалось открыть нѣкоторые слѣды материнскаго родства, по крайней мѣрѣ, въ правѣ Уэльса. Родъ матери обязанъ былъ дать земельный надѣлъ, во-первыхъ, дѣтямъ, принадлежность которыхъ отцу или любовнику не могла быть доказана ни ордаліями [88], ни свидѣтельскими показаніями, во-вторыхъ, дѣтямъ свободной, выданной родомъ ея за полусвободнаго, наконецъ, дѣтямъ, утратившимъ доставшійся имъ отъ отца земельный надѣлъ, если причиною такой утраты было поступле-

---

*) «Venedotian Code», кн. III, гл. I, §§ 12 и 16
**) «A. L. of Ireland», т III, стр. 489.
***) «A. L. of. Ireland», т. I, стр. 261.

ніе надѣла въ платежъ головщины и за дѣяніе, направленное къ отмщенію обидъ, нанесенныхъ чужеродцемъ одному изъ родственниковъ по матери *).

Итакъ, въ разнообразнѣйшихъ сферахъ жизни древнихъ кельтовъ материнство и утробное родство даютъ себя знать въ бо́льшей или меньшей степени, то пріобщая къ роду матери непризнанныхъ отцомъ незаконнорожденныхъ, которые при господствѣ одного агнатическаго родства навсегда остались бы безродными, то допуская и законныхъ дѣтей къ участію въ родовомъ владѣніи ихъ когнатовъ, то признавая ихъ связанными обязательствомъ взаимной помощи и круговой порукой не только съ родомъ отца, но и съ родомъ матери. На процессѣ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ стороны юридическаго быта даннаго общества, материнство также наложило свою печать въ правѣ сторонъ доказывать свою правоту присягою не однихъ агнатовъ, но и когнатовъ. Это именно и разумѣетъ ирландскій Сенхусъ Моръ, говоря: «Въ каждомъ истцѣ и каждомъ отвѣтчикѣ заинтересованы родъ его отца, племенной старшина, церковь и родъ его матери **), заинтересованы не только полученіемъ и соотвѣтственнымъ платежомъ пеней, но и возможностью установить своими показаніями самый фактъ виновности».

Обосновавши вышеприведенными данными мысль о существованіи нѣкогда материнства и утробнаго родства у кельтовъ, перехожу къ разсмотрѣнію тѣхъ, какія по занимающему насъ вопросу содержатъ въ себѣ германскіе источники.

Какъ и у кельтовъ, сожительство мужчины съ женщиной не всегда вело у германцевъ къ установленію отцовской власти на пріобрѣтенный въ немъ приплодъ. Послѣднее имѣло мѣсто лишь тогда, если женихъ вносилъ вѣно за невѣсту, порядокъ, который далеко не можетъ считаться древнѣйшимъ. Въ скандинавскомъ правѣ, по словамъ Вейнгольда, женщина, за которую не было заплачено калыма, продолжала считаться принадлежащей къ тому роду, изъ котораго она была взята, а вмѣстѣ съ нею къ тому же роду причисляемъ былъ и весь ея приплодъ; вотъ почему дѣти отъ такихъ браковъ не имѣли права наслѣдовать въ имуществѣ отца ***).

Это правило проводимо было нѣкоторыми изъ сѣверныхъ правъ, въ частности исландскимъ, съ такой послѣдовательностью, что достаточно было жениху не доплатить калыма, чтобы прижитыя имъ въ бракѣ дѣти не считались его дѣтьми, и, какъ принадлежащія исклю-

---

*) «Venedotian Code», кн. II, гл. IV, § 1.
**) «A. L. of Ireland», т. I, стр. 261.
***) «Die deutschen Frauen im Mittelalter», 2-oe изд., I, 320.

чительно къ роду матери, лишены были права наслѣдованія въ его родѣ *). Съ меньшей наглядностью то же начало выступаетъ и въ лангобардскомъ правѣ, въ которомъ, какъ видно изъ «Эдикта» Ротари **), право опеки или mundium надъ замужней женщиною могло принадлежать и не ея мужу, а родственнику по матери, и соотвѣтственно дѣти, если не при жизни отца, то послѣ его смерти, могли вмѣстѣ съ матерью вернуться въ ея родъ. Законодатель прямо разрѣшаетъ такое возвращеніе въ случаѣ, если бракъ заключенъ былъ свободной или полусвободной съ рабомъ и расторгнутъ былъ по случаю смерти послѣдняго ***). Съ другой стороны, въ законахъ Ліутпранда право наслѣдованія отцу также не признается безразлично за всѣми дѣтьми, въ какомъ бы бракѣ они ни были прижиты; для этого необходимо, чтобы бракъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые запрещаются закономъ или признаются имъ ничтожными ****).

Весьма существеннымъ доказательствомъ въ пользу господства материнства у древнихъ германцевъ служитъ тотъ фактъ, что дѣти отъ неравныхъ браковъ слѣдуютъ не положенію своего отца, а положенію матери.

Это начало открыто провозглашаютъ законы аллемановъ, лангобардовъ, фризовъ и скандинавскихъ народностей, а также проникнутые нормами салическаго права капитуляріи франкскихъ королей *****). Одна лишь «Рипуарская Правда», въ которой Зомъ и слѣдующіе за нимъ германисты видятъ не безъ основанія кодификацію, рядомъ съ обычаями побережныхъ франковъ, салическаго права въ позднѣйшую эпоху его развитія, выставляетъ афоризмъ: худшее общественное положеніе одного изъ супруговъ опредѣляетъ собою состояніе дѣтей ******).

Мы видѣли, что у кельтовъ однимъ изъ пережитковъ прежняго

---

*) Dargun, «Mutterrecht und Raubehe», стр. 38.

**) tit. 165.

***) tit. 217. «Si haldia aut liberta in casa aliena ad maritum intraverit et servum tulerit, libertatem suam amittat. Et si dominus neglexerit eam, replecare ad servitium, mortuo tamen marito, vadat sibi una cum filiis suis et cum omnis res suas» (sic) [89].

****) Liutpr. 32—34, 105.

*****) «Filii matri sequantur» [90], говоритъ «Эдиктъ» Ротари, предполагая возможность брака между лицами разнаго состоянія—(tit. 219). «Салическая Правда», какъ видно изъ tit. XIII, считаетъ послѣдствіемъ брака свободнаго съ рабой потерю виновнымъ его прежняго состоянія, а слѣдовательно и принадлежность дѣтей къ роду матери. См. capit. III a. 823 § 4 (Pertz. Mon. Leges I, 236), Lex Fris. tit. VI. Lex Alam. Illoth. tit. XVIII (Dargun, стр. 32 и слѣд.)—«Seeländische Gesetze», III, 12; свидѣтельство епископа Sunesen 1201—1227. Matris conditionem sequitur semper partus [91] (тамъ же, стр. 39).

******) «Lex Rip.», tit. LVIII.

материнства является тотъ фактъ, что незаконнорожденные, не будучи причисляемы къ роду отца, въ то же время не могутъ быть названы безродными, такъ какъ принадлежатъ къ роду матери. Въ «Скандинавскихъ Правдахъ» мы находимъ рѣшительное основаніе утверждать, что положеніе незаконнорожденныхъ въ древне-германскомъ обществѣ ничѣмъ существенно не отличалось отъ того, какое они занимали въ кельтическомъ. Такое свидѣтельство, въ частности, датскихъ источниковъ, тѣмъ болѣе цѣнно, что народныя «Правды» континентальныхъ нѣмцевъ, по вѣрному замѣчанію Цепфля, хранятъ на этотъ счетъ упорное молчаніе *). Принадлежность къ роду матери находила себѣ наглядное проявленіе въ правѣ незаконнорожденныхъ наслѣдовать въ оставленномъ ею и ея законными дѣтьми имуществѣ; что же касается отцовскаго имущества, то незаконнорожденные, какъ не принадлежащіе къ его роду, не могли предъявлять на него никакихъ притязаній. Сводя воедино все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ эпоху редактированія германскихъ «Правдъ» бракъ не всегда приводилъ къ установленію отцовской власти по отношенію къ рожденнымъ въ немъ дѣтямъ; для этого требовалось, чтобы женщина и имѣющій произойти отъ нея приплодъ были пріобрѣтены мужемъ покупкой у ея родни, а такой порядокъ заключенія брака сравнительно поздняго происхожденія. Ему предшествуетъ во времени бракъ уводомъ, не сопровождавшійся признаніемъ за мужемъ правъ опекуна или такъ называемаго mundium; ему предшествовало и то свободное сожитіе, которое послѣдующее право объявляетъ незаконнымъ. Въ обоихъ случаяхъ за отцомъ не признавалось правъ на приплодъ; послѣдній всецѣло принадлежалъ роду матери. Преобладающее значеніе, какое связь ребенка съ матерью, какъ ранѣе возникшая, должна была удержать и впослѣдствіи, выступаетъ также и въ томъ, что при неравенствѣ состояній общественное положеніе ребенка опредѣляется не его отцомъ, а его матерью. Если бы когнатическое родство достигло признанія позже родства агнатическаго, необходимо имѣло бы мѣсто обратное, т.-е. положеніе отца опредѣляло бы собою и положеніе ребенка. Изъ того же факта признанія отеческой власти только за лицомъ, пріобрѣтшимъ право считаться опекуномъ жены, ея mundoald'омъ, вытекаетъ и то послѣдствіе, что родительская власть у древнихъ германцевъ, какъ и у кельтовъ, порождалась не столько фактомъ участія мужчины въ рожденіи ребенка, сколько принадлежностью ему власти надъ женою (mundium). Всего откровеннѣе проводитъ это начало «Алеманская Правда». Предвидя случай похищенія жены у ея мужа и по-

---

*) Kolderup—Rosenvinge, «Dänische Rechtsgeschichte», стр. 60. Zöpfl, «Deutsche Rechtsgeschichte», т. III, стр. 25.

слѣдующаго рожденія у ней ребенка, законъ аллемановъ отказывается признать за дѣйствительнымъ отцомъ права родительской власти и предоставляетъ ее всецѣло мужу, какъ вытекающую изъ его правъ надъ женою, его mundium. «Non sint, говоритъ титулъ 51, illius qui eos genuit, sed ad illum priorem maritum mundio pertineant» [92] *).

Но если mundium одинъ является источникомъ установленія извѣстныхъ правъ на ребенка, то отсюда слѣдуетъ, что лицо, которое ранѣе упроченія браковъ покупкою являлось обыкновеннымъ опекуномъ, mundoald'омъ женщины (я разумѣю ея дядю по матери или брата), должно было играть первенствующую роль въ ряду другихъ родственниковъ. Это прямо утверждаетъ Тацитъ, говоря, что связь съ дядею его матери (съ avunculus) считалась многими германцами болѣе священной, чѣмъ связь съ отцомъ **); убійство дяди или брата по матери признаваемо было поэтому за преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ убійство отца или мужа. Послѣднее воззрѣніе наглядно выступаетъ какъ въ сѣверныхъ сагахъ, такъ и въ «Нибелунгахъ». Сплошь-и-рядомъ женщины и дѣти соглашаются въ нихъ отомстить на мужѣ и отцѣ убійство ихъ брата, дяди по матери, которое казалось въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, столь же противоестественнымъ, какъ и убійство самой матери. Вступленіе въ бракъ съ убійцею брата Эдда признаетъ величайшимъ стыдомъ ***). Читая «Нибелунговъ», говоритъ Бахофенъ ****), легко убѣдишься въ томъ, насколько связь женщины съ братомъ ставилась выше связи ея съ мужемъ. Гудруна и не думаетъ о томъ, чтобы отомстить братьямъ за смерть своего мужа Сигурда. Послѣдній, умирая, утѣшаетъ ее тѣмъ, что у ней остались въ живыхъ братья. По выходѣ вторично замужъ за Атли, брата Брунгильды, Гудруна ни на минуту не отступаетъ передъ мыслью отомстить на немъ убійство своихъ братьевъ и закалываетъ его собственной рукой. Обязанность мести существуетъ не между одной только сестрой и ея братомъ; обычай распространяетъ ее и на взаимныя отношенія племянниковъ и дядей по матери. Григорій Турскій приводитъ, между прочимъ, слѣдующій случай, рѣшительно подтверждающій такой взглядъ. Нѣкто, по имени Нантинъ, добивается надѣленія его Ангу-

---

*) См. «Lex Alam.» въ изд. Меркеля (Pertz. Mon).

**) Sororum filiis idem apud avunculum quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur [93] (Germ. c. 20).

***) «Schweig Idun. Von allen Frauen
Mein ich dich die Männertollste:
Du legtest die Arme, die leuchtenden gleich
Um den Mörder eines Bruders [94].
(Dargun, стр. 53).

****) «Antiquarische Briefe, vornehmlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegriffe». Strassburg. 1880 г., стр. 78.

лемскимъ графствомъ по той только причинѣ, что занятіе въ немъ высшей должности облегчитъ ему раскрытіе дѣйствительнаго виновника смерти своего дяди по матери; разъ добившись назначенія, онъ узнаетъ, что дядя его убитъ епископомъ Марахаръ. Послѣдній вслѣдъ затѣмъ и подвергается съ его стороны цѣлому ряду преслѣдованій *).

Даргунъ приводитъ не одинъ фактъ въ подтвержденіе той мысли, что дядя по матери сплошь и-рядомъ выступаетъ у германцевъ въ роли опекуна надъ малолѣтнимъ и по этой причинѣ нерѣдко занимаетъ постъ регента, что на него падаетъ обязанность выдавать замужъ своихъ племянницъ, дочерей сестры, что ему нерѣдко поручается воспитаніе племянниковъ, которые чаще всего получаютъ при крещеніи его имя, что занятая дядею должность сплошь-и-рядомъ замѣщается въ случаѣ смерти сыномъ его сестры **).

Не удивительно послѣ этого, если частныя лица, вмѣсто того, чтобы называться по отцу, нерѣдко именуются въ источникахъ племянниками того или другого лица, ихъ дяди по матери, а это было бы немыслимо при современной системѣ родства ***).

Выдающаяся роль материнской родни ставитъ на очередь вопросъ о томъ, не принадлежатъ ли, по крайней мѣрѣ, ближайшіе къ покойнику члены семьи, къ числу его наслѣдниковъ и не участвуютъ ли они какъ въ уплатѣ, такъ и въ полученіи части выкупа, наконецъ, не принадлежитъ ли имъ извѣстная роль и на судѣ въ рядахъ соприсяжниковъ, подкрѣпляющихъ показанія родственника-отвѣтчика или соотвѣтственно истца?

Отвѣчая прежде всего на первый вопросъ, мы должны сказать, что, согласно «Салической Правдѣ», при наслѣдованіи недвижимой собственности мать, тетка и дядя по матери стоятъ не только въ числѣ наслѣдниковъ, на ряду съ столь же близкими родственниками по отцу, но и предшествуютъ обыкновенно послѣднимъ въ порядкѣ наслѣдованія; въ древнѣйшихъ же редакціяхъ этого памятника о наслѣдованіи отца и его боковыхъ родственниковъ вовсе не упоминается, тогда какъ мать слѣдуетъ въ порядкѣ преемства непосредственно за дѣтьми, а сестра матери (тетка) непосредственно за братомъ и сестрою ****).

---

*) Dargun, стр. 56.
**) Тамъ же, стр. 57.
***) Тамъ же, стр. 57.
****) Tit. LVIII de alodis. Ср. Waitz, «Das alte Recht der Salischen Franken», стр. 108. Fehlen aber Kinder, so folgt nach dem alten Text die Mutter, nur die Mutter, nicht auch der Vater. Man hat gemeint der Vater habe sich von selbst verstanden, dagegen sei die Zulassung der Mutter zum Erbe ein neues gewesen und eben deshalb hier hervorgehoben worden. Allein so verfährt

Въ свою очередь, преимущество сестры передъ братомъ при наслѣдованіи собственности, одинаково выступающее какъ въ «Салической Правдѣ», такъ и въ законахъ турингова, находитъ объясненіе себѣ въ томъ первенствующемъ значеніи, какое признаваемо было за женщиной, какъ единственной продолжательницей рода *), а слѣдовательно косвенно свидѣтельствуетъ и о признаніи нѣкогда германцами одного материнства.

Преимущество утробнаго родства надъ кровнымъ еще съ большею рѣзкостью выступаетъ въ статьѣ de reipus, рѣшающей вопросъ о томъ, къ кому долженъ поступить калымъ или брачный выкупъ за вдову? Прежде всего это право признается за старшимъ сыномъ сестры покойнаго, затѣмъ за сыномъ племянницы, дочери сестры; третье мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ consobrinae filius, четвертое «avunculus frater matris», и только за ними слѣдуютъ отцовскіе родственники, прежде другихъ его братъ **).

Переходя къ роли материнскихъ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, взысканіи и платежѣ виръ, мы считаемъ возможнымъ присоединиться къ тому, что сказано на этотъ счетъ г. Сокольскимъ. «Принадлежность къ родовому союзу, говоритъ русскій ученый, опредѣляется, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, правомъ мести и выкупа. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія, что германская замужняя женщина продолжала принадлежать къ своему прирожденному племени (точнѣе роду). По англо-саксонскимъ законамъ, право мести за замужнюю женщину и право полученія за нее композиціи принадлежатъ не мужу или его роду, а ея собственной семьѣ. Равнымъ образомъ, за правонарушенія, совершенныя замужней женщиной, отвѣтствуютъ не родственники мужа, а собственные ея родственники. Наконецъ, композиція женщины опредѣляется согласно состоянію не ея мужа, а отца или брата. По исландскому и норвежскому правамъ, мужъ мститъ за жену и получаетъ за нее выкупъ, но не онъ одинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его взрослые сыновья и родственники жены. Подобныя правила встрѣчаются и въ правахъ шведскомъ и датскомъ, только здѣсь преимущества родственниковъ жены болѣе ограничены. Что касается германскихъ правъ средней и южной Европы, то въ большинствѣ ихъ между лицами, имѣющими право на выкупъ за убійство женщинъ, мужъ не упоминается. Въ виду этого

---

das Gesetz in der That nirgends und sollte der Vater folgen können, so musste er genannt sein, wie denn auch alle späteren Texte ihn hinzufügen» [95]. Такими же соображеніями объясняетъ Вайцъ и тотъ фактъ, что въ рядахъ наслѣдниковъ стоитъ одна лишь тетка по матери, а не по отцу.

*) Dargun, стр. 56.

**) «Lex salica», tit. XLIV. Cod. I.

положительно невѣрно мнѣніе тѣхъ, кто утверждаетъ, что, согласно континентальнымъ «Правдамъ», выкупъ за жену получаемъ былъ мужемъ. Въ одномъ только лангобардскомъ правѣ этотъ выкупъ идетъ исключительно въ пользу мужа, если послѣдній пріобрѣлъ законнымъ образомъ власть или mundium надъ женою отъ ея родителей. Впрочемъ, это положеніе можетъ разсматриваться какъ возникшее незадолго до записи лангобардскихъ обычаевъ. На это указываетъ то обстоятельство, что хотя выкупъ и идетъ въ пользу мужа, но размѣръ его опредѣляется не по состоянію мужа, а по состоянію брата жены» *).

Участіе материнскихъ родственниковъ въ платежѣ выкуповъ съ наибольшей наглядностью выступаетъ изъ того постановленія «Салической «Правды», которое говоритъ о случаѣ, когда у виновнаго не окажется средствъ къ уплатѣ, и онъ, ссылаясь на родство, возложитъ на своихъ родственниковъ эту обязанность, для чего закономъ предписывается совершеніе извѣстнаго обряда. Какіе, спрашивается, родственники призываются къ производству платежа, одни ли родственники по отцу, или также утробные родственники, а если тѣ и другіе вмѣстѣ, то въ какомъ порядкѣ преемства? Кодексъ I въ изданіи Гессельса и Керна, т.-е. одна изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшая редакція «Салической Правды», упоминаетъ отца, братьевъ и затѣмъ трехъ родичей по матери и трехъ по отцу. Въ кодексахъ, начиная отъ 3-го и оканчивая десятымъ, въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ уплатѣ виры, стоитъ сестра матери; весьма характерно, что она въ порядкѣ преемства слѣдуетъ раньше собственныхъ дѣтей преступника. Въ одной рукописи упоминается даже о дѣтяхъ сестры, какъ объ участникахъ въ платежѣ выкупа.

Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что господствующая у народа система родства сказывается и въ сферѣ процессуальнаго права въ томъ, что одни родственники, предпочтительно предъ другими, призываются къ принесенію на судѣ очистительной присяги въ пользу той изъ сторонъ, на которую возложено бремя доказательствъ. Не удивительно, если порядокъ, въ которомъ родственники допускаются судомъ къ соприсягѣ съ истцомъ или отвѣтчикомъ, самъ является указателемъ существованія въ обществѣ той или другой системы родства. Спрашивается, что говорятъ намъ на этотъ счетъ тѣ нормы германскаго права, которыя упоминаютъ о соприсяжникахъ?

«Изъ положеній, заключающихся въ одномъ изъ такъ называемыхъ capita extravagantia салическаго закона, говоритъ г. Сокольскій, можно заключить, что у франковъ салическихъ родственники по ма-

*) Сокольскій, «Къ ученію объ организаціи семьи и родства», стр. 59 и 60.

тери призывались къ дачѣ присяги на равномъ основаніи съ агнатами. Въ разсматриваемомъ законѣ идетъ рѣчь о томъ случаѣ, когда кого-нибудь уличатъ въ томъ, что онъ не свободный человѣкъ, а рабъ. Уличаемый можетъ очистить себя отъ подозрѣнія при помощи соприсяжниковъ слѣдующимъ образомъ. Если обвинителемъ кто-либо изъ рода отца, обвиняемый ставитъ семь свидѣтелей изъ рода матери, ближайшихъ ему по крови, и четырехъ изъ рода отца. При обвиненіи же его материнскими родственниками достаточно трехъ свидѣтелей (соприсяжниковъ) съ отцовской стороны и четырехъ съ материнской *).

Итакъ, во всѣхъ сферахъ древняго права германцевъ мы находимъ слѣды материнства. Едва ли поэтому можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, что послѣднее лежало въ основѣ ихъ древнѣйшаго устройства, и что изъ него всецѣло вытекли какъ первоначальныя родственныя отношенія, такъ и древнѣйшіе союзы круговой поруки, извѣстные подъ наименованіемъ родовъ. Иначе говоря, нѣтъ основанія думать, что процессъ общественнаго развитія германцевъ уклонился отъ того общаго хода, какой указанъ былъ въ предшествующей главѣ; наоборотъ, имѣется полное основаніе утверждать, что, подобно кельтамъ, германцы начали свое поступательное движеніе въ исторіи съ эпохи господства материнскихъ родовъ.

Переходя къ славянамъ, я замѣчу прежде всего, что ни въ бытовыхъ памятникахъ, ни въ юридическихъ источникахъ славянъ я не могу открыть ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ непосредственно о существованіи у нихъ нѣкогда одного материнскаго родства. Съ другой стороны, можетъ быть указанъ цѣлый рядъ такихъ, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ признаніемъ патріархальной семьи и агнатическаго родства за исходные моменты правового развитія славянъ. Самымъ крупнымъ изъ этихъ фактовъ является встрѣчающееся въ древнѣйшихъ спискахъ «Русской Правды», въ частности въ спискѣ академическомъ, упоминаніе въ числѣ мстителей «сестрина сына», очевидно, лица не одного рода съ потерпѣвшимъ, состоящаго съ нимъ въ кровной связи не по отцу, а по матери. Будемъ ли мы понимать 1-ую ст. «Русской Правды» въ томъ смыслѣ, что въ ней перечислены всѣ лица, допускаемыя закономъ къ кровомщенію, или же, наоборотъ, станемъ толковать ее такимъ образомъ, что перечисленные въ ней родственники не исключаютъ возможности другихъ мстителей, и что перечисленіе ихъ не болѣе какъ примѣрное; мы все же не въ состояніи будемъ дать другого объясненія участію сестрина сына въ мести, кромѣ того, что въ эпоху редактированія

*) Сокольскій, «Къ ученію объ организаціи семьи и родства», стр. 87.

названныхъ списковъ между братомъ и происходящимъ отъ сестры потомствомъ существовали еще тѣ же тѣсныя родственныя связи, что и у германцевъ временъ Тацита. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ спискахъ той же «Правды», такъ, напр., въ спискахъ «Троицкомъ» и «Карамзинскомъ», слова: «сестриноу сынови» замѣнены словами: «братню сынови», что, въ свою очередь, немало укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что признаваемое древнѣйшими списками участіе когнатовъ въ кровомщеніи не есть позднѣйшее нововведеніе со стороны законодателя, а запись исконнаго обычая, отмѣненнаго на разстояніи немногихъ поколѣній.

Въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое «сестринъ сынъ» имѣетъ еще въ «Русской Правдѣ», не лишено интереса то обстоятельство, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ отношенія брата и сестры представляютъ несравненно бо́льшую близость, чѣмъ та, какая характеризуетъ собою эти отношенія у современныхъ народностей Европы. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Бахофенъ обращаетъ вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ видитъ въ немъ указаніе на архаическіе порядки. Дѣлаемая имъ догадка пріобрѣтаетъ большое вѣроятіе въ виду полнаго ея соотвѣтствія съ тѣмъ, что говоритъ на этотъ счетъ «Русская Правда» въ упомянутой нами 1-ой статьѣ. Изъ цитируемыхъ Бахофеномъ пѣсенъ видно, что сербы считали отношенія брата и сестры столь же тѣсными, какъ и отношенія мужа къ женѣ. Эпитетъ брату—«любимѣйшій»; о сестрѣ говорится, какъ «о несокрушимой твердынѣ для души брата». Величайшимъ несчастіемъ признаетъ сербскій народъ отсутствіе сестры у брата и наоборотъ. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ заклинаній считаютъ сербы клятву братомъ или, соотвѣтственно, клятву сестрою. Слѣдующій отрывокъ, какъ нельзя лучше, подкрѣпляетъ все сказанное. Въ пѣснѣ, озаглавленной «братья», сынъ обращается къ матери съ укоромъ. «Зачѣмъ не дала ты мнѣ брата, зачѣмъ не дала дорогую сестру? Когда стали дѣлиться со мной прочіе товарищи (члены одной задруги), каждый клялся—кто братомъ, кто сестрою, я же принужденъ былъ принесть присягу своимъ оружіемъ и своимъ конемъ» *).

Извѣстно, что фиктивное родство и создаваемыя имъ обязательства являются снимкомъ съ родства фактическаго, а слѣдовательно могутъ служить косвеннымъ указаніемъ тому, какъ понималось это послѣднее въ ту отдаленную эпоху, когда зарождался процессъ юридическаго творчества, благодаря широкому обращенію къ аналогіямъ. Одной изъ самыхъ тѣсныхъ связей южные славяне считаютъ ту, какая существуетъ между такъ назыв. побратимами и посестримами.

*) «Antiquarische Briefe», Страсбургъ, 1880 г., стр. 167.

Отношенія подобнаго рода, какъ показываетъ Краусъ, обыкновенно возникаютъ въ виду того, что дѣвушка, не рѣшаясь пуститься въ путь одинокой, избираетъ себѣ въ лицѣ своего спутника покровителя и защитника, обязаннаго оберегать ея дѣвственную чистоту и непорочность отъ всѣхъ и каждаго, прежде всего отъ увлеченій собственнаго темперамента. Отношенія эти такъ близко стоятъ къ отношеніямъ брата и сестры, что не далѣе полустолѣтія назадъ бракъ между «побратимомъ» и «посестримой» строго запрещался обычаемъ *). Въ томъ фактѣ, что всякія интимныя, дружескія отношенія между лицами разнаго пола подводятся славянами подъ отношенія брата и сестры, нельзя не видѣть указанія на то, что между обоими существовала издревле та тѣсная родственная связь, о юридическихъ послѣдствіяхъ которой говоритъ намъ «Русская Правда», упоминая о племянникѣ по сестрѣ, какъ о возможномъ кровникѣ.

Выдающуюся роль играетъ также связь брата съ сестрой въ крестьянскомъ свадебномъ ритуалѣ одинаково на югѣ и на сѣверѣ Россіи. Брату принадлежитъ право получать выкупъ за невѣсту съ пріѣхавшихъ за нею «поѣзжанъ» жениха, извѣстныхъ въ Малороссіи подъ наименованіемъ «бояръ». «Братъ, а не отецъ, пишетъ г. Охримовичъ, защищаетъ въ Малороссіи невѣсту, которою бояре пытаются овладѣть силой. Онъ же продаетъ ее въ жены, какъ наглядно выступаетъ изъ слѣдующихъ обрядовъ и пѣсенъ. Когда бояре войдутъ въ домъ невѣсты и начнутъ искать ее, между свахами жениха и дѣвушками, подругами невѣсты, завязывается пѣсенный споръ изъ-за нея. Между тѣмъ на лавку около застольнаго окна становится съ топоромъ въ рукѣ родной братъ невѣсты. Онъ не пускаетъ бояръ къ дѣвушкамъ за столъ и приговариваетъ: «Ахъ, вы разбойники, вы хотите дѣвушекъ красть». Дѣвушки ободряютъ брата, говоря:

«Рубай, братчику, рубай, за грішъ сестрицы не дай».
. . . . . .

Бояре видятъ, что имъ не пройти за столъ. Тогда дружко старается подкупить брата деньгами, торгуется съ нимъ, и женихъ кладетъ въ миску деньги. Послѣ этого подруги невѣсты обращаются къ брату съ укоромъ:

«Татарынъ братчикъ, татарынъ, продав'есь сестрыцю за талярь,
Русу косу за пятакъ, а биле лычко тако й такъ» **).

Значеніе брата невѣсты, по словамъ г. Охримовича, выступаетъ

*) Krauss, «Sitte und Brauch der Süd-Slaven», стр. 640.
**) «Этнографическое Обозрѣніе». 1891 г., № 4, стр. 85 и 86.

и въ другомъ обрядѣ—въ расплетаніи ея косы. Этотъ обрядъ распространенъ не только у малороссовъ, но и у бѣлоруссовъ. Когда невѣсту готовятъ къ вѣнцу, братъ расплетаетъ и расчесываетъ ей косу. На Украинѣ и въ Галиціи это дѣлаетъ старшій братъ, а въ Угорской Руси—младшій. Въ Коломыйскомъ округѣ братъ не только расчесываетъ косу невѣсты, но обрѣзываетъ ее и продаетъ жениху. Въ одной бѣлорусской свадебной пѣснѣ значится:

«А нѣтъ горшаго ката (палача) надъ родного брата.
И онъ косаньку звоицъ, голоуку збузуицъ».

Но расплетать и продавать косу—то же, что распоряжаться дѣвственностью невѣсты въ пользу жениха. Вотъ почему въ свадебныхъ пѣсняхъ часто упоминается, что братъ сестру «даетъ», «отдаетъ», «продаетъ» замужъ *).

Если прибавить, что на ряду съ братомъ выдающуюся роль въ свадебномъ ритуалѣ играетъ мать невѣсты, и что, наоборотъ, отецъ почти не принимаетъ въ ней участія, то необходимо составится представленіе о томъ, что въ моментъ сложенія обрядовъ, регулирующихъ порядокъ заключенія брака, бо́льшая связь невѣсты съ матерью, нежели съ отцомъ, и главенство брата надъ материнскимъ родомъ были еще общимъ правиломъ **).

И въ Великороссіи братъ невѣсты продолжаетъ играть немалую роль при свадьбѣ. Такъ, въ Вологодской губерніи поѣзжане при

---

*) Тамъ же, стр. 91—93.

**) Г. Охримовичъ настаиваетъ на томъ, что въ малорусской свадьбѣ свахи обращаются къ матери, а не къ отцу, съ просьбой пустить ихъ въ хату. На это требованіе мать, въ вывороченной шубѣ, выходитъ въ сѣни и отворяетъ дверь свадебнымъ гостямъ. Женихъ дастъ при этомъ матери сапоги, а дружки, обращаясь къ ней, поютъ:

«Не беры, матинко, не беры,
Лучша тоби доченька, якъ дары».

Отмѣтимъ, что, согласно г. Охримовичу, не одна мать невѣсты, но и мать жениха, его братья и сестры, наравнѣ съ братомъ невѣсты, получаютъ дары при свадьбѣ. Только отецъ жениха и отецъ невѣсты ничего не получаютъ, какъ-будто не они выкормили сына или дочь, какъ-будто братья и сестры больше участвовали въ воспитаніи жениха и имѣютъ на него больше правъ, чѣмъ отецъ (тамъ же, стр. 52 и 53). Образъ матери, самолично отдающей дочь замужъ, мы нерѣдко находимъ въ весеннихъ дѣвичьихъ пѣсняхъ. Отца же въ этой роли мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Мать получаетъ благодарность за выданную въ замужество дочь, а не отецъ. Это выступаетъ, по крайней мѣрѣ, изъ свадебныхъ пѣсенъ, лучше сохранившихъ черты глубокой старины, нежели обряды (тамъ же, стр. 54). Тамъ, гдѣ въ расплетаніи косы невѣсты принимаетъ участіе весь родъ, первенствующее мѣсто принадлежитъ матери, а затѣмъ братьямъ и сестрамъ невѣсты; отецъ же во всемъ этомъ обрядѣ не принимаетъ никакого участія (тамъ же, стр. 60)

входѣ въ домъ невѣсты застаютъ ее сидящей за столомъ рядомъ съ братомъ, который ставитъ загадки начальствующему надъ брачнымъ поѣздомъ «тысяцкому». Для ускоренія дѣла, отъ загадокъ откупаются деньгами. Братъ невѣсты при этомъ не разъ отказывается принять плату, какъ слишкомъ малую, говоря, напримѣръ: «Моя сестра не идетъ безъ серебра. Пожалуйте мнѣ пятерку, иначе посажу жениха въ нестерку, поѣзжанъ въ плетень, просидятъ весь день». Тысяцкій каждый разъ прибавляетъ нѣсколько копѣекъ. Наконецъ, братъ беретъ со стола стаканъ съ пивомъ и собирается его выпить. Невѣста плачетъ, причитая: «Братецъ, не пропивай». При этомъ она пытается вырвать стаканъ изъ его рукъ. Но братъ успѣваетъ осушить его вовремя. Затѣмъ онъ беретъ въ руки икону, къ которой прикладывается женихъ, послѣ чего ему позволяютъ сѣсть рядомъ съ невѣстой, взять ее за руку и придавить ей ногу *).

Изъ древнихъ народовъ греки, сказали мы, раньше другихъ обратили на себя вниманіе ученыхъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ материнства. Уже одно это обстоятельство косвенно указываетъ на то, какой обильный матеріалъ представляетъ легендарный ихъ эпосъ по занимающему насъ вопросу. Матеріалъ этотъ давно обслѣдованъ всесторонне такими писателями, какъ Бахофенъ или Макъ-Леннанъ. Измѣняя нѣсколько тотъ порядокъ, въ которомъ упомянутые ученые расположили имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи данныя, я укажу прежде всего на то, что позднее возникновеніе у грековъ патернитета и признаніе ими на первыхъ порахъ одного утробнаго родства заносится, какъ историческій фактъ, въ повѣствованіе древнихъ анналистовъ. Послѣдніе пріурочиваютъ къ опредѣленнымъ событіямъ замѣну стариннаго обычая обозначать дѣтей по имени матери и приписываютъ созданіе постояннаго брака съ вытекающей изъ него властью отца надъ дѣтьми хорошо извѣстнымъ историческимъ дѣятелямъ. Такъ, по Варрону, напр. **), запрещеніе давать новорожденнымъ имя матери должно быть отнесено къ эпохѣ самаго основанія Аѳинъ, ко временамъ перваго царя Кекропса; по словамъ Юстина, тому же лицу должно быть приписано установленіе въ Аттикѣ постоянныхъ браковъ, фактъ, тѣсно связанный, какъ мы видѣли, съ замѣною материнтета отчествомъ. Что объ аѳинянахъ повѣствуютъ Варронъ и Юстинъ, то о беотійцахъ говоритъ Страбонъ; изъ словъ его также не трудно заключить, что древнѣйшимъ порядкомъ исчисленія родства у беотійцевъ былъ подсчетъ поколѣній, отдѣляющихъ данное лицо отъ бабки

*) «Свадебные обряды Вологодской губерніи, въ частности, Грязовецкаго уѣзда» (Этнограф. Обозр.», 1903 г., № 1, стр. 31).

**) Въ передачѣ Августиномъ «De civitate Dei», XVIII, 9.

или прабабки матери. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими показаніями стоятъ тѣ, которыя Плутархъ даетъ о критянахъ, а Павзаній о мессинцахъ. Говоря о родинѣ, они обозначали ее не словомъ отечество, иначе земля отца, а материнскою землею.

При изученіи цикла греческихъ легендъ какъ тѣхъ, которыя связаны съ именемъ Гомера, какъ и тѣхъ, которыя послужили матеріаломъ для греческихъ трагиковъ, не разъ также встрѣчаешься съ указаніями на материнство. Въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» на каждомъ шагу поражаетъ насъ фактъ признанія родства между единоутробными и отрицанія его между единокровными братьями. Ликаонъ считаетъ возможнымъ просить о помилованіи его Ахилломъ, мстящимъ за смерть Патрокла, на томъ основаніи, что онъ рожденъ не отъ одной женщины съ Гекторомъ, убійцею его друга. Елена объясняетъ себѣ отсутствіе въ греческомъ лагерѣ Кастора и Поллукса тѣмъ соображеніемъ, что они ея братья по матери, не могущіе поэтому отомщать на ней обиду Менелая. Величайшей утратой, какая можетъ быть понесена человѣкомъ, Гомеръ считаетъ, какъ видно изъ словъ, влагаемыхъ имъ въ уста Аполлона, сперва потерю единоутробнаго брата, а затѣмъ уже сына. Если прибавить къ сказанному, что ни «Иліада», ни «Одиссея» ниразу не говорятъ объ агнатахъ какъ о родственникахъ, то не мудрено будетъ придти къ тому заключенію, что въ героическій періодъ греческой жизни основою родства была одна связь съ матерью, и станетъ понятнымъ, почему ближайшій ея когнатъ—старшій братъ—считался ближайшимъ родственникомъ и имѣлъ то же первенствующее значеніе, какое, по словамъ Тацита, принадлежало ему у древнихъ германцевъ.

Въ позднѣйшихъ по времени легендахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятникахъ исторической Греціи, мы можемъ отмѣтить еще явные слѣды только-что указанныхъ отношеній. У Эсхила, который такъ вѣрно передастъ въ своихъ трагедіяхъ духъ древнихъ сказаній, эринніи, упорно отстаивая, какъ значится въ текстѣ, «старинныя воззрѣнія», долго не хотятъ согласиться съ молодыми богами, что убійца матери, Орестъ, долженъ быть оправданъ, такъ какъ онъ не одного съ нею рода. Эта теорія является для нихъ новинкою; въ защиту ея Аполлонъ долженъ привести то соображеніе, что дѣйствительнымъ виновникомъ рожденія слѣдуетъ признать одного отца. Если въ сказаніяхъ объ Орестѣ мы присутствуемъ при самомъ зарожденіи теоріи патернитета и агнатическаго родства, то въ легендѣ о Мелеагрѣ передъ нами воочію выступаютъ еще характерныя черты материнскаго рода. Мать Алтея не боится призвать смерть на голову собственнаго сына, виновнаго въ убійствѣ ея брата по матери, очевидно, потому что связь съ послѣднимъ считается самою тѣсною и наиболѣе священною.

Я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ законодательныхъ нормахъ также проглядываютъ черты стариннаго материнства. Говоря это, я разумѣлъ, въ частности, слѣдующій аѳинскій законъ, приведеніемъ котораго я и закончу перечень данныхъ въ пользу защищаемой здѣсь теоріи. Въ Аѳинахъ бракъ между братомъ и его единокровной сестрой считался дозволеннымъ. Что было запрещено, такъ это союзы между единоутробными родственниками, по крайней мѣрѣ, въ первой степени. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о томъ, съ какимъ упорствомъ продолжали держаться въ греческомъ обществѣ отдѣльныя черты когнатическаго рода? *)

Тогда какъ греческая жизнь въ ея древнѣйшемъ періодѣ представляетъ сравнительно богатую поживу при построеніи теоріи материнскаго рода, римская, при ближайшемъ изученіи, только оправдываетъ точку зрѣнія тѣхъ сравнительно немногихъ писателей, которые не видятъ въ ней ничего, что бы противорѣчило признанію материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи родства. Едва ли нужно останавливаться на той мысли, что причина указаннаго различія лежитъ не въ самыхъ особенностяхъ древняго быта римлянъ, а въ недостаточности нашихъ свѣдѣній о немъ. Если бы мы располагали по отношенію къ римлянамъ тѣмъ же цикломъ сказаній, какой представляютъ собою «Иліада» и «Одиссея», если бы наши свѣдѣнія о древнѣйшемъ бытѣ ихъ не почерпаемы были всецѣло изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ XII таблицъ и далеко не полныхъ показаній анналистовъ и законовѣдовъ, то мы, несомнѣнно, нашли бы въ условіяхъ римской дѣйствительности новое подтвержденіе высказываемымъ здѣсь взглядамъ. Дѣлать такое предположеніе мы въ правѣ потому, что и при современномъ недостаткѣ свѣдѣній мы все же наталкиваемся на фактъ существованія у римлянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни такихъ порядковъ, которые могли мириться только съ господствомъ материнскаго родства. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести прежде всего отсутствіе у бо́льшей половины римскихъ гражданъ, у плебеевъ, justae nuptiae [96], по предположенію Bernhöft'a **), заключаемаго покупкою брака, и установленіе послѣдняго путемъ простого сожительства (usus). На это указываютъ и извѣстный текстъ «connubia promiscua habent more ferrarum [97]» и занесенное Діонисіемъ преданіе, будто въ Римѣ издревле были двѣ группы людей: одни, которые могли указать на отца и потому именовались патриціями, другіе, которые не могли этого сдѣлать и назывались плебеями.

---

*) Всѣ эти данныя заимствованы изъ статьи Макъ-Леннана, озаглавленной «Kinship in Ancient Greece» и повторяющей во многомъ факты и выводы, приводимые или дѣлаемые Бахофеномъ въ его «Mutterrecht».

**) Bernhöft, «Staat und Recht der Römischen Königszeit», 1882 г., стр. 187.

Хотя Діонисій и считаетъ нужнымъ провести наперекоръ этому преданію ту мысль, что различіе между патриціями и плебеями создано богатствомъ и бѣдностью, но Жиро Телонъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ удачно проводитъ тотъ взглядъ, что оба объясненія не стоятъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ, такъ какъ агнатическое родство, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ племенъ въ бывшихъ американскихъ владѣніяхъ Россіи, развивается прежде всего въ средѣ богатой части населенія; бѣднѣйшая же остается вѣрной архаическому материнству. *).

У плебеевъ, такимъ образомъ, мы находимъ два признака материнскаго рода: отсутствіе браковъ, которые бы устанавливали власть мужа надъ женою (manus), и вытекающій отсюда недостатокъ отеческой власти, т.-е. правъ отца на приплодъ купленной и состоящей подъ его начальствомъ жены.

Къ этимъ двумъ указателямъ материнства прибавимъ свидѣтельство Папиніана о томъ, что право жизни и смерти, характеризующее собою отцовскую власть въ Римѣ, установлено закономъ царей, lex regia **). Если въ немъ, какъ и въ однохарактерномъ свидѣтельствѣ Варрона о Кекропсѣ, нельзя видѣть упоминанія объ историческомъ фактѣ, то, во всякомъ случаѣ, оно не лишено извѣстнаго значенія, такъ какъ говоритъ намъ о господствѣ въ средѣ самого римскаго общества того представленія, что аттрибуты отеческой власти, а слѣдовательно и самая власть, не составляютъ нѣчто исконное и отъ начала вѣковъ пріустановленное, а являются позднѣйшимъ нововведеніемъ.

Какъ историческія легенды о первыхъ временахъ Рима, такъ и отдѣльныя юридическія нормы содержатъ въ себѣ рядъ намековъ на существованіе въ древнѣйшее время болѣе тѣсной родственной связи между единоутробными, нежели между единокровными, на первенствующее положеніе, занимаемое въ ряду прочихъ родственниковъ дядей и братомъ по матери, и на образованіе изъ когнатовъ экзогамическаго союза.

Бахофенъ первый указалъ на тотъ свѣтъ, какой бросаютъ на фактъ признанія на первыхъ порахъ одного утробнаго родства записанныя анналистами сказанія о римскихъ царяхъ. Дяди, и въ числѣ ихъ Тарквиній Гордый, преслѣдующіе племянниковъ, дѣтей ихъ сестры, изъ опасенія, что послѣдніе отымутъ у нихъ престолъ, Брутъ, мстящій за позоръ Лукреціи при жизни ея мужа, такъ какъ онъ ея дядя по матери, и въ болѣе раннихъ легендахъ сестра Горацієвъ, проклинаю-

---

*) «Les Origines de la famille», стр. 405.
**) Ефимовъ, «Очерки изъ исторіи древне-римскаго родства», стр. 70.

щая ихъ за то, что они убили ея родственниковъ по матери, дѣтей тетки, албанскихъ Куріаціевъ, все это разсказы, смыслъ которыхъ становится понятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы допустимъ существованіе въ то время, о которомъ идетъ въ нихъ рѣчь, материнскихъ родовъ. Только при нихъ ближайшими родственниками дядей, а слѣдовательно и возможными претендентами на престолъ, могли быть дѣти сестры; только при нихъ обязанность кровной мести предпочтительно предъ мужемъ могла падать на дядю по матери, а убійство утробныхъ родственниковъ въ такой же мѣрѣ вызывало возмездіе, въ какой впослѣдствіи убійство единокровныхъ агнатовъ *).

Въ свою очередь, присутствіе однихъ когнатовъ на семейномъ судѣ, о которомъ говоритъ Титъ Ливій, упоминая о cognatorum decretum [98], распространеніе на нихъ однихъ jus osculi, т.-е. права поцѣлуя замужней женщины, наконецъ, доказываемое Кленце запрещеніе брачныхъ узъ въ тѣхъ самыхъ степеняхъ когнатическаго родства, въ которыхъ допускалось осуществленіе этого права, все это, вмѣстѣ взятое, говоритъ также объ исконномъ значеніи когнатовъ въ семьѣ и образованіи изъ нихъ, въ силу экзогамическихъ запретовъ, обособленныхъ группъ утробныхъ родовъ.

Чтобы закончить перечень наиболѣе характерныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія материнства, упомяну еще о томъ, что въ средѣ народностей, изъ искусственнаго соединенія которыхъ съ латинянами образовалось Римское государство, утробный родъ хорошо былъ извѣстенъ. Нами уже было указано на существованіе его у этрусковъ. Упомянемъ теперь тотъ фактъ, что сабинскіе роды, какъ видно на примѣрѣ Фабіевъ, вели свою генеалогію по женской линіи. Эти факты, сопоставленные съ вышеприведенными данными объ отсутствіи justae nuptiae и объ обозначеніи дѣтей по отцу въ средѣ римскихъ плебеевъ, приводятъ одного изъ защитниковъ теоріи материнства, Бернгёфта, къ тому заключенію, что утробное родство, неизвѣстное арійскому населенію Италіи, появилось въ низшихъ его слояхъ, какъ результатъ заимствованія у инородцевъ. Но такому допущенію противорѣчитъ одинаково какъ то обстоятельство, что приведенныя нами легенды упоминаютъ о нѣкоторыхъ чертахъ материнскаго рода и у патриціанскихъ родовъ, такъ и то, что общіе съ римлянами по происхожденію эллины въ своемъ общественномъ развитіи отправились отъ эпохи исключительнаго господства родства по матери.

Невозможно также остановиться на той мысли, что материнство было извѣстно лишь той части римскаго населенія, которая, какъ плебеи, не была арійской крови. Прежде чѣмъ утверждать это, надо

*) Bachofen, «Antiquarische Briefe». 158—163.

доказать, что между плебеями и патриціями существовало различіе расы, а это далеко не сдѣлано, да едва ли и можетъ когда быть сдѣлано, такъ какъ нѣтъ отвѣчающихъ такой гипотезѣ фактовъ.

При такихъ условіяхъ намъ остается только признать, что приведенныя черты материнства и когнатическаго родства доказываютъ, что и римлянамъ, безъ различія сословій и народностей, была извѣстна эпоха, когда родство по отцу и его естественная основа—связь ребенка съ лицомъ, являющимся виновникомъ его рожденія—еще не были признаваемы, и кровный союзъ, родъ, всецѣло былъ построенъ на связи по матери, соединенной съ экзогамическими запретами.

Въ юридическихъ памятникахъ Индіи сохранились лишь слабые слѣды нѣкогда существовавшаго въ ней материнства. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. При обозначеніи лицъ, на которыхъ въ случаѣ смерти отца падаетъ обязанность опеки надъ его дочерью, въ частности, выдача послѣдней въ замужество, сводъ «Вишну» упоминаетъ материнскаго дѣда, а «Нарада», сверхъ того, и материнскаго дядю *). Привилегированное положеніе того или другого родственника въ эпоху исключительнаго признанія утробнаго родства легко могло бы объяснить причину, по которой и при полномъ переходѣ къ агнатическому родству эти лица на правахъ переживанія продолжаютъ играть видную роль въ семьѣ. Тѣмъ же соображеніемъ оправдывается и встрѣчаемое нами въ сводахъ запрещеніе браковъ съ родственниками матери, по отношенію къ которымъ, какъ извѣстно, ранѣе всего возникли экзогамическіе запреты **).

Еще рѣзче указываетъ на тотъ же фактъ запрещеніе брака съ женщиной, которая носитъ одно имя съ матерью жениха ***). Вспомнимъ, какое значеніе придаютъ имени народы, бытъ которыхъ построенъ на материнствѣ, вспомнимъ, что одинаковость имени служитъ у нихъ доказательствомъ принадлежности къ одному роду, такъ какъ въ распоряженіи каждаго рода имѣется лишь извѣстное число именъ, и намъ станетъ яснымъ, почему существованіе только-что приведеннаго запрета можетъ быть признано указателемъ нѣкогда господствовавшаго въ Индіи материнства ****).

На когнатическое родство, какъ на предшествующее по времени родству агнатическому, указываетъ, между прочимъ, и то постановленіе индусскихъ сводовъ, которое запрещаетъ усыновленіе брата,

---

*) Kohler. «Indisches Ehe und Familienrecht» («Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», III Band, 3 Heft, стр. 360).

**) Тамъ же, стр. 365.

***) Jolly, «Rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern». Sitzungsberichte der bayerischen Akademie 1876 г. Separat Abdruck, стр. 14.

****) Иное объясненіе даетъ этому запрещенію Kohler, стр. 368.

сына сестры и сына дочери. Это запрещеніе не можетъ быть объясняемо близостью ихъ родственныхъ связей съ усыновителемъ, такъ какъ индусскій законодатель предписываетъ оказывать родственникамъ рѣшительное предпочтеніе при усыновленіи. Съ особенной охотой указываютъ они на сына брата или на внука по отцу, какъ на лицъ, которыя могутъ быть усыновлены ихъ бездѣтнымъ дядею, или дѣдомъ *), а между тѣмъ они въ то же время рѣшительно устраняютъ отъ усыновленія сына сестры (bhagineya), а также сына дочери. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Почему племянникъ и внукъ по отцу могутъ быть усыновлены, а племянникъ и внукъ по матери не могутъ? Мнѣ кажется, что ключъ къ объясненію такой странной, повидимому, аномаліи даетъ признаніе материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи индусовъ. При существованіи его братъ, племянникъ и внукъ по матери считаются между собою родственниками; племянникъ же по отцу и внукъ по отцу, какъ принадлежащіе къ другому роду,—чужеродцы. Усыновленіе на первыхъ порахъ, какъ производимое цѣлымъ родомъ, очевидно, можетъ имѣть мѣсто только между членами разныхъ родовъ. Родъ не можетъ усыновить, т.-е. искусственно сдѣлать собственнымъ членомъ лицо, принадлежащее къ нему eo ipso [99], въ силу рожденія, а если такъ, то нетрудно понять, почему одинъ и тотъ же родъ не въ состояніи былъ усыновить одновременно брата, племянника и внука по матери съ одной стороны, племянника и внука по отцу — съ другой, почему и впослѣдствіи усыновленіе однихъ устраняло возможность усыновленія другихъ. Устраненіе утробныхъ родственниковъ отъ усыновленія, при допущеніи агнатовъ, доказываетъ, такимъ образомъ, только то, что родственная связь первыхъ возникла ранѣе родственной связи вторыхъ; какъ принадлежащіе къ роду, они не могли быть усыновляемы имъ **), чего нельзя сказать о родственникахъ по отцу (агнатахъ), бывшихъ на первыхъ порахъ чужеродцами. Старинное запрещеніе продолжало держаться и тогда, когда дѣйствительный смыслъ его былъ утраченъ. Оно уцѣлѣло, по всей вѣроятности, потому, что къ удержанію его въ жизни явились новыя причины. Индусскіе своды, въ частности «Чаунака», даютъ право думать, что усыновленіе у индусовъ не должно было противорѣчить природѣ; искусственное родство

*) Kohler, стр. 415 и 416.

**) Но, скажутъ намъ, мужъ не принадлежалъ къ одному роду съ когнатами его жены, а слѣдовательно нѣтъ препятствій къ усыновленію ихъ послѣднимъ. Совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что мужъ на первыхъ порахъ вообще не былъ усыновителемъ, что въ индусскихъ сводахъ онъ только заступаетъ мѣсто жены, которой при участіи ея рода и производимъ былъ первоначально актъ усыновленія.

могло быть установлено у нихъ только между лицами, которыя и естественнымъ путемъ способны были бы стать въ отношенія отца къ сыну. Отсюда запрещеніе усыновлять тѣхъ, матери которыхъ не могли состоять въ брачной связи съ усыновителемъ: брата, какъ сына матери, племянника по матери, какъ сына сестры, внука по матери, какъ сына дочери. Мать, сестра и дочь принадлежатъ къ числу тѣхъ лицъ, съ которыми индусское право запрещаетъ установленіе брачной связи. Писатели, занимающіеся объясненіемъ семейнаго права индусовъ, въ числѣ ихъ Колеръ, ограничиваются приведеніемъ послѣдняго толкованія, не замѣчая того, что оно еще не указываетъ на архаическую причину установленія разсматриваемыхъ запретовъ. Проводимый индусскимъ правомъ взглядъ на невозможность усыновленія извѣстныхъ лицъ, въ виду противорѣчія такого усыновленія природѣ, имѣетъ, на самомъ дѣлѣ, несравненно болѣе глубокіе корни въ фактѣ господства на первыхъ порахъ когнатическихъ или утробныхъ родовъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ пережиткѣ материнства въ сферѣ наслѣдственнаго права индусовъ. Производимый женихомъ при бракѣ подарокъ, такъ назыв. çulka, по мнѣнію однихъ индусскихъ сводовъ, «Митакшары» и «Гаутамы», поступаетъ еще при жизни жены къ ея братьямъ по матери (fratres uterini), согласно же другимъ, позднѣйшимъ, въ томъ числѣ «Дайа-Бага», только при ея смерти *). Послѣдній порядокъ, какъ думаютъ современные толкователи наслѣдственнаго права индусовъ, между ними Майеръ и Колеръ, долженъ быть признанъ позднѣйшимъ, а если такъ, то оказывается, что при замужествѣ, по крайней мѣрѣ, часть платимой за невѣсту суммы поступала къ ея утробнымъ братьямъ; а это, въ свою очередь, доказываетъ, что послѣдніе считались ея ближайшими родственниками; это совершенно согласно съ допущеніемъ у древнихъ индусовъ факта существованія материнства и тою ролью, какую при немъ играетъ утробный братъ какъ кормилецъ сестры (bhrâtar).

Эти пережитки материнства въ правѣ арійскаго населенія Индіи слишкомъ многочисленны и коренятся черезчуръ глубоко въ нѣдрахъ народной жизни, чтобы происхожденіе ихъ могло быть объяснено простымъ заимствованіемъ у инородцевъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣднимъ материнство было извѣстно. На этотъ счетъ немало указаній содержитъ въ себѣ «Магабгарата». Одинъ изъ ея героевъ, Астика, желая имѣть наслѣдника, пріискиваетъ мужа для своей сестры и передаетъ затѣмъ рожденному ею сыну старѣйшинство надъ племенемъ наговъ **).

---

*) Mayne, «Hindu law and usage», стр. 592. Kohler, стр. 431, примѣч.
**) Giraud Teulon, стр. 203. Другія указанія у Bachofen'a, «Antiquarische Briefe», стр. 210.

ГЛАВА VIII.

Происхожденіе патернитета и агнатическаго родства.

«Самой неудовлетворительной стороной въ сочиненіяхъ Макъ-Леннана и Моргана, говоритъ ихъ недавній критикъ Мэнъ, является то объясненіе, какое они даютъ признанію патернитета, иначе говоря, происхожденія отъ отца. Морганъ, какъ кажется, думаетъ, что послѣдній сталъ признаваться вслѣдствіе народнаго рѣшенія (by popular vote). Макъ-Леннанъ же прямо высказывается въ пользу того, что отчество будто бы возникло изъ обычая, по которому предполагаемые отцы дѣлали подарки своимъ предполагаемымъ дѣтямъ» *). Мнѣ кажется, что, передавая мнѣніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ противниковъ—Моргана, Мэнъ позволилъ себѣ нѣкоторую неточность; послѣдняя, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что разбираемый имъ американскій писатель высказывается весьма неопредѣленно по занимающему насъ вопросу. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя то, что говоритъ онъ о немъ на 470 стр. своего сочиненія, замѣчая: «когда собственность была установлена и желаніе передать ее дѣтямъ вызвало замѣну материнской филіаціи отеческой, впервые созданы были условія для возникновенія патернитета», съ тѣмъ значеніемъ, какое на 157 стр., напр., онъ приписываетъ возникновенію собственности въ процессѣ образованія отеческой власти одинаково въ Греціи и Римѣ, мы полагаемъ, что точнѣе передадимъ его мысль, сказавши, что въ индивидуализаціи имущественныхъ отношеній и естественномъ для отца желаніи передать собственность своему потомству лежитъ, въ глазахъ Моргана, дѣйствительная причина возникновенія власти отца въ семьѣ и связанной съ нею мужской филіаціи. Но это объясненіе то самое, какое даетъ этому факту Макъ-Леннанъ, Леббокъ **) и слѣдующій за

*) Мэнъ, стр. 167.
**) Стр. 112.

ними Жиро Телонъ *). Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою не нѣсколько, а всего-на-всего одну попытку объяснить происхожденіе патернитета. Попытку эту Мэнъ признаетъ неудовлетворительной, и мы спѣшимъ присоединиться къ его мнѣнію. Но, поступая такимъ образомъ, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы возникновеніе собственности не имѣло никакого отношенія къ данному вопросу. Мы постараемся даже развить впослѣдствіи ту мысль, что ею въ значительной мѣрѣ ускоренъ былъ процессъ образованія отеческой власти: чѣмъ она не была и не могла быть по отношенію къ патернитету, такъ это первичной причиной,—причиной, вызвавшей его къ жизни. Мы не хотимъ также сказать, что считаемъ болѣе удачнымъ то объясненіе, какое генезису патернитета даетъ Мэнъ, говоря, что дѣйствительный отвѣтъ на поставленный вопросъ не иной, какъ тотъ, что на эти не установившіяся общественныя формы (Мэнъ разумѣетъ материнскій родъ) постоянно должна была оказывать вліяніе великая естественная сила, приводившая къ тому, что въ каждомъ обществѣ наиболѣе сильная его половина всегда организовывалась въ группы, допускавшія признаніе патернитета и удовлетвореніе родительскихъ инстинктовъ. Сказать это—не значитъ рѣшить вопросъ, такъ какъ остается еще опредѣлить характеръ той естественной силы, которая вызывала къ жизни означенныя явленія, а этого мы, къ сожалѣнію, не находимъ у Мэна.

Вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, принадлежитъ, какъ намъ кажется, къ числу сложныхъ вопросовъ, иначе говоря, отвѣтъ на него можетъ послѣдовать не раньше, какъ послѣ рѣшенія цѣлаго ряда другихъ, такъ сказать, предварительныхъ. Первымъ изъ нихъ, какъ мы полагаемъ, долженъ быть вопросъ о томъ, какое вліяніе оказалъ естественный ростъ населенія въ предѣлахъ одного и того же материнскаго рода на послѣдующій порядокъ общежитія, не явился ли онъ препятствіемъ для дальнѣйшей скученности и не разсѣялъ ли онъ, въ концѣ концовъ, на большое разстояніе другъ отъ друга входящія въ составъ рода группы? Такая перемѣна въ образѣ жизни естественно вызывалась, какъ намъ думается, самымъ фактомъ господства въ эту эпоху первобытныхъ промысловъ и возможностью быстраго исчезновенія при такихъ условіяхъ въ той или другой мѣстности продуктовъ охоты и рыболовства благодаря почти полному истребленію послѣднихъ разросшимся населеніемъ **). Если такой исходъ имѣлъ мѣсто

---

*) «Origines», стр. 142—179.

**) Значеніе закона народонаселенія на постепенное раздѣленіе родовъ особенно подчеркиваетъ г. Зиберъ въ своихъ «Очеркахъ первобытной экономической культуры», стр. 354.

на самомъ дѣлѣ, то какое, спрашивается, вліяніе могъ оказать онъ на измѣненіе прежнихъ отношеній родового старѣйшины, которымъ обыкновенно являлся, какъ мы видѣли, дядя или братъ матери, къ отдѣльнымъ женщинамъ рода; сохраняетъ ли старѣйшина при новыхъ условіяхъ тотъ фактическій контроль за дѣйствіями отдѣльныхъ паръ, входящихъ въ составъ рода, какой осуществляемъ былъ имъ въ эпоху ихъ скученности въ одномъ мѣстѣ? Если этого нѣтъ, если власть старѣйшины не находитъ болѣе благопріятныхъ условій для своего проявленія, то такое обстоятельство не служитъ ли къ выгодѣ сожительствующаго съ женщиной мужчины, который незамѣтно заступаетъ по отношенію къ ней роль брата — кормильца, и соотвѣтственно начинаетъ обозначаться, по крайней мѣрѣ, въ арійскихъ языкахъ, однимъ съ нимъ терминомъ? Эта перемѣна въ роли мужа не ведетъ ли необходимо къ установленію извѣстной зависимости отъ него жены и къ развитію его власти надъ нею,—результатъ, достигаемый съ тѣмъ большею легкостью, что почти повсемѣстная замѣна обычая похищать женъ системой уплаты за нихъ выкуповъ или калымовъ, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ уподобленію женщины товару, пріобрѣтаемому дорогою цѣною и обязанному приносить соотвѣтственный доходъ. Послѣднимъ можетъ быть не только трудъ женщины, но и даваемый ею приплодъ, ея дѣти, какъ бы они ни были прижиты. Не удивительно поэтому, если съ теченіемъ времени отецъ пріобрѣтаетъ родительскія права безразлично по отношенію ко всѣмъ рожденнымъ его женою лицамъ, кто бы ни былъ ихъ дѣйствительный родитель. Установленіе родительской власти, какъ необходимаго послѣдствія власти мужа надъ женою, совершается тѣмъ легче, что самые союзы между лицами разнаго пола становятся со временемъ болѣе постоянными. Разсѣянность жилищъ сама является благопріятнымъ условіемъ къ тому, такъ какъ ею затрудняется постоянная мѣна женъ, что, въ свою очередь, дѣлаетъ возможнымъ упроченіе силою привычки союзовъ, возникшихъ подъ вліяніемъ одного полового влеченія. А эта бо́льшая прочность связей ведетъ, въ свою очередь, къ тому, что дѣтямъ одинаково становятся извѣстны оба родителя, такъ какъ сожительство отца съ ихъ матерью продолжается всего чаще и послѣ ихъ рожденія. Съ другой стороны, отсутствіе прежняго ухода за подрастающими поколѣніями со стороны отдѣленной теперь нерѣдко большимъ разстояніемъ материнской родни и зависимость ихъ въ отношеніи средствъ къ пропитанію отъ отца—охотника и рыболова, вызываютъ въ дѣтяхъ совершенно недоступное имъ на первыхъ порахъ чувство привязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтенную привычкой способность повиновенія, весьма понятную въ слабомъ по отношенію къ сильному. Въ свою очередь, надежда имѣть въ ближайшемъ будущемъ помощниковъ въ работѣ, а въ старости

кормильцевъ, побуждаетъ самихъ отцовъ дорожить порожденною уходомъ и сожительствомъ связью съ происшедшимъ отъ нихъ приплодомъ и служитъ, такимъ образомъ, условіемъ развитія и упроченія отеческой власти. Но отецъ не всегда одинъ въ жилищѣ жены. Съ нимъ могутъ сожительствовать и не основавшіе еще самостоятельныхъ семей братья или иные родственники. Ежедневное общеніе съ ними подрастающихъ поколѣній вызоветъ необходимо въ однихъ — привычку приказывать, въ другихъ — привычку повиноваться, и эта привычка, поддерживаемая тѣмъ чувствомъ привязанности, какое порождаютъ жизнь сообща и постоянный обмѣнъ услугъ, сдѣлается со временемъ такимъ же источникомъ развитія родственной связи по отцу, какимъ нѣкогда она была по отношенію къ материнской роднѣ.

Такимъ образомъ, гораздо ранѣе появленія пастушескаго и земледѣльческаго быта, а слѣдовательно и сколько-нибудь широкаго проявленія начала индивидуализаціи собственности, имѣются на лицо условія для возникновенія какъ патернитета, такъ и вытекающаго изъ него сознанія родственной связи по отцу. Но если, какъ само собою слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, возникновеніе патернитета мыслимо и до перехода къ высшимъ сравнительно стадіямъ экономическаго быта, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ переходъ не содѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ упроченію разъ установившейся связи дѣтей съ отцомъ и его роднею. Начать съ того, что не ранѣе эпохи доместикаціи [100] животныхъ могли сдѣлаться вполнѣ ясными выгоды, достигаемыя скрещиваньемъ, и необходимость избѣгать кровосмѣсительныхъ связей не только съ роднею матери, но и съ роднею отца,— обстоятельство, вызвавшее расширеніе на нее экзогамическихъ запретовъ. Связанное съ переходомъ къ пастушеству и земледѣлію развитіе собственности, въ свою очередь, содѣйствовало упроченію патернитета, такъ какъ вмѣстѣ съ ними открылся вопросъ о томъ, къ кому со смертью отца должны поступить накопленные имъ запасы: къ материнской ли роднѣ, не участвовавшей въ ихъ пріобрѣтеніи, или къ ближайшимъ соучастникамъ въ его трудѣ —дѣтямъ. Установленіе собственности дало, такимъ образомъ, возможность осязательнаго проявленія того чувства привязанности отца къ нимъ, какое вызвано было ихъ сожительствомъ и взаимнымъ обмѣномъ услугъ. Отдавая предпочтеніе имъ передъ собственной роднею, отецъ охотно обращался при жизни къ передачѣ имъ путемъ дареній части своего имущества, а эта цѣлыя поколѣнія державшаяся практика, въ концѣ концовъ, повела къ возникновенію обычая, неблагопріятнаго дальнѣйшему наслѣдованію материнской родни. Переходъ къ пастушеству и земледѣлію еще тѣмъ повліялъ существенно на замѣну материнскаго рода патріархальнымъ, что впервые сдѣлалъ возможнымъ продолжительное сожи-

тельство большихъ группъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ,—обстоятельство, благодаря которому развѣтвленія одной и той же семьи, не разрывая связи съ главнымъ стволомъ, стали устраивать свою жизнь на началахъ близкаго сосѣдства и почти ежедневнаго обмѣна услугъ. А это, въ свою очередь, укрѣпило въ нихъ чувство солидарности, сознаніе принадлежности къ общему цѣлому и привело, въ концѣ концовъ, къ образованію изъ нихъ связаннаго круговою порукою союза, иначе говоря—патріархальнаго рода. Такимъ образомъ, отправляясь отъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ группъ, охотниковъ и рыболововъ, переходя затѣмъ къ разорвавшимъ между собою прежнія сосѣдскія связи отдѣльнымъ парамъ, въ свою очередь, являющимся зародышами патріархальныхъ семей, процессъ общественнаго развитія приводитъ въ конечномъ результатѣ къ установленію агнатическихъ родовъ, не ранѣе, однако, какъ послѣ рѣшительнаго перехода отъ первобытныхъ занятій къ скотоводству и земледѣлію.

Отдѣльныя стадіи указаннаго нами процесса могутъ быть изучены съ помощью какъ этнографическаго, такъ и историческаго матеріаловъ. Мы видѣли, что существованіе нѣкогда материнскаго рода засвидѣтельствовано и фактомъ современнаго его распространенія въ средѣ многихъ дикарей Америки, и пережитками его, уцѣлѣвшими въ древнѣйшихъ памятникахъ арійской культуры. У тѣхъ же индѣйцевъ американскому этнографу Пауелю удалось наблюдать и тѣ послѣдствія, къ какимъ по отношенію къ дальнѣйшему существованію материнства ведетъ за собою рано или поздно наступающая разсѣянность жилищъ. «У тѣхъ сѣверо-американскихъ племенъ, говоритъ Пауель, у которыхъ нѣтъ обычая жить скученно цѣлыми деревнями, жилища которыхъ отстоятъ нерѣдко на мили одно отъ другого, родственники жены, ея естественные опекуны и попечители, теряютъ вполнѣ возможность дѣятельнаго контроля за нею, благодаря отдѣляющему ихъ разстоянію. При такихъ условіяхъ не удивительно, если въ семьѣ власть постепенно пріобрѣтается мужемъ и отцомъ, и, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ полная замѣна материнства отчествомъ» *). Разобщенными парами съ преобладающей въ нихъ властью мужчины доселѣ живутъ многіе дикари Австраліи, и эта черта, принятая за характеристику первобытнаго порядка, заставила нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ Дарвина и Леббока, протестовать не только противъ гипотезы первичнаго стаднаго состоянія, но и противъ признанія материнскаго рода предшественникомъ патріархальной семьи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ только свидѣтельствуетъ о томъ, что для дикарей-звѣролововъ рано или поздно насту-

*) «Outlines of sociology» by John Powell. Febr. 82 г Washington, стр. 21.

наетъ моментъ, когда жизнь сообща стадными или когнатическими группами должна уступить мѣсто жизни разсѣянными парами, по причинѣ несоотвѣтствія между средствами пропитанія и ростомъ населенія. Эту же стадію развитія рисуетъ передъ нами, между прочимъ, библейскій разсказъ объ Авраамѣ и Лотѣ, жившихъ прежде совмѣстно, но разошедшихся въ разныя стороны по недостатку средствъ къ существованію. «Если ты пойдешь направо, я пойду налѣво», говоритъ Авраамъ Лоту, и каждый изъ нихъ устраивается отдѣльно отъ другого, одинъ въ допускаемомъ обычаемъ союзѣ съ единокровной сестрой (Саррой), другой въ кровосмѣсительной связи съ собственными дочерьми. Хотя бытъ еврейскихъ патріарховъ и послужилъ ближайшимъ матеріаломъ къ построенію теоріи патріархальной семьи, получившей отъ него и самое свое названіе, но на самомъ дѣлѣ бытъ этотъ съ уцѣлѣвшими въ немъ чертами материнскаго рода всего менѣе отвѣчаетъ тому представленію, какое мы связываемъ съ патріархальной семьей, семьей строго экзогамической, исключающей поэтому возможность сожитія не только съ единоутробными, но и съ единокровными родственниками.

Въ совершенно выработанномъ видѣ мы находимъ послѣднюю у римлянъ, которымъ равно извѣстна и власть мужа надъ женою (иначе manus), и власть отца надъ дѣтьми (patria potestas). Но между зародышными формами, какія она представляетъ, напр., у австралійскихъ дикарей или въ библейскомъ разсказѣ, и той законченностью развитія, какая характеризуетъ ее въ римскомъ быту, лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій, изученіе которыхъ особенно интересно потому, что на нихъ можно прослѣдить постепенный ростъ идеи патернитета. Со многими изъ этихъ стадій знакомитъ насъ бытъ американскихъ краснокожихъ, съ другими—древности права самихъ арійскихъ народовъ. Между первыми особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣ, у которыхъ на нашихъ глазахъ совершается переходъ отъ материнства къ отчеству. Правда, не у всѣхъ переходъ этотъ можетъ быть названъ самобытнымъ, не у всѣхъ можетъ быть игнорируемо вліяніе, оказанное въ этомъ отношеніи христіанской проповѣдью, тѣмъ не менѣе, нетрудно выдѣлить и такія, у которыхъ переходныя стадіи носятъ всѣ черты безыскусственнаго развитія. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести племя шауни, у которыхъ мы наблюдаемъ существованіе, на ряду съ недавно еще господствовавшимъ материнствомъ, слѣдующаго обычая, бросающаго яркій свѣтъ на порядокъ возникновенія патернитета. «У шауни, говоритъ Морганъ, а также и у міами и делаваровъ *) принято за правило, что

*) «Ancient society», стр. 113.

дѣтей вскорѣ послѣ рожденія, по выбору ихъ родителей и указанію извѣстнаго числа матронъ или престарѣлыхъ женщинъ, называютъ то именемъ, принадлежащимъ роду ихъ матери, то именемъ, составляющимъ достояніе рода отца. Имя, какъ извѣстно, такъ тѣсно связано у дикарей съ принадлежностью къ роду, что само по себѣ считается доказательствомъ послѣдней и соотвѣтственно даетъ носящему его извѣстныя права. Получить имя, составляющее собственность рода,— то же, что быть записаннымъ въ этотъ родъ. Не удивительно поэтому, если дѣти, получившія одно изъ именъ отцовскаго рода, пріобрѣтаютъ право наслѣдовать оставленную ихъ родителемъ собственность, тогда какъ другія навсегда лишаются ея *). Въ описанномъ обычаѣ выступаетъ вполнѣ та любопытная черта въ происхожденіи патернитета, которая состоитъ въ подведеніи послѣдняго подъ типъ ранѣе его сложившагося материнства. Фикція, какъ извѣстно, играетъ не маловажную роль въ процессѣ развитія юридическихъ институтовъ. Она предполагаетъ въ людяхъ, обращающихся къ ней, производство того наипростѣйшаго умственнаго процесса, который мы называемъ уподобленіемъ или аналогіей. Если имя, взятое изъ рода матери, даетъ новорожденному право считаться членомъ материнскаго рода **), то, разсуждаетъ дикарь, является полное основаніе къ тому, чтобы имя изъ рода отца давало человѣку право считать себя дѣйствительно принадлежащимъ къ его роду и сообщало ему связанныя съ тѣмъ права, въ частности, право наслѣдованія.

Такая же фикція лежитъ въ основѣ другого порядка установленія патернитета, который мы встрѣчаемъ въ полномъ ходу у цѣлаго ряда какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ. Мы только-что видѣли, что чужеродецъ, получая одно изъ родовыхъ именъ, можетъ этимъ путемъ сдѣлаться членомъ рода. Сообщеніе ему имени равнозначительно усыновленію его цѣлымъ родомъ. Что это такъ, видно изъ того, что принятый въ родъ занимаетъ обыкновенно мѣсто одного изъ умершихъ родственниковъ, вступаетъ во всѣ права послѣдняго и принимаетъ на себя связанныя съ ними обязанности. Совершаемый при этомъ обрядъ у многихъ народовъ напоминаетъ самый актъ рожденія. Дѣйствующимъ лицомъ въ немъ является, на ряду съ усыновляемымъ, и та женщина, которая отнынѣ должна слыть его матерью. Усыновляемый чужеродецъ, прежде чѣмъ быть объявленнымъ членомъ рода, обязанъ прикоснуться къ ея груди или чресламъ. Такая процедура доселѣ встрѣчается, напр., среди черкесовъ и южныхъ сла-

---

*) Тамъ же, стр. 169.

**) На самомъ дѣлѣ встрѣчается обратное: принадлежность къ роду матери даетъ и право носить извѣстное имя.

вянъ. Какъ видно изъ Плинія и Діодора, она извѣстна была и народамъ классической древности, прибѣгавшимъ въ этомъ случаѣ даже къ брачной постели и симулированію акта рожденія усыновляемаго усыновительницей. Тотъ же обрядъ, по ихъ словамъ, былъ въ полномъ ходу и у современныхъ имъ варваровъ *). Это по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ германцамъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ державшейся не далѣе, какъ въ средніе вѣка, практикѣ прижимать къ голой груди обнаженное тѣло усыновляемаго, который при этомъ случаѣ принимаемъ былъ подъ рубашку **). Если уподобленіемъ акту рожденія совершается усыновленіе чужеродца одной изъ женщинъ рода, то тотъ же актъ, симулируемый мужчиной, считается у многихъ народовъ способомъ установленія кровной связи между новорожденнымъ и дѣйствительнымъ виновникомъ его рожденія. Этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ «кувады», обратилъ на себя особенное вниманіе потому, что доселѣ въ полномъ ходу у басковъ Гвипускои и Бискайи ***) и что существованіе его у иберовъ, потомками которыхъ считаются баски, засвидѣтельствовано еще Страбономъ. У иберовъ, говоритъ греческій географъ, когда приходитъ время родовъ, мужчина вмѣсто женщины ложится въ постель и требуетъ за собою ухода» ****). То же на всѣ лады разсказываютъ о жителяхъ пиренейскихъ долинъ, ближайшихъ предковъ современныхъ намъ басковъ, французскіе фабліо XII и XIII столѣтій *****). Въ сопоставленіи съ этими фактами особенную цѣну пріобрѣтаютъ, съ одной стороны, показанія путешественниковъ, съ другой—свидѣтельства древнихъ писателей о широкомъ распространеніи этого обычая какъ въ Старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, какъ въ наши дни, такъ и сотни и тысячи лѣтъ назадъ. У абипоновъ, карибовъ и всѣхъ вообще туземныхъ племенъ Южной Америки существованіе его засвидѣтельствовано еще миссіонерами XVII и XVIII вѣковъ. Новѣйшіе путешественники нашли однохарактерные обряды на западномъ берегу Африки, на Молуккскихъ островахъ, у нѣкоторыхъ не-арійскихъ племенъ Индіи, на Малабарскомъ берегу, въ окрестностяхъ Мадраса. Восточная Азія, повидимому, издавна была ареной его широкаго господства; такъ, о немъ упоминаетъ еще въ XIII в. Марко Поло. Тотъ же обычай существовалъ въ древности на островахъ Корсикѣ и Кипрѣ, а также у нѣкоторыхъ

---

*) См. Bachofen, «Mutterrecht», стр. 254.
**) Grimm, «Rechtsalterthümer», стр. 464.
***) Cordier, «La famille dans les Pyrénées» («Rev. hist. de droit français et étranger». 1859, стр. 370). Lagrèze, «Histoire du droit dans les Pyrénées».
****) Страбонъ, въ переводѣ Мищенки; кн. 3.
*****) Aucassin et Nicolette; Legrand d'Aussy, Fabliaux des XII et XIII s. Paris. 1829 (Giraud-Teulon, стр. 140).

народовъ (тиверцевъ), жившихъ по берегамъ Чернаго моря *). Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ прибавлю одно, сообщенное мнѣ профессоромъ Богишичемъ. Жители двухъ смежныхъ селеній въ Черногоріи, имъ лично посѣщенныхъ, перебрасываются доселѣ слѣдующимъ ругательствомъ: что за народъ, говорятъ одни про другихъ, у нихъ не такъ, какъ у всѣхъ: «рожаютъ не женщины, а мужчины». Не сохранилось ли въ этихъ нареканіяхъ намека на недавнее еще господство на восточномъ побережьѣ Адріатическаго моря обычая, однохарактернаго съ кувадой? Усыновленіе новорожденнаго отцомъ является также способомъ установленія патернитета какъ у древнихъ ирландцевъ, такъ и у кельтовъ; у тѣхъ и другихъ одинаково оно принимаетъ всего чаще наипростѣйшую форму признанія новорожденнаго отцомъ, который, какъ видно изъ фактовъ, собранныхъ на этотъ счетъ Гриммомъ, какъ бы усыновляетъ его, приказывая поднять его съ земли—обрядъ, напоминающій собою порядокъ установленія фиктивнаго родства сажаніемъ пріемыша на колѣни. Идея усыновленія лежитъ, несомнѣнно, въ основѣ и первоначальнаго установленія законнаго наслѣдованія дѣтей послѣ отца. Полнаго вниманія заслуживаетъ догадка Даргуна, что терминъ «Салической Правды» adfatimire значитъ, какъ думалъ еще Цепфль, anvatern, приписать дѣтей отцу; слово fath въ разныхъ германскихъ языкахъ означаетъ грудь. «Рипуарская же «Правда» говоритъ объ adfatimire какъ о чемъ-то тождественномъ пріему въ наслѣдники (adoptare in hereditatem vel adfatimire—говорится въ tit. 48) **). Въ ирландскомъ правѣ ребенокъ до признанія его отцомъ не считается принадлежащимъ къ его роду, а къ одному лишь роду матери. Послѣдней позволяется, однако, искать признанія ребенка какъ отъ мужа, такъ и отъ любовника. «Ребенокъ—говоритъ одинъ изъ сводовъ, «Айсиль»—можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому до тѣхъ поръ, пока свидѣтельство людей не укажетъ ему отца». То же право признается за матерью и законами Уэльса, требующими, чтобы въ этомъ случаѣ показанія матери были подкрѣплены соприсягою семи женщинъ одинаковаго съ нею достоинства и благородства (dignitatis et nobilitatis). Этимъ законамъ извѣстенъ, впрочемъ, и другой порядокъ разысканія женщиной отца ея ребенка, носящій на себѣ всѣ признаки глубокой, до-христіанской старины, хотя новая вѣра, несомнѣнно, наложила на него свой отпечатокъ. «Если женщина—говоритъ древній кодексъ Венедотіи или сѣвернаго Уэльса—пожелаетъ законнымъ образомъ приписать своего ребенка извѣстному

---

*) Эти свидѣтельства, принадлежащія перу Діодора, Плутарха Аполлонія, приведены у Жиро Телона, стр. 141.

**) «Mutterrecht und Raubehe», стр. 68.

мужчинѣ, какъ отцу, ей необходимо сдѣлать слѣдующее: отправиться съ ребенкомъ въ церковь, гдѣ погребены члены ея рода, подойти къ жертвеннику и, положивъ правую руку на него и на мощи, а лѣвую на голову ребенка, поклясться прежде всего какъ этимъ жертвенникомъ, такъ и мощами, а равнымъ образомъ и святымъ крещеніемъ, что никакой другой отецъ не породилъ этого ребенка въ ея утробѣ, какъ такой-то мужчина, который при этомъ и называется ею по имени» *). Послѣдствіемъ признанія ребенка отцомъ, одинаково въ Ирландіи и Уэльсѣ, является включеніе его въ родъ послѣдняго. Признаніе производимо было отцомъ, повидимому, безъ всякаго участія родственниковъ. Но что такой порядокъ не былъ древнѣйшимъ, и что ему предшествовалъ другой, допускавшій участіе всего рода въ актѣ усыновленія, слѣдуетъ изъ того, что ребенокъ, рожденный послѣ смерти отца хотя бы и ранѣе истеченія девятимѣсячнаго срока, не пріобщаемъ былъ непосредственно къ его роду (порядокъ, встрѣчаемый нами, напр., въ римскомъ правѣ и въ большинствѣ современныхъ законодательствъ), а проходилъ еще черезъ предварительный обрядъ усыновленія его всѣмъ родомъ отца. За отсутствіемъ родителя, мѣсто его въ этомъ обрядѣ занималъ глава рода. Когда родичи были въ полномъ сборѣ, ребенка приносили въ собраніе; правая рука младенца влагалась по очереди въ руки каждаго изъ родичей, при чемъ ребенка цѣловалъ каждый изъ нихъ въ знакъ родства **).

Что признаніе ребенка отцомъ или его родомъ не происходило необходимо каждый разъ, когда въ той или другой семьѣ оказывался новорожденный, что оно не было формальностью, а дѣйствительнымъ актомъ усыновленія, видно изъ того, что какъ за отцомъ, такъ и за родомъ, обычай признавалъ не только право принять младенца въ свою среду, но и право отречься отъ него. «Такое отреченіе не допускалось, говоритъ г. Сокольскій, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, лишь въ томъ случаѣ, если ребенокъ прежде публично признанъ былъ отцомъ, или если отецъ на содержаніе его давалъ деньги. Если отца не было въ живыхъ, отречься отъ ребенка могъ глава рода съ шестью родичами-соприсяжниками; если же не было на лицо и главы рода, число соприсяжниковъ должно было доходить до 21 ***).

Итакъ, патернитетъ, какъ показываетъ примѣръ цѣлаго ряда народностей, установляется не иначе, какъ искусственнымъ путемъ—путемъ усыновленія. Это не только доказываетъ сравнительно позднее

---

*) Всѣ эти факты впервые были отмѣчены проф. Сокольскимъ въ монографіи, озаглавленной «Къ ученію о происхожденіи семьи и родства у кельтовъ и германцевъ», стр. 40 и 41.

**) «Venedotian Code». B. II. Ch. XXI, 25.

***) Тамъ же, стр. 42.

его происхожденіе, но и то, что типомъ, по которому сложилось отношеніе отца къ дѣтямъ, служило несравненно ранѣе его возникшее отношеніе къ нимъ матери, и что въ основѣ отеческой власти лежитъ не иное что, какъ фикція, въ силу которой сожитель женщины признается ею, какъ мы видѣли, отцомъ происходящихъ отъ союза дѣтей. Какъ вторая ихъ мать, онъ пріобрѣтаетъ право включить дѣтей въ свой родъ, что, въ свою очередь, приводитъ къ установленію постоянной связи ребенка съ родомъ отца, иначе говоря, съ агнатами.

Послѣдній шагъ въ процессѣ развитія патернитета составляетъ установленіе того правила, что всѣ прижитыя женою дѣти, кто бы ни былъ дѣйствительный виновникъ ихъ рожденія, подлежатъ родительской власти ея мужа. Источникомъ послѣдней является, очевидно, не иное что, какъ власть его надъ женщиной. Купленная жена принадлежитъ мужу вмѣстѣ съ ея приплодомъ. Въ грубой формѣ такое начало выступаетъ доселѣ въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, у которыхъ, какъ, напр., у осетинъ, не перешедшихъ еще въ христіанство или слабо проникнутыхъ его ученіемъ, мужья сплошь-и-рядомъ ссужаютъ своихъ, если не главныхъ, то второстепенныхъ женъ, такъ называемыхъ «именныхъ» (номулусъ), съ тѣмъ, чтобы прижитыя ими дѣти (кавдасарды) считались ихъ дѣтьми, поступали въ ихъ семью и увеличивали въ ней число работниковъ.

На ряду съ экономическими причинами, религіозныя также въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ упроченію такого порядка. Культъ предковъ, въ частности, вызывая постоянную заботу о наслѣдникѣ—жертвоприносителѣ душамъ усопшихъ предковъ, спасителѣ домашняго очага, какъ называютъ его греческіе источники, побуждаетъ нѣкоторые народы, въ томъ числѣ индусовъ, дозволять прелюбодѣйное сожитіе жены при жизни мужа не только съ его родственникомъ, но и съ посторонним лицомъ. Дѣти, рожденныя въ такомъ бракѣ, извѣстномъ подъ наименованіемъ «ніога», считаются, какъ мы видѣли, дѣтьми мужа, права котораго вытекаютъ въ данномъ случаѣ изъ власти его надъ матерью. Тотъ же религіозный мотивъ, по крайней мѣрѣ въ историческую эпоху, лежитъ въ основѣ и тѣхъ родственныхъ отношеній, которыя порождаются такъ назыв. «левиратомъ». Послѣдній извѣстенъ одинаково какъ индусамъ, такъ и евреямъ. Въ вымирающемъ видѣ мы встрѣчаемъ его и у древнихъ аѳинянъ; широкимъ признаніемъ пользуется онъ и доселѣ у арійскихъ племенъ Кавказа и Закавказья; въ частности у осетинъ и родственныхъ курдамъ езидовъ *).

*) См. Егіазаровъ, «Краткій очеркъ езидовъ Эриванской губ.» (Труды С. А. Егіазарова, стр. 220).

Примѣры его господства у цѣлаго ряда народностей стараго и новаго материка, а также и у народовъ древняго міра, слишкомъ часто приводимы были этнографами, чтобы являлась необходимость повторять ихъ здѣсь *).

Левиратъ носитъ далеко не одинаковый характеръ у всѣхъ тѣхъ народовъ, въ бытѣ которыхъ онъ удержался. Изъ арійскихъ племенъ одни только индусы знаютъ его какъ сожительство жены съ деверемъ при жизни мужа и то лишь въ случаѣ, если онъ неспособенъ къ дѣторожденію. Въ Греціи и у евреевъ, а также и у названныхъ нами племенъ Кавказа, деверство допускается только въ случаѣ бездѣтной смерти мужа, и то лишь до момента рожденія ребенка; но всюду, гдѣ только встрѣчается этотъ институтъ, отцомъ ребенка по закону или обычаю одинаково считается не дѣйствительный виновникъ его жизни, а то лицо, въ чьей власти состоитъ мать, другими словами, ея мужъ **).

Разсмотрѣнныя нами отношенія, какъ нельзя лучше, иллюстрируютъ ту мысль, что въ законодательствѣ многихъ народовъ права отца пріобрѣтаются властью надъ матерью не однимъ лишь дѣйствительнымъ участіемъ въ актѣ рожденія. Классическое выраженіе это послѣднее начало получило, какъ извѣстно, въ римскомъ правѣ. Pater est quem nuptiae demonstrant, учатъ римскіе юристы, что въ переводѣ значитъ: отецъ — тотъ, на кого указываетъ свадьба. Широкое распространеніе такого взгляда не даетъ, однако, права утверждать, что съ самаго момента возникновенія патернитета мужъ безразлично признавался отцомъ, хотя бы дѣти и прижиты были его женою на сторонѣ. Ирландское право убѣждаетъ насъ въ томъ, что такой порядокъ не былъ извѣстенъ въ древнѣйшую, по крайней мѣрѣ, эпоху, и что мужъ обязанъ былъ уступать свои права дѣйствительному отцу, разъ послѣднему удавалось установить съ помощью свидѣтелей или суда Божія фактъ происхожденія отъ него ребенка. «Рогоносцу, говоритъ одинъ изъ сводовъ, принадлежитъ его презумптивный [101] сынъ до тѣхъ лишь поръ, пока онъ не будетъ у него купленъ настоящимъ отцомъ, т.-е. доголѣ, пока за него не будетъ заплачена сумма, равная его вирѣ и пенѣ за оскорбленіе; сверхъ того, должны быть возмѣщены вполнѣ затраты на его вскормленіе и все то, что заплачено было презумптивнымъ отцомъ за совершенныя сыномъ правонарушенія» ***).

---

*) См. сочиненія Giraud Teulon, Post, Mac Lennan и другихъ.

**) Болѣе обстоятельное развитіе той же мысли читатель найдетъ въ статьѣ, напечатанной мною въ «Юр. Вѣстн.» и озаглавленной: «Архаическія черты въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ осетинъ», 1885 г. іюнь—іюль.

***) «Anc. Laws of Ireland» т. III, стр. 311.

Но значитъ ли это, что различіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей и устраненіе послѣднихъ отъ наслѣдованія было извѣстно съ древнѣйшихъ временъ? Да и нѣтъ,—отвѣтимъ мы. Да, такъ какъ до признанія ихъ отцомъ или любовникомъ они принадлежали къ одному лишь роду матери; нѣтъ, такъ какъ включеніе ихъ въ родъ послѣдней открывало имъ доступъ къ наслѣдованію; признаніе же отцомъ вполнѣ уравнивало съ прочими дѣтьми.

Переходъ отъ древнѣйшаго порядка, по которому отцомъ считается дѣйствительный родитель, къ позднѣйшему, по которому имъ однообразно признается мужъ матери, можетъ быть отмѣченъ отчасти уже въ древнемъ правѣ Ирландіи въ томъ фактѣ, что, пока любовникъ не предъявитъ своихъ правъ, рожденныя имъ дѣти считаются дѣтьми мужа. На этомъ примѣрѣ мы убѣждаемся въ томъ, что признаніе правъ мужа на всѣхъ рожденныхъ его женой дѣтей является продуктомъ позднѣйшаго развитія патернитета. Установленіемъ правила pater est quem nuptiae demonstrant не начинается, а завершается, слѣдовательно, процессъ развитія отеческой власти, а черезъ ея посредство и агнатическаго родства.

Признаніе патернитета не повело за собою немедленнаго устраненія всѣхъ тѣхъ явленій, какія вызваны были къ жизни безграничнымъ господствомъ на первыхъ порахъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ отношеній. Вотъ почему и въ агнатическихъ родахъ, каковыми были тѣ, которыми жили германцы во времена Тацита, еще наглядно выступаютъ нѣкоторыя черты замѣненныхъ ими когнатическихъ. Этимъ только соображеніемъ объясняется въ нашихъ глазахъ та тѣсная родственная связь, которая, по словамъ римскаго анналиста, продолжаетъ соединять дѣтей сестры съ ихъ дядями, и которую нѣкоторые, говоритъ онъ, считаютъ даже болѣе священною, чѣмъ связь дѣтей съ отцомъ *). Въ немъ же, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть ключъ къ объясненію причины, по которой родственники жены, какъ видно и изъ трактатовъ брегоновъ, и изъ постановленій «Салической Правды» о такъ называемой chrenecruda **), и изъ англо-саксонскихъ законовъ, не перестаютъ участвовать въ платежѣ выкупа или композиціи ***),— фактъ, котораго, очевидно, никакъ не ожидаешь встрѣтить въ обществѣ, живущемъ агнатическими родами. Итакъ, слѣды материнскаго рода продолжаютъ держаться бокъ-о-бокъ

---

*) «Sororum filiis idem apud avunculum, quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem... hunc nexum sanguinis arbitrantur» [102] («Germania», c. 20).

**) «Quod si iam pater et fratres solserunt, tunc super suos debet illa terra iactare, id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris qui proximiores sunt» [103] (Hessel-Kern, «Lex. Salica»).

***) «Anglo-saxon family law» въ «Essays on anglo-saxon law».

и, повидимому, вопреки развивающемуся агнатическому родству и направленному одинаково противъ обоихъ новому государственному началу, конечнымъ торжествомъ котораго объясняется совершенное исчезновеніе всякой общественной организаціи, исключительно построенной на кровномъ родствѣ. Удивительно ли послѣ этого, если въ чистомъ видѣ агнатическій родъ, подобно когнатическому, встрѣчается лишь у весьма небольшого числа народностей, застывшихъ, такъ сказать, въ своемъ развитіи, и если переживанія одного порядка родственныхъ отношеній въ другомъ являются общимъ правиломъ.

ГЛАВА IX.

Взглядъ на позднѣйшую судьбу рода.

Если родовое устройство сложилось до исторіи, то его развитіе или, точнѣе, вымираніе наполняетъ собою начальные періоды какъ древняго, такъ и новаго государства. Входить въ изложеніе его судебъ, очевидно, не можетъ составить нашей задачи. Но для полноты картины намъ необходимо бросить, по крайней мѣрѣ, бѣглый взглядъ на эту позднѣйшую по времени эволюцію.

Многіе факторы вліяютъ на вымираніе родовыхъ порядковъ, и ни одинъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ упроченіе, съ одной стороны, государственной власти, а съ другой—начала свободнаго оборота имуществъ на рынкѣ. Государство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ заботу о безопасности и правосудіи, открываетъ вѣковую борьбу съ родовымъ возмездіемъ и родовымъ самоуправствомъ, нерѣдко въ союзѣ съ церковью, преслѣдующею въ данномъ случаѣ общую съ нимъ цѣль—замиренія общества. Отсюда вытекаютъ первыя попытки временнаго и территоріальнаго ограниченія кровной мести путемъ провозглашенія Божьяго мира и установленія права убѣжища въ освященныхъ религіей мѣстахъ: въ храмахъ, на кладбищахъ, въ монастырской оградѣ и т. д. Рядомъ съ этимъ совершается упроченіе королевскаго мира, въ смыслѣ изъятія лицъ, принадлежащихъ къ королевскому дворцу, и самаго королевскаго дворца отъ послѣдствій кровной вражды. Понятія Божьяго и королевскаго мира постепенно расширяются; воскресные и праздничные дни попадаютъ подъ защиту перваго. Во многихъ католическихъ странахъ съ вечера субботы по утро понедѣльника запрещается всякое посягательство на личность кровника и его родственниковъ. Королевскій миръ ведетъ къ созданію обязательной отсрочки кровомщенія,—отсрочки, позволяющей покончить вражду выкупомъ и примиреніемъ. Этимъ путемъ возникла такъ называемая во Франціи

«quarantaine du roi [104]». Королевскій миръ распространяется постепенно и за предѣлы дворца, на мѣста публичныхъ собраній и служебныхъ присутствій, а Божій миръ — на возникающіе въ районѣ церковной или монастырской ограды или даже у стѣнъ церквей и монастырей рынки и ярмарки. Получаемыя послѣдними королевскія привилегіи ставятъ ихъ одновременно подъ охрану королевскаго мира, который, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ мира земскаго. Въ одной изъ первыхъ моихъ работъ, въ моей «Исторіи полицейской администраціи въ Англіи», я сдѣлалъ, между прочимъ, попытку прослѣдить за развитіемъ начала Божьяго и королевскаго мира въ Англіи. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ этой книги, вышедшей въ Прагѣ еще въ 1877 году; это позволитъ мнѣ на примѣрѣ одной страны болѣе отчетливо представить тотъ путь, какимъ государство постепенно заступило мѣсто родовыхъ союзовъ въ дѣлѣ охраненія мира. Возрастающее вліяніе королевской власти и церкви—говорю я на 24-ой страницѣ моей книги—повело въ Англіи, какъ и на континентѣ, къ постепенному развитію Божьяго и королевскаго мира. Древнѣйшіе англо-саксонскіе законы, въ частности законы Кента, еще смотрятъ на короля какъ на всякое другое частное лицо, входящее въ составъ рода; убійство его должно имѣть поэтому послѣдствіемъ кровомщеніе или уплату выкуповъ; но въ то же время они признаютъ за королемъ право принимать извѣстныхъ лицъ подъ свою защиту, взыскивать извѣстный штрафъ съ нарушителей этой защиты, — этой, какъ они выражаются, «мундъ» (mund). Убійство человѣка въ предѣлахъ дворца ведетъ къ уплатѣ такого штрафа въ пользу короля. Къ такому же послѣдствію ведутъ въ законахъ Эдельберта всякія оскорбленія членовъ королевской дружины во время созыва ея королемъ. Подъ охрану королевскаго мира ставятся также питейные дома и увеселительныя заведенія. Что касается мира церквей и монастырей, то законы Витреда приравниваютъ оскорбленіе, наносимое лицамъ, стоящимъ подъ ихъ защитой, къ тѣмъ, жертвою которыхъ являются люди, пользующіеся охраной королевскаго мира. Въ законахъ Альфреда впервые заходитъ рѣчь о томъ, чтобы распространить преимущества королевскаго мира на извѣстныя времена года: время созванія войска, время весеннихъ праздниковъ, а также на извѣстныя мѣста: судебныя и народныя собранія, собранія графства, сотни, города. Въ тѣхъ же законахъ впервые говорится о правѣ убѣжища. Если кто въ церкви будетъ искать такой защиты отъ врага, то въ теченіе семи дней никто не долженъ извлечь его изъ ея ограды. Это право убѣжища распространяется позднѣйшимъ законодательствомъ и на дворъ короля и на дворъ епископа. Въ законахъ Этельреда уже говорится о цѣлой кате-

горіи лицъ и мѣстъ, пользующихся особой защитой короля. Къ числу первыхъ принадлежатъ вдовы, чужеземцы, лица духовнаго званія, а также всѣ тѣ, кто не имѣетъ родственниковъ. Одновременно церковнымъ и королевскимъ миромъ пользуются и нѣкоторыя времена года, дни праздничные и четырехъ годичныхъ постовъ. Если отъ первыхъ англо-саксонскихъ законовъ мы перейдемъ къ тѣмъ частнымъ сборникамъ юридическихъ нормъ и обычаевъ, которые вслѣдъ за завоеваніемъ Англіи норманнами призваны были увѣковѣчить память о порядкахъ, державшихся среди покореннаго ими населенія, то мы встрѣтимся въ нихъ съ расширеніемъ понятія королевскаго мира, который начинаетъ совпадать съ миромъ земскимъ. Тотъ миръ, которымъ пользовались извѣстныя лица благодаря защитѣ короля, получаетъ значеніе спеціальнаго королевскаго. За его предѣлами стоитъ земскій миръ, обнимаемый терминомъ pax regis [105]. Это тотъ миръ, который дается всѣмъ подданнымъ отъ имени короля его чиновниками, въ томъ числѣ правителями отдѣльныхъ провинцій, вице-графами или шерифами. Спеціальнымъ королевскимъ миромъ пользуются не только извѣстныя лица. въ томъ числѣ вдовы, монахини, духовныя особы, но и большія дороги, въ частности, четыре военныхъ пути, проложенныхъ еще римлянами; водныя сообщенія также приняты королемъ подъ его спеціальную охрану, по крайней мѣрѣ, главныя; второстепенныя же, aquae minores, наравнѣ съ обыкновенными путями, ведущими изъ города въ городъ и изъ мѣстечка въ мѣстечко, стоятъ подъ охраною земскаго или, что то же, общаго королевскаго мира. Одновременно подъ защитою церкви и ея мира мы находимъ не только членовъ духовенства, но и всѣхъ учащихъ и учащихся, а также всѣхъ прихожанъ, идущихъ, пребывающихъ или возвращающихся изъ храмовъ. Право убѣжища распространено и на жилища священнослужителей. Церковный миръ поставленъ подъ охрану королевскаго, такъ какъ король считается «родственникомъ и адвокатомъ церкви». На него падаетъ обязанность блюсти ея миръ въ томъ случаѣ, если епископу не удастся отстоять его. Недаромъ же онъ намѣстникъ Христа и защитникъ вѣры.

Постепенный переходъ спеціальной охраны короля и церкви въ земскій миръ совпалъ съ совершеннымъ прекращеніемъ практики родового возмездія; но этому предшествовалъ медленный процессъ его вымиранія, вызванный вмѣшательствомъ королевской власти и королевскихъ судовъ. Этотъ процессъ выступаетъ передъ нами въ слѣдующемъ видѣ при изученіи источниковъ англійскаго права, которое, въ данномъ вопросѣ, не отличается существенно отъ нормъ континентальныхъ народныхъ «Правдъ», королевскихъ и имперскихъ указовъ. Какъ на континентѣ «фредусъ» или пеня въ пользу короля, которой

въ русскихъ памятникахъ, въ частности въ «Правдѣ» Ярослава, отвѣчаютъ «вира» и «продажа», какъ отличные отъ «головничества» или выкупа, платимаго родственникамъ, такъ въ Англіи пеня въ пользу короля, постепенно возрастая, сокращаетъ одновременно размѣръ выкупа и, въ концѣ концовъ, заступаетъ его мѣсто. Самъ платежъ выкупа явился, какъ мы знаемъ, взамѣнъ кровнаго возмездія. Но чѣмъ, спрашивается, опредѣляется на первыхъ порахъ величина его? Признается обыкновенно, что система композицій была вызвана къ жизни желаніемъ потерпѣвшаго рода вознаградить себя за вредъ, причиненный ему обидчикомъ, и что поэтому необходимо было опредѣлить предварительно самый размѣръ этого вреда, оцѣнивая жизнь человѣка въ столько-то головъ скота или столько-то монетныхъ единицъ, а то или другое членовредительство или пораненіе—сообразно значенію для человѣка той или другой части его тѣла. Но рѣшеніе вопроса о томъ, говорю я въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» и не прочь повторить и здѣсь, что стоитъ жизнь человѣческая или человѣческая честь—вопросъ, столь же неразрѣшимый для древняго человѣка, какъ и для современнаго. Лишеніе жизни и чести, какъ самый тяжкій видъ обидъ, вызывало собою неограниченность кровомщенія, т.-е. сопровождалось убійствомъ виновнаго. Когда же обстоятельства дѣлали невозможнымъ такой исходъ, когда убійцѣ или убійцамъ, напримѣръ, удавалось бѣжать, то родственники жертвы довольствовались однимъ разграбленіемъ его имущества или захватомъ послѣдняго въ родъ обиженнаго. Когда обычай взялся ввести числовую опредѣленность въ эти фактическія отношенія, онъ остановился на той цифрѣ, которая въ его глазахъ представляла максимальный размѣръ имущественныхъ средствъ. Объ установленіи же какого-нибудь эквивалента за жизнь и честь, два ничѣмъ не возмѣщаемые урона, не могло быть и помину. Такъ какъ обѣ утраты признавались одинаково тяжкими, то оскорбленіе чести приравнено было по послѣдствіямъ къ лишенію жизни. Вотъ почему высшій размѣръ выкупа или «головничества» сталъ требоваться одинаково въ обоихъ случаяхъ. Согласно древнѣйшей редакціи «Салической Правды», прелюбодѣй платитъ тотъ же выкупъ въ 200 солидовъ, какой взыскивается съ убійцы. Такимъ же точно образомъ, законы баварцевъ и англосаксовъ настаиваютъ на вознагражденіи оскорбленнаго супруга полнымъ размѣромъ выкупа. Въ скандинавскихъ законахъ, въ частности въ датскихъ и шведскихъ, платежъ, производимый прелюбодѣемъ, равняется 40 маркамъ; но это тотъ самый, который взыскивается и въ случаѣ убійства. Матеріальный вредъ, причиненный преступленіемъ, не принимается въ разсчетъ обычаемъ и древнимъ закономъ при установленіи размѣра выкуповъ за самыя тяжкія обиды, въ томъ

числѣ за кастрацію. Послѣдняя приравнивается, заодно съ потерею жизни и чести, къ числу невозмѣщаемыхъ уроновъ, требующихъ поэтому высшаго размѣра головничества. Размѣръ матеріальныхъ убытковъ интересуетъ законодателя только при опредѣленіи выкуповъ за второстепенныя обиды; бо̀льшая или меньшая важность ихъ опредѣляется сравненіемъ съ тѣми, послѣдствіемъ которыхъ является потеря жизни, чести и способности размноженія. Отсюда различіе увѣчій отъ ранъ и различныхъ видовъ пораненій, за которыя полагается неодинаковый размѣръ выкупа. Германцы, кельты и русскіе славяне ставятъ въ этомъ отношеніи на одну доску отсѣченіе ноги, руки, уха и выколъ глаза; за всѣ эти виды преступныхъ дѣяній полагается платежъ выкупа, равнаго половинѣ того, который требуется за убійство. Принципъ, въ силу котораго устанавливается пропорціональное отношеніе между важностью обиды и размѣромъ вознагражденія, проводится и при рѣшеніи вопроса о томъ, какой выкупъ опредѣлить за вышибъ зуба, за отсѣченіе отдѣльныхъ пальцевъ руки и ноги, за пораненія, нанесенныя губамъ и бровямъ. Въ нѣмецкихъ народныхъ «Правдахъ», какъ указываетъ Вильда («Das Strafrecht der Germanen», стр. 767), отсѣченіе большого пальца, напримѣръ, по своимъ послѣдствіямъ приравнивается къ отсѣченію трехъ среднихъ.

Въ нѣкоторыхъ германскихъ «Правдахъ» къ увѣчьямъ причисляются и вышибъ зуба, и раны, нанесенныя губамъ и бровямъ. Что касается ранъ вообще, то бо́льшая или меньшая важность ихъ и соотвѣтственно размѣръ выкуповъ опредѣляются ихъ величиною. Такой точки зрѣнія держались и законодательство древнихъ фризовъ, и законодательство грузинъ. Законникъ царя Вахтанга, напримѣръ, предписывалъ измѣрять раны ячменными зернами. Такъ какъ обиды словомъ не сопровождаются причиненіемъ матеріальнаго вреда, то древнее законодательство, какъ и обычаи народовъ дикихъ и варварскихъ обыкновенно не относятъ ихъ къ числу дѣйствій, требующихъ выкупа. Это можно сказать и о «Русской Правдѣ» *), и о древнихъ датскихъ законахъ, и о правѣ кельтовъ Уэльса. Послѣдніе дѣлаютъ исключеніе только для словесныхъ обидъ, наносимыхъ королю, священнику при отправленіи богослуженія и разбирающему дѣло судьѣ. Что касается обычнаго права народовъ дикихъ и варварскихъ, то объ эскимосахъ извѣстно, напримѣръ, что они, вмѣсто того, чтобы карать обиды словомъ, обращаются къ нимъ, какъ къ средству рѣшенія возникающихъ между ними столкновеній. Кто придумаетъ наиболѣе удачное ругательство, на которое противникъ не сумѣетъ отвѣтить равнымъ или болѣе сильнымъ, за тѣмъ и признается по-

*) Ср. Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія», стр. 461.

бѣда *). У нашихъ кавказскихъ горцевъ, въ томъ числѣ у осетинъ, обиды словомъ также не относятся обычаемъ къ числу дѣйствій, требующихъ вознагражденія или выкупа **).

Мы прослѣдили пока за однимъ переходомъ кровнаго возмездія въ систему выкуповъ и вознагражденій за матеріальный вредъ, причиненный преступнику. Намъ необходимо въ настоящее время бросить взглядъ на параллельный процессъ ограниченія числа лицъ, допускаемыхъ къ кровомщенію или, взамѣнъ того, къ полученію выкуповъ.

Говоря о древнихъ германцахъ, Тацитъ объявляетъ, что они унаслѣдуютъ какъ дружбу, такъ и вражду не только отца, но и родственниковъ, propinqui. Въ свою очередь, скандинавское право призываетъ къ платежу выкуповъ въ неравномъ размѣрѣ и прямыхъ, и боковыхъ родственниковъ, не только родственниковъ по отцу, но и родственниковъ по матери; можно сказать то же о законодательствѣ салическихъ франковъ и франковъ рипуарскихъ («Lex Salica», tit. 61, и «Lex Ripuariorum», tit. 69, § 1). У древнихъ саксовъ къ платежу части композиціи или выкупа призывались родственники до 7-ой степени включительно. Тогда какъ германское законодательство устраняло, по крайней мѣрѣ, женщинъ отъ участія въ кровомщеніи, славянское, какъ слѣдуетъ изъ «Ряда земскаго права» чеховъ, предвидѣло случай, когда вдова и незамужняя дѣвушка пожелаютъ отмстить за смерть родственниковъ ***).

Одною изъ раннихъ заботъ государственной власти было ограничить кровомщеніе въ двоякомъ отношеніи; во-первыхъ, требованіемъ, чтобы оно падало исключительно на виновника, а во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы въ преслѣдованіи послѣдняго принимали участіе только ближайшіе родственники жертвы. Моисеево законодательство уже настаиваетъ на томъ, чтобы мести подлежалъ только самъ преступникъ. Саксы, одинаково на континентѣ Европы и въ Англіи, стремятся, въ свою очередь, къ освобожденію отъ послѣдствій кровомщенія родственниковъ убійцы. Декретомъ Хильдеберта отъ 595 года то же ограниченіе введено было и въ среду салическихъ франковъ. Въ договорахъ Олега и Игоря съ греками мы также встрѣчаемъ постановленіе, говорящее о готовности законодателя устранить отъ кровомщенія всѣхъ, кромѣ ближайшаго виновника. Оно гласитъ буквально: «Да держимъ будетъ сотворивый убійство, отъ ближнихъ убіеннаго, да убіютъ его».

Первая статья «Русской Правды» посвящена, въ свою очередь, не-

---

*) См. объ этомъ, въ числѣ другихъ, книгу Эли Реклю, «Les primitifs».
**) См. «Современный обычай и древній законъ», т. II, стр. 145.
***) М. Иванишевъ, «Собраніе сочиненій», стр. 127.

речню тѣхъ ближайшихъ родственниковъ, которые одни допускаются къ осуществленію кровной мести. «Аже убиетъ мужъ мужа, та мьстити брату брата любо отцю, ли сыну, любо братучадо (племяннику), ли братню (по академическому списку сестриному) сынови» *). Крайняя степень, въ которой допускается кровомщеніе, это та, какую представляетъ собою по отношенію къ дядѣ племянникъ, извѣстный «Русской Правдѣ», подъ юго-славянскимъ наименованіемъ «братучадо».

Кровная месть переживаетъ еще ту эволюцію или, вѣрнѣе, тотъ процессъ вымиранія, что изъ общей нормы, преслѣдующей всѣ виды нанесенія матеріальнаго вреда, она становится мѣрой исключительной, примѣнимой только къ извѣстнымъ, по природѣ не допускающимъ эквивалента, обидамъ. И законы туринговъ, и законы фризовъ допускаютъ, напримѣръ, убійство вора, застигнутаго съ поличнымъ. Григорій Турскій упоминаетъ о кровомщеніи, преслѣдующемъ прелюбодѣя со стороны не одного только мужа, но и родственниковъ его жены. Право убить прелюбодѣя признаетъ за мужемъ не одно только законодательство германцевъ, но также греческое и римское. Съ другой стороны, франкское право и право славянское, въ томъ числѣ «Рядъ земскаго права» чеховъ, не отказываютъ отцу въ возможности отмстить убійствомъ за насиліе, причиненное его дочери. Даже имущественныя обиды не изъяты изъ числа тѣхъ, которыя даютъ право къ безнаказанному убійству виновника лицомъ заинтересованнымъ. Ночного вора дозволяютъ убить и римское право, и право германское, въ частности, законодательство рипуарскихъ франковъ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнья, что на первыхъ порахъ всякаго рода обиды подлежали отмщенью. Съ теченіемъ же времени, къ числу такихъ обидъ отнесены были только тѣ, въ которыхъ рѣчь заходитъ о потерѣ жизни и чести, двухъ невозмѣщаемыхъ благъ, да и тѣ современемъ, искупаются платежомъ композиціи или выкупа. Наконецъ, правило, въ силу котораго всякое нанесеніе матеріальнаго вреда даетъ поводъ къ пролитію крови, какъ ведущее къ нескончаемости междоусобій и тому истребленію цѣлыхъ родовъ, примѣры котораго, по словамъ г. Тобина, представляютъ племена арабовъ, смѣняется обратнымъ правиломъ, по которому разъ отмщенная обида не можетъ сдѣлаться поводомъ къ дальнѣйшему кровопролитію. Въ «Рядѣ земскаго права» чеховъ, какъ и въ сказаніяхъ, занесенныхъ въ «Эдду» и «Нибелунговъ», еще выступаетъ принципъ безграничности кровомщенья, но въ вавилонскомъ законодательствѣ Хаммураби, какъ и въ правѣ еврейскомъ, уже преобладаетъ тенденція ограничить кровомщеніе единичнымъ актомъ. Такъ, книга «Исходъ» (глава XXI) и книга «Левитъ» провозглашаютъ принципъ равнаго

*) «Троицкій списокъ», ст. I.

возмездія. То же дѣлаетъ и коранъ, во II-ой своей главѣ, стихи 173 и 175. Оба существенно ограничиваютъ дѣйствіе начала возмездія и не допускаютъ возможности считать насиліе, причиненное обидчику, поводомъ къ новому кровомщенію.

Если бы мы хотѣли обозрѣть всѣ послѣдствія, къ какимъ влечетъ упадокъ родового общенія, намъ пришлось бы коснуться въ равной мѣрѣ гражданскаго права и процесса. Пришлось бы показать, напримѣръ, постепенное вымираніе обычая, въ силу котораго не только близкая, но и отдаленная родня участвуетъ въ отчужденіи недвижимой собственности, даетъ на него свое согласіе или отказываетъ въ послѣднемъ *). Не менѣе наглядны вымираніе рода и переходъ его частью въ сельскую общину, частью въ помѣстье, выступаетъ въ отмѣнѣ родового выкупа или, еще чаще, въ переходѣ послѣдняго въ сосѣдскій и помѣстный. Отсюда частое упоминаніе, напримѣръ, во французскихъ «Кутюмахъ», т.-е. въ позднѣйшей редакціи провинціальныхъ обычаевъ, о «retrait vicinal» нерѣдко бокъ-о-бокъ, а то и взамѣнъ retrait lignager, т.-е. выкупа, осуществляемаго въ свою пользу ближайшимъ родственникомъ. Отсюда же и тотъ общераспространенный въ феодальномъ обществѣ выкупъ сеньера (retrait féodal), отмѣной котораго пришлось еще заняться дѣятелямъ Учредительнаго Собранія во Франціи въ 1789 и слѣдующихъ годахъ **).

Въ процессѣ замѣна свидѣтельскими показаніями тѣхъ, которые даваемы были въ пользу сторонъ ихъ родственниками - соприсяжниками, можетъ по праву считаться наиболѣе характернымъ проявленіемъ того же процесса вымиранія родового единства. Такъ называемые компургаторы и послухи сходятъ со сцены, и мѣсто ихъ занимаютъ свидѣтели не одной уже доброй славы обвиняемаго, а очевидцы содѣяннаго имъ и вмѣняемаго ему въ вину поступка (видоки «Русской Правды»). Эти свидѣтели, долгое время приравниваемые къ доносчикамъ, и имена которыхъ поэтому хранятся въ тайнѣ, становятся почти главнымъ средствомъ установленія судебной истины. Если письменныя доказательства со временемъ пріобрѣтаютъ равное, а по нѣкоторымъ дѣламъ и бо̀льшее значеніе, то только въ виду подведенія ихъ подъ понятіе свидѣтельскаго показанія. Нѣмецкія юридическія поговорки открыто становятся на эту точку зрѣнія и объявляютъ письменный документъ «мертвымъ свидѣтелемъ» (todter Zeuge) ***).

---

*) Германскимъ законодательствамъ такое право извѣстно подъ названіемъ «Beispruchsrecht».

**) См. мое «Происхожденіе современной демократіи», т. II: «Общественное законодательство. Конституанты».

***) Обо всемъ этомъ см. подробнѣе въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ».

Исторія вымиранія родового быта занимаетъ, такимъ образомъ, видное мѣсто въ исторіи развитія законодательства какъ древняго, такъ и новаго міра. Но эта исторія не можетъ быть понята безъ тѣснаго знакомства съ источникомъ и природою родовыхъ союзовъ, о чемъ историческіе памятники не говорятъ иначе, какъ отрывочно и случайно. Чтобы дать отвѣтъ на эти важнѣйшіе вопросы общественной эмбріологіи, необходимо было сблизить историческія свидѣтельства съ данными этнографіи и фолклора. Посильную попытку въ этомъ направленіи и представляетъ наше сочиненіе. Его заключительная глава могла бы служить начальной для исторіи любого права, тогда какъ самые корни подымаемыхъ вопросовъ восходятъ въ туманную даль первоначальнаго зарожденія всякой общественной жизни.

ГЛАВА X.

Родовое устройство инородцевъ Россіи.

Родовое устройство не составляетъ особенности однихъ арійскихъ племенъ. Оно распространено на всей поверхности земного шара у самыхъ различныхъ расъ и народностей. Обозрѣть всѣ тѣ страны, въ которыхъ въ отдаленномъ прошломъ или еще въ наши дни можно открыть въ бо̀льшей или меньшей полнотѣ отдѣльныя стороны родового устройства,—задача, конечно, выполнимая, но которая обратила бы настоящую работу въ какой-то сборникъ болѣе или менѣе однохарактернаго матеріала, не прибавляя въ то же время ничего существеннаго къ той общей картинѣ родового быта, которая одна можетъ интересовать насъ здѣсь.

Мы предпочитаемъ поэтому ограничить область нашихъ наблюденій предѣлами нашего такъ непомѣрно разросшагося отечества. На одномъ его протяженіи намъ встрѣтятся народы самаго разнообразнаго происхожденія, которые имѣютъ между собою то общее, что считаютъ кровное начало основою своего быта. Быстрые успѣхи, сдѣланные за послѣднюю четверть вѣка русской этнографіей, позволятъ намъ открыть во внутренней организаціи нашихъ инородцевъ тѣ самые порядки, которые на разстояніи тысячелѣтій господствовали и въ средѣ нашихъ отдаленныхъ предковъ, славянъ, какъ и вообще у родственныхъ намъ болѣе по языку, чѣмъ по крови, арійцевъ.

Нашъ обзоръ не претендуетъ на полноту и законченность. Мы ограничимся приведеніемъ примѣровъ. Но эти послѣдніе взяты будутъ изъ различнѣйшихъ концовъ нашего отечества, и съ береговъ Лены, и изъ области Поволжья. По теченію Терека и Кубани, какъ и въ степяхъ юго-восточной Россіи или Туркестана, доселѣ живутъ, частью бродячія, частью осѣдлыя племена, быть которыхъ построенъ на кровномъ началѣ. То же можно сказать объ обитателяхъ крайняго сѣвера, начиная отъ лопарей и оканчивая [illegible].

Остановимся прежде всего на якутахъ. Народъ этотъ считается пришедшимъ съ юга, съ верховьевъ Лены и Саянскихъ горъ *). О южномъ происхожденіи якутовъ свидѣтельствуютъ и ихъ преданія, разборомъ которыхъ занялся лучшій изъ современныхъ изслѣдователей ихъ быта, г. Сѣрошевскій.

Онъ основательно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что якутамъ не чуждо представленіе о такихъ животныхъ, какъ змѣя, верблюдъ,—животныхъ, совершенно не встрѣчающихся въ теперешней ихъ родинѣ. Змѣю якуты зовутъ одинаково съ монголами мохой, верблюда—тябень, имя, очень близкое къ южно-тюркскому названію верблюда—теве или, вѣрнѣе, тебе качинскихъ татаръ. Слово хахай, употребляемое монголами и бурятами для обозначенія свиньи, въ ходу и у якутовъ, которые прибѣгаютъ къ нему и тогда, когда рѣчь идетъ о львѣ. Тополь якуты зовутъ тіряхъ, точь-въ-точь какъ дѣлаютъ это не ихъ ближайшіе сосѣди, а персы, сарты, калмыки, киргизы. Все это указываетъ на ихъ прежнюю близость съ болѣе южными народностями. А нѣкоторыя бытовыя черты, взятыя изъ области ихъ вѣрованій, свидѣтельствуютъ о томъ, что народные культы китайцевъ оставили свой слѣдъ у якутовъ. Отмѣчу, напримѣръ, упоминаніе въ ихъ заклинаніяхъ девяти небесъ **) и счетъ ими родства до девяти колѣнъ. Извѣстно, какую роль у китайцевъ играетъ цифра три и производныя отъ нея девять, шесть и восемнадцать (такъ, 18 адовъ, допускаемыхъ таоистами ***).

Отмѣтимъ также, что въ сказаніяхъ якутовъ сохранилась память о царѣ ихъ Джингисѣ, т.-е. Чингисъ-ханѣ ****); это позволяетъ думать, что и они нѣкогда входили въ составъ основанной имъ имперіи, т.-е. стояли близко къ татарамъ и монголамъ.

Не лишена значенія еще одна черта. Якуты, въ противность тунгусамъ, не ѣдятъ свинины, какъ не ѣдятъ ея и монголы *****). Одно уже это обстоятельство не позволяетъ мнѣ отождествить ихъ въ прошломъ съ тѣми илэу, о которыхъ говорится въ китайскихъ лѣтописяхъ о народахъ Средней Азіи, переведенныхъ и обнародованныхъ монахомъ Іоакинѳомъ ******). Вѣдь объ этихъ илэу прямо значится:

---

*) Объ этомъ говоритъ еще Георги, «Russland». Leipzig. 1783 г., т. I, стр. 260.

**) Тамъ же, стр. 187. Месть простирается у якутовъ до 9 колѣна (тамъ же, стр. 454). На родовыхъ празднествахъ особую роль играютъ девять непорочныхъ юношей (тамъ же, стр. 463).

***) Bournias et A. Paulus, «Le culte des morts dans le céleste Empire et dans l'Annam», стр. 71. Reville, «La religion chinoise», стр. 158—160.

****) Сѣрошевскій, стр. 209.

*****) Тамъ же, стр. 193.

******) Петербургъ, 1851 г., ч. II, стр. 19.

«любятъ разводить свиней, питаются мясомъ ихъ, зимою намазываютъ тѣло свинымъ жиромъ». Все это, вмѣстѣ взятое, вызываетъ въ умѣ представленіе о народѣ, который отъ употребленія свинины и въ пищу, и въ жертвоприношеніяхъ получилъ отъ татаръ прозвище донгусъ, т.-е. свинья, иначе говоря о тунгусахъ *).

О внутреннемъ бытѣ якутовъ имѣлись уже опредѣленныя представленія въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія, въ эпоху составленія для цѣлей административнаго характера «Сборника обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» **). Можно сказать, что даже ранѣе, въ концѣ XVIII вѣка, Георги уже обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что якуты живутъ родами, хотя и обозначилъ послѣдніе неподходящимъ русскимъ терминомъ «волостей» ***). Это названіе придано было якутскимъ родамъ казаками. Сами же якуты обозначаютъ родъ словомъ «уса» съ прибавкой другого—«ага», что значитъ отецъ ****), изъ чего съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что родъ якутовъ въ настоящее время родъ отеческій или агнатическій. Не такъ было, повидимому, на первыхъ порахъ, если судить по слѣдующимъ даннымъ, тщательно отмѣченнымъ г. Сѣрошевскимъ.

Хотя у якутовъ родство въ настоящее время считается только по отцу, но терминъ, употребляемый ими для его обозначенія—«іе-уса», отъ словъ іе—мать и уса—родъ, самъ по себѣ указываетъ на то, что первоначально родственниками считались лица, связанныя происхожденіемъ не отъ одного мужчины, а отъ одной женщины. Преданіе о томъ, что многіе роды и даже совокупность нѣсколькихъ родовъ, образующая, какъ мы увидимъ ниже, такъ называемый «наслегъ», получили свое названіе отъ женщинъ, подтверждаетъ высказанную догадку *****).

Въ записи обычнаго права якутовъ, составленной, какъ мы сказали, въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія, дается слѣдующее опредѣленіе роду и болѣе обширному союзу, въ составъ котораго онъ входитъ: нѣсколько семей, происходящихъ отъ одного родоначальника (мы видѣли, что вѣрнѣе было бы сказать отъ одной родоначальницы), заключая въ себѣ мужского пола отъ 30 до 50, 70, 100 и болѣе

---

*) Тамъ же, вступленіе. Сѣрошевскій ошибается поэтому, считая илэу предками якутовъ.

**) Онъ достался отъ польскаго сенатора, извѣстнаго ученаго юриста Губе, варшавскому университету и напечатанъ проф. Самоквасовымъ въ 1876 г.

***) «Die Jakuten—пишетъ онъ,—halten sich sorgfältig nach Stämmen und Geschlechtern zusammen. Die Regierung theilet die Geschlechter [106] (Wolosten) nach den Kreisen jeden Tributortes ein» (т. I, стр. 261).

****) Сѣрошевскій, т. I, стр. 433.

*****) Сѣрошевскій, стр. 506 и 507.

душъ, составляетъ особый родъ, который называется по имени родоначальника, отъ котораго онъ происходитъ; надъ каждымъ такимъ родомъ начальствуетъ старшина. Изъ нѣсколькихъ родовъ, какъ-то двухъ, трехъ и болѣе, составляется наслегъ, заключающій въ себѣ мужского пола отъ 100 до 1000 душъ; онъ носитъ названіе старшаго по происхожденію рода. Завѣдуетъ наслегомъ князь. Изъ нѣсколькихъ наслеговъ составляется улусъ, которымъ управляетъ голова. Старшины рода и князья наслеговъ выбираются изъ дѣтей и потомковъ старшинскихъ и княжескихъ родовъ; преимущество дается старшему. Улусный голова выбирается князьями и старшинами всего улуса *).

Вотъ все существенное, что сообщаетъ намъ о родовомъ устройствѣ якутовъ сборникъ, преслѣдующій не столько научныя, сколько административныя задачи. Къ этимъ даннымъ позднѣйшіе путешественники и изслѣдователи прибавили нѣсколько добавочныхъ чертъ, не лишенныхъ интереса. Графу П. Кострову мы обязаны указаніемъ на то, что рядомъ съ единоличными властями родъ, наслегъ и улусъ имѣютъ каждый и коллективный органъ. Имъ является сходъ: сходъ рода и соотвѣтственно наслега и улуса. Эти сходы созываются единоличными начальниками названныхъ группъ, которые и принимаютъ на себя предсѣдательство надъ собраніемъ. На сходѣ—пишетъ графъ Костровъ—дозволяется участвовать всѣмъ. Кто не можетъ говорить самъ, ставитъ вмѣсто себя оратора. Между сходами, собираемыми для обсужденія дѣлъ общественныхъ, и сходами для суда не существуетъ различія. На первые родовичи собираются въ большомъ числѣ, особенно когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подѣлить сѣнокосы. На сходахъ разбираются также какъ гражданскія тяжбы, такъ и маловажные проступки, не влекущіе за собою уголовныхъ наказаній **).

До выхода въ свѣтъ книги г. Сѣрошевскаго этимъ и исчерпывались болѣе или менѣе наши свѣдѣнія объ общественной организаціи якутовъ ***). Какія стороны въ ней могутъ считаться народными, какія обязаны своимъ происхожденіемъ почину русскаго правительства, въ чемъ собственно сказывается родовое единство якутовъ, на все это въ литературѣ обычнаго права нашихъ инородцевъ нельзя было встрѣтить даже попытки отвѣта.

Теперь дѣло измѣнилось радикально. Благодаря г. Сѣрошевскому, мы узнали, что якуты имѣютъ весьма ясное представленіе о

---

*) «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», стр. 201 и 202.

**) «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ» П. Матвѣева въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества» за 1878 г., стр. 296 и 297.

***) Баронъ Майдель въ своемъ путешествіи по сѣверо-восточной части Якутской области только воспроизводитъ свѣдѣнія, имѣющіяся о родовой организаціи якутовъ въ «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ».

родѣ или «уса». Если, говорятъ они, взять всѣ вѣтви, всѣ сучья, листья и почки, вырастающіе изъ одного корня, то получится уса или родъ *). Якутамъ извѣстенъ и другой терминъ для обозначенія рода это—«тӧрдо», что значитъ происхожденіе, корень. Якуты считаютъ родство всего до девятой степени или колѣна. Сыганъ или дѣти двоюродныхъ братьевъ уже не причисляются къ роду. Между ними бракъ возможенъ, тогда какъ между лицами первыхъ восьми поколѣній онъ запрещенъ. Самое названіе сыганъ происходитъ отъ корня сыгъ, смыслъ котораго якуты передавали, говоря: это значитъ «можно жениться». Не слѣдуетъ думать, однако, что такое ограниченіе брачныхъ запретовъ въ средѣ рода восьмью колѣнами было бы исконнымъ или повсемѣстнымъ. «Нѣкоторые якуты прямо отрицали — пишетъ г. Сѣрошевскій—, чтобы въ предѣлахъ отцовскаго рода могли найтись лица, съ которыми бракъ былъ бы дозволенъ» **). Такая точка зрѣнія несравненно болѣе архаична. Родъ по природѣ своей—союзъ экзогамическій. Поддержанію въ немъ внутренняго мира въ такой же мѣрѣ грозило бы индивидуальное присвоеніе женщинъ, какъ и преслѣдованіе кровною местью преступленій, совершаемыхъ въ его средѣ. То различное отношеніе къ матеріальному вреду, смотря по тому, нанесенъ ли онъ чужеродцу, или родовичу, которое составляетъ характерную черту родового быта, наглядно выступаетъ и у якутовъ. «За убійство—пишетъ г. Сѣрошевскій со словъ туземцевъ—мстили дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей до девятаго колѣна» ***). Но это имѣло мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда убійца принадлежалъ не къ одному и тому же роду съ убитымъ. Если же человѣкъ убивалъ сородича, то его привязывали къ дереву въ глухомъ лѣсу и бросали навсегда ****); другими словами, отъ него старались отдѣлаться, съ нимъ порывали всякое общеніе, какъ дѣлали это члены кельтическихъ, скандинавскихъ и германскихъ родовъ тысячелѣтія тому назадъ и какъ дѣлаютъ еще въ наши дни кавказскія родовыя группы съ ихъ общераспространеннымъ обычаемъ абречества, т.-е. насильственнаго изгнанія изъ рода нарушившихъ его миръ членовъ.

Третьимъ обстоятельствомъ, мѣшающимъ возникновенію розни между членами рода, является начало имущественнаго общенія, держащееся въ его средѣ. Оно доселѣ выступаетъ въ томъ фактѣ, что раздѣлъ сѣнокосовъ производится не между частными семьями, а между родами. Баронъ Майдель подтверждаетъ въ этомъ отношеніи

---

*) Сѣрошевскій, стр. 433.
**) Тамъ же, 435.
***) Тамъ же, стр. 454.
****) Тамъ же, стр. 457.

показанія г. Сѣрошевскаго. «Выборный начальникъ паслега, называемый имъ старостою, производитъ ежегодно весною—пишетъ Майдель — надѣлъ сѣнокосами» *). Что же касается членовъ одного и того же рода, то у нихъ, какъ говорили г. Сѣрошевскому опрошенные имъ якуты, всѣ обязаны продавать сѣно (да и не одно сѣно, а также и пищу) сначала родовичамъ; если же они не возьмутъ, членамъ одного паслега и затѣмъ уже постороннимъ **).

Г. Сѣрошевскій указываетъ на то, что родъ у якутовъ былъ и своего рода религіозной единицей въ томъ смыслѣ, что ему извѣстны были въ старые годы такія годовыя празднества «ысыахи», на которыя созывались члены одного и того же рода. На нихъ, по преданію, девять непорочныхъ юношей становились въ рядъ другъ за другомъ съ лицомъ, обращеннымъ къ югу, держа въ рукахъ сосуды съ кумысомъ. Стоящій во главѣ затягивалъ пѣсню; остальные подхватывали ее, подымая трижды къ небу сосуды съ кумысомъ; часть его выливали затѣмъ на землю, какъ бы въ жертву ей. На этомъ же весеннемъ праздникѣ освящали въ честь «Бѣлаго Бога», создателя и покровителя якутовъ, бѣлаго жеребца и бѣлыхъ также кобылъ ***).

Этотъ праздникъ былъ такимъ же сборищемъ родовичей, какъ и тѣ сходы, на которыхъ, какъ сказано, обсуждались и обсуждаются интересующіе родъ вопросы. По преданію, въ составъ этихъ сходовъ входили искони всѣ взрослые; рѣшенія всегда были единогласны,—черта, общая якутскому сходу со всѣми родовыми и развившимися изъ нихъ народными вѣчами, въ томъ числѣ тѣми, которые существовали у насъ въ удѣльный періодъ ****). Но это единогласіе достигалось на дѣлѣ только въ виду того, что на якутскомъ сходѣ, какъ нѣкогда на германскихъ, прямое участіе въ обсужденіи принимали и принимаютъ только наиболѣе возрастные и состоятельные. Они на собраніяхъ образуютъ собою первый кругъ и сидятъ на землѣ по-татарски, т.-е. поджавъ подъ себя ноги. Во второмъ кругу сидятъ или стоятъ на колѣняхъ менѣе вліятельные и болѣе молодые члены рода; они иногда только вставляютъ свои замѣчанія. Въ третьемъ кругу располагается молодежь, нищіе и нерѣдко женщины. Всѣ они обыкновенно стоятъ, чтобы лучше видѣть и слышать, сохраняютъ глубокое молчаніе. Такіе порядки, повидимому, могутъ считаться исконными, такъ какъ, по преданію, и въ старину первенствующее мѣсто на сходахъ зани-

---

*) Стр. 70.
**) Сѣрошевскій, стр. 460.
***) Сѣрошевскій, стр. 463.
****) Польское liberum veto, иначе право остановить рѣшеніе сейма выраженіемъ несогласія со стороны любого изъ его членовъ, очевидно, не имѣетъ иного источника.

мали одни такъ называемые сесены, т.-е. бѣловолосые многоопытные старцы. Безъ нихъ ничего не рѣшали, какъ и понынѣ осетинскіе народные сходы или нихасы ничего не рѣшаютъ, не отобравъ предварительно мнѣнія стариковъ. Если родъ былъ многочисленъ и распадался на вѣтви, то игравшіе на немъ роль старики были нерѣдко и своего рода второстепенными старшинами, начальниками надъ «вѣтвями» или надъ мелкими родами, слившимися въ одинъ большой *). Якутскіе роды имѣютъ и свои внѣшнія отличія, обозначаемыя татарскимъ терминомъ «тамга», общеупотребительнымъ и на Кавказѣ. Но тамъ эти знаки носятъ уже видъ геометрическихъ фигуръ. У якутовъ же, какъ видно изъ приводимыхъ г. Сѣрошевскимъ снимковъ, эти знаки являются неумѣлыми изображеніями предметовъ природы, въ томъ числѣ животныхъ. Если прибавить, что многіе роды и обозначаются именами животныхъ, какъ, напримѣръ, лисица, медвѣдь, дятелъ, а также именами камней и частей дерева: кремень, кора, то едва ли останется сомнѣніе въ томъ, что мы имѣемъ у якутовъ дѣло съ однимъ изъ немногихъ проявленій тотемизма, уцѣлѣвшихъ въ средѣ нашихъ инородцевъ **). Соотвѣтственно этому, отдѣльные роды имѣли каждый свой кличъ, такъ называемый «ранъ» или «уранъ». Въ нихъ, какъ видно изъ немногихъ образцовъ, приведенныхъ г. Сѣрошевскимъ, упоминаются, между прочимъ, имена животныхъ, такъ, напр., волкъ ***).

Г. Сѣрошевскій не оставляетъ насъ въ неизвѣстности и по вопросу о томъ, какіе изъ трехъ вышеупомянутыхъ союзовъ: уса, наслегъ и улусъ, должны считаться народными по своему источнику. «Въ якутскихъ преданіяхъ—пишетъ онъ—имѣется указаніе только насчетъ двойной группировки націи». «Роды и наслеги—говорили ему туземцы—идутъ отъ предковъ, а улусы, должно быть, ревизія устроила». До пришествія русскихъ, прибавляетъ Сѣрошевскій, якутскій народъ распадался на «джоны» или «биси», а эти состояли изъ родовъ. Джоновъ было значительно больше, чѣмъ теперь улусовъ; ихъ-то и называли казаки волостями,—терминъ, попавшій, какъ мы видѣли, и въ сообщеніе Георги. Джоновъ было въ то же время меньше, чѣмъ наслеговъ, такъ какъ многіе джоны раздробились ****). Авторъ приводитъ примѣръ джона, включавшаго въ себѣ 41 родъ и разбитаго на пять наслеговъ *****). Итакъ, исконная организація якутовъ—организація ихъ въ роды и союзы родовъ. Послѣдніе имѣли свои союзные сходы или совѣты, на которыхъ рѣшенія принимались едино-

*) Тамъ же, стр. 464 и 465.
**) Тамъ же, стр. 470.
***) Тамъ же, стр. 471.
****) Тамъ же, стр. 474 и 475.
*****) Тамъ же, стр. 477.

гласно. Союзы родовъ имѣли если не мирныхъ, то военныхъ вождей, которыхъ казаки по ошибкѣ приняли за князей *).

Вслѣдъ за болѣе ранними изслѣдователями, въ томъ числѣ за графомъ Костровымъ, г. Сѣрошевскій настаиваетъ на томъ вредѣ, какой причинило якутамъ неудачное отождествленіе русскими ихъ выборныхъ вождей съ наслѣдственными князьями. Сдѣлавъ этихъ мнимыхъ князей отвѣтственными за своевременный платежъ натуральной подати или ясака, русскіе фактически поставили отъ нихъ въ зависимость все свободное населеніе. Мнимые князья стали захватывать земли, взимать подати, безконтрольно вводить кабалу и даже торговать людьми **). Въ дѣйствительности же эти начальники надъ союзами родовъ были не болѣе какъ временными военными предводителями. Они носили наименованіе тоёнъ и брались обыкновенно изъ одной и той же династіи ***). У якутовъ слагались, такимъ образомъ, тѣ же отношенія начальства и подчиненія, какія обычны періоду перехода отъ родовъ къ болѣе обширнымъ соединеніямъ, хотя бы временнымъ. Якутскій военачальникъ или тоёнъ—это тотъ же кельтическій вергобретъ или германскій конунгъ. При замѣщеніи этой должности народъ придерживается всего чаще одной какой-нибудь семьи; но наслѣдственность соблюдается не строго. Въ якутскихъ преданіяхъ купленный на сторонѣ мальчикъ-пріемышъ заступаетъ не разъ мѣсто законнаго сына и становится тоёномъ ****).

Родъ составляетъ также основу общественной организаціи тунгусовъ и притомъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ повѣствованіяхъ китайскихъ лѣтописцевъ о народахъ Маньчжуріи говорится и о южныхъ тунгусахъ, населяющихъ королевство Чаосянь.

Упоминаніе ихъ о томъ, что народъ илэу, разводящій свиней и питающійся ихъ мясомъ (откуда и названіе тунгусъ отъ татарскаго слова донгусъ—свинья), не имѣетъ государя, и что у него каждое село принадлежитъ особому владѣльцу, очевидно, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что у тунгусовъ нѣтъ центральной политической власти, а имѣются только родовые старшины *****). Въ описаніи различныхъ племенъ, заселяющихъ Россію, составленномъ Георги и вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1783 году, о тунгусахъ говорится какъ о распадающихся на племена и роды (Stämme und Geschlechter). «Каждый родъ (тагаунъ) — говоритъ повѣствователь — производитъ себя отъ чело-

---

*) Тамъ же, стр. 466, 469.
**) Тамъ же, стр. 494 и 495.
***) Тамъ же, стр. 453.
****) Тамъ же, стр. 453.
*****) «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи» монаха Іоакинѳа, часть II, стр. 13.

вѣка, знаменитаго храбростью, силой, обиліемъ скота и дѣтей, иногда разумомъ. Родъ носитъ его имя, члены его считаютъ себя связанными узами крови и какъ бы образующими одну семью» *). Нѣсколько родовъ считаетъ себя близкими другъ другу въ виду того, что ихъ родопачальники были родственниками. Въ виду этого они образуютъ собою одно племя. Тѣ семьи, которыя въ прямой линіи признаютъ себя происходящими отъ основателя рода, образуютъ у тунгусовъ дворянство (Oterikan); изъ нихъ и вербуются обыкновенно старѣйшины отдѣльныхъ родовъ или даруга; при недостаткѣ же дворянъ, старѣйшинами выбираютъ людей наиболѣе зажиточныхъ и потому вліятельныхъ. Прежде нѣсколько родственныхъ между собою родовъ выбирало общаго начальника (сайзана); изъ этихъ начальниковъ одного возводили въ князя всего племени подъ названіемъ тоніонъ или тоіонъ Онъ напоминалъ собою хана татарскихъ ордъ. Въ настоящее время роды съ ихъ утверждаемыми русскимъ правительствомъ старшинами, даруга, а также начальники надъ нѣсколькими соединившимися родами—сайзаны, наконецъ, немногіе уцѣлѣвшіе предводители племенъ — тоіоны, распредѣлены въ видахъ надзора и обложенія данью между округами, острогами и мѣстными податными управленіями (Георги называетъ ихъ Tributhütten). Цитируемый нами писатель приводитъ какъ число родовъ въ отдѣльныхъ округахъ (16 въ Якутскомъ, 27 въ Охотскомъ, 13 въ Баргузинскомъ, 15 въ Нерчинскомъ), такъ и приблизительное число входящихъ въ ихъ составъ членовъ мужескаго пола. Такъ, въ Якутскомъ округѣ на 16 родовъ приходилось 1291 стрѣлокъ или взрослый мужескаго пола, что даетъ намъ среднимъ числомъ 80 человѣкъ на каждый родъ. Въ Охотскомъ округѣ роды были менѣе многочисленны. Ихъ приходилось 27 на 1862 стрѣлка, т.-е. по 69 взрослыхъ мужчинъ на родъ **). У охотничьихъ племенъ роды рѣдко когда живутъ совмѣстно. Въ лѣсахъ тунгусы разсѣиваются въ погонѣ за дичью, отдѣльныя семьи ихъ только по временамъ сходятся съ другими, имъ родственными, т.-е. принадлежащими къ одному съ ними роду ***). Тѣ, кто зимою охотится за дичью, лѣтомъ обыкновенно занимаются рыболовствомъ. Охотничьи районы между родами менѣе строго опредѣлены (очевидно, въ виду тогдашняго обилія пушного звѣря), чѣмъ рѣчные уловы. Каждому роду отведено особое урочище, такъ называемый «боа» ****). Георги

*) Georgi, т. II, стр. 307.
**) Тамъ же, стр. 308.
***) Тамъ же, стр. 314.
****) «Um der Fischerei Willen halten sie sich mehr, als auf der Jagd in den unter ihnen für jedes Geschlecht festgesetzten Kreise (Boa)»; стр. 314. Въ 182[illegible]-хъ годахъ, когда составлена была, по волѣ правительства, запись

прибавляетъ, что драгоцѣнные металлы не имѣютъ для тунгусовъ большой цѣны; всего болѣе дорожатъ они обильнымъ потомствомъ *).

Къ этимъ чертамъ родового быта тунгусовъ сборникъ ихъ обычнаго права, составленный по распоряженію русскихъ властей, прибавляетъ нѣсколько характерныхъ подробностей. Мы узнаемъ изъ него, что сожитіе между лицами, близкими по крови, т.-е. членами одного рода, считалось особенно наказуемымъ **). Это значитъ, что брачные запреты существовали для членовъ одного и того же рода, иначе говоря, что роды были союзами экзогамическими.

Изъ того же сборника видно, что, помимо охотничьихъ и рыболовныхъ районовъ, обычаемъ охранялись также сѣнокосныя угодья отдѣльныхъ родовъ. Вотъ почему нельзя было ни человѣку, прибывшему со стороны, ни чужеродцу, косить сѣно безъ предварительнаго разрѣшенія старшины (очевидно, родового) и не одного старшины, а также стариковъ и вѣрныхъ людей, т.-е. уполномоченныхъ общества. Въ случаѣ такого произвольнаго покоса, сѣно не отбиралось, однако, сполна въ пользу хозяина участка (или временнаго пользователя по развертклѣ, сдѣланной родовыми властями); одна треть оставалась за лицомъ, его выкосившимъ ***).

У нерчинскихъ тунгусовъ, въ числѣ 15 родовъ, уже заведено было скотоводство. Обычай принималъ мѣры къ сохраненію за каждымъ дворомъ его права собственности на скотъ и запрещалъ устраивать западни для пушного звѣря на извѣстномъ разстояніи отъ заговоновъ ****).

Споры въ предѣлахъ рода рѣшались, по просьбѣ сторонъ, его старшиною. Разъ ему не извѣстенъ тотъ обычай, который долженъ быть примѣненъ къ данному случаю, онъ опрашиваетъ стариковъ, беретъ ихъ въ временные товарищи и съ ними постановляетъ приговоръ *****). Тѣ же старшины являются и высшими административными властями рода, почему до ихъ свѣдѣнія доводится о тѣхъ случаяхъ, когда укушенная бѣшеной собакой скотина внезапно скроется. Это позволяетъ имъ принять мѣры противъ распространенія заразы своевре-

---

юридическихъ обычаевъ тунгусовъ, рыбныя запруды перешли уже въ частное обладаніе, какъ можно судить по слѣдующей статьѣ: «Буде кто изъ чужого заеска рыбу возьметъ, онаго наказать лозами; взятую же рыбу отдать хозяину» (стр. 61).

*) Тамъ же стр. 323.

**) Буде оба (любовникъ и любовница) — родня по крови, то обоихъ крѣпко наказать тѣлесно» (стр. 20).

***) Тамъ же, стр. 33.

****) Тамъ же, стр. 35.

*****) Тамъ же, стр. 39.

менным истребленіемъ укушеннаго животнаго *). По стойбищамъ, т.-е. загонамъ для скота въ предѣлахъ рода, никто не долженъ ѣздить, не запасшись предварительнымъ разрѣшеніемъ старшины, устнымъ или письменнымъ. Кто же поддѣлаетъ послѣднее, подлежитъ особенно строгой карѣ **).

При обидахъ, нанесенныхъ членомъ одного рода члену другого, рѣшеніе принадлежитъ ихъ соотвѣтствующимъ старшинамъ ***).

За убійства, совершенныя въ такихъ условіяхъ, не полагается кровнаго возмездія, какъ объ этомъ прямо заявляетъ Георги, говоря, что, кромѣ ударовъ, виновный принимаетъ на себя обязательство содержать потомство своей жертвы ****).

У бурятъ мы встрѣчаемъ въ общемъ сходные порядки. Георги, описывая ихъ бытъ, говоритъ о множествѣ мелкихъ племенъ (колбонда или табунъ), состоящихъ изъ родовъ (аймакъ)*****). Послѣдній, въ свою очередь, включаетъ въ себя нѣсколько «хотонъ», т.-е. совокупность десяти—двѣнадцати семей, которыя совмѣстно снимаются и переходятъ на новыя мѣста жительства, гдѣ занимаютъ подъ выпасъ общаго стада тѣ или другія пространства. Роды ихъ, въ числѣ четырехъ—шести, имѣютъ общаго выборнаго старшину подъ названіемъ «шуленга». Стоящіе подъ начальствомъ шуленги поселки входятъ въ составъ родовъ и племенъ (аймаковъ и колбонда, иначе извѣстныхъ подъ именемъ «табунъ»). Во главѣ рода стоитъ такъ называемый «сайсанъ», обыкновенно принадлежащій къ той изъ его семей, которая считается происходящей въ прямой линіи отъ родоначальника и потому благородной. Во главѣ же племени стоитъ такъ называемый «тайша», своего рода князь. Названнымъ лицамъ принадлежитъ завѣдываніе интересами рода и соотвѣтственно племени, рѣшеніе судебныхъ тяжбъ и сборъ слѣдуемой правительству натуральной подати или ясака ******). Изъ дальнѣйшихъ сообщеній Георги мы узнаемъ о числѣ родовъ въ различныхъ округахъ и числѣ входящихъ въ ихъ составъ стрѣлковъ, т.-е. возмужалыхъ мужчинъ. Оказывается, что величина родовъ весьма различна; въ однихъ можно насчитать двѣ—три сотни членовъ мужчинъ, въ другихъ двѣ съ лишнимъ тысячи. Этимъ и заканчивается все то, что Георги удалось узнать о внутреннемъ устройствѣ бурятъ.

Отъ 1823 года дошли до насъ новыя данныя о бурятскихъ родахъ изъ составленнаго въ этомъ году сборника ихъ юридическихъ обык-

---

*) Тамъ же, стр. 35.
**) Тамъ же, стр. 40 и 63.
***) Тамъ же, стр. 43.
****) Georgi, стр. 311.
*****) Georgi, ч. II, стр. 420.
******) Georgi, т. II, стр 421.

новеній. Мы узнаемъ изъ него, что въ Иркутскомъ округѣ, въ Верхоленскѣ, буряты состояли подъ начальствомъ одного племенного начальника, тайши, и насчитывали десять родовъ съ числомъ ревизскихъ душъ мужескаго пола 7535. Во главѣ каждаго рода стоялъ особый начальникъ. О всѣхъ ихъ, числомъ десять, значится: «Они признаютъ власть главнаго тайши и его помощника, какъ общихъ начальниковъ всѣхъ десяти родовъ. Они выполняютъ всѣ ихъ законныя требованія, какъ письменныя, такъ и словесныя. Старосты надъ отдѣльными поселками такимъ же образомъ повинуются родовымъ старѣйшинамъ, шуленгамъ, а рядовые родовичи состоятъ въ подчиненіи у своихъ старостъ. Малыя ссоры, драки и небольшія воровства разбираютъ старосты между родовичами словесно и въ сообществѣ съ лучшими или почетнѣйшими людьми. Если же не могутъ чего рѣшить сами, то передаютъ дѣло на разсмотрѣніе родового шуленги. Послѣдній приглашаетъ для разбирательства лучшихъ старостъ рода и вообще почетныхъ родовичей и заодно съ ними постановляетъ приговоръ *). Разъ обѣими сторонами высказано будетъ недовольство послѣднимъ, дѣло поступаетъ на рѣшеніе главнаго тайши, окружающаго себя шуленгами разныхъ подвластныхъ ему родовъ, а также извѣстнымъ числомъ ихъ старостъ и почетныхъ людей.

Итакъ, передъ нами цѣлая организація кровныхъ союзовъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ. Въ низшей инстанціи кровные союзы являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хозяйственными. Деревня носитъ родовой характеръ. Ея староста—родственникъ всѣхъ подвластныхъ ему. Совокупность такихъ родовыхъ поселковъ обнимается понятіемъ рода; во главѣ его стоитъ шуленга изъ ближайшей къ родоначальнику династіи. Наконецъ, высшимъ союзомъ является племя съ его начальникомъ или «тайшею». Дѣла судебныя не отдѣлены отъ административныхъ, почему старосты, шуленги и тайши не только управляютъ, но и рѣшаютъ гражданскія и уголовныя тяжбы, обыкновенно не единолично, а при участіи стариковъ и почетныхъ родовичей въ низшей инстанціи, деревенскихъ старостъ и родовыхъ старшинъ въ средней и высшей.

Такая организація существовала не у однихъ только бурятъ Иркутскаго округа, но и во всѣхъ другихъ округахъ. «Права иновѣрческихъ начальниковъ, читаемъ мы въ записи юридическихъ обычаевъ бурятъ Идинскаго, Тункинскаго, Балаганскаго и Кудинскаго вѣдомствъ заключаются въ слѣдующемъ: власть главнаго тайши лежитъ въ исполненіи законовъ и предписаній высшаго начальства, въ сохраненіи тишины и порядка среди ввѣреннаго ему народа, въ наблюденіи за

*) Стр. 67 и 68.

родовыми шуленгами или начальниками, въ понужденіи ихъ исполнять свои обязанности и т. д. Что же касается власти начальниковъ надъ родами, то ихъ права и обязанности тѣ же, что и тайши, въ предѣлахъ подчиненнаго каждому рода» *).

Надо сказать, однако, что всѣ сообщенныя доселѣ свѣдѣнія затрогиваютъ болѣе внѣшнюю организацію рода, нежели его внутреннюю жизнь. Изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ мы узнаемъ нѣсколько добавочныхъ чертъ, такъ, напримѣръ, ту, что должность тайши или племенного начальника была избирательной. Но съ 1787 г. она сдѣлалась наслѣдственной, въ лицѣ нѣкоего Назара Хубагва и его потомства. Наслѣдственность продолжала держаться до 1865 г., когда снова возстановлено было избраніе **).

На ряду съ единоличными властями мы находимъ у бурятъ и собранія всего племени или отдѣльныхъ родовъ. Они извѣстны подъ названіемъ «сугланъ» отъ глагола суглаха—собираться.

На этихъ собраніяхъ буряты обсуждаютъ важнѣйшія дѣла и выбираютъ изъ своей среды родоначальниковъ. На сугланахъ присутствуютъ: на родовыхъ—всѣ старосты и возрастные члены мужескаго пола, на племенныхъ — родоначальники и лица, уполномоченныя отъ родовъ ***).

Основу самыхъ низшихъ союзовъ лицъ, объединенныхъ родствомъ, составляла, несомнѣнно, общая охота. Буряты, собравшись въ большемъ или меньшемъ числѣ, производили ее совмѣстно, дѣля убитыхъ звѣрей поровну. Это были такъ называемыя «зегетеаба». Такими охотничьими разъѣздами, такими общими облавами, руководили избранные начальники (галши).

Когда отъ звѣроловства буряты перешли къ другимъ промысламъ, прежнее общеніе все же продолжало выступать у нихъ, во-первыхъ, въ общемъ обладаніи сѣнокосами, которые буряты дѣлятъ между собою ежегодно поровну по числу мужскихъ душъ; во-вторыхъ, въ совершаемыхъ изъ-года-въ-годъ родовыхъ жертвоприношеніяхъ (талганы). Общество сообща покупаетъ жертвенныхъ животныхъ и сообща угощаетъ всѣхъ прибывшихъ на празднество ****). Роды, такимъ обра-

---

*) Тамъ же, стр. 102. Приведенный въ текстѣ отрывокъ составляетъ часть приговора балаганскаго бурятскаго общества состоявшагося въ 1818 г. и отпечатаннаго недавно въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» за 1891 г., № 2. См. также въ «Записи обычаевъ бурятъ Хоринскаго вѣдомства», ст. III (стр. 111) сборн., изд. Самоквасовымъ.

**) См. «Юридическіе обычаи бурятъ» Хангалова («Этнограф. Обозр.» 1894 г., № 2, стр. 113 и слѣд.).

***) Тамъ же, стр. 133.

****) Тамъ же, стр. 120, 135 и 141.

зомъ, были на первыхъ порахъ и хозяйственными союзами. Ихъ члены связаны были между собою общностью предпріятія и общностью пользованія. Внутреннее согласіе не нарушалось индивидуальнымъ присвоеніемъ женщинъ, такъ какъ оно не было дозволено. «По обычаю бурятъ, невѣсту нельзя сватать изъ своего рода, а непремѣнно изъ чужого» *). Другими словами, роды бурятъ такіе же экзогамическіе союзы, какъ и роды тунгусовъ и вообще всякаго рода кровныя группы, у кого бы послѣднія ни встрѣчались.

Наконецъ, родъ избѣгаетъ возможности внутренняго разлада путемъ удаленія изъ своей среды всѣхъ нарушителей мира. Ни о какомъ кровномъ возмездіи между родовичами не можетъ быть и рѣчи. «Ежели кто, значится въ оффиціальной записи обычаевъ бурятъ Селенгинскаго вѣдомства, станетъ чинить раздоры и тѣмъ нарушитъ общественное спокойствіе, такого, какъ нетерпимаго въ родѣ человѣка, по приговору общества и старшинъ, переселять изъ одного рода въ другой» **).

Ближайшая народность Россіи, на которой необходимо остановить наше вниманіе, киргизы. Они живутъ одинаково въ Семирѣченской области, на лѣвомъ берегу Урала, наконецъ въ Туркестанѣ. Я присоединяюсь къ мнѣнію г. Ал. Харузина, который видитъ въ нихъ продуктъ смѣшенія значительнаго числа разноплеменныхъ этническихъ группъ,—смѣшенія, завершившагося не ранѣе X вѣка. «Въ киргизскомъ народѣ—пишетъ этотъ изслѣдователь—нѣтъ ничего коренного; въ немъ не только отсутствуетъ этнологическая и антропологическая цѣльность, но въ немъ нѣтъ даже основного выдающагося многочисленностью ядра, вокругъ котораго группировались бы отдѣльные элементы. Все киргизское племя расплывается среди массы тюркскихъ, монголо-тюркскихъ и даже иныхъ племенъ (усени)» ***).

Большинство этническихъ группъ, вошедшихъ въ образованіе киргизовъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя нѣкогда входили въ составъ Золотой Орды. Въ числѣ ихъ мы находимъ и кипчаковъ ****), покоренныхъ татарами Чингизъ-хана и постепенно слившихся съ ними, и печенѣговъ, опустошавшихъ степи южной Россіи во времена Святослава, отца Владиміра Святого, и усеней, доселѣ не получившихъ опредѣленія со стороны антропологовъ, племя бѣловолосыхъ людей, нѣкогда жившихъ у сѣверо-западной границы Китая, наконецъ, цѣлый

---

*) Тамъ же, стр. 141.

**) Сборникъ, изд. Самоквасовымъ, стр. 196, § 178.

***) Этнографическое Обозрѣніе», 1895 г. № 3. «Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа», стр. 87 и 88.

****) Тамъ же, стр. 75—81.

рядъ другихъ бродячихъ и *) полу-бродячихъ племенъ, перечисленіе которыхъ, очевидно, не можетъ войти въ нашу задачу. Въ X вѣкѣ киргизы извѣстны были персидскому писателю Мухаммеду-Хайдеру подъ названіемъ казаковъ. Этимъ именемъ, по его словамъ, обозначали бѣглецовъ-скитальцевъ. Въ наши дни Вамбери также переводитъ слово казакъ словомъ странникъ, бродяга **). Въ описаніи Мухаммедъ-Хайдера киргизы или киргизъ-кайсаки, иначе киргизъ-казаки, являются племенемъ, составленнымъ изъ разныхъ элементовъ и вышедшимъ изъ среды узбековъ, жителей Дештъ-Кипчака. Послѣ сказаннаго понятна общность родовыхъ именъ у киргизовъ и узбековъ. Тѣ же родовыя имена повторяются и у другихъ тюркскихъ народностей, у алтайскихъ тюрковъ, у каракалпаковъ и башкиръ, не говоря уже о каракиргизахъ. Изъ этого нельзя не заключить, вмѣстѣ съ г. Ал. Харузинымъ, что древніе тюрки въ теченіе своихъ многовѣковыхъ переселеній нерѣдко дробились, попадали въ самыя различныя страны и, соединяясь впослѣдствіи между собою, образовывали мало-по-малу извѣстныя намъ нынѣ этническія группы ***).

Киргизы раздѣляются въ наши дни на три главныя вѣтви: Большую орду, Среднюю и Малую (Букеевская—только часть послѣдней ****). Четвертую вѣтвь составляютъ, можно сказать, каракиргизы (или черные киргизы) Туркестана. Изслѣдователь ихъ юридическаго быта, Н. И. Гродековъ, пишетъ: «Каракиргизовъ киргизы считаютъ отличнымъ отъ себя узбекскимъ племенемъ. Изъ непріязни они производятъ ихъ отъ иновѣрцевъ-калмыковъ, но каракиргизы называютъ себя братьями киргизовъ и отрицаютъ свое происхожденіе отъ калмыковъ» *****).

Каждая орда киргизовъ дѣлится на неравное число колѣнъ; каждое колѣно заключаетъ въ себѣ нѣсколько родовъ; родъ дробится на отдѣленія и подраздѣленія.

«Если послѣднія группы возникли сравнительно недавно, то того же нельзя сказать о родахъ. Многіе изъ нихъ весьма старинны; на это указываютъ, пишетъ г. Харузинъ, свидѣтельства древнихъ писателей и то обстоятельство, что многіе роды, какъ мы видѣли, встрѣчаются не только среди киргизовъ, но и у узбековъ, каракиргизовъ, каракалпаковъ, туркменовъ и башкиръ ******). Одинъ изъ недавнихъ

---

*) Тамъ же, стр. 67.
**) Тамъ же, стр. 51.
***) Тамъ же, стр. 55.
****) Тамъ же, стр. 58.
*****) «Киргизы и каракиргизы Сыръ-дарьинской обл.», стр. 1 («Этногр. Обозр.» 1895 г. № 3, стр. 58).
******) Тамъ же, стр. 58.

изслѣдователей вопроса о происхожденіи каракиргизовъ, г. Ю. Аристовъ, пришелъ на этотъ счетъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: каракиргизскій народъ образовался изъ части енисейскихъ киргизовъ, ушедшей въ среднюю Монголію и составившей въ соединеніи съ частью тюркскихъ родовъ, особаго отъ киргизовъ происхожденія, усуньскій союзъ; этотъ послѣдній занялъ въ половинѣ II вѣка предъ Р. Хр. западный Тяньсянь и прилегающія съ сѣвера части степи. Енисейскіе киргизы представляли собою помѣсь тюрковъ съ динлинами, которые, такимъ образомъ, вошли и въ составъ каракиргизовъ. Динлины же—длинноголовые или долихоцефалы, принадлежащіе къ числу такихъ же первоначальныхъ насельниковъ Азіи, какъ и айносы. Къ динлинамъ принадлежатъ и вымирающіе нынѣ енисейскіе остяки *).

Мы остановились долѣе, чѣмъ это необходимо для нашей ближайшей цѣли, на вопросѣ о происхожденіи тѣхъ племенъ, родовой бытъ которыхъ составитъ предметъ нашего ближайшаго изученія. Для насъ важно было установить тотъ фактъ, что въ составъ киргизовъ вошли разнообразнѣйшія этническія группы. Если, тѣмъ не менѣе, основы ихъ быта, какъ мы сейчасъ покажемъ, однохарактерны, то не служитъ ли это новымъ подтвержденіемъ той мысли, что не въ антропологическихъ особенностяхъ надо искать источникъ свойственныхъ народу общественныхъ порядковъ, а въ его экономическомъ укладѣ, въ свою очередь, обусловленномъ физической природой страны и густотою населенія. Еще Георги въ концѣ XVIII столѣтія отмѣтилъ тотъ фактъ, что, несмотря на обширность занимаемой ими площади отъ Урала до Иртыша, Сыръ-Дарьи, Аральскаго и Каспійскаго морей, киргизы всюду встрѣчаются съ одинаковыми физическими условіями, благопріятными пастушеству и неблагопріятными земледѣлію. Почва, изобилующая солончаками, не располагаетъ ихъ къ хлѣбопашеству, а сравнительно слабая густота населенія позволяетъ періодическое переселеніе кочевниковъ вслѣдъ за стадами съ лѣтнихъ пастбищъ на сѣверѣ на зимнія въ южныхъ степяхъ **).

Роды киргизовъ являются болѣе политическими, чѣмъ кровными союзами. Въ этомъ отношеніи они, впрочемъ, подтверждаютъ одно изъ основныхъ положеній настоящаго труда, который весь направленъ противъ ходячаго ученія о томъ, что родъ—разросшаяся семья. Образованіе новыхъ родовъ киргизовъ въ наши дни или въ недавнемъ прошломъ только иллюстрируетъ порядокъ ихъ возникновенія въ дали временъ. Г. Аристовъ, какъ нельзя лучше, изображаетъ этотъ процессъ, говоря: «Недостатокъ пастбищъ вслѣдствіе размноженія скота,

---

*) «Живая Старина» 1894 г., выпуски III и IV, стр. 451, 464 и 465.
**) Georgi, «Russland», т. I, 1783 г., стр. 205.

борьба за нихъ, происходящіе отсюда и отъ другихъ причинъ внутреннie смуты и раздоры, наконецъ, внѣшнія нашествія и войны, все это вліяетъ на группировки родовъ и ихъ частей, вызывая образованіе новыхъ кровныхъ союзовъ. Среди внутреннихъ смутъ и броженій выдающуюся роль играютъ сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не одни близкіе родственники, но и отдаленныя по крови вѣтви рода и даже иноплеменники. Возникающіе, такимъ образомъ, союзы приравниваются народнымъ сознаніемъ къ родовымъ, хотя въ составъ ихъ входятъ части разныхъ родовъ и даже цѣлыя группы иноплеменниковъ» *). Въ виду того, что такія же образованія имѣли мѣсто и на разстояніи тысячелѣтій, мы въ правѣ будемъ придти, вслѣдъ за г. Аристовымъ, къ тому заключенію, что роды киргизовъ болѣе политико-общественные, чѣмъ кровные союзы, къ тому же весьма смѣшаннаго состава. То же можно сказать и о каракиргизахъ, но у нихъ, какъ и у южно-сибирскихъ тюрковъ, независимо отъ родовъ, существуютъ и кровныя группы, такъ называемыя «сеоки» или «кости», иногда именуемыя также «эль». Такъ, алтайцы, принадлежа къ родовой организаціи зайсанствъ, въ то же время причисляются со своими семействами къ той или другой «кости» и носятъ ея имя **). Академикъ Радловъ говоритъ, что эти имена обыкновенно патронимическія ***), но изъ разслѣдованій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ г. Аристовымъ, слѣдуетъ, что у каракиргизовъ имена «костей» являются бо́льшею частью именами народовъ, племенъ и древнихъ родовъ, потомками которыхъ и являются члены этихъ «костей» ****). Въ противность имъ, имена каракиргизскихъ родовыхъ союзовъ и ихъ подраздѣленій большею частью личныя: имена старшинъ и вождей, образовавшихъ эти союзы или ихъ дѣленія, имена лицъ, стоявшихъ во главѣ тѣхъ или другихъ. Впрочемъ, г. Закряжскому удалось доказать, что въ числѣ именъ какъ отдѣльныхъ родовъ, такъ и высшихъ по отношенію къ нимъ союзовъ—колѣнъ, встрѣчаются и такія, которыя служили и служатъ обозначеніемъ такихъ животныхъ, какъ олень, желтый лось, большой лось и т. д.

А если такъ, то мы въ правѣ будемъ сказать, что въ этихъ названіяхъ, какъ и въ тамгахъ якутовъ, сохранились переживанія того порядка обозначенія родовъ по именамъ животныхъ, растеній, камней и вообще предметовъ видимой природы, которое, какъ обычное американскимъ племенамъ, и носитъ въ сравнительной этнографіи присвоен-

---

*) Аристовъ, стр. 393.
**) Тамъ же, стр. 448.
***) «Observations sur les Kirghises» («Journal Asiatique», 1863 г., т. II, стр. 310 и 311).
****) Аристовъ, стр. 454.

ное ему краснокожими наименованіе тотемовъ. Нѣчто подобное изъ всѣхъ сибирскихъ племенъ представляютъ одни остяки.

По изслѣдованіямъ Оглоблина, ихъ знамена, т.-е. родовыя эмблемы, въ XVII столѣтіи заключали въ себѣ, между прочимъ, болѣе или менѣе грубыя изображенія звѣрей, птицъ и всякаго рода животныхъ *). У каракиргизскихъ родовъ употребительны также извѣстные знаки (тамги), обыкновенно налагаемые на скотъ для его опознанія; одни изъ нихъ представляютъ собою солнце, другіе мѣсяцъ **). За этими двумя исключеніями, всѣ остальныя тамги киргизовъ и каракиргизовъ носятъ характеръ геометрическихъ фигуръ, круговъ, полукруговъ, прямыхъ линій, угловъ, а равно и ихъ разнообразныхъ сочетаній. Видѣть въ нихъ хотя бы отдаленное подобіе предметовъ физической природы, подобныхъ тѣмъ, какіе мы встрѣтили на тамгахъ якутовъ, и которые, какъ показалъ Гроссе, обычны дикимъ и варварскимъ племенамъ ***), нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Но что въ тамгахъ или родовыхъ клеймахъ киргизовъ мы имѣемъ дѣло съ весьма стариннымъ обычаемъ, слѣдуетъ, по вѣрному замѣчанію г. Аристова, изъ того, что многія названія родовъ, а еще чаще ихъ высшихъ подраздѣленій, колѣнъ, происходятъ отъ названія отдѣльныхъ тамгъ ****). Тамга есть знакъ собственности родовой, и г. Аристовъ совершенно правъ, когда говоритъ, что обычай ихъ употребленія въ качествѣ родовыхъ клеймъ долженъ былъ возникнуть въ то время, когда ни личной, ни семейной собственности, не только на землю, но и на стада, не существовало, а была только собственность родовая *****). Тамги накладывались сперва въ формѣ вырѣзыванія на шкурѣ животнаго извѣстныхъ знаковъ, затѣмъ въ формѣ ихъ выжиганія, каждый разъ съ цѣлью сдѣлать возможнымъ быстрое опредѣленіе факта принадлежности скота тому или другому роду. Для достиженія этой цѣли необходимо было остановиться на знакахъ простыхъ и легко проводимыхъ даже неискусною рукою, какъ, напримѣръ, прямая черта, кругъ, ихъ удвоеніе и сочетаніе. Непригодны для тамги (иначе тавра) разнаго рода кривыя, такъ какъ онѣ не оставляютъ на шерсти животнаго ясныхъ формъ. «Если привести—пишетъ г-нъ Аристовъ—киргизъ-казачьи родовыя тамги въ систему, то окажется, что онѣ сводятся къ изображенію круга, его удвоенія, полукруга, одной прямой черты, ея удвоенія, соединенія круга и полукруга съ одной, двумя и

---

*) См. «Остяцкія знамена» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», за 1889 г., № 10, стр 135—139.

**) Аристовъ, стр. 458

***) «Die Entstehung der Kunst».

****) Аристовъ, стр. 409.

*****) Тамъ же, стр. 410.

даже тремя прямыми, сочетаній двухъ прямыхъ, образующихъ разные углы, соединеній подъ углами трехъ прямыхъ и четырехъ подъ прямыми углами *). Когда родъ, въ силу своей многолюдности, дробится, то, чтобы отличить скотъ каждой выдѣлившейся изъ него группы, приходится прибавить дополнительный знакъ къ основной родовой тамгѣ. Можно думать—прибавляетъ нашъ изслѣдователь—, что именно такъ и совершилось образованіе тамгъ у отдѣльныхъ подраздѣленій рода, такъ что изученіе тамгъ даетъ возможность опредѣлить и самый порядокъ происхожденія родовъ **).

Послѣ сказаннаго о смѣшанномъ составѣ рода у киргизовъ, о его древности и общественно-политическомъ характерѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ не является союзомъ, члены котораго не могутъ вступать въ бракъ между собою. Такими группами надо считать не роды, а входящія въ составъ ихъ большія семьи или тайпы. По обычаю киргизовъ, бракъ между родственниками запрещенъ до шестого колѣна включительно ***). У южно-сибирскихъ же тюрковъ и у каракиргизовъ, при существованіи вышеописанныхъ кровныхъ дѣленій (сеоки и кости), брачные запреты простираются только на ихъ членовъ ****).

Что касается другого проявленія кровнаго начала — солидарности родственниковъ въ дѣлѣ преслѣдованія обидъ, причиненныхъ чужеродцами, и отвѣтственности передъ послѣдними за такого рода обиды, то о ней говоритъ еще Георги въ слѣдующихъ словахъ: «Если у киргизовъ одинъ человѣкъ убьетъ другого, то родственники жертвы въ теченіе двухъ лѣтъ пользуются правомъ отмщенія и могутъ убить виновнаго безнаказанно. Послѣ этого возможно требованіе одного выкупа и то въ слѣдующемъ размѣрѣ: родственники жертвы получаютъ 100 коней, раба и два верблюда» *****). «Въ сборникѣ киргизскихъ обычаевъ, составленномъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, нормальный размѣръ вознагражденія, иначе полный «кунъ», указанъ нѣсколько иной: сверхъ ста лошадей позволено требовать не одного, а двухъ рабовъ, да еще два панцыря и два верблюда ******). Все это идетъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ или кровниковъ; болѣе же отдаленные получаютъ, во-первыхъ, одного верблюда, на котораго кладутъ тѣло убитаго съ покрывающимъ его ковромъ, и, во-вторыхъ, рабыню въ траурной одеждѣ на вороной лошади. Этой рабынѣ поручается вести за уздцы

---

*) Аристовъ, стр. 412.
**) Тамъ же, стр. 413.
***) Тамъ же, стр. 446.
****) Тамъ же, стр. 449.
*****) Георги, II, стр. 205.
******) Тамъ же, стр. 249.

верблюда съ трупомъ. При убійствѣ мужа женой или родителями дѣтей не полагается платежа, такъ какъ вдова переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ мужа, а дѣти—къ одному кровному союзу съ жертвою; но при убійствѣ жены мужемъ родственники ея въ правѣ получить половину кунъ *).

У каракиргизовъ, при несостоятельности виновниковъ убійства, выкупъ взыскивается съ родственниковъ до пятой степени **). Вообще народный обычай каракиргизовъ, подобно киргизскому, не только допускаетъ, но и обязываетъ потерпѣвшихъ мстить за совершенныя противъ нихъ преступленія. Мстителемъ является сама жертва или ея ближайшій родственникъ; но при этомъ то родовое подраздѣленіе, къ которому оба принадлежатъ, а то и весь родъ, въ правѣ принимать участіе въ отмщеніи. Весь родъ считаетъ себя обязаннымъ мстить въ случаѣ тайнаго увоза дѣвушки киргизомъ другого рода или при угонѣ значительнаго количества скота, хотя бы принадлежащаго одному изъ членовъ рода. Мщеніе не должно переходить мѣры причиненнаго вреда или убытка. За нимъ должно слѣдовать примиреніе; въ устройствѣ его принимаютъ участіе враждующія отдѣленія двухъ родовъ или сами эти роды ***).

Въ своемъ столько же антропологическомъ, сколько и этнологическомъ очеркѣ киргизовъ Букеевской орды (части Малой), г. Харузинъ освѣщаетъ весьма ярко нѣкоторыя проявленія кровнаго начала, несмотря на упадокъ въ наши дни его прежней роли и значенія. «Роды Букеевской орды — пишетъ онъ — распадаются на отдѣленія (тайфа), а нѣкоторыя отдѣленія — на подотдѣленія (атавалась). При разложеніи родового устройства, которое замѣчается теперь въ Букеевской ордѣ, ближайшимъ объединителемъ является уже не родъ, а его отдѣленіе и подотдѣленіе» ****). Мы видѣли, что дѣйствительное объясненіе этому факту надо искать въ томъ, что подраздѣленія рода или тайфы, иначе тайпы, гораздо болѣе отвѣчаютъ понятію кровнаго союза, между членами котораго бракъ запрещенъ, нежели тѣ смѣшанныя общественно-политическія единицы, которыя извѣстны киргизамъ подъ названіемъ родовъ.

Отдѣленія многихъ изъ нихъ пріобрѣли характеръ самостоятельныхъ родовъ, такъ что они имѣютъ въ настоящее время свою особую тамгу. «Букеевская степь упадкомъ родового устройства опередила

---

*) Тамъ же. стр. 259.

**) См. въ приложеніяхъ къ книгѣ Гродекова выдержки изъ судебныхъ рѣшеній, стр 49 и 50.

***) Гродековъ, стр. 142.

****) «Извѣстія Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и этнографіи»—«Киргизы Букеевской орды», стр. 42.

Зауральскую». Это заявленіе г. Харузина подтверждаетъ и г. Изразцовъ, авторъ статьи «Объ обычномъ правѣ киргизовъ Семирѣченской области». И онъ указываетъ на распаденіе родовъ, на существованіе болѣе мелкихъ кровныхъ единицъ, на все меньшую и меньшую роль общихъ совѣтовъ родственниковъ. Послѣдніе собираются, тѣмъ не менѣе, и теперь для раздѣла пахотныхъ земель, для примиренія ссорящихся родственниковъ или сына съ отцомъ, по случаю дѣлежа наслѣдства, при распредѣленіи повинностей, при рожденіяхъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. п. «Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, получаетъ въ ней угощеніе и пріютъ» *). Неоспоримое право— продолжаетъ тотъ же повѣствователь — «родственники сохранили на вдовъ, на имущество лица бездѣтнаго, при поминкахъ, при платежѣ выкуповъ за убійства (кунъ), наконецъ, при установленіи опеки. По обычаю вдова переходитъ къ ближайшему родственнику, начиная съ старшаго брата. Не захочетъ взять ее старшій, беретъ слѣдующій за нимъ. По общему согласію братья могутъ отдать вдову и тому, кто болѣе въ ней нуждается, или къ кому сама она благоволитъ» **).

Женщины не наслѣдницы. При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ, имѣніе достается сперва братьямъ и ихъ потомству, а затѣмъ дядямъ. Въ платѣ за кровь (кунъ) наравнѣ съ убійцей участвуютъ обязательно ближайшіе родственники, а добровольно — остальные. Но если бы у убійцы и его близкой родни не было средствъ, то выкупъ вносятъ всѣ родственники, близкіе—больше, дальніе—меньше, по раскладкѣ. Если убійство произошло по случаю драки, возникшей изъ-за нарушенія правъ рода, то кунъ платится всѣми его членами, причемъ на долю зачинщиковъ приходится нѣсколько болѣе противъ остальныхъ. Получившій выкупъ уступаетъ соотвѣтственно часть его сородичамъ. При уплатѣ полнаго куна, роду достается почти половина.

Ни мести, ни выкуповъ не полагается, разъ убійство совершено отцомъ по отношенію къ сыну или наоборотъ, а также при убійствѣ брата братомъ ***). Въ прежнее время убійство вело за собой такъ называемую «баранту» или насильственный уводъ скота изъ рода убійцы. Это называлось «мыть кровь» (канжуаръ). Все забранное не возвращалось никогда обратно и шло въ пользу обиженнаго рода ****).

Принадлежность къ роду даетъ себя знать и въ наши дни правомъ на пользованіе извѣстными зимними пастбищами, которыя раз-

---

*) «Этнографическое Обозрѣніе», 1897 г., № 4, стр. 7.
**) Тамъ же, стр. 8.
***) Тамъ же, стр. 9—15.
****) Тамъ же, стр. 16.

дѣлены по родовымъ поселеніямъ (волостямъ) и только въ случаѣ ссоръ и по ауламъ. Что же касается лѣтнихъ, то ихъ такъ много, что они открыты пользованію всѣхъ *).

Въ зауральскихъ степяхъ, гдѣ киргизы до сихъ поръ продолжаютъ кочевать, родъ и волость, занятая его подраздѣленіемъ, сохраняютъ свои излюбленныя мѣста и возвращаются къ нимъ изъ-года-въ-годъ **), точь-въ-точь, какъ дѣлали въ эпоху Юлія Цезаря описанные имъ роды свевовъ, ихъ gentes et cognationes hominum qui una coierunt.

Что касается родового устройства каракиргизовъ, то въ описаніи, какое даетъ ему г. Гродековъ, оно мало отличается отъ общаго киргизамъ, какъ сибирскимъ, такъ и приуральскимъ. Отмѣтимъ въ немъ слѣдующія обычныя черты. Личность находитъ защиту себѣ со стороны рода. Послѣдній отвѣчаетъ за поступки своихъ членовъ. Очистительная присяга возлагается по обычаю не на обвиняемаго, а на кого-либо изъ членовъ его рода. Кровная месть падаетъ не на одного убійцу, но и на любого изъ членовъ его рода. Невѣста пріобрѣтается въ родъ, почему послѣ смерти мужа вдова можетъ выбрать новаго супруга только между членами его рода. Опека также осуществляется родомъ въ лицѣ ближайшаго родственника. Гостей принимаютъ и чествуютъ, смотря по степени ихъ родства съ хозяиномъ ***).

Какъ и у другихъ народовъ, живущихъ родовымъ бытомъ, въ томъ числѣ и у киргизовъ, каракиргизы не знаютъ примѣненія кровной мести къ злодѣяніямъ, совершаемымъ между родственниками. Отцеубійцу ожидаетъ одно изгнаніе изъ рода и посрамленіе. То же послѣдствіе наступаетъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поведеніе сына вызываетъ недовольство его родителя. Отецъ можетъ отречься отъ него въ присутствіи свидѣтелей, произнеся слѣдующую формулу: «Если ты будешь убитъ, я не потребую за тебя выкупа (куна), я не плачу его также впредь за тебя» ****). У каракиргизовъ возможно поэтому наступленіе тѣхъ же порядковъ, какіе предвидятся «Русской Правдой» или «Салическимъ закономъ», признающими, что при разрывѣ съ родомъ входящіе въ его составъ «люди не помогаютъ», а виновникъ «самъ платитъ» *****).

Обычное право каракиргизовъ носитъ на себѣ еще многочисленные слѣды родовыхъ порядковъ. Укажемъ на два изъ нихъ: на уча-

---

*) Тамъ же, стр. 28. Право на пахотную землю одно пріобрѣтается трудомъ, приложеннымъ къ ея расчисткѣ или орошенію.

*) Харузинъ, стр 59.

***) Гродековъ, стр. 18.

****) Тамъ же, стр. 34 и 35.

*****) Ср. титулъ «Салической Правды» «de chrenecruda».

стіе рода въ кровомщеніи и на его роль въ заключеніи супружествъ. Г. Гродековъ говоритъ: «Народный обычай не только допускаетъ, но и обязываетъ потерпѣвшихъ мстить за совершенныя противъ нихъ преступленія. Преслѣдуетъ виновнаго обыкновенно потерпѣвшій, но весь родъ или, по меньшей мѣрѣ, его подраздѣленіе въ правѣ принимать участіе въ кровомщеніи. При увозѣ дѣвушки киргизомъ другого рода, какъ и при угонѣ значительнаго количества скота, хотя бы принадлежащаго частному лицу, мстителемъ является цѣлый родъ» *).

Уже изъ сказаннаго выступаетъ тотъ фактъ, что родъ видитъ въ распоряженіи рукою невѣсты со стороны ея родителя фактъ, для себя не безразличный. «Что невѣста — пишетъ г. Гродековъ — считалась и въ настоящее время еще считается достояніемъ рода, слѣдуетъ изъ того, что по смерти жениха она поступаетъ къ его брату и вообще ближайшему родственнику». Въ народной поэмѣ «Джибеккызъ» разсказывается, что послѣ убійства сосватавшаго ее героя Тулегенъ (изъ рода Джагалбайлы) его братъ, по достиженіи совершеннолѣтія, ѣдетъ искать руки невѣсты. Съ самой кончины ея суженаго Джибеккызъ ждала, что за нею пріѣдетъ и возьметъ ее въ жены кто-нибудь изъ рода убитаго. «Я обручена роду Джагалбайлы, значится въ поэмѣ; если Тулегенъ убитъ, то развѣ въ его родѣ нѣтъ молодца, который бы отыскалъ меня и получилъ, такимъ образомъ, принадлежащую ему невѣсту» **)?

Слѣды такого участія рода въ заключеніи брака выступаютъ и понынѣ въ слѣдующихъ чертахъ. Если невѣста умретъ до замужества, то взамѣнъ ея, при нѣкоторой надбавкѣ, выдаютъ жениху ея сестру или другую ближайшую родственницу ***). При самомъ сватовствѣ родъ свидѣтельствуетъ о своемъ участіи въ сдѣлкѣ не только поставкою главнаго свата изъ собственной среды, но и фактомъ сопровожденія его значительнымъ числомъ своихъ членовъ. Чѣмъ знатнѣе семьи, желающія вступить въ бракъ, тѣмъ больше число сватовъ; ихъ нерѣдко насчитываютъ до и сверхъ двадцати. Въ свою очередь, отецъ невѣсты считаетъ нужнымъ оповѣстить о прибытіи сватовъ своихъ родственниковъ, показывая тѣмъ, что предстоящая сдѣлка затрогиваетъ и ихъ непосредственно ****).

Итакъ, въ средѣ киргизскаго народа, какъ бы далеко ни разошлись его отдѣльныя вѣтви, родовое начало еще выступаетъ во всей своей силѣ.

---

*) Гродековъ, стр. 142.
**) Тамъ же, стр. 56.
***) Тамъ же, стр. 57.
****) Тамъ же, стр. 59.

То же, еще въ бо́льшей степени, можетъ быть сказано о калмыкахъ, народѣ, граничащемъ съ киргизами и, подобно имъ, представляющемъ помѣсь различныхъ племенъ, нѣкогда кочевавшихъ въ обширныхъ степяхъ къ востоку отъ Урала вплоть до Тибета. Калмыки принадлежатъ къ монголамъ; они отдѣлились отъ ихъ союзовъ, такъ называемыхъ ойратовъ, и въ началѣ XVI вѣка откочевали на сѣверъ въ предѣлы губерній Томской и Енисейской. Отъ своихъ прежнихъ союзниковъ, ими покинутыхъ, они получили прозвище «элетъ», что значитъ по-монгольски — отпавшій, отдѣлившійся. То же понятіе передается на татарскомъ языкѣ словомъ «калмакъ», откуда испорченная форма, подъ которой они извѣстны русскимъ *).

Мы не станемъ слѣдить за переселеніями калмыковъ, прерванными внезапно въ 1771 году переходомъ ихъ обратно въ предѣлы Китайской имперіи **).

Намъ достаточно сказать, что въ наши дни калмыцкія кочевья происходятъ въ предѣлахъ астраханскихъ степей между 45 и 52° сѣверной широты, 61 и 70° восточной долготы. Границами этихъ кочевьевъ Нефедьевъ признаетъ Волгу, Каспійское море, рѣки Куму и Манычъ, наконецъ, Саратовскую губернію и Землю Войска Донского. Двумъ вѣтвямъ этого племени дозволено было даже кочевать: одной на Кавказѣ, къ югу отъ Маныча до рѣки Егорлыка, а другой на лѣвой сторонѣ Волги, въ близости отъ киргизъ-кайсаковъ.

Нефедьевъ считаетъ, что въ общемъ калмыки занимали своими кочевьями въ его время, т.-е. въ 1834 г., 10.337,728 квадратныхъ десятинъ земли ***).

Общественный бытъ калмыковъ носитъ на себѣ слѣды двоякаго рода порядковъ; во-первыхъ, кровной организаціи монгольскихъ кочевниковъ вообще; во-вторыхъ, военнаго устройства, приданнаго ихъ родовымъ союзамъ азіатскими правителями, начиная отъ Чингизъ-хана. Насъ будетъ интересовать во внутреннемъ бытѣ калмыковъ одно только проявленіе родового начала. Извѣстнымъ путешественникомъ Палласомъ, которому мы обязаны опубликованіемъ древнѣйшаго законодательства, такъ называемаго «Ойратскаго устава» отъ

---

*) См. Georgi, «Russland», т. II, стр. 399. «Kalmük von dem tatarischen Chalimak,—Leute, die sich frei gemacht oder abtrönnig geworden sind, oder von dem mongolischen Gol—Feuer und Almak—Geschlecht» [107]. Нефедьевъ въ своей книгѣ, «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ» (Петербургъ. 1834 г.), придерживается перваго толкованія. По его словамъ, элетъ по-монгольски значитъ отпавшій, отдѣлившійся или ушедшій (стр. 15).

**) Объ этомъ см. у Нефедьева, тамъ же, стр. 16—73.

***) Тамъ же, стр. 2.

1640 года *), высказано было то положеніе, что у монгольскихъ племенъ общественное устройство представляетъ собою іерархію троякаго рода союзовъ: хатоновъ или семейныхъ общинъ снизу, аймаковъ или родовъ—нѣсколько выше и, наконецъ, улусовъ, въ которыхъ мы видимъ соединеніе нѣсколькихъ родовъ. Тѣ же дѣленія мы найдемъ и у калмыковъ съ тою, однако, особенностью, что нѣкоторые изъ ихъ военныхъ союзовъ пріобрѣли со временемъ и свѣтское значеніе, отчего іерархія ихъ общественныхъ группъ осложнилась включеніемъ въ нее и нѣкоторыхъ по природѣ военныхъ. Такъ, «отокъ», означавшій собою отрядъ, представляетъ въ наши дни совокупность нѣсколькихъ родственныхъ другъ другу аймаковъ, имѣвшихъ одного общаго родоначальника **). Что доказываетъ этотъ фактъ, какъ не то, что калмыки, подобно древнимъ германцамъ, имѣли обыкновеніе и на случай боя строиться родами и союзами родовъ, generatim, по выраженію римскихъ анналистовъ.

Законы калмыцкихъ правителей (въ частности Галдана) озаботились неизмѣнностью этой группировки родовъ, приказывая вынуждать возвращеніе ушедшихъ изъ «отока» людей и включать ихъ въ него силою. Тѣ же правила удержаны были и позднѣйшими нормами калмыцкаго права—«Зинзилинскимъ уложеніемъ» 1822 года ***). Военными подраздѣленіями также надо считать по источнику такіе, какъ десятки и сорока. «Изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ такъ называемой «ясы» Чингизъ-хана отъ XIII вѣка видно, пишетъ проф. Леонтовичъ, что этотъ ханъ раздѣлилъ свои орды на тысячи, сотни и десятки». Такое же числовое дѣленіе извѣстно и Ойратскому уставу. Онъ дѣлитъ улусъ на десятки, сорока и сотни и разумѣетъ подъ каждой военной единицей соединеніе извѣстнаго числа кровныхъ союзовъ.

Десятки и другія числовыя дѣленія уцѣлѣли у калмыковъ до нашихъ дней, но какъ простыя административныя подраздѣленія. «Зинзилинское уложеніе» 1822 г. знаетъ сотню (зюнахъ), сорока (барунахъ) и десятокъ (зотарахъ) ****). Во главѣ каждаго имѣется свой начальникъ; всѣ они находятся между собою въ іерархическихъ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ. Удовлетворяя на первыхъ порахъ

---

*) Болѣе поздній источникъ калмыцкаго права, «Зинзилинскія постановленія отъ 1822 г.», обнародованъ впервые проф. Леонтовичемъ въ книгѣ, озаглавленной «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ.– Калмыцкое право» (Одесса, 1880 г.). Эта книга и будетъ служить намъ главнымъ руководствомъ при изложеніи родового устройства калмыковъ.

**) Леонтовичъ, «Калмыцкое право», стр. 209 и 211.

***) Тамъ же, стр. 213. См. въ «Зинзилинскомъ уложеніи» ст. 38, 118, 119 и 120.

****) Ст. 23, 37, 38, 74, 88, 92, 118, 119, 120, 121, 132, 140 и 154 (въ изд., Леонтовича).

однимъ военнымъ потребностямъ, десятки, сорока и сотни стали служить со временемъ и гражданскимъ. «Члены ихъ отправляютъ сообща — пишетъ г. Леонтовичъ—всѣ общественныя повинности, которыя разверстываются между ними по началу родства. Они ставятъ вооруженныхъ ратниковъ, платятъ начальникамъ улусовъ подати и другіе сборы, слѣдятъ и отвѣчаютъ за сохраненіе порядка и внутренняго мира, доставляютъ содержаніе нуждающимся» *).

Что для насъ представляетъ особый интересъ, это—то, что эти по природѣ военныя дѣленія, основанныя, однако, на началѣ группировки родственныхъ союзовъ, пріобрѣтаютъ значеніе и въ области семейнаго права. «Они содѣйствуютъ—пишетъ г. Леонтовичъ—заключенію браковъ тѣмъ, что принимаютъ участіе въ платежѣ выкуповъ за невѣсту» **).

Ограничившись сказаннымъ по вопросу о позднѣйшихъ, такъ сказать, надстройкахъ къ родовому союзу, надстройкахъ военнаго и гражданскаго характера, мы займемся въ настоящее время организаціей самого рода.

Мы находимъ еще у Георги, а затѣмъ и у Нефедьева, краткое упоминаніе о томъ, что калмыки дѣлятся на три вѣтви: хошоуты, торгоуты и дербеты. Къ послѣднимъ принадлежали, по словамъ Георги, и зунгары, переселившіеся обратно въ Китай въ 1771 году ***). Это дѣленіе на три вѣтви нисколько не вліяетъ на внутреннее устройство калмыковъ, основу котораго однообразно составляетъ родъ съ его подраздѣленіемъ на семейныя общины и дальнѣйшимъ развитіемъ въ союзъ нѣсколькихъ родовъ, имѣющихъ общее происхожденіе. Родъ калмыковъ построенъ на родствѣ мужскомъ, а не женскомъ, на родствѣ по отцу, а не по матери. Уже Нефедьевъ отмѣтилъ эту черту, говоря: «Самое отдаленное родство по мужской линіи, т.-е. съ отцовской стороны, препятствуетъ заключенію браковъ; но въ отношеніи родства по матери подобныхъ затрудненій не представляется» ****).

Калмыцкій родъ, такимъ образомъ, родъ не только агнатическій, но и придерживающійся строгихъ началъ экзогаміи. Укажемъ, съ другой стороны, общую ему черту съ однохарактерными союзами у киргизовъ: братья послѣ умершихъ берутъ ихъ вдовъ за себя въ замужество. Это даетъ право утверждать, что у калмыковъ, какъ и у киргизовъ, бракъ по природѣ является уступкой невѣсты ея родомъ роду жениха.

---

*) Леонтовичъ, «Калмыцкое право», стр. 215—218.
**) Тамъ же, стр. 218.
***) Георги, стр. 400. Нефедьевъ, стр. 90.
****) Нефедьевъ, стр. 199.

Этотъ характеръ междуродовой сдѣлки выступаетъ въ калмыцкомъ бракѣ еще съ бо́льшею рѣзкостью, чѣмъ у киргизовъ, такъ какъ, по словамъ того же Нефедьева, «отецъ послѣ сына и сынъ послѣ отца берутъ вдовъ въ жены» *).

Нефедьевъ указываетъ и на другую черту калмыцкаго родового устройства. Родъ призрѣваетъ своихъ бѣдныхъ, приходитъ на помощь нуждающимся сочленамъ. Каждый въ его средѣ готовъ подѣлиться избыткомъ пищи съ родственниками.

«Если у калмыка падетъ верблюдъ или лошадь, пишетъ г. Нефедьевъ, или онъ зарѣжетъ домашнюю скотину, то къ нему точно на праздникъ собираются всѣ сосѣди (а мы увидимъ впослѣдствіи, что ими являются родственники). Калмыкъ усердно угощаетъ всѣхъ, несмотря на то, что позже ему самому придется терпѣть недостатокъ въ пищѣ. Равнымъ образомъ, продолжаетъ нашъ авторъ, если калмыку даны будутъ въ подарокъ деньги, пища, табакъ и т. д., онъ непремѣнно раздѣлитъ все полученное съ товарищами по равной части» **).

Ничто не свидѣтельствуетъ въ бо́льшей степени о чувствѣ родственной солидарности, а слѣдовательно и о крѣпости основанныхъ на ней кровныхъ союзовъ.

Есть у Нефедьева еще одно сообщеніе, которое наводитъ на нѣкоторыя соображенія насчетъ того, что калмыкамъ, какъ и другимъ монгольскимъ и тюркскимъ племенамъ, извѣстенъ былъ въ прошломъ обычай родовыхъ прозвищъ, и что ими служили имена звѣрей и предметовъ видимой природы.

Нефедьевъ говоритъ, что калмыки носили еще въ его время имена: одинъ Волги (Иджиль), другой собаки, третій волка, четвертый змѣи, пятый лягушки и т. д. Объясненіе такимъ порядкамъ Нефедьевъ ищетъ въ обычаѣ давать младенцу то или другое имя, смотря по предмету, который броситься въ глаза отцу или бабкѣ, выпедшимъ изъ кибитки тотчасъ послѣ рожденія ребенка ***).

Нужно ли говорить о неудовлетворительности такого объясненія? Не принадлежатъ же, въ самомъ дѣлѣ змѣя и волкъ, а, тѣмъ болѣе, Волга, къ числу предметовъ, необходимо бросающихся въ глаза по выходѣ изъ кибитки.

Вѣроятнѣе поэтому предположеніе, что новорожденнымъ даются имена изъ того обширнаго запаса родовыхъ прозвищъ, въ числѣ которыхъ далеко не рѣдкими были названія рѣкъ, птицъ, звѣрей и домашнихъ животныхъ. А это позволяетъ намъ выставить догадку,

---

*) Тамъ же; стр. 199.
**) Тамъ же, стр. 175, 178 и 179.
***) Тамъ же, стр. 188.

что калмыкамъ не меньше бурятъ или якутовъ, а также остяковъ, извѣстны были, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя проявленія такъ называемаго тотемизма.

Немало новыхъ чертъ къ характеристикѣ родового быта калмыковъ сообщено Леонтовичемъ. Изученный и переизданный имъ «Ойратскій уставъ» 1640 г. говоритъ о такъ называемомъ «хотонѣ», какъ объ основной единицѣ рода. Онъ указываетъ на его личный и имущественный составъ и на тѣ отношенія, какія должны существовать между входящими въ него кибитками родственниковъ. «Зинзилинское уложеніе», въ свою очередь, настаиваетъ на родовой порукѣ членовъ хотона и на невозможности отдѣлиться отъ него уходомъ на сторону. Родовая порука выступаетъ обыкновенно при несостоятельности виновнаго, напримѣръ, вора. «Если жалоба на него будетъ признана правильной, то онъ расплачивается сперва съ истцомъ изъ своего имущества; не хватитъ послѣдняго, онъ уступаетъ ему по цѣнѣ жену и дѣтей. Если и этого не будетъ достаточно для покрытія предъявленнаго требованія, то, постановляетъ «Уложеніе» 1822 г., учинить взысканіе сперва съ сосѣдей, а затѣмъ со всѣхъ однородцевъ» *). Съ другой стороны, къ хотону или роду насильственно присоединяются откочевавшія отъ него безъ спроса кибитки. Это значитъ, что для выхода изъ рода необходимо согласіе всѣхъ его членовъ **).

Но если родъ или хотонъ можетъ препятствовать произвольному отпаденію отъ него тѣхъ или другихъ семей и занимаемыхъ ими кибитокъ, то, съ другой стороны, онъ въ правѣ исключить изъ своей среды тѣхъ или другихъ лицъ, грозящихъ его внутреннему миру, напримѣръ, человѣка, трижды уличеннаго въ кражѣ, отца, виновнаго въ убійствѣ сына, сына, поднявшаго оружіе противъ отца ***). Лицо, изгнанное навсегда изъ рода, извѣстно у калмыковъ подъ названіемъ «андынъ» ****). Ему вполнѣ отвѣчаетъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, кавказскій абрекъ.

Союзъ нѣсколькихъ родовъ или хотоновъ обозначается калмыками терминомъ «аймакъ». Состоящіе въ такомъ общеніи роды считаются близкими по крови и легко могутъ быть не болѣе какъ обособившимися частями нѣкогда единаго рода. И «Ойратскій уставъ», и «Зинзилинское уложеніе» изображаютъ ихъ намъ кочующими бокъ-о-бокъ и считающими себя происходящими отъ общаго родоначальника. Аймакъ—терминъ, извѣстный и другимъ монголамъ въ томъ же значеніи кровнаго

---

*) Ст. 196.
**) Ст. 35, § 13.
***) См. «Ойратскій статутъ» у Палласа, ст. 58.
****) Леонтовичъ, стр. 202, примѣчаніе.

союза, болѣе обширнаго, чѣмъ родъ *). Въ прежнее время аймакъ отличался своимъ численнымъ составомъ. По свидѣтельству Палласа, онъ состоялъ изъ 300 и болѣе куреней или хотоновъ **).

Въ составъ аймака подъ именемъ «сосѣдей» входятъ члены родственныхъ другъ другу хотоновъ. Внутри земель, отведенныхъ для кочевій отдѣльныхъ улусовъ, каждый аймакъ получаетъ свой участокъ, который тянется длинной лентой (путями) по всей улусной полосѣ ***). Круговая отвѣтственность съ членовъ рода или хотона распространяется или, точнѣе, переходитъ и на членовъ аймака.

Если слѣдъ вора не могъ быть отведенъ отъ аймака, воръ долженъ быть выданъ лицомъ, начальствующимъ надъ этимъ союзомъ родственныхъ родовъ. При несостоятельности вора, на сосѣдей, т.-е. членовъ аймака, падаетъ, какъ мы видѣли выше, и обязанность имущественнаго удовлетворенія потерпѣвшаго ****).

Нами указано было выше, что военное по своему источнику дѣленіе калмыковъ на «отоки» пріобрѣло со временемъ характеръ свѣтскій. Отокъ сдѣлался высшимъ по отношенію къ аймаку союзомъ родственныхъ другъ другу семей, почему членамъ ихъ повелѣно было участвовать и въ круговой имущественной отвѣтственности за несостоятельнаго вора, не ранѣе и не иначе, однако, какъ вслѣдъ за сосѣдями, т.-е. членами аймака.

Наконецъ, вся эта кровная организація завершается у калмыковъ улусомъ, т.-е. своего рода федераціей родовъ, о которой заходитъ рѣчь еще въ «Ойратскомъ уставѣ» 1640 г. Опять-таки улусъ не составляетъ особенности калмыковъ. Это дѣленіе, по словамъ Березина, извѣстно было монголамъ еще при Чингизъ ханѣ *****). Въ описаніи Леонтовича улусъ представляетъ собою совокупность нѣсколькихъ аймаковъ и отоковъ съ ихъ подраздѣленіями (на сотни, сорока, десятки). Всѣ входящіе въ него союзы считаются происходящими отъ общаго корня. Улусъ имѣетъ подобіе большой орды, кочующей со своими частями отдѣльно отъ другихъ и управляемой своимъ вождемъ, наслѣдственнымъ нойономъ, подчиненнымъ, въ свою очередь, главѣ цѣлаго племени, такъ называемому «тайши» ******).

Какъ никто не въ правѣ отдѣляться самовольно отъ своего

---

*) О немъ заходитъ рѣчь въ «Запискахъ о Монголіи» монаха Іоакинѳа, т. II стр. 129—132, 134, 162, 221. У восточныхъ монголовъ это слово пишется: аймань, у западныхъ (зюнгарцевъ)—аймакъ.

**) Pallas, «Sammlung seiner Werke», т. I, стр. 190 и 191.

***) Леонтовичъ, «Калмыцкое право», стр. 206 и 256.

****) Ст. 89 «Ойратскаго устава» и 196 «Зинзилинскаго уложенія».

*****) Березинъ, «Очерки внутренняго устройства Джучіева улуса», стр. 47.

******) Леонтовичъ, стр. 219. Палласъ, «Sammlung», стр. 186—190.

хотона и аймака, такъ никто не можетъ уйти и изъ своего улуса. «Ойратскій уставъ» приказалъ водворять такихъ перебѣжчиковъ «по родству». Въ улусъ входили, впрочемъ, и нѣкоторые чужеродцы благодаря вступленію въ бракъ съ его невѣстами и поселенію зятьевъ при женахъ. Такія лица могли, однако, покинуть улусъ, но оставивъ въ его пользу половину своего имущества *).

Не кровными, а политическими союзами надо признать у калмыковъ, съ одной стороны, племя, а съ другой—союзъ племенъ. Обоими завершается внутренняя организація этого народа. Мы не будемъ говорить о нихъ здѣсь и удовольствуемся общимъ замѣчаніемъ, что въ улусѣ, какъ и въ племени, надо видѣть такія же позднѣйшія надстройки, какія представляютъ собою, напримѣръ, описанные Морганомъ союзы ирокезцовъ. Вождь старѣйшаго или обширнѣйшаго улуса считался главою цѣлаго племени (такъ называемаго нутукъ) и носилъ наименованіе тайши. Федерація нѣсколькихъ племенъ извѣстна у калмыковъ, какъ вообще у монголовъ, подъ названіемъ «оронъ». Во главѣ такихъ федерацій у монголовъ въ эпоху составленія «Ойратскаго устава» 1640 года стояли вожди племенъ, первенствовавшихъ въ союзѣ. Ихъ звали «хонгъ-тайши» и «ханы».

У калмыковъ племенное устройство продержалось только до ухода большинства въ Китай въ 1771 г. Съ этого времени уничтожено было у нихъ званіе хана, и они снова разбились на отдѣльные улусы. «Зинзилинское уложеніе» не знаетъ другого высшаго дѣленія, помимо улуса **).

Говоря объ устройствѣ тюркскихъ племенъ Сибири и юго-восточной Россіи, мы не разъ указывали на сходство ихъ родовыхъ дѣленій съ монгольскими. Нашихъ читателей не поразитъ поэтому заявленіе, что первообразъ всей кровной организаціи разсмотрѣнной нами группы инородцевъ надо искать во внутренней Азіи, въ Монголіи и Маньчжуріи. Здѣсь она является весьма старинной. Монахъ Іоакинеъ своимъ переводомъ свидѣтельствъ древне-китайскихъ лѣтописцевъ объ инородцахъ имперіи позволилъ намъ судить, между прочимъ, и о древности только-что описанныхъ порядковъ. Читая, напримѣръ, о монголахъ, «что за 200 съ лишнимъ лѣтъ до Р. Хр. они переходятъ со своимъ скотомъ съ однихъ пастбищъ на другія, смотря по приволью и обилію въ травѣ и водѣ», или еще, что «они не знаютъ ни городовъ, ни осѣдлости, ни земледѣлія, а занимаются, рядомъ со скотоводствомъ, охотою по полямъ», мы ожидаемъ встрѣтить подъ перомъ повѣствователя описаніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ чертъ родо-

*) Палласъ, «Ойратскій уставъ», стр. 49.
**) Леонтовичъ, «Калмыцкое право», стр. 229—231.

вого охотнически-пастушескаго быта. И наши ожиданія вполнѣ оправдываются, такъ какъ тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ, напримѣръ, что монголы по смерти отца женятся на мачихѣ, а по смерти братьевъ на невѣсткахъ *). Это значитъ, что у нихъ бракъ является междуродовой сдѣлкой; дѣвушка уступается навсегда не жениху, а его роду. Читая у другого лѣтописца и о другомъ монгольскомъ племени (ухуанцы отъ имени Ву-хуанъ-шань, горнаго хребта въ Восточной Монголіи) **), что у нихъ по воровству и убійству дозволяется селеніямъ самимъ дѣлать возмездіе, не доводя до старшинъ, мы опять отмѣчаемъ черту родового быта—участіе цѣлыхъ группъ въ легализированномъ обычаемъ самоуправствѣ, будетъ ли имъ насильственный уводъ скота или кровное возмездіе.

Лѣтописецъ укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ существованіи родового быта у монголовъ, когда говоритъ, что тѣ же ухуанцы въ гнѣвѣ убиваютъ одинъ другого, никогда не подымая, однако, руки на мать; что отъ смерти дозволено откупаться платою лошадей и овецъ ***). Нельзя же не видѣть во всемъ этомъ короткаго, правда, но опредѣленнаго упоминанія и о кровной мести, и о системѣ композицій.

Новая подробность, прямо подтверждающая то общее положеніе, что при такомъ родовомъ устройствѣ миръ и согласіе въ средѣ родственниковъ могутъ быть обезпечены только подъ условіемъ, если начало возмездія будетъ устранено изъ отношенія ихъ между собою, передается китайскимъ лѣтописцемъ въ слѣдующихъ словахъ: «отецъ и старшіе братья не мстятъ другъ другу» ****).

Родъ, какъ мы видѣли, въ правѣ изгонять изъ своей среды всѣхъ нарушителей мира. «Такихъ изгнанниковъ никто—говоритъ нашъ лѣтописецъ—не долженъ принимать въ стойбища» *****). Всѣ они изгоняются въ гибельную страну, лежащую въ песчаной степи и изобилующую схиднами. Страна эта лежитъ отъ динлиновъ (предшественниковъ монголовъ въ Азіи) на юго-западъ, отъ ухуанцевъ на сѣверо-востокъ (т.-е., какъ поясняетъ монахъ Іоакинѳъ, между Небесными и Алтайскими горами).

Самое общественное устройство ухуанцевъ напоминаетъ то, какое мы находимъ и понынѣ у монгольскихъ и тюркскихъ племенъ Россіи. Единицу общежитія составляетъ у нихъ стойбище или

---

*) «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», ч. I, стр. 3.

**) Топографическій указатель, приложенный къ тому же сочиненію, стр. 72.

***) Тамъ же, стр. 152 и 154.

****) Тамъ же, стр. 152.

*****) Тамъ же, стр. 154.

юрта. Каждая имѣетъ своего начальника. Отъ ста до тысячи юртъ составляютъ аймакъ (терминъ, который на китайскомъ языкѣ передается словомъ «бу»). Такъ какъ члены родовыхъ дѣленій обыкновенно обозначаются именемъ ихъ родоначальника или «эпонима», то немудрено, если у ухуанцевъ постоянныхъ прозвищъ не имѣется, и они именемъ сильнаго старѣйшины пользуются для собственнаго обозначенія *).

Наслѣдственныхъ начальниковъ мы не находимъ при родовыхъ порядкахъ и споры, возникающіе между частными лицами, рѣшаются избранными посредниками. Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ китайскій лѣтописецъ сообщаетъ объ ухуанцахъ: «кто храбръ, силенъ и способенъ разбирать спорныя дѣла, тѣхъ поставляютъ себѣ старѣйшинами» **). Подобно всѣмъ монголамъ вообще (послѣдніе извѣстны китайцамъ подъ названіемъ хунну) ***), ухуанцы женятся на мачихахъ и берутъ въ супружество вдовъ братьевъ, что, какъ уже сказано, свидѣтельствуетъ объ уступкѣ невѣсты при бракѣ цѣлому роду. Если послѣдній не участвуетъ въ уплатѣ за нее выкупа, то потому, что она пріобрѣтается у ухуанцевъ еще древнѣйшимъ порядкомъ, извѣстнымъ, между прочимъ, книгѣ «Бытія»,—я разумѣю отработкомъ. Въ цитируемомъ нами источникѣ значится: Когда женихъ проработаетъ въ жениномъ домѣ годъ или два, то тесть отпускаетъ его и отдаетъ ему всѣ вещи, находившіяся въ жилищѣ его дочери». Такимъ образомъ, поселеніе жениха у родителей невѣсты только временное. Отработавъ ее, мужъ уводитъ жену къ членамъ своего рода, что и позволяетъ имъ унаслѣдовать ее, въ случаѣ его кончины. Отработокъ невѣсты не мѣшаетъ существованію бокъ-о-бокъ и другихъ порядковъ заключенія брака: овладѣнія женою силою или хитростью и посылки подарковъ скотомъ въ качествѣ не то выкупа, не то задатка при уговорѣ. Обо всемъ этомъ говоритъ китайскій лѣтописецъ.

«Кто хочетъ жениться — пишетъ онъ—, тотъ старается сойтись съ дѣвушкой, что въ поясненіи китайскихъ же толкователей значитъ: взять ее недозволеннымъ средствомъ. Обыкновенно это слѣдуетъ за три мѣсяца и даже за полгода до брака». Потомъ женихъ посылаетъ уговоренные дары, состоящіе изъ лошадей, крупнаго и мелкаго рогатаго скота, а затѣмъ переселяется въ женину усадьбу. Живя въ семействѣ невѣсты, онъ «ежедневно всѣмъ поутру кланяется»; такихъ поклоновъ онъ не дѣлаетъ, однако, ни отцу, ни матери ****) невѣсты,

*) Тамъ же, стр. 152.
**) Тамъ же, стр. 152.
***) Тамъ же, стр. 1.
****) См. стр. 152.

въ чемъ надо видѣть, я думаю, обрядовое уклоненіе отъ встрѣчи съ родителями жены, что, въ свою очередь, находитъ объясненіе себѣ въ фактѣ первоначальнаго овладѣнія ею силой *).

Съ порядкомъ заключенія брака отработкомъ и поселеніемъ жениха въ домѣ невѣсты связано и сравнительно высокое положеніе, занимаемое въ семьѣ замужней женщиной. Не удивительно поэтому встрѣтить подъ перомъ китайскаго лѣтописца и такую фразу: «Въ каждомъ дѣлѣ слѣдуютъ мнѣнію женъ; одни военныя дѣла сами рѣшаютъ» **). Монахъ Іоакинеъ прибавляетъ отъ себя, что въ настоящее время въ Монголіи все домашнее хозяйство въ рукахъ женщинъ; мужчины заняты только войною.

Я полагаю, что разборомъ китайскихъ свидѣтельствъ о бытѣ монголовъ за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. мы только утвердили представленіе объ исконности родовыхъ порядковъ тюркско-монгольскихъ инородцевъ Россіи. Нами, вмѣстѣ съ тѣмъ, установленъ тотъ фактъ, что эти порядки сложились у нихъ еще въ ихъ первоначальной родинѣ, въ степяхъ Средней Азіи и сѣвернаго Китая.

Мы перейдемъ въ настоящее время къ примыкающимъ къ калмыкамъ татарскимъ народностямъ нашего сѣвернаго Кавказа. Къ числу ихъ надо отнесть на западѣ карачаевцевъ, весьма обстоятельно изученныхъ недавно Борисомъ Миллеромъ. Этому молодому этнографу удалось собрать рядъ интереснѣйшихъ данныхъ и путемъ личнаго разспроса стариковъ, и путемъ справокъ въ дѣлахъ, разбиравшихся горскими судами. Эти данныя позволили ему нарисовать довольно полную картину карачаевскаго рода. Карачаевцы — выходцы изъ Крыма. Ихъ переселеніе совершилось лѣтъ шестьсотъ тому назадъ, когда Крымъ впервые сдѣлался татарскимъ. Ближайшимъ по крови племенемъ къ карачаевцамъ являются горскіе татары, сосѣди кабардинцевъ. Карачаевцы производятъ себя не столько отъ крымскаго выходца Карча, приведшаго ихъ якобы въ новую родину, сколько отъ его братьевъ. Самъ Карча умеръ бездѣтнымъ. Отъ братьевъ же его пошли роды Будіяновъ, Наурузовъ, Адурхаевъ и Трамовъ. Къ нимъ присоединились со временемъ роды выходцевъ изъ среды кабардинцевъ, кумыковъ, калмыковъ, ногайцевъ, имеретинцевъ, абазинцевъ и т. д. Аулы Большого Карачая населены свободными людьми, прежними узденями, а не отпущенными всего въ 60-мъ году крѣпостными, которыми, наоборотъ, занятъ Малый Карачай. Они рѣзко отличаются по своему типу отъ скученныхъ татарскихъ селеній. Мы находимъ ихъ

*) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано впослѣдствіи.
**) Тамъ же, стр. 153.

разбросанными на значительномъ разстояніи другъ отъ друга и приближающимися по типу къ хуторамъ (ихъ называютъ здѣсь полу-русскимъ терминомъ кварталы). Въ каждомъ изъ нихъ живетъ подраздѣленіе какого-нибудь рода. Нерѣдко также одинъ родъ занимаетъ собою два и и три квартала.

Карачаевскій родъ — родъ экзогамическій. Изъ разсмотрѣнныхъ Б. Миллеромъ дѣлъ видно, что отецъ оправдывалъ свой отказъ выдать дочь замужъ, говоря: «я состою съ женихомъ въ одномъ родѣ; мы имѣемъ общаго родоначальника, по народному же обычаю браки въ подобныхъ случаяхъ не допустимы».

Кто нарушалъ этотъ запретъ, дѣлался предметомъ гоненія. Когда въ родѣ Наурузовыхъ однажды заключенъ былъ бракъ съ родственницей, послѣдовало рѣшеніе выселить силою мужа, а жену его проклясть. Ее привязали къ позорному столбу и осыпали ругательствами. Съ отцомъ же молодой прекратили всякое общеніе. Обычай брать женъ изъ чужихъ родовъ еще настолько держится у карачаевцевъ, что не далѣе, какъ въ 1898 году, рядъ семей одного рода, собравшись на сходку, постановилъ не выдавать дѣвушекъ другъ за друга *).

Родовое единство сказывается у карачаевцевъ также въ томъ, что похищеніе невѣсты считается у нихъ оскорбленіемъ всего ея рода. Поэтому всѣ члены послѣдняго участвуютъ нерѣдко въ отбитіи невѣсты у похитителей.

Родовая месть въ Карачаѣ уступила уже мѣсто выкупамъ. Но въ прошломъ нерѣдко «въ случаѣ убійства родичемъ чужеродца начинались вражда и нападеніе рода на родъ» **).

Какъ во всѣхъ родовыхъ союзахъ, такъ и въ карачаевскихъ, сохраненіе внутренняго мира требовало исключенія мести изъ сферы междуродовыхъ отношеній. Вотъ почему «въ случаѣ убійства однимъ родичемъ другого виновнаго въ прежнее время—согласно преданіямъ—, по совѣщаніи стариковъ всѣхъ и каждаго изъ дворовъ рода, изгоняли или продавали на сторону» ***). Вотъ почему и по настоящій день убійство отца сыномъ остается не отмщеннымъ, но такого сына лишаютъ отцовскаго наслѣдства ****).

Проявленіемъ родового единства у карачаевцевъ надо считать также обычай доказывать право на землю присягой всѣхъ членовъ рода. Борису Миллеру удалось познакомиться съ содержаніемъ нѣкото-

---

*) Изъ области «Обычнаго права карачаевцевъ» («Этнографич. Обозр.» 1902 г. № 1, стр. 10—11).

**) Тамъ же, стр. 13.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же, стр. 14.

рыхъ тяжбъ, въ которыхъ посредники высказались за такой способъ установленія судебной истины *).

Наконецъ, необходимо указать еще на общія родовыя клейма или «тавры» какъ на одно изъ проявленій кровнаго единства. «На ряду съ родовыми и княжескими таврами—пишетъ Б. Миллеръ, приведшій и графическое изображеніе ихъ въ своемъ изслѣдованіи—мы встрѣчаемъ у карачаевцевъ тавры родовыя, семейныя, дворовыя. Туземцы объясняютъ происхожденіе ихъ сознанною необходимостью легкаго опознанія лошадей и скота. Но въ то же время нельзя не замѣтить сходства семейныхъ тавръ съ общеродовыми.

Сила кровнаго начала даетъ себя знать и въ фактѣ сохраненія доселѣ карачаевцами семейной общины, болѣе близкой къ великорусской большой семьѣ съ почти неограниченнымъ авторитетомъ большака, нежели къ сербской задругѣ съ ея относительнымъ равенствомъ членовъ и выборными начальниками. По описанію Б. Миллера, карачаевская дворовая община содержитъ въ себѣ обыкновенно отъ 15 до 25 членовъ, рѣдко когда 30 и 35 **). Хозяйство ведется ими сообща, и даже нажитое на сторонѣ поступаетъ въ общую казну ***).

Такими же, какъ карачаевцы, татарскими племенами надо считать и кумыковъ восточной части сѣвернаго Кавказа, а также жителей Табасарани, Кайтага и другихъ юго-дагестанскихъ княжествъ. Я познакомилъ въ 1890 году русскихъ читателей съ ихъ родовымъ устройствомъ въ сочиненіи, озаглавленномъ «Законъ и обычай на Кавказѣ». Мнѣ приходится теперь повторить сказанное, избѣгая, разумѣется, всякихъ подробностей.

Наиболѣе распространеннымъ терминомъ для передачи понятія рода является у этихъ татарскихъ племенъ слово «тохумъ» (лезгинское по происхожденію) или «тайпа» (по-кумыкски) ****).

На вопросъ о томъ, какія лица входятъ въ составъ тохума, туземцы даютъ разный отвѣтъ. Всѣ согласны въ томъ, что членами такого союза могутъ быть только родственники со стороны отца; разногласіе возникаетъ по вопросу, до какой степени надо считать родство. Большинство мѣстныхъ обычаевъ высказывается въ томъ смыслѣ, что для принадлежности къ тохуму степень родства не имѣетъ значенія; всѣ родственники по отцу одинаково члены его рода. Но

---

*) Тамъ же, стр. 17.
**) Тамъ же, стр. 21.
***) Тамъ же, стр. 26. Исключеніе представляетъ развѣ жалованіе учителя.
****) Факты о тохумахъ и тайпахъ почерпнуты мною изъ двухъ оффиціальныхъ записокъ, составленныхъ по распоряженію русскихъ властей. Онѣ сообщены были мнѣ г. Вейденбаумомъ.

попадаются и такіе обычаи, по которымъ, какъ, напримѣръ, по кубачинскимъ, принадлежность къ тохуму прекращается съ наступленіемъ гдѣ четвертой, гдѣ пятой, гдѣ седьмой и восьмой, а гдѣ и десятой степени родства. Исключеніе болѣе отдаленныхъ родственниковъ сказывается прежде всего въ томъ, что при убійствѣ одного изъ нихъ тохумъ не становится мстителемъ, «не ищетъ его крови», и обратно, въ случаѣ убійства членомъ тохума какого-нибудь посторонняго человѣка, родственники дальше извѣстнаго колѣна не отвѣчаютъ, не участвуютъ въ платежѣ выкупа. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ указываетъ на источникъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается счетъ родства въ нѣкоторыхъ тохумахъ. Подобно тому, какъ въ законахъ англовъ кровавая месть ограничивается одними «возможными наслѣдниками», которыми считаются родственники въ извѣстныхъ только степеняхъ родства, подобно тому, какъ по «Русской Правдѣ», насколько можно судить на основаніи ея первой статьи, отдаленнѣйшіе родственники не могутъ быть мстителями, такъ точно въ Дагестанѣ, въ интересахъ сохраненія мира и порядка, родовая месть сосредоточивается всецѣло въ рукахъ ближайшихъ родственниковъ. Ихъ участіе въ отмщеніи кровныхъ обидъ, какъ нагляднѣйшее проявленіе узъ родства, — причина тому, что со временемъ на нихъ однихъ начинаютъ смотрѣть какъ на родственниковъ; всѣ же остальные не признаются болѣе членами рода или тохума.

Во главѣ тохума стоитъ старѣйшина. «Каждый тохумъ, читаемъ мы въ одной изъ записокъ, составленныхъ русскими администраторами по показаніямъ мѣстныхъ жителей, имѣетъ своего главу; званіе это достигается путемъ свободнаго выбора, но часто бываетъ и наслѣдственнымъ; вообще же въ главы тохума выбирается лицо, славящееся энергіей, добропорядочностью, краснорѣчіемъ и хлѣбосольствомъ. Если наслѣдникъ умершаго главы соотвѣтствуетъ сказаннымъ условіямъ, то онъ безспорно становится его преемникомъ; въ особенности же въ томъ случаѣ, если два – три поколѣнія уже пользовались наслѣдственно этимъ вліяніемъ.

Главою тохума не всегда является старшій въ родѣ; въ большинствѣ случаевъ главенство пріобрѣталось и пріобрѣтается богатствомъ, умомъ и другими личными качествами. Такіе порядки держались и доселѣ держатся въ Табасарани. Въ Кайтагѣ главою тохума считается старѣйшій по лѣтамъ или тотъ, кто умнѣе; «случается нерѣдко, что старшій въ родѣ знаетъ обычаи хуже, чѣмъ иной молодой, почему къ послѣднему чаще и обращаются за совѣтомъ и больше его слушаются».

Авторитетъ старѣйшинъ далеко не безграниченъ. Ихъ приказанія имѣютъ болѣе нравственное, чѣмъ юридическое значеніе.

Если случится, что обращавшійся къ главѣ за совѣтомъ поступитъ затѣмъ вопреки его мнѣнію, то дѣлу обыкновенно не дается дальнѣйшаго хода. Въ немногихъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто обратное, глава тохума дѣлаетъ виновному выговоръ; если же послѣдствіемъ уклоненія отъ совѣта будетъ причиненіе какого-нибудь вреда, старѣйшина наказываетъ виновнаго выговоромъ и побоями; кромѣ наказанія, налагаемаго на него старѣйшиной, виновному не избѣжать презрѣнія всего тохума. Наконецъ, высшей мѣрой наказанія является изгнаніе его изъ среды рода. Въ кюринскомъ и табасаранскомъ округахъ «главенство, кромѣ почета и уваженія (такъ записано г. Цвѣтковымъ со словъ мѣстныхъ жителей), не соединено ни съ какими правами. Если, въ рѣдкихъ случаяхъ, личности съ сильнымъ характеромъ распоряжались почти деспотически своимъ тохумомъ, то въ большинствѣ случаевъ за его главою признавалось только право давать совѣтъ и наставленіе. Поведеніе, несогласное съ такимъ совѣтомъ, не имѣло другого послѣдствія, кромѣ общаго неодобренія». «Мнѣнія главы тохума—сообщаетъ г. Сотниковъ—спрашиваютъ, когда нужно женить сына или выдать дочь замужъ; при убійствахъ и пораненіяхъ глава тохума устраиваетъ примиреніе и угощеніе. Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ слѣдитъ за поведеніемъ членовъ тохума, наставляетъ ихъ или дѣлаетъ имъ выговоры. Если членъ тохума не послушается его совѣта, старѣйшина не принимаетъ противъ него никакихъ мѣръ; такъ было прежде, такъ продолжается и до сихъ поръ».

Общій выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать на основаніи этихъ свидѣтельствъ, слѣдующій: родовой старѣйшина — не болѣе, какъ первый между равными; родовая организація, такимъ образомъ, болѣе приближается къ республиканскому, нежели къ монархическому правленію.

Спрашивается теперь, какой характеръ носятъ отношенія членовъ тохума между собой, другими словами, въ чемъ сказывается начало родового единства?

Родъ у татаръ Кавказа повсюду союзъ и личный, и имущественный. Каждый изъ совершеннолѣтнихъ членовъ его участвуетъ наравнѣ съ остальными въ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ родъ является такъ или иначе заинтересованнымъ.

Какъ личный союзъ, родъ возрастаетъ не только путемъ естественнаго нарожденія новыхъ поколѣній, но и путемъ случайнаго включенія въ свою среду лицъ и семействъ, ищущихъ съ нимъ общенія. Увеличивая свой составъ путемъ усыновленія, онъ въ то же время сокращаетъ его, изгоняя въ немногихъ рѣдкихъ случаяхъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, дальнѣйшее общеніе съ которыми можетъ сдѣлаться для него источникомъ бѣдствій. Усыновленіе чужеродцевъ и

изгнаніе отдѣльныхъ членовъ изъ собственной среды—таковы тѣ двѣ стороны родовой самодѣятельности, съ которыми намъ предстоитъ теперь познакомиться.

Какъ общее правило, родъ охотно обращается къ усыновленію: отказъ въ немъ не болѣе какъ рѣдкое исключеніе. Что же предшествуетъ, спрашивается, такому отказу? Достаточно ли единоличнаго рѣшенія главы рода или необходимо согласіе большинства входящихъ въ составъ его членовъ. О самостоятельномъ рѣшеніи главы рода въ данномъ случаѣ нѣтъ и помину; необходимо согласіе родовичей, но въ какомъ числѣ должны быть послѣдніе, чтобы рѣшеніе ихъ пріобрѣло обязательный характеръ? Черту первобытнаго права представляетъ тотъ фактъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, большинство далеко не играетъ той роли, которая принадлежитъ ему въ современныхъ государствахъ Европы. Обычай требуетъ общаго согласія «Изгнаніе изъ рода, читаемъ мы въ оффиціальныхъ данныхъ, можетъ состояться только въ силу постановленія главы тохума и членовъ его. Нѣтъ примѣра, чтобы мнѣніе старѣйшины не было поддержано всѣми». Съ усыновленіемъ связывается необходимо совершеніе извѣстнаго обряда, которымъ новый членъ выражаетъ готовность тѣснаго общенія съ усыновившей его средой. У тѣхъ народностей и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ родовой и домашній культъ сохранилъ еще прежнюю жизненность, совмѣстное жертвоприношеніе обыкновенно является первымъ дѣйствіемъ новаго члена, символомъ его вступленія въ родовой союзъ. Но у татаръ, у которыхъ магометанство искоренило всѣ подобнаго рода вѣрованія, обрядъ усыновленія ограничивается производствомъ наипростѣйшей церемоніи, въ которой совмѣстная молитва и угощеніе играютъ главную роль. Лицо, вновь вступающее въ тохумъ, обязано устроить пиршество всѣмъ членамъ усыновляющаго его рода. Только при полной имущественной несостоятельности усыновляемаго издержки угощенія принимаетъ на себя самъ родъ. Когда кончится пиршество, наиболѣе почетное изъ духовныхъ лицъ, на немъ присутствующихъ, начинаетъ громко произносить слова молитвы, испрашивая у Бога здоровья и благоденствія вновь избранному члену и высказывая желаніе, чтобы онъ жилъ съ тохумомъ въ добромъ согласіи. Во все продолженіе молитвы присутствующіе держатъ обѣ руки съ протянутыми вверхъ ладонями и повторяютъ неоднократно «аминь». Когда молитва прочтена, всѣ въ одинъ голосъ произносятъ первую главу «Корана». Знаніе ея наизусть обязательно для мусульманъ. Вытерши лицо обѣими ладонями символъ, выражающій передачу ниспосланной Аллахомъ благодати, присутствующіе начинаютъ поздравлять другъ друга со вступленіемъ въ ихъ среду новаго члена. Пріемышъ надѣляется домомъ, усадебной

землей и всѣми принадлежностями самостоятельнаго хозяйства на средства всего тохума.

Удаленіе изъ тохума того или другого изъ его членовъ также обставлено цѣлымъ рядомъ формальностей, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый актъ. Всѣ эти формальности направлены къ одной цѣли, къ тому, чтобы оповѣстить о рѣшеніи тохума всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, дабы тѣмъ всенародно и открыто сложить съ рода ту отвѣтственность, какая падаетъ на него въ случаѣ преступнаго поведенія исключаемаго члена. Собравшись вмѣстѣ, родственники послѣ долгихъ совѣщаній составляютъ особую бумагу на имя лица, съ которымъ порывается общеніе; ходячее названіе ея «зорконъ-когатъ». Содержаніе же приблизительно слѣдующее: «мы, родственники такого-то тохума, отдѣляемъ отъ себя такого-то за его дурное поведеніе; что бы съ этого времени ни случилось съ нимъ, мы за то не отвѣчаемъ; буде его кто убьетъ, или онъ самъ кого, мы за кровь не платимъ и крови искать не будемъ. Обворуютъ его, или онъ самъ кого ограбитъ, мы ни отвѣчать денежно, ни искать платежа не намѣрены. Если останется послѣ него какое имущество, мы на это имущество никакихъ правъ не предъявимъ; наоборотъ, и онъ намъ не наслѣдникъ. Отнынѣ онъ не можетъ входить въ составъ нашего тохума; въ удостовѣреніе всего этого мы, присягнувъ на свя-

томъ коранѣ, прилагаемъ къ сей бумагѣ свои пальцы. Родственники такой-то и такой». Эту бумагу отдѣляемый родственникъ долженъ прибить къ дверямъ мечети, пожертвовавъ ей при этомъ случаѣ коврикъ. Прибиваніе «зорконъ - когата» производится въ присутствіи свидѣтелей, которые также получаютъ каждый по коврику. Тохумъ, въ свою очередь, несетъ въ пользу мечети нѣкоторыя издержки: онъ долженъ подарить ей однолѣтняго быка. Обыкновенными поводами къ исключенію, помимо участія въ убійствахъ, воровствахъ и другихъ преступленіяхъ, бываютъ: или передача изгоняемымъ членомъ постороннему тохуму содержанія секретныхъ постановленій, принятыхъ на общей сходкѣ, или позорное попустительство, съ которымъ онъ, несмотря на неоднократное напоминаніе о томъ, допускаетъ любовную связь своей жены съ постороннимъ лицомъ, въ особенности же съ чужеродцемъ. Рѣдко когда поводомъ къ изгнанію является упорное невниманіе къ совѣтамъ главы рода и желаніе во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться собственнымъ мнѣніемъ или мнѣніемъ лицъ, посторонпихъ тохуму.

Я сказалъ уже о томъ, что добровольный выходъ изъ тохума не допускается; но тамъ, гдѣ, какъ исключеніе, такой фактъ возможенъ, лицо, покидающее родъ, обязано сдѣлать угощеніе своимъ родственникамъ или, по крайней мѣрѣ, заплатить имъ выкупъ, для чего всего

чаще слѣдуетъ отдача тохуму трехлѣтняго быка. Въ южной Табасарани мы встрѣчаемъ слѣдующій способъ обойти запрещеніе касательно выхода изъ тохума. Лицо, недовольное своимъ родомъ, забравши предварительно имущество, отдавало себя подъ покровительство отдѣльнаго лица или чужого тохума. Это извѣстно было подъ наименованіемъ «отдачи себя на жизнь и смерть». Отдѣлившійся такимъ порядкомъ хотя и продолжалъ владѣть попрежнему своимъ имуществомъ, но терялъ право на его отчужденіе; если послѣ его смерти не было наслѣдниковъ мужескаго пола, имущество его всецѣло становилось собственностью покровителя; въ противномъ же случаѣ, наслѣдники, получивъ имущество, становились къ покровителю въ тѣ же отношенія, въ какихъ былъ наслѣдодатель. Изгнанные изъ тохума, подобно лицамъ, добровольно покидавшимъ его, прибѣгали къ такой передачѣ себя на жизнь и смерть.

Познакомившись съ порядкомъ вступленія и выхода изъ тохума, мы перейдемъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовали подобные союзы. Взаимная помощь въ несчастіяхъ, выражавшаяся въ подачкахъ неимущимъ членамъ рода, въ доставленіи усадьбы и домашней утвари вновь принимаемымъ членамъ и т. п., не имѣла обязательнаго характера и скорѣе являлась факультативной. Иное дѣло та помощь, которую каждый членъ рода въ правѣ былъ ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда становился жертвой преступленія или нуждался въ судебной поддержкѣ и защитѣ. Институты кровной мести, договорнаго поручительства и судебнаго соприсяжничества развились на почвѣ этихъ родовыхъ порядковъ.

Въ сферѣ экономическихъ отношеній дагестанскій тохумъ, подобно германскому или кельтическому роду, съ самаго начала имѣлъ характеръ имущественнаго союза, другими словами — земельной общины. Процессъ индивидуализаціи коснулся его лишь въ наше время. Землевладѣльческими единицами, какъ общее правило, являются нынѣ большія и малыя семьи. Нераздѣльный характеръ сохранили лишь пастбища и лѣса и то далеко не повсюду. Къ тому же общинное владѣніе удержало свой родовой характеръ лишь въ тѣхъ, сравнительно немногихъ, селеніяхъ, которыя сплошь заняты семьями одного и того же рода. Въ большинствѣ же ауловъ отношенія сосѣдства успѣли занять мѣсто отношеній кровнаго родства; въ нихъ право посылать скотъ на горы и рубить лѣсъ для топлива и построекъ обусловливается не столько рожденіемъ, сколько мѣстомъ жительства. Отъ прежняго родового единства удержалась одна въ высшей степени характерная черта, напоминающая собою нѣмецкій Flurzwang [108] и наводящая на мысль о самомъ источникѣ его происхожденія. Я разумѣю тотъ фактъ, что сельскохозяйственныя занятія, въ особенности во время уборки хлѣба и сбора винограда.

регулируются начальствомъ: въ родовыхъ обществахъ—старѣйшиной, въ сельскихъ—старшиной. Съ минарета, тамъ, гдѣ онъ имѣется, всего же чаще съ крыши стоящаго на возвышенности дома, въ страдную пору выкрикиваютъ по утрамъ распредѣленіе денныхъ работъ. Контроль за точнымъ соблюденіемъ подобныхъ предписаній ведется самый строгій.

Пока продолжалась ихъ независимость, тохумы играли выдающуюся роль въ военное время. Родовая солидарность сказывалась у горскихъ татаръ въ томъ, что, подобно древнимъ германцамъ, они сражались «generatim», т.-е., образуя родовые отряды. «Когда на войну шелъ одинъ какой-либо тохумъ, начальство надъ нимъ принадлежало его главѣ или же лицу, уполномоченному послѣднимъ; если же шли два или три тохума, то они имѣли столько же и начальниковъ; буде на войну выходили всѣ тохумы или большинство ихъ, то старѣйшины обыкновенно обращались къ выбору одного общаго предводителя, «векиля», которому затѣмъ безпрекословно подчинялось все ополченіе. Когда войны пріобрѣтали такой общенародный характеръ, зажиточные тохумы помогали обыкновенно бѣднѣйшимъ въ пріобрѣтеніи оружія и продовольствія на время похода.

Общія рѣшенія, какихъ требовало завѣдываніе интересами родового благосостоянія и родовой защиты, постановлялись тохумами на общихъ сходахъ, собираемыхъ обыкновенно ихъ старѣйшинами. На всѣхъ такихъ сходахъ глава рода занималъ первое мѣсто, хотя бы въ числѣ присутствующихъ и были лица, старшія по возрасту.

Только-что описанная организація встрѣчается не у однихъ татаръ и кумыковъ. Она составляетъ общую черту тѣхъ многочисленныхъ народностей, которыя обратили нашъ Дагестанъ въ «гору языковъ», по выраженію арабскихъ писателей. Мы встрѣчаемъ ее также у ихъ западныхъ сосѣдей—чеченцевъ. Ихъ «тайпы», распадающіяся на второстепенныя подраздѣленія (гаары и неки),—не то братства, не то роды. Принадлежащіе къ нимъ мужчины считаются братьями (воша). Между ними браки запрещены обычаемъ вплоть до двѣнадцатой степени *).

Чеченцы смотрятъ на купленную изъ чужой тайпы женщину какъ на принадлежность всего рода ея мужа. Отсюда то послѣдствіе, что по смерти его вдова переходитъ къ ближайшему родственнику, обыкновенно брату покойнаго. Потоцкій разсказываетъ, что въ его время, т.-е. въ концѣ XVIII вѣка, когда ученію корана еще не уда-

*) См. «Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей» Н. Харузина въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи», изд. В. Миллеромъ, вып. II, стр. 120, а также Лаудаева, «Чеченское племя» («Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», вып. VI, стр. 15).

лось реформировать нравы горцевъ, мачиха, послѣ кончины ея супруга, могла сдѣлаться женою не только его брата, но и сына *).

Организацію, во многомъ однохарактерную съ чеченской, описываетъ намъ Белль у черкесовъ, точнѣе у абазинскихъ племенъ, населяющихъ горныя долины, примыкающія къ Черному морю.

Изъ совокупности нѣсколькихъ родовъ, такъ называемыхъ «ачихъ», сложились у этихъ племенъ и своего рода союзы или братства, «тлеухъ». Члены братства считаютъ себя происходящими отъ общаго родоначальника и потому родственниками. Бракъ между мужчинами и женщинами одного и того же братства запрещенъ. Нарушившихъ этотъ запретъ въ старые годы бросали въ море. Общность земельнаго пользованія и круговая порука въ отмщеніи обидъ, направленныхъ противъ любого изъ членовъ братства, дополняютъ эту картину тѣснаго единенія тысячъ человѣкъ, связанныхъ представленіемъ о кровномъ родствѣ **).

Тѣсная солидарность, существующая между членами подобныхъ союзовъ, сказывается на каждомъ шагу, между прочимъ, въ слѣдующемъ: при недостаткѣ средствъ для покупки невѣсты изъ чужого братства, нужный для ея пріобрѣтенія калымъ составляется изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ «братьевъ». Пріобрѣтенная на общій счетъ жена, по смерти мужа, продолжаетъ составлять достояніе его рода и братства. Еще въ XV вѣкѣ генуэзецъ Интеріано отмѣчалъ слѣдующую любопытную подробность «У черкесовъ — говоритъ онъ, называя ихъ «зикки»—никто не стыдится провести со вдовою покойнаго брата даже ближайшую ночь, слѣдующую за его смертью» ***). Вдова не въ правѣ вступить въ бракъ съ членомъ чужого «тлеуха», не вознаградивъ предварительно тотъ, въ который она была куплена.

Дополняя эти данныя, Белль говоритъ, что въ его время, т.-е. въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, «вдова, какъ пріобрѣтенная на средства братства, по смерти мужа отдаваема была даромъ кому-либо изъ его членовъ» ****).

Родовое общеніе наглядно выступаетъ у кавказскихъ горцевъ и въ сферѣ отношеній, вызываемыхъ преступленіемъ, и въ сферѣ тѣхъ, основу которыхъ составляетъ обладаніе землею. Кровомщеніе у нихъ является исполненіемъ долга передъ убитыми родственниками. Кавказскій горецъ преслѣдуетъ виновнаго потому, что этого требуетъ тѣнь

---

*) «Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase», изд. Klaproth. Paris. 1829, стр. 127.

**) Bell, «Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837—1838 et 1839», trad. par Louis Vivien, т. I. стр. 167.

***) Ramusio, «Raccolta di Viaggi», т. II. 1559, a. Venezia.

****) Bell, «Journal d'une résidence en Circassie», т. I, стр. 168.

убитаго. Но такое требованіе немыслимо, когда убійца и убитый принадлежатъ къ одному и тому же роду.

Вѣдь месть родственнику повела бы къ сокращенію личнаго состава кровнаго союза, къ его ослабленію: сверхъ постигшей утраты въ лицѣ убитаго, родъ понесъ бы новую въ лицѣ самого убійцы. Понятно поэтому, если преступленія, совершаемыя родственниками по отношенію другъ друга, остаются безъ возмездія. Это не значитъ, однако, чтобы родъ тѣмъ самымъ отказывался отъ мысли положить имъ предѣлъ; неоднократное повтореніе ихъ сдѣлало бы невозможнымъ поддержаніе того внутренняго мира, на которомъ держится самое существованіе родовыхъ сообществъ. Устраненіе изъ своей среды преступнаго сочлена, наглядным выраженіемъ чего, смотря по мѣстности, является то формальный обрядъ отреченія отъ него, то разрушеніе его жилища, или, если у него нѣтъ отдѣльной усадьбы, конфискація принадлежащей ему собственности, является, такимъ образомъ, требованіемъ необходимости. Кавказское абречество не имѣетъ другого источника *). Абреки это — исключенные изъ рода. Имѣя въ виду все сказанное, намъ не трудно будетъ понять причину, по которой обычное право кавказскихъ горцевъ установляетъ строгую черту различія между воровствомъ, совершеннымъ у члена одного съ похитителемъ рода и воровствомъ у чужеродца. Послѣднее дѣйствіе не только не кажется имъ позорнымъ, но, по словамъ барона Сталя, считается у кабардинцевъ и черкесовъ своего рода доблестью **). Молодая дѣвушка неохотно отдастъ свою руку человѣку, въ прошломъ котораго нельзя указать двухъ—трехъ случаевъ смѣлыхъ набѣговъ, окончившихся уводомъ скота и лошадей. Потоцкій сообщаетъ намъ даже интересныя подробности о цѣлыхъ воровскихъ шайкахъ, устраиваемыхъ черкесскими князьями. Члены этихъ шаекъ являются на общіе сходы не иначе, какъ съ закрытыми лицами, и употребляютъ въ сво-

---

*) Не имѣя семьи, отлученный отъ общенія со своими близкими, онъ обреченъ на вѣчное скитальчество. Тысяча опасностей представляется ему на пути: грабежъ и убійство, которыхъ онъ можетъ сдѣлаться жертвой, остаются безъ отмщенія, такъ какъ у абрека нѣтъ родственниковъ-мстителей. Не обращаясь къ такому крайнему средству, какъ изгнаніе, осетины и сваneты довольствуются нерѣдко прекращеніемъ всякаго общенія съ отце- и братоубійцею. Послѣдняя изъ названныхъ народностей старается даже отличить виновнаго внѣшнимъ знакомъ, который бы позволялъ признать его каждому. Такимъ знакомъ является ожерелье изъ камней, напоминающее собою ветхозавѣтное предписаніе о побіеніи отцеубійцъ камнями, предписаніе, воспринятое также магометанскимъ правомъ и строго примѣняемое доселѣ сѣверными сосѣдями сванетъ—балкарцами.

**) Баронъ Сталь, «Этнографич. очеркъ кабардин. народа». (Леонтовичъ, «Адаты», т. I, стр. 170).

ихъ рѣчахъ непонятный для другихъ жаргонъ *). Адаты кавказскихъ горцевъ такъ далеки отъ мысли считать воровство у чужеродца уголовнымъ преступленіемъ, что большинство ихъ, въ случаѣ обнаруженія вора, довольствуется требованіемъ, чтобы похищенное или его стоимость возвращены были хозяину. Другое дѣло, если жертвою воровства является кто-либо изъ членовъ одного съ похитителемъ рода: для такихъ воровъ обычной карой служитъ конфискація. Стоимость украденнаго съ этою цѣлью взыскивается въ семь и болѣе разъ, причемъ самое число этихъ разовъ возрастаетъ обратно пропорціонально цѣнности похищеннаго; все это дѣлается съ цѣлью приблизить размѣръ пени къ конфискаціи всего имущества **). Особенно наглядно это желаніе уподобить пеню конфискаціи выступаетъ въ обычаяхъ живщихъ въ концѣ XVIII в. еще родовыми поселками кистинъ. По словамъ Рейнеггса, укравшій что-либо въ домѣ своего сосѣда обязанъ былъ заплатить ему семьдесятъ разъ стоимость похищеннаго ***).

Въ обычномъ правѣ горскихъ народностей Кавказа отвѣтственность всѣхъ родственниковъ за преступленіе, совершенное однимъ изъ ихъ среды, продолжала держаться до послѣдняго времени во всей своей архаичности. Говоря это, я разумѣю, что месть могла быть направлена противъ любого изъ членовъ одного съ обидчикомъ рода. Съ особенною наглядностью этотъ фактъ выступаетъ въ бытѣ черкесовъ Кубанской области, у которыхъ не далѣе, какъ въ 1849 году, по словамъ барона Сталя, въ случаѣ убійства, «родъ мстилъ роду, аулъ — аулу» ****). Въ настоящее время «кровью за кровь отвѣчаетъ только семейство убійцы». По обычаямъ чеченцевъ, родственникамъ жертвы равно предоставляется убить въ отмщеніе самого убійцу или кого-либо изъ его рода *****). Ингуши допускаютъ примѣненіе кровной мести къ роднымъ братьямъ, дядямъ и племянникамъ убійцы, но исключительно со стороны отца ******).

Въ связи съ только-что приведенными фактами становится

---

*) «Voyage de Jean Potocki», стр. 168.

**) У кабардинцевъ при кражѣ у сосѣда лошади требуется возвращеніе 3-хъ лошадей, а при кражѣ барана, смотря по тому, у кого онъ украденъ, 10 и 20 («Адаты», т. I, стр. 253—256).—О воровствѣ у осетинъ см. мой «Современный обычай и древній законъ», т. II, отдѣлы: уголовное право.—О воровствѣ у черкесовъ см. Леонтовичъ. «Адаты», т. II, стр. 136, 137 и 262.—О воровствѣ у ингушей см. Грабовскій. «Ингуши» (ихъ жизнь и обычаи), IX т. «Сб. свѣд. о кавк. горц»., стр. 94.

***) Reineggs, «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus», a 1796, v. I, стр. 40.

****) Леонтовичъ, «Адаты кавказскихъ горцевъ», т. I, стр. 165.

*****) Леонтовичъ, «Адаты», т. II, стр. 93.

******) Тамъ же, стр. 148.

яснымъ, что чѣмъ больше число лицъ, которыхъ обычай признаетъ подлежащими кровомщенію, или такъ называемыми «канліями», тѣмъ бо́льшее право имѣемъ мы утверждать, что въ его постановленіяхъ слѣдуетъ видѣть буквальное отраженіе началъ, свойственныхъ всякому обществу, переживающему родовой періодъ своего развитія. Въ этомъ отношеніи обычаи отдѣльныхъ дагестанскихъ обществъ значительно разнятся между собою. Тогда какъ въ общинахъ Ганкъ, Гапшъ и Мюра, расположенныхъ въ Верхнемъ Кайтагѣ, число родственниковъ, подлежащихъ наравнѣ съ убійцею кровомщенію, достигаетъ цифры семи человѣкъ *), въ Каракайтагѣ число ихъ не превышаетъ четырехъ **), въ сѣверной Табасарани—трехъ ***), въ округѣ гамбринскомъ и селеніи Башлы — одного ****), а въ самурскомъ родовому возмездію подвергается исключительно одинъ виновникъ преступленія *****).

Перечисленные аулы принадлежатъ всѣ къ числу южно-дагестанскихъ обществъ. Въ даргинскомъ округѣ можно отмѣтить не меньшее разнообразіе въ рѣшеніи вопроса, кто на ряду съ виновнымъ можетъ быть объявленъ канліемъ или подлежащимъ кровомщенію. Всего чаще шесть ближайшихъ родственниковъ лица, виновнаго въ убійствѣ или увозѣ женщинъ, объявляются «канліями» и въ отличіе отъ преступника, признаваемаго главнымъ канліемъ (башъ-канлы), именуются малъ- или иль-канлы. Право же кровомщенія признается въ этомъ случаѣ за всѣми родственниками убитаго ******). Но въ акутинскомъ, микахинскомъ и мугинскомъ обществахъ виновный въ убійствѣ одинъ дѣлается канліемъ, и никакого малъ-канлы не назначается *******). Въ урахлинскомъ число малъ-канлы равняется тремъ, причемъ ими могутъ быть и женщины, если онѣ принадлежатъ къ ближайшимъ родственницамъ преступника, разъ послѣдній былъ женатъ, первой въ число малъ-канлы попадаетъ вдова ********). Въ цахурскомъ же обществѣ «вмѣстѣ съ преступникомъ считается канліями и все семейство его, живущее съ нимъ въ одномъ домѣ; оно подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго наравнѣ съ самимъ убійцею» *********).

Переходя къ горскимъ селамъ Дагестана, мы въ аулахъ андій-

---

*) «Адаты южно-даг. обществъ» («Сб. св. о кавк. горц.», в. VIII, стр. 23).
**) Тамъ же, стр. 42.
***) Тамъ же, стр. 30.
****) Тамъ же, стр. 51.
*****) Тамъ же, стр. 63.
******) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», вып. VII, стр. 15 и 16.
*******) Тамъ же, стр. 34, 47, 61.
********) Тамъ же, стр. 85.
*********) Тамъ же, стр. 113.

скаго округа и нѣкоторыхъ селеніяхъ унцукульскаго общества (гунибскаго округа) встрѣчаемся съ правиломъ, по которому также все семейство убійцы наравнѣ съ нимъ попадаетъ въ число канліевъ *). Наоборотъ, въ казикумухскомъ округѣ вмѣстѣ съ убійцею отвѣтствуетъ одинъ ближайшій родственникъ **). Въ аварскихъ же, дидойскихъ и капучинскихъ обществахъ, а также на протяженіи всего закатальскаго округа, отвѣтственность убійцы уже является чисто личной, канліемъ считается онъ одинъ ***).

Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мщенію наравнѣ съ виновнымъ подлежитъ и опредѣленное адатомъ число его родственниковъ, остальное родство не освобождается отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ кровникамъ. «Въ селеніи Башлы, принадлежащемъ къ кайтагскому округу, до тѣхъ поръ, пока убійца не уплатитъ, на правахъ задатка, такъ называемаго «шаріатъ-ахча», въ размѣрѣ трехъ рублей тридцати копѣекъ», т.-е. не приступитъ къ частичному выполненію выросшаго изъ преступленія обязательства, «родственники жертвы въ правѣ убить перваго встрѣчнаго родственника убійцы» ****). Въ сѣверной Табасарани, пока не будетъ указано, какія лица должны идти въ канліи вмѣстѣ съ преступникомъ, «всѣ члены одного съ нимъ тохума или рода, безъ различія степеней, не могутъ показываться безнаказанно на глаза родственникамъ того, кто сдѣлался жертвою преступленія, изъ опасенія быть убитыми» *****). Когда же состоится выборъ лицъ, идущихъ въ канліи, всѣ остальные родственники убійцы обязаны прочесть «фатихе» (первую главу корана).

Въ этихъ фактахъ трудно не видѣть указаній на то, что первоначально кровомщенію наравнѣ съ прямымъ виновникомъ преступленія подлежали въ Дагестанѣ и всѣ члены одного съ нимъ рода. Какія же, спрашивается, причины вызвали постепенное ограниченіе этого родового возмездія ближайшими родственниками, а затѣмъ совершенную замѣну его личною отвѣтственностью виновнаго. Если источ-

---

*) «Сборникъ адатовъ Гунибскаго округа» въ рукописи, сохраняемой при окружномъ управленіи. «Сборникъ адатовъ, существующихъ между жителями андійскаго округа» (1865 г.) въ рукописи.

**) «Сборникъ адатовъ казикумухскаго округа» (1865 г.), въ рукописи.

***) См. «Сборникъ адатовъ аварскаго народа», составленный Калантаровымъ въ 1865 г., рукопись; см. также «Адаты, собранные въ іюлѣ мѣсяцѣ 1884 г. помощникомъ начальника гунибскаго округа кн. Андроникомъ»,—рукопись, хранящаяся въ Бежитѣ.—По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ полковникомъ Узбашевымъ, въ закатальскомъ округѣ мстить можно только виновнику преступленія, а не его родственникамъ.

****) «Адаты южно-дагест. общ. , стр. 57.

*****) Тамъ же, стр. 20.

никъ перваго лежитъ въ постепенномъ распаденіи родовъ на болѣе или менѣе численныя группы родственниковъ, сводныя семьи или семейныя общины, то второе, несомнѣнно, объясняется прямымъ воздѣйствіемъ писаннаго закона мусульманъ, шаріата. Въ сводѣ магометанскаго права, «Магали», который пользуется въ Дагестанѣ общимъ признаніемъ, прямо значится: «Убійцѣ (а никому другому) мститъ смертью наслѣдующій убитому» (а не всѣ родственники послѣдняго) и далѣе: «За раны, нанесенныя не случайно, виновные (а никто другой) подвергаются «киссасу», т.-е. имъ въ отмщеніе наносятъ подобную же рану» *).

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что установленіе начала личной отвѣтственности есть дѣло шаріата, а не адата, закона, а не народнаго обычая. Тотъ фактъ, что оно выступаетъ въ полной силѣ въ тѣхъ частяхъ Дагестана, которыя наиболѣе проникнуты духомъ мусульманскаго ученія или издавна, подобно аварскимъ обществамъ, состояли въ подчиненіи у преданныхъ началамъ магометанства мѣстныхъ правителей или хановъ, какъ нельзя лучше согласуется съ фактомъ замѣны родовой отвѣтственности личной подъ вліяніемъ писаннаго права или шаріата.

На основаніи всего предыдущаго мы въ правѣ придти къ слѣдующимъ выводамъ. При отсутствіи государственнаго единства, которое характеризуетъ собою древнѣйшее устройство Дагестана, населявшіе его родовые союзы (тохумы) придерживались началъ родового самосуда и неограниченнаго кровнаго возмездія. Развившаяся со временемъ политическая власть мѣстныхъ князей подъ вліяніемъ шаріата постепенно сократила районъ дѣйствія кровной мести, ограничивъ ее ближайшими родственниками преступника и его жертвы. Спрашивается теперь, гдѣ видѣть источникъ самой мести? Откуда могло возникнуть стремленіе искать не вознагражденія произведеннаго преступленіемъ вреда, а причиненія обидчику физическаго страданія? И какой характеръ носитъ самая эта месть: является ли она чѣмъ-то вынуждаемымъ религіей или нѣтъ, чѣмъ-то обязательнымъ или добровольнымъ?

Въ сказаніяхъ кавказскихъ горцевъ, какъ сѣвернаго, такъ и южнаго склоновъ главнаго хребта, часто упоминается о томъ, какъ отомстившій за смерть отца сынъ идетъ на его могилу, вырываетъ въ ней яму и, приложивъ къ ней уста, говоритъ покойнику: «теперь ты можешь быть мною доволенъ, я отомстилъ за твою смерть». Нерѣдко также приходится слышать въ нихъ разсказъ о томъ, какъ тотъ или

---

*) См. сравненіе нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ съ соотвѣтствующими постановленіями книгъ «Магали» (VIII, «Сб. св. о кавк. горц.»).

другой покойникъ въ сновидѣніяхъ являлся своему потомку, то требуя отъ него мщенія, то разрѣшая ему замѣнить месть поминками. Всюду, гдѣ удержалось право отмщенія, головы убитыхъ, а иногда и ихъ руки считаются семейными трофеями и располагаются у главнаго входа въ саклю или же прибиваются къ могиламъ убитыхъ. Мнѣ не разъ приходилось видѣть подобные трофеи въ горныхъ обществахъ Дагестана у лезгинъ, капучинцевъ и дидойцевъ, а также у ведшихъ съ ними почти непрерывную войну хевсуровъ, кистовъ и тушиновъ. Во многихъ мѣстахъ обычай разрѣшаетъ замѣнить убійство отрѣзаніемъ праваго уха, которое затѣмъ и украшаетъ собою входъ въ саклю. То обстоятельство, что, согласно показаніямъ генерала Комарова, въ старые годы отмщеніе производимо было или на мѣстѣ, гдѣ палъ убитый, или на его могилѣ, говоритъ намъ о томъ, что мстители ставили совершаемое ими дѣяніе въ непосредственную связь съ судьбою покойника. Всего наглядпѣе, однако, религіозный характеръ мести— воззрѣніе на нее какъ на обязательство живущихъ поколѣній по отношенію къ умершимъ — выступаетъ изъ характера тѣхъ дѣйствій, какія предпринимаются убійцами съ цѣлью избѣжать кровомщенія. Въ траурной одеждѣ, съ отпущенными волосами, приходитъ на могилу своей жертвы убійца-черкесъ, какъ и убійца-осетинъ, производя при этомъ особый обрядъ самопосвященія, состоящій въ томъ, что онъ добровольно отдастъ себя въ руки покойника, а послѣдній, черезъ посредство потомка, прощаетъ ему его обиду.

Обязательство мщенія, какъ чего-то вынуждаемаго религіей, въ частности — культомъ предковъ, выступаетъ и въ требованіи, чтобы родственникъ не сразу соглашался на выкупъ, а послѣ добровольнаго уничиженія себя обидчикомъ. Убійца обязательно долженъ покинуть прежнее мѣстожительство. Когда родственники его уговорятся насчетъ выкупа, онъ въ скромномъ одѣяніи, съ поникшей головой, по цѣлымъ часамъ упрашиваетъ «ищущаго крови», чтобы онъ принялъ предлагаемый ему выкупъ, хотя бы на этотъ счетъ и состоялось уже предварительное соглашеніе. Отмѣчаю тѣмъ охотнѣе эту бытовую черту, что она встрѣчается и въ древнемъ правѣ нѣкоторыхъ германскихъ народностей. Скандинавскимъ «Правдамъ», напр., извѣстно требованіе съ обидчика дополнительной пени за то, что онъ громко, во всеуслышаніе предлагалъ выкупъ родственнику обиженнаго имъ лица, тотчасъ за нанесеніемъ имъ самой обиды.

Въ дагестанскихъ обществахъ месть сохраняетъ досель характеръ чего-то обязательнаго, но подавленіе магометанствомъ малѣйшихъ проявленій домашняго культа — культа предковъ, причина тому, что ея религіозный источникъ не можетъ быть болѣе обнаруженъ. Какъ въ андійскомъ округѣ, такъ и въ аварскомъ, казикумухскомъ и самур-

скомъ убійца обязательно долженъ покинуть аулъ *). Все имущество его разграбляется родственниками убитаго. Они разносятъ его жилище, вырубаютъ его садъ, уничтожаютъ всю его движимость, топчутъ ногами своихъ лошадей его сѣнокосы и нивы. Преступникъ обязанъ жить въ изгнаніи, сдѣлаться абрекомъ до тѣхъ поръ, пока родственники убитаго не согласятся простить его и принять выкупъ. Домъ, въ которомъ жилъ убійца, не можетъ быть воздвигнутъ вновь до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ такого прощенія **). Возможно, что родственники убитаго совершенно откажутъ въ немъ убійцѣ; въ такомъ случаѣ онъ умираетъ въ изгнаніи, и самое тѣло его не можетъ быть погребено въ родной землѣ иначе, какъ съ разрѣшенія враждебнаго ему рода и каждый разъ подъ условіемъ производства особаго платежа ***). Если, вопреки запрещенію, убійца снова появится на родинѣ, каждый изъ рода убитаго въ правѣ причинить ему смерть, не подвергаясь за то никакимъ невыгоднымъ для себя послѣдствіямъ. Общественныя власти налагаютъ особый штрафъ на того, кто до помилованія его родомъ убитаго позволитъ себѣ снова показаться на глаза родственниковъ своей жертвы ****). Сами же родственники считаютъ себя обязанными убить его при первой встрѣчѣ. Чтобы избѣжать ея, они, въ даргинскомъ округѣ, обязаны, отправляясь въ ту деревню, въ которой живетъ преступникъ, предупредить его о своемъ приходѣ и тѣмъ доставить ему возможность скрыться во-время. Если родственникъ убійцы зайдетъ въ такую деревню, не предупредивъ о своемъ приходѣ, сельское общество (джамаатъ) въ правѣ заставить его заключить мировую съ убійцею.

Не во всѣхъ, впрочемъ, аулахъ помилованіе виновнаго всецѣло поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго рода. Во многихъ мѣстностяхъ обычай установилъ сроки, долѣе которыхъ не должно продолжаться изгнаніе. Такимъ срокомъ для убійцы является обыкновенно наступленіе четвертаго года со времени совершенія имъ пре-

---

*) Въ дидойскихъ и нѣкоторыхъ анцухскихъ обществахъ убійца не изгоняется изъ селенія, а до примиренія содержится безвыходно у себя на дому подъ наблюденіемъ сельскаго начальства (Комаровъ, стр. 28).

**) Рук. «Сб. адатовъ андійскаго округа».

***) См. «Южно-дагест. адаты», стр. 57.

****) «Если убійца, читаемъ мы въ «Сборникѣ адатовъ Верхняго Кайтага», до примиренія придетъ домой, и о томъ узнаютъ его враги, то тотчасъ просятъ объ удаленіи его, а съ него или его родственниковъ взыскиваютъ за каждый проведенный имъ вечеръ по одному быку» (тамъ же, стр. 33). «Удаленный за изнасилованіе замужней женщины, до примиренія съ мужемъ, не долженъ приходить въ свою деревню, въ противномъ случаѣ съ него взыскивается два быка въ пользу джамаата» («Адаты микатинскаго общества даргинскаго округа». Вып. VII, стр. 52).

ступленія *); для тѣхъ же, кто сопровождаетъ его въ изгнаніе, будетъ ли то его семья, или одинъ изъ родственниковъ, обычнымъ срокомъ считается гдѣ полгода, а гдѣ и три мѣсяца; въ нѣкоторыхъ аулахъ достаточно и сорока дней со времени бѣгства **).

Въ случаѣ помилованія виновнаго родственниками убитаго, канлій, одѣвшись въ саванъ, съ привѣшенной къ боку шашкой, являлся одинъ или въ сопровожденіи стариковъ, обыкновенно ночью, во дворъ ищущаго крови, другими словами — ближайшаго родственника убитаго, бросался передъ нимъ на колѣни и отдавалъ себя въ его руки.

У кумыковъ темиръ-ханъ-шурскаго округа, по описанію г. Комарова ***), обрядъ примиренія совершается слѣдующимъ образомъ: старикъ и кадій, т.-е. судья, приводятъ убійцу и ставятъ его вдали отъ родственниковъ убитаго такъ, чтобы послѣдніе только могли разсмотрѣть его лицо; кадій становится посерединѣ и молится о примиреніи враждующихъ; молитву свою онъ заканчиваетъ чтеніемъ «фатихе» (первой главы корана). Фатихе повторяютъ за нимъ и примиряющіяся стороны. По окончаніи молитвы кадій вытираетъ лицо руками, въ знакъ благодарности Богу за ниспосланный миръ. Прощенный убійца приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на пиршество. Какъ только гости подойдутъ къ дверямъ дома, въ которомъ ждетъ ихъ угощеніе, убійца съ обнаженной головой падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближайшій родственникъ убитаго не скажетъ ему: «встань, мы простили тебя». Во время угощенія прощенный канлій стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чаши съ родственниками убитаго ****).

Описанный нами порядокъ кровнаго возмездія и оканчивающаго его примиренія составляетъ, можно сказать, общее правило. Отступленіемъ является, напримѣръ, допущеніе извѣстнаго перерыва въ

---

*) «Сб. адатовъ даргинскаго округа», стр. 11.

**) Въ самурскомъ округѣ изгнаніе башъ-канлы длится всего полгода («Южно-Дагест. адаты», стр. 63).

***) Комаровъ, стр. 35.

****) Въ «Адатахъ кюринскаго округа» мы читаемъ: «При примиреніи соблюдается слѣдующій обрядъ: на канлія надѣваютъ бѣлый саванъ и опоясываютъ его шашкою; въ этомъ нарядѣ ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, какъ бы въ знакъ того, что онъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе для казни и платье для погребенія. Подошедши къ воротамъ, они останавливаются: въ это время изъ дома противника выходитъ уполномоченный, который, снявъ съ канлія саблю и саванъ, гладитъ его по головѣ. Мулла произноситъ затѣмъ молитву «фатихе», и преступленіе предается забвенію» («Южно-дагест. адаты», стр. 6). Тѣ же обряды соблюдаются и въ самурскомъ (тамъ же, стр. 63), и въ даргинскомъ округахъ (см. «О послѣдствіяхъ убійствъ и поранеій между горцами», вып. VIII «Сб. св. о кавк. горц»., стр. 4).

осуществленіи кровной мести. Пока продолжается этотъ перерывъ, убійство виновнаго или любого изъ его родственниковъ родомъ обиженнаго не считается дозволеннымъ, хотя бы убійца, временно вернувшись на родину, попался на глаза кого-либо изъ родственниковъ его жертвы. Такой практики придерживается, между прочимъ, населеніе нѣкоторыхъ селъ гунибскаго округа.

Въ «Адатахъ тлейсерухскаго общества» мы читаемъ: «Хотя убійца и идетъ въ канліи на три года, но въ правѣ ежегодно проводить десять дней въ родномъ аулѣ. Если за это время онъ будетъ убитъ кѣмъ-либо изъ родственниковъ жертвы, его убійца признается виновнымъ въ нарушеніи адата, подвергается кровомщенію и самъ становится канліемъ на три года» *).

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующія частности изучаемой нами системы. Онѣ, какъ нельзя лучше, иллюстрируютъ нашу мысль объ обязательности мщенія. Если убійца неизвѣстенъ, роду потерпѣвшаго предоставляется самому указать того, кого онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ. Лицо это должно явиться по зову въ домъ старшаго родственника убитаго. Кто не исполнитъ этого требованія, признаетъ себя тѣмъ самымъ виновнымъ въ убійствѣ и становится канліемъ. Пришедшій по зову рискуетъ быть убитымъ. Но разъ онъ отпущенъ невредимымъ, месть тѣмъ самымъ прекращается **). Если убійца умретъ въ изгнаніи до момента примиренія, месть не оставляетъ его рода; взамѣнъ умершаго канліемъ становится одинъ изъ его родственниковъ. Если и этотъ послѣдній умретъ, мѣсто его занимаетъ третій, четвертый и т. д. родственникъ до седьмого включительно. Со смертью этого седьмого наступаетъ конецъ всякой мести.

Что доказываютъ всѣ эти факты, какъ не то, что кровомщеніе считается обязательнымъ. Обычай не останавливается ни передъ невозможностью открыть дѣйствительнаго виновника, ни передъ смертью преступника. Пока кровь не смыта кровью, честь рода считается запятнанной. Отсюда требованіе, чтобы канлій постоянно былъ на лицо, и чтобы мщеніе прекращено было не иначе, какъ въ силу помилованія со стороны потерпѣвшаго рода.

Та же обязательность мщенія выступаетъ и изъ того факта, что считается «непорядочнымъ» скоро и легко соглашаться на примиреніе ***), что брать выкупъ съ извѣстныхъ категорій преступниковъ, въ частности съ прелюбодѣевъ, «позорно», и что въ нѣкоторыхъ аулахъ за-

---

*) Рукописи окружнаго управленія.

**) См. въ частности «Адаты селеній Гіяри, Ахксентъ и Ашильта» въ «Сборникѣ адатовъ гунибскаго округа» (рукопись окружнаго управленія).

***) «О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій» (вып. VIII «Сб. свѣд. о Кавк. горц.», стр. 4.

мѣпа кровомщенія платежомъ выкупа вовсе не допускается, такъ что единственнымъ средствомъ къ прекращенію мести является помилованіе, сопровождаемое пиршествомъ, издержки котораго несетъ канлій.

Имѣются при этомъ нѣкоторыя указанія на то, что помилованный принимаемъ былъ въ родъ помиловавшаго, такъ что оба становились съ этого момента кровными братьями *) (канъ-кардашъ) — порядокъ, примѣры котораго представляютъ намъ въ числѣ другихъ и родовые союзы американскихъ краснокожихъ **). «Помилованный—говоритъ г. Комаровъ—замѣняетъ собою убитаго имъ. Ему вмѣняется поэтому въ долгъ исполнять тѣ обязанности, какія возлагаются родствомъ: ухаживать за состоящими въ живыхъ родственниками своей жертвы, участвовать въ поминкахъ, совершаемыхъ по умершимъ; въ частности онъ долженъ возможно часто посѣщать могилу убитаго имъ» ***).

Насколько старинны описанные нами порядки, можно судить по тому, что о нихъ упоминается еще въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ сборникахъ обычаевъ кайтагскаго уцмійства. Этихъ сборниковъ мнѣ извѣстно два: одинъ изданъ г. Комаровымъ, другой списанъ мною съ рукописи, принадлежащей окружному управленію кайтаго-табасаранскаго округа. Оба мало чѣмъ разнятся другъ отъ друга. Происхожденіе того и другого одинаково приписывается Рустемъ-хану, о которомъ въ концѣ хранящейся въ Дербентѣ рукописи сказано, что «послѣ смерти отца своего Ханъ-Магомеда-Уцмія онъ вступилъ въ обладаніе Кайтагомъ, что и случилось въ 1601 г.; умеръ же онъ въ началѣ 1631 г.

Изъ этого видно, что нѣтъ основанія относить адаты уцмійскаго владѣнія къ XII вѣку, какъ это дѣлаетъ г. Комаровъ, а за нимъ профессоръ Леонтовичъ. Но при всемъ томъ они отличаются значительною древностью. Предшествуя во времени не только русскому завоеванію, но и появленію мюридизма, т.-е. оживленію мусульманства, адаты эти знакомятъ насъ съ обычнымъ правомъ Дагестана въ его чистомъ видѣ. Что же постановляютъ эти адаты по интересующему насъ вопросу? Какія послѣдствія приписываютъ они убійству? Въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующимъ доселѣ обычаемъ они требуютъ назначенія канлія или обязаннаго идти въ изгнаніе «кровника» во всѣхъ случаяхъ насильственной смерти. При убійствѣ же кого-либо въ свалкѣ, когда лицо убійцы остается неизвѣстнымъ, родственникамъ убитаго предоставляется назначить въ канліи или признать кровнымъ врагомъ, кого пожелаютъ изъ числа тѣхъ, кто участвовалъ въ бою.

---

*) «Магалъ Терекеме» («ю.-даг. ад.», стр. 48).
**) См. мою «Évolution de la famille», глава 2, «Époque patriarcale».
***) А. В. Комаровъ, «Адаты и судопроизводство по нимъ», стр. 35.

Проливший кровь долженъ всячески избѣгать присутствія оскорбленнаго имъ рода; съ канлія, который не выѣдетъ изъ селенія, въ которомъ пребываетъ ищущій его крови, надлежитъ взыскивать въ пользу общества сто кари хабцалдику. Кари — мѣра длины, равняющаяся приблизительно одиннадцати съ половиною русскимъ вершкамъ, а хабцалдикъ — грубая пеньковая матерія, приготовляемая въ Кайтагѣ и Табасарани.

На практикѣ запрещеніе пребывать въ одной мѣстности съ обиженнымъ имъ родомъ весьма часто совпадаетъ съ требованіемъ покинуть прежнее мѣстожительство и искать убѣжища въ изгнаніи. Адаты уцмія Рустема предписываютъ жителямъ оказывать канлію гостепріимство. «Если прибудетъ откуда-нибудь «кровникъ», то принимать его, а не выгонять», значится въ одной изъ статей кодекса Рустема.

Но пріемъ, дѣлаемый канлію, долженъ носить характеръ простой терпимости. Оказывать ему помощь и поддержку никто не въ правѣ. Въ частности, никто не долженъ сопровождать его въ его поѣздкахъ. «Если канлій пожелаетъ отправиться куда-нибудь, то съ нимъ никому не ѣздить—постановляетъ кодексъ Рустема, прибавляя, въ качествѣ угрозы: если будетъ убитъ ѣдущій вмѣстѣ съ канліемъ, кровь его считать безвозмездной».

Положеніе канлія во все время его изгнанія — положеніе человѣка болѣе или менѣе безправнаго; поэтому кодексъ Рустема предписываетъ взыскивать сто кари хабцалдику съ того, кто поведетъ канлія на разбирательство по какому-либо дѣлу къ кадію или въ сельское общество.

Какъ и въ наши дни, пролитіе крови не ведетъ къ изгнанію одного только убійцы; виновнымъ признается весь родъ его. Эта отвѣтственность рода формулирована въ кодексѣ Рустема въ слѣдующихъ словахъ: «если родственники замѣтятъ кого-либо въ дурныхъ поступкахъ, они въ правѣ убить его; въ противномъ же случаѣ обязаны отвѣчать за его противозаконныя дѣянія». Изъ этой отвѣтственности всего рода или тохума вытекаетъ то послѣдствіе, что месть можетъ быть направлена, и помимо убійцы, противъ любого изъ членовъ его рода или тохума, и что въ изгнаніе вмѣстѣ съ убійцею идетъ также бо́льшее или меньшее число его родственниковъ. Первое открыто выражено въ слѣдующей статьѣ рустемовскаго свода: «Если убьютъ кого два человѣка, то родственникамъ убитаго предоставляется право убить одного изъ родственниковъ убійцы, кого они пожелаютъ, а самого убійцу простить, съ взысканіемъ съ него выкупа и шаріатскихъ денегъ въ двойномъ размѣрѣ». Это правило терпитъ, впрочемъ, въ разбираемомъ нами памятникѣ уже слѣдующее существенное ограни-

ниченіе: «Кто, оставивъ сознавшагося въ убійствѣ, будетъ искать съ другого выкупъ, съ того брать штрафъ—тысячу кари хабцалдику». Изъ понятія объ убійствѣ, какъ о дѣйствіи, отвѣтственность за которое падаетъ на цѣлый родъ, вытекаетъ то послѣдствіе, что, на ряду съ убійцею, кодексъ Рустема признаетъ кровными врагами и извѣстное число его родственниковъ. Это тѣ же малъ- или иль-канлы, которые извѣстны современному обычаю.

«Съ того, кто убьетъ убившаго вора или грабителя, — значится въ адатахъ уцмійства—2 канлія». То же, если кто убьетъ ѣдущаго на судъ или собирающагося дать присягу. Число канліевъ возрастаетъ до семи въ слѣдующихъ случаяхъ, переименованныхъ тѣми же адатами: «Кто въ домѣ своемъ или на пашнѣ убьетъ кого-либо безъ всякой причины, съ того 7 канліевъ. То же число требуется въ случаѣ, если убійство сопровождается грабежомъ, если убійца сниметъ съ убитаго какую-нибудь вещь, или если только онъ скроетъ его трупъ. При убійствѣ съ грабежомъ, жертвой котораго является женщина, число требуемыхъ по закону канліевъ достигаетъ максимальной цифры—четырнадцати человѣкъ» *).

Изгнаніе или пребываніе въ положеніи канлія не должно продолжаться безконечно. «Съ врагомъ слѣдуетъ мириться—значится въ сводѣ Рустема—, получивъ отъ него выкупъ или угощеніе, а также по просьбѣ третьихъ лицъ». Это значитъ, что обычаи уцмійства допускаютъ троякій исходъ кровной вражды: первымъ является платежъ діата или выкупа за кровь, вторымъ — простое угощеніе родомъ убійцы рода убитаго, третьимъ—прощеніе родомъ убитаго нанесенной ему обиды, не сопровождаемое никакими требованіями платежа или угощенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково происходитъ обрядъ «лицезрѣнія», извѣстный въ наше время даргинскимъ обществамъ подъ наименованіемъ «Бетъ-Гермекъ». Этотъ обрядъ прямо упоминается сводомъ Рустема, гласящимъ: «По окончаніи срока изгнанія, каній обязанъ примириться съ родственниками убитаго, заплатить имъ за кровь вещами по адату, совершить лицезрѣніе, если пожелаютъ родственники убитаго, и угостить ихъ».

Итакъ, древнѣйшая запись народныхъ обычаевъ, сдѣланная почти за три столѣтія до нашего времени, заключаетъ въ себѣ буквально тѣ же воззрѣнія на необходимыя послѣдствія убійства, какія проводятся современными намъ обычаями Дагестана. Это обстоятельство укрѣпляетъ нашу увѣренность въ народности этихъ обычаевъ и ихъ тѣсной связи съ тѣми условіями родового быта, на которыхъ по-

---

*) Постановленія кайтагскаго уцмія Рустемъ-хана отпечатаны въ первомъ томѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», стр. 80.

строено было издревле и доселѣ держится общественное устройство туземцевъ. Родовой характеръ мести, ея обязательность, возможность направить ее помимо ближайшаго виновника на бо́льшее или меньшее число его родственниковъ, изгоняемыхъ наравнѣ съ нимъ, — все это черты, непосредственно вытекающія изъ общаго взгляда на обязанности родового общежитія, обязанности, обнимающія не одни взаимныя отношенія живущихъ, но и этихъ послѣднихъ къ отошедшимъ уже поколѣніямъ.

Изучивши роль кавказскихъ родовъ въ преслѣдованіи личныхъ обидъ, направленныхъ противъ ихъ членовъ, покажемъ теперь, каковъ у нихъ обычный порядокъ возстановленія имущественныхъ правъ. Самосудъ родовъ и въ этой области отношеній выступаетъ во всей своей силѣ. Обиды имущественныя, къ числу которыхъ горцы Кавказа относятъ не только случаи неисполненія принятыхъ обязательствъ, но и случаи насильственнаго или тайнаго присвоенія себѣ чужой собственности (воровства), сплошь-и-рядомъ вызывали у нихъ до русскаго владычества слѣдующія послѣдствія. Самъ обиженный или любой изъ членовъ его рода имѣлъ право обратиться къ насильственному захвату имущества обидчика или любого изъ членовъ его рода. Предметами этого захвата являлись обыкновенно стада овецъ и табуны лошадей. Такая допускаемая обычаемъ самопомощь извѣстна на западномъ Кавказѣ подъ наименованіемъ «баранты», а на восточномъ—«шикиля». Постановленія кайтагскаго уцмія Рустема упоминаютъ о ней какъ объ общераспространенномъ обычаѣ.

Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ намъ порядокъ производства этого самоуправнаго захвата Берже въ своей извѣстной монографіи о «Чечнѣ и чеченцахъ». «Обычай или адатъ предоставляетъ обиженному право во всякое время украсть у обидчика лошадь или какую-нибудь цѣнную вещь. Онъ представляетъ похищенные имъ предметы старикамъ, которые оцѣнивъ ихъ, выдѣляютъ ему ту часть, на которую онъ имѣетъ право, остальное же возвращаютъ хозяину» *).

Въ томъ видѣ, какой обычай «баранты» получилъ у чеченцевъ, родовая отвѣтственность уже исчезла; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность одного обидчика. Но въ «Постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема» вполнѣ удержанъ еще за «шикилемъ» или за «барантою» ея первоначальный характеръ самоуправства, грозящаго имущественному составу всего рода. «Брать баранту слѣдуетъ съ тѣхъ, кто не отдѣлился отъ тохума (т.-е. рода) отвѣтчика» **)—значится въ этихъ

*) Берже, стр. 104.

**) Комаровъ, «Адаты и судопроизводство по нимъ», стр. 86 (I вып. «Сб. свѣд. о кавк. горц.)».

постановленіяхъ; другими словами—съ любого изъ членовъ одного съ отвѣтчикомъ рода, такъ какъ отдѣленіе отъ тохума, т.-е. формальный выходъ изъ него, одинъ освобождаетъ отъ отвѣтственности.

Къ числу открытыхъ вопросовъ родового устройства надо отнести, на ряду съ только-что разсмотрѣннымъ, и вопросъ о характерѣ, какой въ эпоху его господства носитъ отношеніе человѣка къ землѣ. Бокъ-о-бокъ съ писателями, утверждающими, что родовое устройство есть особенность кочевыхъ племенъ, и что ему чуждо поэтому всякое понятіе о правѣ частной или общинной собственности на землю, попадаются и такіе, которые думаютъ, что родовой бытъ можетъ быть продолженъ и въ эпоху перехода къ постоянной осѣдлости; отдѣльныя семьи, обособившись отъ общаго ствола, расчищаютъ каждая большій или меньшій участокъ земли изъ-подъ лѣса, кустарника и болота и, въ силу приложенія своего индивидуальнаго труда къ его обработкѣ, пріобрѣтаютъ на него права частной собственности. Въ новѣйшее время профессоръ краковскаго университета Даргунъ сдѣлалъ попытку оживленія этой довольно уже устарѣвшей теоріи и постарался обосновать ее данными сравнительной этнографіи *). Въ Россіи того же воззрѣнія придерживаются профессора Чичеринъ и Сергѣевичъ **).

Кавказская этнографія не оправдываетъ ни одного изъ только-что упомянутыхъ ученій. Она указываетъ намъ и на возможность сохраненія родовыхъ порядковъ при переходѣ отъ кочевого быта къ осѣдлому, и на произвольность утвержденія, что установленіе постоянныхъ отношеній къ землѣ необходимо ведетъ къ возникновенію частной собственности. Она учитъ, что при родовомъ устройствѣ одинаково возможны и такіе порядки, при которыхъ нѣтъ другой земельной собственности, кромѣ племенной, и такіе, при которыхъ земля составляетъ достояніе отдѣльныхъ родовъ или ихъ соединеній, братствъ. Сосредоточеніе ея въ рукахъ родовыхъ группъ ни мало не препятствуетъ выдѣленію извѣстныхъ участковъ земли усадебной и пахотной въ обособленное владѣніе не частныхъ семей, а дворовыхъ общинъ, пользующихся ею на началахъ семейнаго коммунизма.

Доказывая все это, кавказская этнографія не становится въ разрѣзъ съ данными сравнительной этнографіи. Если бы не смѣшеніе понятій, если бы не произвольная замѣна термина семейная или дворовая община словомъ семья, то на основаніи собраннаго г. Даргу-

---

*) Статья Даргуна помѣщена въ «Zeitschrift für die vergleichende Rechtswissenschaft», издаваемой Колеромъ.

**) «Опыты по исторіи русскаго права» Чичерина и его полемика со мною въ «Критическомъ Обозрѣніи» за 1878 г. Сергѣевичъ, статья въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ., перепечатанная въ «Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ».

номъ матеріала не возможно было бы сдѣлать иного вывода, кромѣ того, что въ родовую эпоху общежитія земля не есть собственность частнаго лица, все равно—женатаго или холостого, а объектъ обладанія цѣлыхъ группъ; группы эти состоятъ изъ лицъ, имѣющихъ общій очагъ, объединенныхъ культомъ предковъ и представленіемъ объ единствѣ ихъ происхожденія, другими словами изъ такихъ же дворовыхъ общинъ, какъ тѣ, съ существованіемъ которыхъ знакомятъ насъ данныя Кавказа. Тѣ же данныя, какъ нельзя лучше, доказываютъ вѣрность того положенія Мауреровской теоріи, что характеръ собственности зависитъ отъ топографіи занятой племенемъ мѣстности, что на плоскости племенная и обще-родовая собственность находитъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія, чѣмъ въ горныхъ тѣснинахъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ простора, дворовая, если не частная собственность, является общимъ правиломъ. Это положеніе, вѣрность котораго уже доказана по отношенію къ Германіи и Швейцаріи, вполнѣ примѣнима и къ Кавказу. Простого сопоставленія порядковъ землевладѣнія плоскостныхъ кабардинцевъ или осетинъ съ тѣми, которыхъ придерживаются сванеты и хевсуры, не говоря уже о горскихъ народностяхъ Дагестана, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ той тѣсной связи, какая существуетъ между топографіей и землевладѣніемъ.

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства о народахъ сѣвернаго Кавказа въ періодъ времени, предшествующій нашествію тюркскихъ племенъ, въ одно слово изображаютъ ихъ народами полуосѣдлыми, полукочевыми. Писатели XIII вѣка, Рубруквисъ и Контарини, сходными чертами рисуютъ намъ бытъ племенъ, живущихъ къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта и къ югу и востоку отъ Дона или Танаиса. Народности эти, которыхъ они называютъ аланами и команами, и изъ которыхъ первые, какъ указано Всеволодомъ Миллеромъ, являются предками современныхъ осетинъ, постепенно оттѣснены были на югъ тюркскими пришельцами. Большинство ихъ попало въ горы и подъ вліяніемъ природныхъ условій устроило здѣсь свой бытъ на началахъ, нѣсколько отличныхъ отъ тѣхъ, на какихъ онъ былъ построенъ въ предшествующія столѣтія. Замкнутость занятыхъ ими долинъ, трудность сообщенія между ними, благодаря непроходимости горныхъ ущелій въ зимніе мѣсяцы, заставили недавнихъ кочевниковъ заняться земледѣліемъ, сдѣлаться народомъ осѣдлымъ и построить свои земельныя отношенія на началахъ дворовой общины. Но память о бродячемъ характерѣ ихъ первоначальной жизни сохранило народное преданіе. Въ Чегемѣ и на Баксанѣ мнѣ и товарищу моихъ путешествій, Миллеру, пришлось записать сказанія, въ которыхъ бытъ пришлыхъ тюркскихъ племенъ рѣзко противополагается осѣдлымъ привычкамъ

туземнаго населенія *). Когда на смѣну тюркскихъ племенъ на плоскогорье сѣвернаго Кавказа явились кабардинцы, физическія условія мѣстности сдѣлали возможнымъ продолженіе ихъ прежнихъ кочевій. Не далѣе какъ въ концѣ XVIII вѣка Потоцкій и Палласъ отмѣчаютъ у кабардинцевъ характерную особенность народовъ, недавно вышедшихъ изъ условій кочевого быта: склонность переносить свои аулы съ одного мѣста на другое. «Черкесы вообще и кабардинцы въ частности — говоритъ первый изъ названныхъ писателей — живутъ въ селахъ, которыя они покидаютъ на разстояніи немногихъ лѣтъ, потому ли, что ихъ гонитъ оттуда нечистота, или же потому, что не считаютъ себя болѣе достаточно защищенными въ нихъ противъ враговъ. Каждый разъ, когда слѣдуетъ такое переселеніе, жители увозятъ съ собою вмѣстѣ съ домашнею утварью и лучшія бревна; все остальное предается сожженію» **). «Кабардинскій поселокъ—говоритъ, въ свою очередь, Потоцкій—не остается на занятой имъ мѣстности болѣе четырехъ или пяти лѣтъ. За это время князь, стоящій во главѣ его, обыкновенно успѣваетъ перессориться со своими сосѣдями, что вызываетъ въ немъ естественное желаніе выселиться и избѣжать тѣмъ самымъ дальнѣйшей вражды. Вновь заведенныя связи и отношенія нерѣдко, въ свою очередь, влекутъ къ перемѣнѣ мѣста жительства. Такъ какъ земля принадлежитъ въ нераздѣленную собственность всей кабардинской націи, то къ такому переселенію не представляется препятствій. Объ этомъ кочевомъ образѣ жизни — прибавляетъ отъ себя Потоцкій — историки не могли составить себѣ точнаго представленія за недостаткомъ живыхъ примѣровъ; но уже древнимъ народамъ было извѣстно различіе между племенами, устраивавшими свои жилища на повозкахъ, и тѣми, которыя жили въ палаткахъ» ***). Характерный примѣръ первыхъ представляютъ намъ проникшіе и на Кавказъ татары временъ Чингизъ-хана и Батыя. «Дома, въ которыхъ они живутъ, — говоритъ Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка — построены на колесахъ, соединенныхъ между собою перекладинами, размѣръ которыхъ нерѣдко двадцать, тридцать футовъ. Эти подвижныя жилища поредвигаются съ мѣста на мѣсто съ помощью впряженныхъ въ нихъ двѣнадцати и болѣе паръ быковъ» ****). Этотъ видъ жилищъ извѣстенъ былъ и на Кавказѣ, и не далѣе, какъ въ серединѣ

---

*) См. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1884 г. статью, озаглавленную «Горскія общества Кабарды».

**) «Voyages dans les Gouvernements méridionaux de l'empire de Russie en 1793—91», т. I, стр. 431.

***) Potocki, «Voyages», стр. 176.

****) «Le voyage de Guillaume de Rubruquis», ch. II, у Bergeron, t. I, «Voyages en Asie».

XVII вѣка. Тавернье говоритъ о ногайцахъ, какъ о народѣ, проводящемъ свою жизнь на повозкахъ съ воздвигнутыми надъ ними шатрами изъ войлока. Палатки служатъ жилищемъ для стариковъ, дѣтей и состоящей при нихъ прислуги *). У того же писателя мы находимъ подробности о порядкѣ поселенія и бытѣ черкесовъ. Изъ его описанія видно, что черкесы уже имѣли въ это время постоянные аулы, которые обыкновенно принимали форму круга съ свободной площадью внутри, съ загономъ для скота и колодцемъ. По его словамъ, черкесы мало занимаются земледѣліемъ, не сѣютъ ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для собственнаго употребленія. Подробность, которая заслуживаетъ быть отмѣченною, это—та, что, по свидѣтельству Тавернье, черкесы не обрабатываютъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одного и того же поля, а переносятъ ежегодно свои плантаціи съ мѣста на мѣсто **). Эта подробность, напоминающая собою знаменитое свидѣтельство Тацита о древнихъ германцахъ: «agros per annos mutant» [110], указываетъ намъ не только на слабую густоту населенія, но и на сравнительно недавній переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому. Итакъ, во второй половинѣ XVII вѣка черкесскія или адигейскія племена, сохраняя слѣды нѣкогда свойственнаго имъ кочевого быта, въ то же время являются уже народомъ осѣдлымъ.

Подвигаясь далѣе на востокъ, мы у ингушей еще въ началѣ текущаго столѣтія, какъ видно изъ сообщеній Клапрота, встрѣчаемъ тотъ же обычай частаго оставленія ауловъ и переселенія съ мѣста на мѣсто, о которомъ намъ пришлось говорить въ примѣненіи къ черкесамъ ***). У чеченцевъ эти переселенія сравнительно недавняго происхожденія. По народнымъ преданіямъ, чеченцы искони жили въ горахъ, а занимаемая ими нынѣ плоскость къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта была покрыта стадами и табунами бродячихъ ногайцевъ, калмыковъ и татаръ. Въ горахъ бытъ чеченцевъ далеко не носилъ характера кочевого. Каждый дворъ воздѣлывалъ съ большимъ трудомъ небольшіе клочки способной къ обработкѣ почвы, очищая ихъ пред-

---

*) «Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier», livre III, ch. XIII, (т. I, стр. 313).

**) Тамъ же, стр. 301. Приблизительно то же говоритъ о земледѣліи черкесовъ и Klaproth: «On cultive la même pièce de terre pendant deux ou trois ans desuite; et lorsque le terrain est épuisé ou détérioré, on en laboure un autre; lorsqu'ils'ont, de cette manière fait le tour de leur village à la distance de quelques verstes, ils emportent tous leurs effets et vont s'établir sur un terrain à défricher» [109] («Voyage au mont Caucase», т. I, стр. 374). Баронъ Сталь повторяетъ Клапрота, когда говоритъ: переселенія ауловъ съ мѣста на мѣсто весьма часты: истощивъ кругомъ себя землю, аулъ переходитъ на другое мѣсто (Леонтовичъ, «Адаты», т. I, стр. 176).

***) Klaproth, «Voyage au mont Caucase», т. I, стр. 397.

варительно отъ камней. Съ середины XVIII вѣка часть чеченцевъ стала эмигрировать на плоскость. Безпрерывныя столкновенія съ русскими, занимавшими ее въ это время, привили вскорѣ привычку къ частымъ переселеніямъ. «При Шамилѣ, сообщаетъ г. Лаудаевъ, нерѣдко бывали случаи, въ которыхъ одно и то же семейство двадцать разъ подъ рядъ измѣняло свое мѣстожительство, оставляя единственными слѣдами своего пребыванія легкія и далеко не прочныя постройки *).

Съ переходомъ еще далѣе на востокъ и юго-востокъ мы вступаемъ въ область, въ которой частыя переселенія съ мѣста на мѣсто неизвѣстны уже давно. Путешественники XVII столѣтія, Олеарій и Тавернье въ одно слово говорятъ намъ о постоянныхъ поселеніяхъ въ казикумухскихъ, аварскихъ, тарковскихъ и уцмійскихъ владѣніяхъ. Преимущественное занятіе ихъ жителей составляетъ скотоводство; но оно не устраняетъ собою и земледѣлія въ размѣрахъ, достаточныхъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго рынка. Обширныя села смѣняются мало отличными отъ нихъ городскими поселеніями, обыкновенно укрѣпленными, и этотъ фактъ самъ по себѣ указываетъ на невозможность частой смѣны жилищъ **).

Итакъ, мы въ правѣ будемъ сказать, что кочевой бытъ кавказскихъ горцевъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому; а такъ какъ родовое устройство и связанные съ нимъ порядки нераздѣльнаго земельнаго владѣнія продолжаютъ держаться и до сихъ поръ, то необходимо будетъ признать, что переходъ къ осѣдлости не сопровождался у нихъ полнымъ упадкомъ родовой организаціи и упраздненіемъ аграрнаго коммунизма.

Въ чемъ же, спрашивается, сказывается въ наши дни этотъ аграрный коммунизмъ? У адигейскихъ племенъ въ томъ, что земля считается собственностью или всего племени, или братства съ входящими въ составъ его родами. По показанію Белля, во всемъ согласному съ заявленіями, дѣлаемыми барономъ Сталемъ, ни одинъ черкесъ не въ правѣ указать на тотъ или другой участокъ, какъ на свою собственность; но это не мѣшаетъ ему въ то же время ревниво охранять занятую племенемъ или братствомъ территорію отъ попытокъ сосѣдей перенести на нее свои поселенія или утилизировать отдѣльные участки въ качествѣ пастбища для стадъ. Каждый черкесскій дворъ въ правѣ занять столько земли, сколько ему нужно для посѣва проса или ячменя и для выпаса; но распорядиться этимъ участкомъ

---

*) Лаудаевъ, «Чеченское племя» (т. VI, «Сб. свѣд. о кавк. горц.», стр. 50).

**) Олеарій, «Путешествіе въ Москву и Персію», кн. 6, гл. 12 изслѣд. «Les six voyages de Tavernier», livre troisiéme, chapitre XII.

въ формѣ продажи или дарения онъ не можетъ. Сказанное относится по преимуществу къ тѣмъ черкесскимъ племенамъ, которыя живутъ по побережью Чернаго моря; отнюдь не къ кабардинцамъ, племенная собственность которыхъ, доселѣ уцѣлѣвшая по отношенію къ нѣкоторымъ лѣсамъ и пастбищамъ, не устраняетъ дѣленія остальной площади на нѣсколько округовъ по числу княжескихъ родовъ или «пшэ». Слѣды архаическаго коммунизма доселѣ живутъ, однако, у кабардинцевъ въ рядѣ обычаевъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ слѣдующіе, какъ наиболѣе характерные: право каждаго свободнаго человѣка, безъ различія сословій, предъявлять къ сосѣдямъ не то ходатайство, не то требованіе о безвозмездной уступкѣ ему той или другой понравившейся ему лошади или скотины. Право это, по словамъ Потоцкаго, въ старые годы соблюдаемо было всѣми адигейскими народностями и по отношенію къ платью. Стоило только похвалить при встрѣчѣ ту или другую часть чужой одежды, и лицо, польщенное такой похвалой, считало своимъ долгомъ обмѣняться костюмомъ съ хвалителемъ *). Лѣтъ двадцать тому назадъ мнѣ пришлось слышать отъ лица, завѣдывавшаго хозяйствомъ князя Атажухина, одного изъ кабардинскихъ князей, жалобу на невозможность развести хорошую породу скота, въ виду существованія только-что упомянутаго обычая. Едва по Кабардѣ разнесся слухъ о томъ, что у князя завелись стада хорошей породы, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ нему гости, которые въ преувеличенныхъ выраженіяхъ прославляли качества той или другой пары быковъ или коровъ, приглашая его тѣмъ самымъ надѣлить ихъ ею.

Не менѣе характеренъ другой обычай адигейскихъ племенъ — обычай добровольнаго обложенія себя каждымъ въ пользу потерпѣвшаго сосѣда. При пожарахъ и наводненіяхъ черкесы охотно спѣшатъ на помощь другъ другу. Разрушенное пламенемъ или водою зданіе въ нѣсколько дней воздвигается снова совокупнымъ трудомъ односельчанъ. Считается также долгомъ помогать неимущему при покупкѣ имъ жены или при уплатѣ падающаго на него выкупа за преступленіе.

Если у кабардинцевъ и адигейскихъ народностей еще уцѣлѣли слѣды племенной и родовой собственности, то того же нельзя сказать о горцахъ Чечни и Дагестана. Семейная община или дворъ является у нихъ обычнымъ собственникомъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель. Способная къ обработкѣ площадь, съ трудомъ освобожденная отъ покрывающихъ ее камней, часто окружается каменными оградами **).

---

*) Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстѣ во время пребыванія моего въ атажухиномъ аулѣ отъ управителя кн. Атажухина, г. Кудашева.

**) Клапротъ, т. I, стр. 404.

Покидая по причинѣ безземелія свои расположенныя въ горахъ усадьбы, отдѣлившаяся отъ рода вѣтвь не оставляетъ ихъ въ общее обладаніе прочихъ членовъ «тайпы», т.-е. рода, но допускаетъ пользованіе ими подъ условіемъ платежа ей особаго взноса, именуемаго «беръ» *).

Только неспособная къ утилизаціи площадь да дико растущій лѣсъ остаются у чеченцевъ, какъ общее правило, въ нераздѣльномъ обладаніи **).

У горцевъ Дагестана, какъ и у лезгинъ Закатальскаго округа, совмѣстное пользованіе пастбищами и лѣсами встрѣчается бокъ-о-бокъ съ подворной собственностью въ примѣненіи къ пахотѣ и лугамъ. Никто не въ правѣ дѣлать заимки въ общинной пустоши и лѣсѣ, не получивъ на то согласія всей общины. Весьма характерны въ этомъ отношеніи слѣдующіе приговоры Закатальскаго народнаго суда, записанные мною въ бытность мою въ округѣ. Житель селенія Бѣлоканы Махмедъ-Али-Курбанъ-Оглы жалуется на захватъ сосѣдомъ его «ахо» или земли, полученной имъ отъ расчистки лѣса. По справкамъ оказывается, что спорный участокъ подвергся корчеванію безъ разрѣшенія «векилей» общества (т.-е. сельскихъ начальниковъ въ немъ). Постановлено: отобрать землю у истца и передать ее обществу ***). Другой случай: жалоба подается на самихъ векилей, которые обвиняются въ присоединеніи къ общественной землѣ расчистки (ахо), сдѣланной истцомъ. Такъ какъ судебное слѣдствіе выяснило, что жалобщикъ «произвольно открылъ свое ахо», то постановлено удержать его расчистку за обществомъ ****).

Все сказанное доселѣ оправдываетъ, кажется, тотъ общій выводъ, что родовые порядки не предполагаютъ необходимо господства у кавказскихъ племенъ одной какой-либо формы землевладѣнія, что нельзя поэтому говорить о родовыхъ порядкахъ, какъ исключающихъ по существу всякій другой видъ собственности, кромѣ той, участниками которой являются члены одного и того же рода. Характеръ страны, служащей для поселенія родовыхъ группъ, во многомъ обусловливаетъ ихъ отношеніе къ землѣ. Тамъ, гдѣ, какъ на кабардинской плоскости, природа не установила особыхъ границъ для территоріальнаго распространенія отдѣльныхъ родовъ, тамъ возможно удержаніе какъ племенной или народной, такъ и родовой собственности. Наоборотъ, тамъ, гдѣ роды по причинѣ тѣсноты долинъ принуждены были занять своими вѣтвями нерѣдко замкнутыя другъ отъ

*) См. Лаудаевъ, VI вып. «Сб. свѣд. о кавк. горц.», стр. 15.
**) См. Грабовскій, «Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа», III вып. «Сб. свѣд. о кавк. горц.», стр. 13.
***) Дѣло, разбиравшееся въ Закатальскомъ народн. судѣ 2 марта 1878 г.
****) Дѣло отъ 12 марта 1878 г.

ргга мѣстности, тамъ обычнымъ типомъ собственности является не родовая, а дворовая; но чего мы нигдѣ не находимъ, это подавляющаго господства частной собственности, сосредоточенной въ рукахъ отдѣльныхъ паръ или индивидуальныхъ семей.

Едва ли не самымъ спорнымъ вопросомъ въ теоріи родового быта является вопросъ о томъ, какой характеръ носила современная ему организація суда и управленія.

У первыхъ по времени историковъ германскаго права, какъ и у представителей теоріи родового быта въ древнѣйшей исторіи русскихъ и западныхъ славянъ, обыкновенно говорится о родовыхъ старѣйшинахъ и народныхъ собраніяхъ какъ о первыхъ органахъ правительственной и судебной власти. Только въ новѣйшее время параллельное изученіе древне-кельтическаго и германскаго правъ навело нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль о томъ, что выбираемый сторонами посреднической судъ, пожалуй, долженъ быть признанъ болѣе старинной формой разбирательства споровъ между родами. Суды ирландскихъ брегоновъ и франкскихъ рахимбурговъ подведены были подъ понятіе посредническаго суда; но ни у кого, быть-можетъ, этотъ взглядъ на древнѣйшій характеръ правосудія не проведенъ съ такой полнотою, какъ въ монографіи Декларёля, озаглавленной «Судъ у первобытныхъ народовъ» *). Въ своихъ заключеніяхъ авторъ руководствуется, какъ онъ самъ говоритъ, между прочимъ, тѣмъ матеріаломъ, какой для рѣшенія этого вопроса даютъ ему обнародованныя мною свѣдѣнія объ осетинскомъ процессѣ. Я полагаю, что Декларёль не ошибается, высказывая ту мысль, что данныя кавказской этнографіи призваны пролить яркій свѣтъ на характеръ суда въ эпоху господства родовыхъ порядковъ. Вотъ какія положенія установлены на основаніи ихъ по занимающему насъ вопросу.

Обычному праву родовыхъ общинъ извѣстно одновременное существованіе двухъ видовъ подсудности: первый обнимаетъ собой правонарушенія, совершенныя въ родственной средѣ; эти, въ свою очередь, распадаются на такія, при которыхъ обидчикъ и обиженный являются членами одного и того же двора, и на такія, при которыхъ обидчикъ и обиженный состоятъ членами разныхъ дворовъ. Первыя разбираются тѣмъ самымъ лицомъ, въ рукахъ котораго находится завѣдываніе религіозными и имущественными интересами двора. Лицо это занимаетъ у черкесовъ и чеченцевъ то же положеніе, какое въ югославянскихъ задругахъ принадлежитъ «домачину», а въ великорусскихъ большихъ семьяхъ «большаку». Старшинство по лѣтамъ обык-

*) «Revue historique de droit français et étranger» за 1889 г., первые три выпуска.

новенно указываетъ черкесскому «оггъ» или, что то же, двору или семейной общинѣ, кого поставить во главѣ себя. Только при неспособности старшаго по возрасту, слѣд етъ выборъ старѣйшины со стороны всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ двора. Власть его далеко не деспотическая; поставляемые имъ приговоры не являются его единоличными рѣшеніями, а обыкновенно предлагаются на обсужденіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ управляемой имъ семейной общины.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ удержалось начало семейнаго коммунизма. гдѣ, какъ, напримѣръ, у ингушей, встрѣчаются дворы, обнимающіе собою цѣлые десятки семей, власть мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми далеко не является столь произвольной, какъ въ малыхъ семьяхъ, въ которыхъ она не встрѣчаетъ ограниченій со стороны семейнаго старѣйшины и семейнаго совѣта. Не удивительно, если у ингушей, у которыхъ еще Рейнеггсъ отмѣтилъ существованіе дворовъ съ сорока и пятьюдесятью членами въ каждомъ, дѣти пользуются гораздо бо́льшей независимостью, нежели въ Чечнѣ, напримѣръ, гдѣ болѣе распространена малая семья и гдѣ до послѣдняго времени отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими домочадцами *). О характерѣ тѣхъ дѣлъ, какія подлежатъ разбирательству двороваго старѣйшины и окружающаго его совѣта родственниковъ, можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ; дворовый старѣйшина принуждаетъ мужа прогнать виновную въ невѣрности жену и произносить надъ лицомъ, повиннымъ въ отце- и братоубійствѣ, приговоръ отверженія.

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ физическія условія не были препятствіемъ къ поселенію бокъ-о-бокъ отдѣльныхъ вѣтвей одного и того же рода, на ряду съ старѣйшинами отдѣльныхъ дворовъ, мы встрѣчаемъ и родовыхъ старшинъ. Нельзя связывать съ этимъ понятіемъ представленія о какой-то избирательной или наслѣдственной власти съ разъ навсегда установленными обязанностями и правами. Старѣйшинами въ родѣ считались всѣ тѣ, кто своимъ возрастомъ, своею воинскою доблестью и смѣлыми набѣгами, своей мудростью и справедливостью успѣвали снискать себѣ довѣріе сочленовъ.

Испрашиваніе ихъ совѣтовъ, добровольное подчиненіе ихъ посредничеству,—вотъ каковы проявленія признаваемаго за ними болѣе нравственнаго, чѣмъ юридическаго авторитета. Еще въ бо́льшей степени, нежели старѣйшины отдѣльныхъ дворовъ, родовые старшины могли смотрѣть на себя какъ на первыхъ между равными. Ихъ первенствующее значеніе сказывалось съ особою силою на тѣхъ родовыхъ сходахъ, на которыхъ, между прочимъ, разбирались и судились

*) См. Берже, «Чечня и чеченцы». Тифлисъ. 1859 г., стр. 92 и 93.

случаи столкновеній между отдѣльными дворами, случаи, поводъ къ которымъ могъ дать и раздѣлъ совмѣстно награбленной добычи, и пользованіе принадлежащей дворамъ родовой землею. Право исключенія изъ рода порочныхъ членовъ, присутствіе которыхъ являлось постоянной угрозой мирному сожитію его съ другими родами *), обсужденіе общихъ мѣръ къ отмщенію нанесенныхъ роду обидъ, а также къ уплатѣ причитающагося съ него выкупа за убійства, ранения и другія преступленія, совершенныя его членами, рѣшеніе такихъ существенныхъ для рода вопросовъ, какъ вопросъ о вступленіи его въ братство съ другими родами или о заключеніи съ ними временныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ,—таковы тѣ дѣла, которыя входятъ въ компетенцію родовыхъ собраній. Собранія эти извѣстны адигейскимъ народностямъ подъ наименованіемъ «зиуча».

Баронъ Сталь въ слѣдующихъ словахъ описываетъ намъ родовое устройство абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ черкесскихъ народностей, расположенныхъ къ сѣверу отъ главнаго хребта, неподалеку отъ Чернаго моря. «Каждая родовая община («псухо») управляется своею мірскою сходкою; на этой сходкѣ большимъ вліяніемъ пользуются почетные старшины, «тамата»; простой народъ обыкновенно только присутствуетъ на ней, но рѣшающаго голоса не имѣетъ» **).

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ отдѣльные роды входятъ въ составъ болѣе обширныхъ соединеній — братствъ, права родовыхъ собраній переносятся на собраніе всего братства или «тлеуха». Братство подобно роду имѣетъ своихъ старѣйшинъ или такъ называемыхъ «тамата», юрисдикція которыхъ въ спорахъ, возникающихъ между отдѣльными братствами носитъ болѣе факультативный, чѣмъ обязательный характеръ. Каждый разъ, когда старшинамъ, «тамата», не удастся примирить враждующихъ, они обращаются къ назначенію спеціальныхъ посредниковъ.

Вслѣдъ за монголо-тюркскими и кавказскими народностями мы находимъ наибольшее число переживаній родового устройства у финскихъ племенъ нашего Поволжья. Они изучены были за послѣднее

---

*) Дагестанскіе тохумы или роды осуществляли это право на своихъ сходахъ; объ этомъ прямо говорятъ постановленія кайтопскаго уцмія Рустемъ-хана, современника Олеарія (см. «Путешествія Олеарія въ Московію и Персію въ 1633 и 39 гг.», переводъ Барсова, стр. 976). Въ этомъ первомъ по времени письменномъ памятникѣ кавказскаго обычнаго права значится, что родственники могутъ убить своего порочнаго собрата, а тѣмъ болѣе исключить его изъ своей среды; тохумъ, не воспользовавшійся этой возможностью, отвѣчаетъ за все, что будетъ сдѣлано предосудительнаго его безпокойнымъ сочленомъ (См. I томъ «Сб. свѣд. о кавк. горц.», стр. 87).

**) См. «Адаты кавказскихъ горцевъ», т. I, стр. 192.

время весьма тщательно гг. Майновымъ, Смирновымъ и Богаевскимъ. Сочиненія профессора Смирнова, въ частности, о черемисахъ и мордвѣ, пермякахъ и вотякахъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ вкладовъ, сдѣланныхъ русскими этнографами въ общую сокровищницу зарождающагося знанія общественной эмбріологіи. Мнѣ придется ограничиться рядомъ выдержекъ изъ его трудовъ, какъ и изъ тѣхъ, которыми украсились у насъ за послѣдніе годы періодическія изданія, посвященныя народовѣдѣнію, отчасти также праву.

У черемисовъ, которыхъ г. Смирновъ считаетъ перенявшими немало особенностей своего быта у волжскихъ болгаръ и ихъ потомковъ—чувашей *), а также у татаръ, подъ властью которыхъ они оставались вплоть до русскаго владычества, родъ носитъ то же наименованіе тохума, какое мы встрѣтили у татаръ Кавказа. «Доселѣ—пишетъ нашъ изслѣдователь—много черемисскихъ селеній сохранили память о томъ времени, когда всѣ ихъ жители были родственниками между собою. Во время нашихъ странствій намъ приходилось останавливаться въ селеніяхъ, семьи которыхъ, въ числѣ нерѣдко двѣнадцати, производятъ себя отъ общаго предка и имѣютъ общія родовыя клейма, какъ нельзя лучше доказывающія справедливость утверждаемаго. Отъ общаго ствола отдѣлялись нерѣдко колоніи, основывающія новые поселки». Г. Кузнецовъ говоритъ о сохранившемся у нихъ обрядѣ совмѣстныхъ жертвоприношеній, при которыхъ до трехсотъ человѣкъ собираются вокругъ общаго корыта, нерѣдко величиною съ лодку. Это корыто носитъ названіе «хумуцъ» **).

Слѣдомъ родового общенія являются у черемисовъ, живущихъ разсѣянными на пространствѣ семьями, общія родовыя капища или молельни, въ которыя въ праздники собираются жители нерѣдко цѣлыхъ двѣнадцати селеній, очевидно, въ виду того, что они въ прошломъ связаны были единствомъ крови. У черемисовъ доселѣ сохранились особые термины для обозначенія этихъ союзовъ, ничего не имѣющихъ общаго съ административными единицами, введенными русскимъ правительствомъ. Совокупность селъ, приписывающихъ себѣ общее происхожденіе, обнимается терминомъ «меръ»; выселившіяся изъ нихъ колоніи обозначаются словомъ хумуцъ, т.-е. именемъ общаго корыта, служащаго ихъ жителямъ при жертвоприношеніяхъ.

Если принять во вниманіе родовой характеръ черемисскихъ селеній, то въ упоминаемомъ въ свадебныхъ обрядахъ согласіи «всего общества» на бракъ можно видѣть, вмѣстѣ съ г. Смирновымъ, новую

---

*) См. «Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama», въ переводѣ Boyer 1898 г., стр. 25 и слѣд., гл. XIV.

**) «Журналъ Мин. Народн. Просв.» 1885 г., т. XXI, стр. 462.

черту родовыхъ порядковъ. На вопросъ отца дочери, согласна ли она вступить въ супружество съ такимъ-то, въ одномъ черемисскомъ селеніи послышался отвѣтъ: «разъ народъ этого хочетъ, согласна и я».

Тотъ же обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдуетъ между будущимъ гостемъ и женихомъ. При разводахъ у язычниковъ-черемисовъ участіе рода-общины носитъ характеръ не одной обрядовой фикціи. Въ Красноуфимскѣ старосты сперва связываютъ веревкой разводящихся, а потомъ рубятъ ее пополамъ, символически выражая тѣмъ самымъ, что всякая связь между прежними супругами перестала существовать *).

У мордвы, другого финскаго племени, покрывающаго собою обширное пространство, занятое губерніями: Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Нижегородской, Казанской, Уфимской, Оренбургской, родовое устройство еще держалось въ силѣ въ первой половинѣ XVII вѣка, когда, какъ видно изъ обнародованныхъ г. Смирновымъ актовъ, село отождествляемо было съ родомъ **). Отъ этихъ родовыхъ порядковъ въ наши дни уцѣлѣли немногіе слѣды въ топографическихъ названіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ религіознаго ритуала, въ свадебныхъ обрядахъ. Имена городовъ и селъ оканчиваются на «буе» и «веле» — термины, означающіе собою родъ или улей.

У пензенской мордвы уцѣлѣлъ до 1860 г. обычай родственниковъ собираться вокругъ общихъ трапезъ, устраиваемыхъ вслѣдъ за совмѣстнымъ моленіемъ. Въ Нижегородской губерніи вся родня сопровождаетъ отца, идущаго на свадьбу сына ***).

Въ Самарской губерніи мать невѣсты обходитъ всѣхъ родственниковъ жениха и въ каждой семьѣ оставляетъ по хлѣбу. Въ Симбирской невѣста, въ утро передъ отбытіемъ изъ родительскаго дома, посѣщаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, прося ихъ о защитѣ противъ чужеродцевъ, которымъ она продана отцомъ. Ея отъѣздъ долженъ происходить въ ихъ присутствіи, т.-е. съ ихъ молчаливаго согласія.

У вотяковъ г. Богаевскій открываетъ слѣды родового устройства преимущественно путемъ разбора ихъ религіозныхъ представленій. «Весь народъ—пишетъ онъ—дѣлится на нѣсколько десятковъ племенъ (не правильнѣе ли сказать родовъ?!)». Ихъ насчитываютъ около 70. Члены каждаго сознаютъ свое происхожденіе отъ одного и того же родоначальника, въ чемъ убѣждаютъ показанія самихъ вотяковъ. Всѣ эти роды живутъ частью въ отдѣльныхъ деревняхъ, частью

---

*) Смирновъ, франц. изданіе «Les populations finnoises de la Russie», т. I, стр. 123 и 124.

**) Въ отписи воеводы алатырскаго часто употребляется выраженіе: «такой-то со своимъ родомъ или все село».

***) Смирновъ, стр. 353 и 354.

по нѣскольку въ одной и той же. Подъ именемъ б льяка вотяки доселѣ разумѣютъ человѣка одного рода, притомъ отцовскаго. «Бельяковъ съ женской стороны быть не можетъ»—объявили г. Богаевскому спрошенные имъ вотяки *). Уже г. Смирновымъ **) было указано, что между бо́льяками, по крайней мѣрѣ, въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, браковъ быть не можетъ. Г. Богаевскій только отчасти подтверждаетъ это показаніе. Ему говорили, что бо́льякъ, перешедшій въ другое колѣно, можетъ вступить въ бракъ. Что это значитъ, какъ не то, что экзогамія, распространяемая сперва на всѣхъ членовъ рода, ограничена была затѣмъ у вотяковъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, членами одного родового подраздѣленія или колѣна.

Бо́льяки считаютъ себя происходящими отъ общаго родоначальника и связаны доселѣ между собою, какъ мы увидимъ, общностью культа. Признакомъ принадлежности къ роду служатъ у вотяковъ также кое-гдѣ уцѣлѣвшія общія тамги или клейма. Бугульминскіе вотяки, напримѣръ, по словамъ г. Островскаго, узнали по тамгамъ своихъ глазовскихъ единоплеменниковъ ***). «Собирая тамги различныхъ племенъ (по нашему родовъ),—говоритъ, въ свою очередь, г Богаевскій,—я убѣдился въ томъ, что можно встрѣтить роды, очень стойко сохраняющіе основной типъ тамги. Такъ, родъ Джюмья имѣетъ тамгою стремя (узенги). Эта тамга встрѣчается въ деревняхъ, отстоящихъ на 50 верстъ другъ отъ друга» ****). Они представляютъ собою, какъ и у большинства сибирскихъ инородцевъ, повтореніе и сочетаніе прямыхъ линій, круговъ, угловъ, трех- и четырехугольниковъ. Подъ стременемъ узенги, напримѣръ, разумѣется не болѣе, какъ трехугольникъ. Обособившіеся отъ первоначальнаго ствола роды, сохраняя прежній знакъ, присоединяютъ къ нему въ томъ или другомъ направленіи проведенную прямую линію, а иногда и нѣсколько параллельно идущихъ линій *****).

Ни въ чемъ не проявляется, однако, такъ рѣзко родовое единство бо́льшаго или меньшаго числа вотяцкихъ семей, какъ въ существованіи у нихъ общихъ молелень, при которыхъ имѣются особые стражи, такъ называемые «хранители родового шалаша» (будзымъкуа-утисъ). Они совершаютъ въ молельняхъ и жертвоприношенія отъ

---

*) «Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ» въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» за 1870 г. № 1, стр. 118—120.

**) Смирновъ, «Вотяки» въ «Извѣстіяхъ Общ. Археол., Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Унив.», томъ VIII, вып. 2, стр. 165.

***) Островскій, «Вотяки Казанской губерніи» «въ Трудахъ Казанск. Общ. Естествозн.», т. IV, № 1, стр. 11.

****) Богаевскій стр. 122.

*****) См. таблицу, приложенную г. Богаевскимъ къ его изслѣдованію.

имени селенія, если оно совпадаетъ съ родомъ. Буде же въ одномъ селѣ живетъ нѣсколько родовъ, то и хранителей родового шалаша столько же, сколько послѣднихъ *). «Хранитель родового шалаша непремѣнно долженъ быть членомъ рода, единоплеменникомъ—говоритъ г. Богаевскій;—его выбираютъ, причемъ выборъ то принадлежитъ своего рода магу-прорицателю, извѣстному подъ именемъ «туно», то цѣлой деревнѣ, ея сходу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ самое имя родового жреца иное. Его зовутъ попомъ, «дзекъ». Выбираемый, по словамъ г. Первухина, долженъ знать молитвы, какія читали прежніе дзеки, или быть способнымъ сочинять новыя. Отдается предпочтеніе человѣку съ красно-рыжими волосами и рыжею бородою. Онъ считается наиболѣе любимымъ богами. Выбранный служитель родовой молельни носитъ обязательно бѣлую одежду **).

Что касается самой молельни, то она устраивается во дворѣ ея хранителя и жреца. Постройкой она напоминаетъ шалашъ, сложенный изъ бревенъ съ отверстіемъ для выхода дыма и низкимъ входомъ. Внутри изъ неотесанныхъ камней сложенъ очагъ. Надъ нимъ виситъ цѣпь. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ идетъ скамья; въ лѣвомъ углу помѣщается столъ; надъ нимъ полка съ коробомъ, въ которомъ хранится жертвенная посуда ***).

Весьма часто такое капище сооружается въ лѣсу или окружено небольшой рощей, которая считается священной. Никто не долженъ рубить въ ней деревьевъ изъ страха возбудить гнѣвъ обитающаго въ ней божества ****).

По наблюденіямъ, еще сдѣланнымъ Палласомъ, у вотяковъ имѣется ежегодно четыре большихъ праздника, во время которыхъ роды обыкновенно и совершаютъ жертвоприношенія въ своихъ молельняхъ, а именно: на святой недѣлѣ, послѣ лѣтняго посѣва, передъ сѣнокосомъ и послѣ жатвы *****).

Но и внѣ этихъ сроковъ могутъ производиться жертвоприношенія въ родовыхъ капищахъ. «Бываютъ случаи,—пишетъ г. Богаевскій,—когда и частное лицо, и семья, и родъ, и цѣлая деревня, считаютъ нужнымъ принести жертву, обыкновенно съ цѣлью умилостивленія разгнѣваннаго божества, признаваемаго виновникомъ болѣзни или другого несчастія» ******).

---

*) Богаевскій, стр. 128.
**) Тамъ же, стр. 129—130.
***) Типъ капища одинъ и тотъ же какъ для семейнаго, такъ и для родового культа; тамъ же, стр. 131.
****) Тамъ же, стр. 13 .
*****) Палласъ «Путешествія». Часть третья, стр. 33.
******) Богаевскій, стр. 132.

Одну изъ составныхъ частей жертвоприношенія составляетъ общая трапеза для всѣхъ членовъ рода. Она слѣдуетъ за бросаніемъ частицъ жертвеннаго мяса въ огонь. Мясо дѣлится на ней по числу семействъ, участвующихъ въ моленіи. Каждая, расположившись на травѣ, съѣдаетъ его на мѣстѣ. Впрочемъ, въ будзымъ-куа обыкновенно не варится мяса, а приготовляется одна только каша, иначе говоря, приносится не животная, а растительная жертва. Каша обыкновенно съѣдается самимъ жрецомъ *). Во время трапезы не разъ слѣдуетъ призывъ къ божествамъ раздѣлить ее съ живущими: «приходите вмѣстѣ съ нами ѣсть и пить». Кости жертвенныхъ животныхъ помѣщаются въ лукошко и хоронятся въ лѣсу. На встрѣчу ушедшимъ съ ними идетъ молодежь, встрѣчающая вернувшихся словами: «ну, какъ провожали»?—«Хорошо»,—слѣдуетъ отвѣтъ.—«Что сказали»?—«Говорили, что будемъ жить хорошо» (очевидно рѣчь идетъ объ усопшихъ предкахъ). Изъ записанныхъ г. Богаевскимъ отвѣтовъ видно, что нерѣдкимъ варіантомъ къ этимъ словамъ являются и такія, напр., какъ «дзечь султанъ», что значитъ буквально: добрый начальникъ, принялъ нашу жертву, обѣщалъ намъ хорошее лѣто, обѣщалъ облегчить намъ работу **).

Въ числѣ божествъ, въ честь которыхъ вотяки совершаютъ свои «какъ семейныя, такъ и родовыя моленія», особое мѣсто занимаетъ Кереметь. Общественныя жертвоприношенія въ его честь совершаются разъ въ годъ около Петрова дня передъ выходомъ на работу. Они происходятъ въ особо предназначенныхъ для того мѣстахъ, которыя также носятъ названіе кереметей. Иногда имя божества и мѣста его почитанія мѣняются, и взамѣнъ слова Кереметь употребляютъ терминъ Лутъ.

Подъ нимъ, какъ и подъ Керметью, разумѣютъ духа или духовъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, которые вступаютъ въ супружество и родятъ дѣтей. Они являются вотякамъ, по словамъ священника Миропольскаго, въ человѣческомъ образѣ татаръ; появленіе ихъ причиняетъ иногда болѣзни, иногда, наоборотъ, ведетъ къ исцѣленію ***). Трудно не видѣть во всѣхъ этихъ чертахъ обычные признаки анимизма или поклоненія духамъ предковъ ****). Въ настоящее время, по словамъ Богаевскаго, вотяки болѣе или менѣе утратили представленіе о Керемети какъ о божествѣ и обозначаютъ этимъ

---

*) Тамъ же, стр. 135—138.
**) Тамъ же, стр. 140.
***) Богаевскій, стр. 156.
****) Г. Мендіаровъ въ своей статьѣ о черемисахъ Уфимской губерніи («Этн. Обозр» 1894 г. № 3, стр. 36) прямо говоритъ: Надъ цѣлымъ родомъ покровительствуютъ духи, носящіе общее имя «кереметь», а въ частности ихъ называютъ смотря по мѣсту священной рощи или даютъ имъ имя основателя рощи, въ которой приносятся жертвы духамъ».

именемъ, общимъ имъ съ черемисами и чувашами, одни мѣста въ лѣсу, посвященныя божеству того же имени, но о которомъ даже старики не могутъ сказать ничего опредѣленнаго, и связываютъ съ нимъ одно представленіе о чемъ-то страшномъ *).

Каждая деревня имѣетъ свою Кереметь, а иногда и нѣсколько деревень вмѣстѣ имѣютъ одну общую. Керемети и казанскихъ и вятскихъ вотяковъ, по утвержденію г. Богаевскаго, имѣютъ, такимъ образомъ, связь съ ихъ родовыми дѣленіями. Въ одномъ селѣ, въ Бурановѣ, четыре живущихъ въ немъ рода имѣютъ общую Кереметь **), что можетъ служить и указателемъ ихъ происхожденія отъ одного и того же корня. Связь этихъ Кереметей съ родовымъ устройствомъ выступаетъ и изъ того, что главную святыню въ нихъ составляетъ зола жертвеннаго костра. При перенесеніи культа изъ одного мѣста въ другое въ торжественной процессіи, напоминающей собою свадебный поѣздъ и носящей одно съ нимъ имя «лоанъ», доставляется зола изъ прежняго пепелища. Въ пиршествѣ, устраиваемомъ по этому случаю, участвуютъ члены одного и того же рода (единоплеменники, говоритъ г. Богаевскій). Приставленный къ Керемети жрецъ, по словамъ Островскаго, считается главою рода и званіе его переходитъ по наслѣдству въ прямой линіи ***). Любопытно, что при переселеніи на новый починокъ вотяки захватываютъ изъ очага, расположеннаго среди родового святилища (будзымъ-куа), лежащую въ немъ золу. Присвоившій ее бѣжитъ опрометью, а въ это время свадебнымъ напѣвомъ громко произносится слѣдующее причитаніе: «Иди съ нами Воршудъ большого шалаша, иди съ нами для нашего счастья. Даруй намъ то же счастье, съ которымъ мы жили въ старой деревнѣ». Г. Богаевскій правъ, когда говоритъ: «Этотъ обрядъ символическаго похищенія золы является переживаніемъ того времени, когда отдѣлиться отъ рода и бѣжать на новое мѣстожительство было одно и то же. До сихъ поръ, прибавляетъ онъ, случается, что бѣгство носитъ характеръ не одного обряда; остающіеся на старомъ пепелищѣ не хотятъ дать золы изъ своего родового шалаша, а отходящіе на сторону думаютъ, что только уносомъ золы со стараго пепелища они могутъ обезпечить себѣ счастье. Въ такихъ условіяхъ они, по собственному ихъ выраженію, берутъ родовое капище (будзымъ-куа) насильно» ****).

Культъ родового шалаша распространяется и на его принадлежности: на висящую надъ его очагомъ цѣпь. По словамъ вотяковъ,

---

*) Богаевскій, стр. 159 и 157 примѣчанія.
**) Тамъ же, стр. 159—160.
***) Тамъ же, стр. 162.
****) «Этнограф. Обозр.» 1890 г. № 2, стр. 80.

перешагнуть черезъ нее, какъ и черезъ очагъ, грѣхъ; виновнаго ждетъ месть божества. Но прикоснуться къ цѣпи въ бѣдѣ спасаетъ отъ врага *). Культъ родовыхъ божествъ, т.-е. обоготворяемыхъ предковъ смѣшался въ представленіяхъ вотяковъ съ культомъ не водяныхъ божествъ вообще, а духовъ, пребывающихъ въ водахъ даннаго рода. Для примѣра укажемъ хотя бы на слѣдующее. Въ деревнѣ Новомъ Сентягѣ существуетъ, по словамъ Богаевскаго, божество Шорвай-Мудоръ. Ему приносятъ жертвы по случаю вступленія въ бракъ; при этомъ произносится слѣдующее причитаніе: «За мной теперь не гонись, я тебѣ приношу послѣднюю жертву». Подобное же почитаніе Мудоровъ (духовъ) сосѣднихъ рѣкъ существуетъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Жена приноситъ по случаю брака жертвоприношеніе Мудору въ своей деревнѣ, а мужъ—въ своей **).

Заканчивая сказаннымъ нашъ очеркъ родовыхъ порядковъ у финскихъ племенъ Европейской Россіи, я считаю нужнымъ привлечь вниманіе читателей на тотъ фактъ, что подъ покровомъ отцовскаго и экзогамическаго рода у русскихъ финновъ уцѣлѣлъ не одинъ слѣдъ болѣе раннихъ порядковъ материнскаго и эндогамическаго рода. Лучшій знатокъ этнографіи этихъ племенъ, г. Смирновъ, счелъ возможнымъ собрать воедино эти уцѣлѣвшіе слѣды давно отжившихъ порядковъ. «Божествомъ, охраняющимъ мордовскій домъ,—пишетъ онъ,—является домовая мать (юрт-ава)». Ея благословенія испрашиваютъ при началѣ сватовства ***). Чтобы умилостивить ее, кладутъ подъ порогъ кусокъ хлѣба. Юрт-авѣ жениха приноситъ жертву старуха-жрица, когда молодая вступаетъ въ домъ мужа. Ей возносятся молитвы и тогда, когда въ домѣ есть усопшій. Женскія божества, воды, лѣса, зари, луны, солнца, извѣстны мордвѣ. Этой выдающейся роли женскихъ божествъ отвѣчаетъ на землѣ роль мордвинки какъ жрицы. Послѣ первой брачной ночи молодая приноситъ жертву богинѣ воды. Молитву къ ней возноситъ при этомъ случаѣ самая пожилая старуха въ деревнѣ; въ домѣ же мордовца самая старая женщина почитается жрицею культа юртъ-авы.

Слѣдомъ выдающейся роли матери и ея брата можно считать и ту, какую оба играютъ въ свадебномъ ритуалѣ. Кое-гдѣ свадебный поѣздъ жениха ведетъ не кто другой, какъ мать, обыкновенно въ вѣнцѣ съ зажженной свѣчею въ рукахъ. Она же даетъ невѣсткѣ новое имя при ея вступленіи въ домъ мужа. Съ другой стороны, про-

---

*) Тамъ же, стр. 82. Совершенно однохарактерныя воззрѣнія господствуютъ у осетинъ. См. мой «Совр. обычай и древній законъ».

**) «Этнограф Обозр.» 1890 г., № 2, стр. 89.

***) Майновъ, «Очеркъ юрид. быта мордвы», стр. 50—59.

щаясь съ родительскимъ домомъ, невѣста обращается къ брату съ слѣдующимъ причитаніемъ: «Кормилецъ братецъ, не сердись на меня несчастную, хлѣбъ-соль на столѣ твоя была» *).

Отмѣтимъ также со словъ проф. Смирнова тотъ фактъ, что въ прошломъ, по словамъ одного изъ мордовскихъ племенъ, эрзовъ, близкое родство не считалось препятствіемъ къ браку **).

У черемисовъ воспоминаніе о былой роли матери сохранилось исключительно въ вѣрованіяхъ: домовымъ божествомъ у нихъ является, какъ и у мордвы, домовая мать (куд-ава) ***). Вотяки, судя по указаніямъ ихъ языка, также знали нѣкогда родство по матери. У нихъ доселѣ сохранился обычай величать жену именемъ ея матери. У глазовскихъ вотяковъ сохранилось сказаніе о женщинахъ-родоначальницахъ. Наконецъ, женщина, особенно старшая по лѣтамъ, является у уфимскихъ вотяковъ жрицей во время весенняго праздника богини Кандык-Мумы. Она же благословляетъ брачующихся ****).

У пермяковъ, какъ и у мордвы, братъ по матери слываетъ въ устахъ невѣсты за кормильца: она благодаритъ его за то, что онъ ее вспоилъ и вскормилъ *****).

Что не у одной мордвы, но и у другихъ вѣтвей финскаго племени родъ не былъ первоначально экзогамическимъ союзомъ, выступаетъ изъ того, что у черемисовъ обычай враждебенъ бракамъ съ дѣвушками, носящими другой костюмъ, нежели тотъ, какой обыченъ въ селеніи жениха. Не видѣть ли въ этомъ указаніе на предпочтеніе брака съ родственницами, населяющими одну деревню съ женихомъ? ******). Г. Ерусланомъ прибавлено въ послѣднее время нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ данныхъ по этому важному для этнографіи вопросу. «Основаніемъ близости или дальности родственныхъ связей по понятію черемисовъ—пишетъ онъ—служитъ общность происхожденія отъ одной матери или отсутствіе такой общности. Это и выражаетъ обычная у нихъ поговорка: «между лежавшими въ одной утробѣ нѣтъ колѣна».

---

*) Майновъ. стр. 64, 84 и 98.

**) «Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama», стр. 338 и 339.

***) «Этнограф. Обозр.» 1891 г, № 2. Смирновъ, «Наброски изъ исторіи финской культуры», стр. 72.

****) Тамъ же, стр. 73. Подробнѣе объ этомъ въ очеркѣ того же автора, озаглавленномъ «Вотяки», стр. 135 140, 162.

*****) Подробнѣе въ очеркѣ г. Смирнова «Пермяки», стр. 214 и 215.

******) «Les populations finnoises de la Volga» etc., стр. 118 и 119. Г. Смирновъ не приводитъ данныхъ о материнствѣ и эндогаміи изъ быта вогуловъ и остяковъ, а также эстовъ, ссылаясь на то, что эти народности еще не были изучены съ юридической стороны ихъ быта («Наброски изъ исторіи финской культуры», стр. 739).

Дѣти, считая братьевъ и сестеръ отца близкими родственниками, отдаютъ, тѣмъ не менѣе, предпочтеніе дядямъ и теткамъ по матери, называя ихъ кореннымъ родствомъ или близкими къ сердцу. Но все это только переживанія прошлаго, а въ современномъ быту черемисовъ родственнымъ связямъ по отцу дается явное предпочтеніе. Терминъ «туй-родо» сохранилъ значеніе родства по матери только въ устахъ стариковъ; молодое же поколѣніе связываетъ съ нимъ понятіе родства по отцу *).

Группа инородческихъ племенъ, которой мы закончимъ нашъ очеркъ, составлена изъ древнѣйшихъ насельниковъ нашего европейскаго сѣвера, самоѣдовъ и лопарей.

О первыхъ мы читаемъ въ извѣстномъ изслѣдованіи Кастрена: «Всѣ архангельскіе самоѣды принадлежатъ къ шести родамъ: Тысый, Ванойта, Локейскій, Валейскій, Выучейскій и Хатанзейскій. Къ тѣмъ же родамъ принадлежатъ и сибирскіе самоѣды, имѣющіе, сверхъ того, особый родъ—Карачейскій» **).

Самоѣды, по словамъ Фишера, составляли въ древности одинъ народъ съ лопарями. Лапландцы или лопари называютъ свою землю Самеядна, откуда и произошло названіе самоѣдъ, подъ которымъ этотъ народъ слыветъ у русскихъ. Сами же самоѣды называютъ себя «нѣнця», что значитъ люди. Георги отдаетъ предпочтеніе производству ихъ имени отъ слова болото (соома). Кастренъ, въ свою очередь, указываетъ на то, что въ старинныхъ актахъ русскіе зовутъ самоѣдовъ сыроядцами, въ виду обычая ихъ употреблять въ пищу сырое мясо; прозвище самоѣдъ въ его глазахъ имѣетъ то же значеніе, т.-е. людей, ѣдящихъ самое мясо (сырое, не приготовленное); быть-можетъ, оно произошло также отъ звѣрскаго употребленія ими въ пищу сырого мяса; русскіе заключили поэтому, что они ѣдятъ самихъ себя ***).

Отъ того же Кастрена мы узнаемъ, что у самоѣдовъ, которые для него, такимъ образомъ, отличны отъ лопарей, имѣются какъ родовые. такъ и семейные капища и идолы. Первыя ставятся при урочищахъ, рѣкахъ и озерахъ, всюду, гдѣ собирается народъ во множествѣ для охоты, улова или пастьбы оленей.

Самоѣдамъ извѣстенъ и родовой праздникъ Самбадавы, на который собирается народъ изъ всѣхъ окрестныхъ «чумовъ», и духамъ (такъ назыв. таденціямъ) приносятся мольбы объ исцѣленіи отъ бо-

---

*) «Этнографическое Обозрѣніе», 1895 г., № 2. «Родственный союзъ по понятіямъ восточныхъ черемисовъ», стр. 40 и 41.

**) См. ст. Кастрена, «Мезенскіе самоѣды», въ «Этнографическомъ Сборникѣ». Петербургъ. 1858 г., стр. 39.

***) Тамъ же, стр. 42—44.

лѣзни, о ъ отогнаніи волковъ отъ стада олепей или о дарованіи успѣшной охоты; все это сопровождается обѣщаніемъ щедрыхъ жертвоприношеній. Волхвъ или кудесникъ, играющій дѣятельную роль въ этомъ моленіи (его зовутъ тадибей), объявляетъ присутствующимъ о томъ, что по его просьбѣ духи явились. Причитанія, произносимыя до этого присутствующими, сводятся къ односложному звуку «гой», много разъ повторяемому и разсчитанному на то, чтобы вызвать вниманіе духовъ. Когда волхвъ докладываетъ объ ихъ прибытіи, онъ употребляетъ выраженіе: «пришли товарищи». Товарищами онъ зоветъ духовъ и тогда, когда выпрашиваетъ у нихъ тѣ или другія блага. Освященная временемъ формула гласитъ: «помогите, товарищи» *).

Моленіе заканчивается тѣмъ, что волхвъ или кудесникъ входитъ въ экстазъ; въ этомъ видѣ, подобно сибирскому шаману, онъ напряженнымъ голосомъ объявляетъ присутствующимъ рѣшенія, принятыя духами или таденціями. Во всемъ этомъ трудно не видѣть чертъ родового культа, почитанія усопшихъ предковъ. Побудительной причиной обращенія къ нимъ и совершенія въ ихъ пользу жертвоприношеній является страхъ, чтобы въ противномъ случаѣ они не причинили какого либо-вреда **).

Нѣкоторыя черты родового устройства самоѣдовъ разсѣяны и въ описаніи ихъ домашняго и общественнаго быта Ислявинымъ. Такъ, мы узнаемъ отъ него о существованіи у самоѣдовъ Большеземельской тундры родовыхъ клеймъ, налагаемыхъ на оленей нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ рожденія. Клейма эти переходятъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Они имѣютъ геометрическую форму, то двухъ полукруговъ, соединенныхъ прямой линіею (у рода Тысый), то двухъ перпендикулярно идущихъ другъ къ другу прямыхъ линій (у рода Выучей), то трехъ прямыхъ подъ острыми углами (у рода Локей). Нѣкоторыя измѣненія въ клеймахъ, производимыя даже близкими по крови семьями, объясняются желаніемъ сдѣлать легко узнаваемыми оленей, принадлежащихъ каждой семьѣ ***).

Отъ того же Ислявина мы узнаемъ, что самоѣды придерживаются родовыхъ дѣленій издавна, что всѣхъ родовъ у нихъ въ одной Большеземельской тундрѣ считается шесть, что въ этихъ родахъ имѣются подраздѣленія. Имена родовъ—то эпонимныя, то географическія. Родъ носитъ прозвище или своего основателя, или того урочища, въ которомъ онъ обыкновенно промышляетъ охотой.

---

*) Тамъ же, стр. 61.
**) Тамъ же, стр. 69.
***) «Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту». Петербургъ. 1847 г., стр. 45.

Родъ самоѣдовъ — родъ агнатическій и экзогамный. «При вступленіи въ супружество—пишетъ Ислаѣинъ—соблюдается родство, такъ что изъ рода своего по мужской линіи самоѣдъ не можетъ взять невѣсты. Но въ женской линіи онъ нерѣдко выбираетъ и самую близкую родственницу. Это значитъ, что счетъ родства идетъ у самоѣдовъ по отцу, а не по матери» *).

Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ еще то немногое, что г-жа Ефименко говоритъ объ общественномъ бытѣ самоѣдовъ. «Изъ всѣхъ инородцевъ Архангельской губерніи—пишетъ она—самоѣды болѣе другихъ сохранили слѣды родового устройства, особенно самоѣды Большеземельской тундры». У канинскихъ самоѣдовъ родовой бытъ замѣтно упалъ, уступая мѣсто семейному.

Хотя они и помнятъ, кто происходитъ отъ какого рода, но у нихъ нѣтъ ни общихъ родовыхъ начальниковъ, ни общихъ родовыхъ имуществъ или, точнѣе, пользованій **). Въ Большеземельской тундрѣ родовой бытъ поддерживается тѣмъ, что каждый родъ кочуетъ въ опредѣленныхъ границахъ. Въ Канинской же тундрѣ земля между родами болѣе не раздѣлена, какъ это было прежде, въ не очень отдаленное отъ насъ время. По словамъ Лепехина, старинные родоначальники самоѣдовъ селились по рѣкамъ. По ихъ обычному праву, канинская рѣка Вижисъ принадлежитъ въ виду этого роду Худярова ***).

Отъ самоѣдовъ перейдемъ къ лопарямъ. Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, на этотъ разъ несравненно болѣе обильны. Мы обязаны ими, по преимуществу, выдающемуся русскому этнографу, Николаю Харузину. «Въ настоящее время—пишетъ онъ—русскіе лопари живутъ обособившимися другъ отъ друга семьями. Уже писатели XVII в. не застаютъ родовъ среди лопарей ****). Но у нихъ все же сохранились многочисленныя черты прежняго родового устройства. Лопари продолжаютъ пользоваться землею по искони установившимся обычаямъ. Каждый участокъ, принадлежащій тому или другому погосту, раздѣленъ между его жителями на столько частей, сколько родовъ въ данномъ погостѣ. Однѣ горы составляютъ собственность всего погоста. Каждый родовой участокъ подѣленъ между отдѣльными семьями. При этомъ дѣлежѣ соблюдается, по возможности, равенство въ томъ смыслѣ, что семьямъ многолюднымъ даютъ большіе участки и богатыя рыбой

---

*) Тамъ же, стр. 132.

**) «Сборникъ народныхъ юрид. обыч.», изд. Матвѣевымъ въ «Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. этногр.», т. VIII (1878 г.), стр. 212.

***) Тамъ же, стр. 217.

****) «Русскіе лопари», стр. 237 въ изд. «Моск. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи», т. LXVI.

тони; семьямъ небольшимъ даются соотвѣтственно малые» *). Итакъ, у лопарей сохранились какъ родовыя, такъ и семейныя пользованія землею, для улова пушного звѣря и рыбы, а также для прокорма овецъ и оленей.

Стремленіе къ раздѣламъ, повидимому, овладѣло въ наши дни лопарями, не менѣе, чѣмъ самоѣдами **). Не мудрено, если у многихъ даже утратилось названіе для самаго понятія рода, и они обозначаютъ его русскимъ терминомъ. Подъ это понятіе они подводятъ, во-первыхъ, всѣхъ лицъ, имѣющихъ общаго родоначальника, а во-вторыхъ, всю совокупность какъ родственниковъ, такъ и свойственниковъ.

Заимствованіе у русскихъ терминовъ родъ и порода не мѣшаетъ лопарямъ сохранять представленіе о томъ, отъ какого корня кто происходитъ. Какъ бы ни дробились семьи, онѣ все же сохраняютъ общее родовое прозвище. И Шубертъ, и Бухъ сообщаютъ, что такія же родовыя фамиліи извѣстны были и лопарямъ Скандинавскаго полуострова въ началѣ XIX вѣка ***).

Другимъ звеномъ, связующимъ членовъ рода въ одно цѣлое, является родовая тамга. Имѣя одинъ общій рисунокъ для всѣхъ членовъ рода, лопари нѣсколько видоизмѣняютъ его для каждой семьи прибавленіемъ или отнятіемъ той или другой черты, или измѣненіемъ направленія всего рисунка ****).

Запрещеніе у лопарей брака съ членомъ своего рода, о которомъ говоритъ г-жа Ефименко *****),—черта не особенно отдаленнаго прошлаго. Въ настоящее время кровное родство считается препятствіемъ къ браку до третьяго колѣна включительно, т.-е. бракъ невозможенъ между двоюродными, а то и троюродными братьями и сестрами; онъ дозволенъ съ прочими родственниками ******). Брачные запреты распространяются только на кровное родство. Что же касается родства единоутробнаго, то оно соблюдается только до второй степени.

---

*) Тамъ же, стр. 244 и 245.

**) О послѣднихъ г-жа Ефименко говоритъ (сборн. Матвѣева, стр. 182): «Самоѣды живутъ (во многихъ мѣстахъ Канинской тундры) небольшими семьями. Сколько-нибудь состоятельный отецъ послѣ женитьбы сына старается отдѣлить его въ особый чумъ. Иногда отдѣлившіеся живутъ совершенно обособленнымъ хозяйствомъ, чаще же имѣютъ съ родителями общій трудъ, домоводство и пропитаніе».

***) Харузинъ, «Лопари», стр. 247 и 248.

****) Образцы этихъ тамгъ или родовыхъ клеймъ приведены г. Харузинымъ на стр. 250 и 251 его книги.

*****) Сборн. Матвѣева, стр. 19. Лопари стараются, по возможности, выбирать себѣ невѣстъ изъ чужого рода.

******) Лопари считаютъ родство по колѣнамъ: я, братъ—первое, я, дѣти брата—второе, я—дѣти моихъ племянниковъ—третье. (Харузинъ, стр. 254).

Съ браками на единокровныхъ въ третьемъ колѣнѣ связано представленіе какъ о несчастныхъ *). Такъ какъ лопарскіе роды малочисленны, въ виду слабаго прироста населенія, и погосты у лопарей невелики, то молодому поколѣнію приходится брать всего чаще невѣстъ со стороны, нерѣдко даже издалека и почти всегда изъ чужого погоста **). Такимъ образомъ, лопарскій родъ все же остается экзогамическимъ.

Оплата издержекъ свадьбы гостями, т.-е. членами одного съ невѣстой рода, а не однимъ ея отцомъ, подарки жениховой родни родственникамъ невѣсты, о чемъ не разъ упоминаютъ свидѣтельства XVIII вѣка, даютъ право видѣть слѣды родового быта и въ свадебномъ ритуалѣ. Если родственники жениха не участвуютъ въ покупкѣ невѣсты, то потому, что такая покупка замѣняется у лопарей болѣе старинным обычаемъ отработка невѣсты у родителей. Женихъ остается въ домѣ послѣднихъ не менѣе года. Объ этомъ имѣются свидѣтельства, начиная съ XVII вѣка. Тамъ, гдѣ нѣтъ отработка, или къ нему присоединяется небольшой платежъ (въ 5 — 9 талеровъ), при отпускѣ молодыхъ въ домъ мужа, послѣднему возвращаютъ подарками уплаченную имъ сумму. Подарки дѣлаютъ родители невѣсты ***).

Мы далеко не исчерпали всѣхъ данныхъ, какія имѣются о родовомъ устройствѣ нашихъ инородцевъ. Да въ этомъ и нѣтъ ближайшей нужды, по крайней мѣрѣ, въ сочиненіи столь общаго характера, какъ настоящее. Вѣдь для насъ важно было установить только одно, общность родового устройства, его независимость отъ факта передачи имени и преимуществъ родства въ отцовской или въ материнской линіи. Мы хотѣли также показать, что родовое устройство не обязано своимъ происхожденіемъ естественному разрастанію патріархальной семьи, что его корни надо искать въ томъ отдаленномъ прошломъ, когда едва зарождалось представленіе о томъ, что половое сближеніе немыслимо для извѣстныхъ категорій родственниковъ, не по отцу, а по матери.

Всему этому читатель найдетъ многочисленныя подтвержденія не только въ предшествующихъ главахъ, но и въ настоящей. Сближая порядки общественнаго устройства столь различныхъ по расѣ племенъ, какъ самоѣды и мордва, черемисы и дагестанскіе горцы, буряты и якуты, трудно не вынести того впечатлѣнія, что, совершенно независимо отъ климата и физическаго строенія, подъ вліяніемъ сход-

---

*) Харузинъ, стр. 261.
**) Тамъ же, стр. 261.
***) Тамъ же, стр. 269 и 270.

ныхъ психическихъ и экономическихъ условій, у разноплеменнѣйшихъ народовъ Россіи, помимо всякаго подражанія и заимствованія, складываются сходныя условія быта. Эти послѣдніе налагаютъ свою печать и на строй религіозныхъ вѣрованій, и на политическіе порядки, и на сферу производства и потребленія. Но мы видѣли, что то же въ равной степени должно быть сказано о народностяхъ, столь отличныхъ другъ отъ друга, какъ краснокожіе Америки, арабы-семиты, славяне- и германцы-аріи, а если такъ, то возможенъ ли другой выводъ, какъ не тотъ, что въ родовомъ союзѣ мы имѣемъ одну изъ переходныхъ стадій общественнаго развитія человѣчества, такую же переходную стадію, какою является свободная или несвободная община, иначе міръ-помѣстье. Изображеніемъ ея судебъ съ той же историко-сравнительной точки зрѣнія, какая руководила нами въ настоящемъ изслѣдованіи, мы не прочь заняться въ одной изъ нашихъ будущихъ работъ. Намъ кажется, что монографіи въ родѣ настоящей могутъ служить кирпичами при постройкѣ того обширнаго зданія, какимъ въ нашемъ воображеніи рисуется «общественная исторія человѣчества». Послѣдняя же—необходимое условіе для созданія абстрактной науки объ обществѣ, однѣ задачи которой сколько-нибудь выяснены современными соціологами.

Поясненія редакціи „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія".

1. Арійцы, арійскіе или индо-европейскіе народы — народы, населяющіе почти всю Европу, значительную часть юго-западной Азіи и сѣверную половину Остъ-Индіи Объединяетъ ихъ въ одну семью народовъ общность происхожденія; послѣдняя же выводится изъ того, что языки, на которыхъ говорятъ всѣ эти народы, представляютъ между собою такое сходство, которое можетъ быть объяснено лишь общимъ происхожденіемъ всѣхъ этихъ языковъ отъ одного общаго праязыка, на которомъ говорили отдаленные предки нынѣшнихъ арійцевъ, составлявшіе нѣкогда, въ эпоху, конечно, до-историческую, одинъ цѣльный народъ. Къ семьѣ индо-европейскихъ языковъ принадлежатъ: 1) языки индо-иранскіе (сюда относятся съ одной стороны языки индусовъ, въ томъ числѣ и древній санскритъ, съ другой стороны — языки иранцевъ, т.-е. персовъ, парсовъ, таджиковъ, курдовъ и луровъ, осетинъ, белуджей, афганцевъ, гальджей въ плоскогорьяхъ Памира, татовъ въ губ. Бакинской и Елизаветпольской и въ южномъ Дагестанѣ и талышинцевъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ), 2) армянскій, 3) греческій, 4) албанскій, 5) италійская группа языковъ (сюда относятся умбро-самнитскія нарѣчія и латинскій языкъ, отъ котораго образовались языки романскіе: итальянскій, румынскій, испанскій, португальскій, французскій), 6) кельтскіе языки, 7) германскіе и 8) литовско-славянская группа языковъ. Изъ этого перечня языковъ явствуетъ, какіе народы должны быть отнесены къ арійской семьѣ.

2. Эмбріонъ—зародышъ, зачатокъ.

3. Дифференцированіе — процессъ развитія и осложненія: прежнее однородное цѣлое постепенно расчленяется на части, которыя между собою все больше и больше различаются, но въ то же время становятся все болѣе и болѣе зависимыми другъ отъ друга.

4. Генсъ у римлянъ, геносъ у грековъ—родъ.

5. Агнатами въ римскомъ правѣ назывались всѣ лица, которыя, составляя агнатскую семью, состоятъ или состояли подъ родительскою властью одного общаго отца семейства (ср. ниже № 7). Въ составъ агнатской семьи входили прежде всего всѣ лица, прямо или черезъ *мужчинъ* происходившія отъ одного отца семейства, а также жены ихъ, а за симъ лица, принятыя въ семью въ силу извѣстныхъ гражданскихъ дѣйствій, напр., путемъ усыновленія. Семья агнатская не соотвѣтствовала, слѣдов., кровной семьѣ: къ ней не принадлежали кровные родственники матери. Такимъ образомъ, агнатское родство есть не чисто-кровное родство, а родство скорѣе гражданское: оно обусловливалось не столько происхожденіемъ, сколько подверженностью общей власти одного и того же отца семейства. Наоборотъ, чисто-кровное родство, устанавливаемое какъ матерью, такъ и отцомъ, называется когнатскимъ. Когнатская семья могла быть продолжаема какъ мужчинами, такъ и женщинами. Часто встрѣчаемый далѣе въ текстѣ терминъ когнаты означаетъ, слѣдов., кровныхъ родственниковъ, родство которыхъ считается какъ по отцу, такъ и по матери. М. М. Ковалевскій обыкновенно противопоставляетъ агнатовъ когнатамъ, разумѣя подъ первыми родственниковъ по отцу, а подъ когнатами—родственниковъ по матери.

6. Дитмаршенъ — западная часть герцогства Гольштинскаго, нынѣ

прусской провинціи Шлезвигъ-Гольштиніи. Въ средніе вѣка Дитмаршенъ, формально состоя подъ властью частью короля датскаго, частью герцоговъ шлезвигъ - гольштинскихъ, фактически составлялъ независимую крестьянскую республику, ревниво оберегавшую свою самостоятельность; она пала въ 1559 г.

7. Patria potestas — родительская (дословно отцовская) власть самостоятельнаго отца семейства (pater familias), т.-е. главы агнатской семьи. Эта власть входила въ составъ manus. Ср. № 8.

8. Manus — латинское слово, собственно значитъ рука, кулакъ; какъ терминъ римскаго права означаетъ неограниченную власть, принадлежавшую главѣ семьи. Власть эта доходила до права жизни и смерти надъ членами семьи, до продажи ихъ въ рабство и т. п.; она не знала различій между подвластными: ей одинаково подчинены были жена, дѣти, рабы и имущество, ибо всѣ эти предметы обнимались римскимъ понятіемъ familia (семья). Въ частности подъ manus разумѣли супружескую власть, устанавливаемую законнымъ бракомъ: въ силу послѣдняго неограниченная власть надъ женщиною, принадлежавшая прежде отцу ея, переходила къ мужу.

9. Эмбріологія—наука, изучающая эмбріональное развитіе, т.-е. тотъ процессъ развитія организма, который происходитъ въ яйцѣ или въ тѣлѣ матери животнаго. Эмбріологія права, есть, слѣдов., выраженіе образное: подъ нею авторъ разумѣетъ тотъ отдѣлъ сравнительно-историческаго правовѣдѣнія, въ которомъ данное юридическое установленіе (напр., семья) изучается еще въ періодѣ своего зарожденія и первоначальнаго развитія.

10. Граубюнденъ — кантонъ на юго-востокѣ Швейцаріи.

11. Потокъ и разграбленіе — терминъ древне - русскаго права, означалъ наказаніе, которому подвергались наиболѣе тяжкіе преступники (разбойники, поджигатели, конокрады), какъ лица, наиболѣе опасныя для общественнаго спокойствія. Лицо, подвергшееся потоку, признавалось лишеннымъ покровительства законовъ и изгонялось изъ общества, имущество его конфисковалось. По древне-русскому праву потокъ поражалъ не только личность и имущество преступника, но и его жену и дѣтей.

12. Феодализація процессъ установленія феодальнаго строя. Сущность этого строя заключалась въ томъ, что страна раздѣляется на множество мелкихъ владѣній, въ которыхъ власть государя опиралась на крупное землевладѣніе. и которыя, сверхъ того, были въ іерархической зависимости другъ отъ друга. При такомъ порядкѣ вещей, національный король превращался только въ перваго между равными: онъ прежде всего одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ одинъ изъ знатнѣйшихъ феодальныхъ владѣльцевъ (сеньеровъ), имѣвшій подъ собою вассаловъ (герцоговъ и графовъ), у которыхъ могли быть свои вассалы, въ свою очередь нерѣдко также имѣвшіе вассаловъ. Вассалы получали отъ своихъ сеньеровъ въ наслѣдственное пользованіе землю и за это обязаны были отбывать въ ихъ пользу разныя службы и повинности. При такомъ государственномъ и общественномъ устройствѣ народная масса находилась въ политической, юридической и экономической зависимости отъ класса феодальн. владѣльцевъ.

13. Культъ — совокупность религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ.

14. Преэмпція—предпочтительная покупка, т.-е. право извѣстнаго лица (напр., родича) оставлять за собою данное имущество, продаваемое его владѣльцемъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ его желаетъ купить какое-нибудь постороннее лицо.

15. Bonum gentilicum — родовое имущество.

16. Экзогамія и эндогамія.—Когда члены данной общественной груп-

пы (напр., рода, племени или иного общественнаго союза) могутъ вступать въ бракъ лишь съ лицами, не принадлежащими къ той же общественной группѣ, то мы имѣемъ экзогамію. Если же члены данной общественной группы могутъ вступать въ бракъ исключительно лишь съ лицами, принадлежащими къ той же общественной группѣ, что и они, то мы имѣемъ эндогамію. Въ первомъ случаѣ общественные союзы называются экзогамическими, а соотвѣтствующіе браки—экзогамическими браками; во второмъ случаѣ говорятъ объ эндогамическихъ союзахъ и эндогамическихъ бракахъ.

17. Кодификація—составленіе систематическаго сборника законовъ, уложенія и т. п. Кодификаціонный—относящійся къ кодификаціи, имѣющій характеръ кодификаціи.

18 и 19. Композиціи—всякаго рода денежные штрафы, которые въ древности налагались на преступника, замѣняли собою позднѣйшія уголовныя наказанія и обращались частью въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія, частью въ пользу представителя государственной власти.—Вира—та часть платы за убійство, которая въ древней Руси шла въ пользу князя; та же часть платы, которая шла въ пользу родныхъ убитаго, называлась головщиною или головничествомъ. Дикою вира называлась тогда, когда она съ разсрочкою уплачивалась вервью. По «Русской Правдѣ» это имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ: а) когда преступникъ не отысканъ (предполагалось нежеланіе верви его выдать), и б) когда преступникъ, находившійся на лицо, совершилъ неумышленное убійство, на пиру, въ ссорѣ.

20. Институтъ—на юридическомъ языкѣ означаетъ совокупность юридическихъ положеній и правилъ, обнимающихъ одно или нѣсколько связанныхъ другъ съ другомъ юридическихъ отношеній.

21. Коммунизмъ — такой общественный строй, при которомъ пѣтъ частной собственности, а имущества составляютъ достояніе всей общины или соотвѣтствующаго ей союза. Коммунизму противополагается индивидуализмъ, при которомъ имущества составляютъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ.

22. Писцовыя книги — въ московской Руси правительственные документы по переписямъ, служившимъ основою для податнаго обложенія.

23. Pater familias—самостоятельный отецъ семейства, домовладыка, имѣвшій manus. См. №№ 7 и 8.

24. Peculium (пекулій) — въ древнемъ Римѣ имущество подвластныхъ домовладыкѣ лицъ, которымъ они могли свободно пользоваться, помимо воли домовладыки. Имущество подвластнаго лица, напр. сына, которое тотъ добылъ на военной службѣ, называлось peculium castrense (лагерный пекулій), а добытое на гражданской — peculium quasi castrense (пекулій какъ-бы лагерный).

25. Ордаліи — судъ божій, испытаніе огнемъ и водою и т. п. въ доказательство невинности обвиняемаго. Такъ, испытаніе огнемъ состояло въ держаніи руки на огнѣ, въ держаніи руками раскаленнаго желѣза, въ переходѣ черезъ зажженный костеръ въ одной рубашкѣ. Предполагалось, что для невиннаго вмѣшательство Божества сдѣлаетъ такое испытаніе безвреднымъ.

26. Соприсяжники (въ древней Руси послухи) — свидѣтели доброй славы, принимали присягу въ томъ, что лицо, въ пользу котораго они выступали, не могло совершить приписываемаго ему дѣянія и вообще не можетъ не говорить правды.

27. Швабское Зерцало — германскій юридическій сборникъ, составленный неизвѣстнымъ авторомъ въ 1273 — 1283 гг.; въ южной Германіи онъ примѣнялся судами.

28. Сеньеры—см. № 12.

29. Кутюмъ—французское слово, означаетъ обычай, обычное право.

30. Уздени—дворяне.

31. Пантеонъ—сонмъ боговъ.

32. Сводъ Ману—сборникъ индійскихъ законовъ который туземныя преданія приписываютъ первому изъ прародителей человѣчества — Ману-Сваямбхувѣ, но который въ дѣйствительности относится къ нашей эрѣ (вѣроятно, къ IV—V вѣкамъ по Р. Хр.) и во всякомъ случаѣ изображаетъ сравнительно поздній бытъ.

33. Митакшара—составленныя въ X в. по Р. Хр. толкованія на индійскій сборникъ законовъ мудреца Яджнявалкьи. Митакшара главный авторитетъ по всей Индіи по гражданскимъ договорамъ и законамъ о наслѣдованіи.

34. Двѣнадцать таблицъ—знаменитый сводъ римскихъ законовъ, составленный въ 450—451 гг. до Р. Хр., явившійся основою всего римскаго права и пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ римлянъ даже и тогда, когда положенія его устарѣли и были вытѣснены новыми. — Институціи Гая — учебникъ римскаго права, составленный римскимъ юристомъ Гаемъ, жившимъ во II в. по Р. Хр. Сочиненіе это весьма цѣнно какъ по системѣ изложенія, такъ и по сообщаемымъ въ немъ историческимъ свѣдѣніямъ.

35. Политія—греческое слово, означаетъ государство.

36. Ager gentilicum — родовое поле.

37. Gentilis — сородичъ. Русскій переводъ опредѣленія Павла: «сородичемъ называется тотъ, кто происходитъ изъ того же рода, и тотъ, кто называется тѣмъ же именемъ».

38. Русскій переводъ: «происходятъ (рождены) изъ того же рода».

39. Кліенты—въ древнемъ Римѣ классъ населенія, стоявшій въ зависимыхъ отношеніяхъ къ патриціанскимъ родамъ. По отношенію къ своему кліенту глава патриціанскаго рода назывался патрономъ. Кліента и патрона соединяла тѣсная и неразрывная наслѣдственная связь, требовавшая взаимной вѣрности и взаимной помощи и сходная съ той, которая соединяла отца семьи съ его подвластными.

40. Sacra gentilica — родовыя жертвоприношенія и богослуженія.

41. Gens—родъ.

42. Jus talionis — начало таліона, т.-е. равнаго возмездія по формулѣ: око за око, зубъ за зубъ.

43. Sobrini — двоюродные братья и двоюродныя сестры. Consobrini — тоже и вообще родственники.

44. Русскій переводъ: они называются своими наслѣдниками потому, что суть наслѣдники домашніе и еще при жизни родителя считались до нѣкоторой степени собственниками.

45. Sui juris—человѣкъ своего права, самостоятельный, не подлежащій власти другого лица.—Alieno juri subjecti подлежащіе чужому праву, чужой власти.

46. Уэльское графство или Валлисъ—нѣкогда самостоятельное княжество, занимаетъ полуостровъ, расположенный въ западной части Англіи, противъ Ирландіи. Исконные жители Уэльса—валлійцы, принадлежатъ къ кельтской отрасли арійцевъ.

47. Кланъ — племя, именно родственная группа, лежавшая въ основѣ родового строя Ирландіи и южной Шотландіи. Каждый кланъ имѣлъ своего главу, который назывался у ирландцевъ rig (король). Кланъ распадался на общины, изъ которыхъ каждая имѣла своего главу (clanne fine) и состояла изъ его родственниковъ, рабовъ и другихъ лицъ, находившихся въ той или другой зависимости отъ него. Община, въ свою очередь, распадалась на семьи; во главѣ семьи стоялъ домовладыка (aire).

48. Друиды—жрецы у кельтскихъ народовъ древней Галліи и Британіи, составляли замкнутое, но не наслѣдственное сословіе, державшее свою науку въ тайнѣ отъ народа.

49. Солидарная отвѣтственность (круговая порука) имѣетъ мѣсто тогда, когда всѣ члены данной группы отвѣчаютъ за всякаго своего сочлена, и всякій отвѣчаетъ за всѣхъ. Другими словами: взысканіе за дѣяніе

одного члена группы можетъ быть возложено какъ на всѣхъ членовъ группы, такъ и на любого изъ нихъ.

50. Русскій переводъ: весь домъ получаетъ удовлетвореніе.

51. Варварскія правды—сборники законовъ отдѣльныхъ германскихъ народовъ, относящіеся къ періоду времени отъ половины V до средины IX вѣка по Р. Хр. Назывались «варварскими законами» (leges barbarorum) въ противоположность «римскимъ законамъ» (leges romanae).

52. Аллодъ — частная земельная собственность, свободная отъ повинностей въ противоположность феодальной собственности, съ которой владѣльцы вассалы должны были отбывать службы въ пользу своихъ сеньеровъ. Ср. № 12.

53. Русскій переводъ: германцы выводятъ изъ лагеря свои войска и разставляютъ ихъ по родамъ.

54. Русскій переводъ: уравненіе (передѣлъ) между родственниками-совладѣльцами (consortes) общаго поля, не огражденнаго никакими знаками, допускалось во всякое время.

55. Русскій переводъ: никакая часть земли не должна переходить по наслѣдству къ женщинѣ.

56. Cohaeredes — сонаслѣдники. Conparticipes — соучастники. Consanguinei—родственники.

57. Consortes, см. № 54.

58. Weisthümer — въ средневѣковой Германіи письменныя заявленія о дѣйствующемъ въ данномъ мѣстѣ обычномъ правѣ; исходили какъ отъ судей, такъ и отъ общинъ.

59. Легисты—средневѣковые юристы, проводившіе начала римскаго права; много содѣйствовали паденію феодализма и возвышенію королевской власти.

60. Феонія, Фюненъ — послѣ Зеландіи самый большой изъ датскихъ острововъ.

61. Русскій переводъ: «Если убитъ чей либо отецъ, то половину выкупа получаютъ сыновья, другую же половину дѣлятъ между собою ближайшіе (proximiores) родственники какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны».

62. Капитуляріи — указы государей каролингской династіи.

63. Proximiores — ср. № 61.

64. Компургаторъ—соприсяжникъ. См. № 26.

65. Скандія—древнее названіе южной Швеціи.

66. Краледворская рукопись—поддѣльный памятникъ древне чешской литературы, будто-бы открытый извѣстнымъ панславистомъ и дѣятелемъ чешскаго возрожденія Вацлавомъ Ганкою въ 1817 г. на чердакѣ церковной башни въ городкѣ Краледворѣ. Рукопись эта содержитъ рядъ произведеній такъ назыв. народной словесности—эпическія, лиро-эпическія и лирическія. — Зеленогорская рукопись содержитъ начало поэтическаго повѣствованія о распрѣ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ и о разборѣ этого дѣла чешскою народоправительницею Любушею Рукопись, содержащая этотъ Любушинъ судъ, называется Зеленогорскою, по мѣсту своего нахожденія въ Зеленогорскомъ замкѣ, близъ Непомука. По письму ее относятъ къ X или къ XI вѣку, и для вѣрящихъ въ ея подлинность Зеленогорская рукопись представляетъ древнѣйшій памятникъ не только чешской, но и вообще славянской письменности.

67. Винодолъ - приморская часть Хорватіи (Кроаціи), расположенная между городами Фіуме и Новымъ, издревле населенный славянами. Въ XIII в. Винодолъ составлялъ вассальное по отношенію къ венгерской коронѣ княжество, которое управлялось своимъ княземъ и распадалось на 9 территоріальныхъ общинъ. Въ 1288 г. сорокъ старѣйшинъ, избранныхъ на общемъ вѣчѣ всѣхъ винодольскихъ общинъ, составили «Винодольскій законъ», т.-е. сводъ старинныхъ винодольскихъ обычаевъ. — Полица — область въ Далмаціи, въ Сплѣтскомъ округѣ, между моремъ, р. Цетиною и высокими горами. Въ средніе вѣка Полица составляла полунезависимое

княжество, управлявшееся княземъ и распадавшееся на 12 общинъ. Юридическій строй этого вполнѣ демократическаго княжества изображенъ въ Полоцкомъ статутѣ, сохранившемся въ позднихъ рукописяхъ; древнѣйшая дата въ рукописи—1400 г.

68. Факультативный — необязательный.

69. Вислицкій статутъ — сводъ польскихъ законовъ и обычаевъ, составленный при Казимірѣ Вел. на сеймахъ въ Вислицѣ въ 1347 и 1368 г.

70. Sacra—богослуженія.

71. Генезисъ—происхожденіе, зарожденіе. — Генетическій — относящійся къ генезису.

72. Филіація—зависимость дѣтей отъ родителей.

73. Патріархальная теорія—теорія о патріархальномъ строѣ общества, т.-е. о такомъ строѣ, при которомъ власть принадлежала въ семьѣ отцу и мужу, въ родѣ—старшему его представителю и т. д.

74. Raison d'être – причина существованія, оправданіе для существованія.

75. Левиратъ — обычай, въ силу котораго бездѣтная вдова обязана была сдѣлаться женою брата своего умершаго мужа, причемъ первый ребенокъ отъ новаго брака считался потомкомъ покойнаго.

76. Конфедерація—союзъ. Ацтекская конфедерація — основанный въ первой половинѣ XV в. союзъ трехъ крупнѣйшихъ городовъ Мексики – Мексики, Тетцкоко и Тлакопана, положившій начало тому могущественному государству, которое нашли въ этой странѣ испанцы.

77. Фикція – вымыселъ. Въ древней юриспруденціи фикціи представляли собою особый пріемъ: предполагалось, напр., что данное лицо находится въ положеніи, котораго оно въ дѣйствительности не занимало, и на него распространялись всѣ послѣдствія этого положенія.

78. Русскій переводъ: «Тогда какъ связь дѣтей съ матерью по самой природѣ вещей обнаруживается съ перваго взгляда, связь ихъ съ отцомъ сокрыта непроницаемою завѣсою, которую удалось приподнять лишь физіологическимъ изслѣдованіямъ нашихъ дней».

79. Экзогамія, см. № 16.

80. Веддасы немногочисленное племя дикарей-охотниковъ въ восточной части Цейлона, одно изъ наиболѣе первобытныхъ и наименѣе развитыхъ племенъ человѣческаго рода.

81. Jus connubii—у римлянъ право вступленія въ законный бракъ.

82. Русскій переводъ: «По отношенію къ родству по матери существуетъ правило, въ силу котораго жениться на родственницѣ по матери, правда, дозволительно, но только тогда, когда она принадлежитъ къ тому же по возрасту поколѣнію, а не къ поколѣнію старшему или младшему».

83. Русскій переводъ: Абипоны гнушаются самой мысли о бракѣ между родственниками, даже такими, которые связаны самыми отдаленными степенями родства».

84. Русскій переводъ: «Каждый кланъ экзогамиченъ. Кромѣ того, мужчина обыкновенно не беретъ жены изъ какого бы то ни было клана, поселеннаго въ томъ же селеніи или въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній.

85. Тотемъ—предметъ (напр., животное—волкъ, медвѣдь и проч.) или явленіе природы (громъ, вѣтеръ и т. п.), которому та или другая общественная группа (родъ, племя и проч.) оказываетъ спеціальное поклоненіе, съ которымъ она считаетъ себя родственно связаннымъ и по имени котораго себя называетъ. Тотемистическая группа—общественная группа, которую объединяетъ общій тотемъ.

86. Анимистическая религія, анимизмъ первобытная религія, представляетъ себѣ, что всѣ предметы окружающей природы одухотворены, имѣютъ души, служатъ обиталищами духовъ. Одни изъ этихъ духовъ благопріятны человѣку, другіе ему враждебны.

87. Эпонимъ — родоначальникъ, давшій роду его имя.

88. Ордаліи—см. № 25.

89. Русскій переводъ: «Если полусвободная или свободная вступитъ въ чужую хижину и выйдетъ за раба, то она теряетъ свою свободу. И если господинъ не позаботился закрѣпить ее въ рабствѣ, то, по смерти мужа, пусть идетъ себѣ къ своимъ вмѣстѣ со своими дѣтьми и своимъ имуществомъ».

90 Русскій переводъ: «Дѣти слѣдуютъ положенію матери».

91. Русскій переводъ: Дитя всегда слѣдуетъ положенію матери».

92. Русскій переводъ: Они принадлежатъ не тому, кто ихъ родилъ, но относятся къ прежнему супругу въ силу его власти».

93. Русскій переводъ: «Дѣти сестеръ должны оказывать тотъ же почетъ дядѣ по матери, что и отцу. Эту кровную связь они считаютъ даже болѣе священною и тѣсною».

94. Русскій переводъ: «Молчи Идунь! Изъ всѣхъ женщинъ я считаю тебя самою сластолюбивою: своими блестящими руками ты обнимаешь убійцу своего брата».

95. Русскій переводъ: «Если нѣтъ дѣтей, то по древнѣйшему тексту («Салической Правды») наслѣдуетъ мать, только мать, а не также и отецъ. Высказывалось мнѣніе, что отецъ подразумѣвался самъ собою; напротивъ, допущеніе къ наслѣдованію матери представляло собою новшество и потому именно было здѣсь подчеркнуто. Но въ дѣйствительности законъ нигдѣ къ такимъ пріемамъ не прибѣгаетъ, и если бы отецъ могъ наслѣдовать, то онъ долженъ былъ быть названъ: прибавляютъ же его всѣ позднѣйшіе тексты».

96 Justae nuptiae—законный бракъ.

97 Русскій переводъ: «Заключали смѣшанные браки наподобіе дикарей».

98 ognatorum decretum рѣшеніе когнатовъ.

99. Eo ipse—тѣмъ самымъ, и безъ того.

100. Доместикація — одомашненіе, прирученіе.

101. Презумпція—юридическій терминъ, означаетъ правило, въ силу котораго устанавливается наличность фактовъ или событій безъ полнаго доказательства дѣйствительнаго ихъ существованія. Какъ на примѣръ презумпціи можно указать правило, приведенное на стр. 223: pater est quem nuptiae demonstrant, т. е. отецъ тотъ, на кого указываетъ бракъ (пока не будетъ доказано противное). Презумптивный сынъ — сынъ, который считается таковымъ въ силу приведенной презумпціи.

102. Русскій переводъ подъ № 93.

103. Русскій переводъ: «Если отецъ и братья уже уплатили, то сверхъ того должна платить та земля, т.-е. еще три ближайшихъ родственника со стороны матери и три со стороны отца».

104. Quarantaine du roi — сорокъ дней короля.

105. Pax regis — миръ короля. — Aquae minores—малые водные пути.

106. Русскій переводъ: «Якуты живутъ ислючительно племенами и родами. Правительство группируетъ роды (волости) по податнымъ округамъ».

107. Русскій переводъ: «Калмыки отъ татарскаго слова халимакъ, что значитъ люди, которые объявили себя свободными или отпали, или же отъ монгольскихъ словъ голь—огонь и алмакъ—родъ».

108. Flurzwang — принудительный сѣвооборотъ: всѣ члены общины обязаны были въ обработкѣ полей придерживаться одного и того же сѣвооборота и даже одновременно приступать къ полевымъ работамъ.

109. Русскій переводъ: «Они не обрабатываютъ одинъ и тотъ же участокъ земли два или три года подрядъ; когда же почва истощена или стала болѣе худою, приступаютъ къ обработкѣ другого участка; когда они такимъ образомъ сдѣлали вокругъ своего селенія кругъ въ нѣсколько верстъ, они забираютъ всѣ свои пожитки и переселяются на другое мѣсто, чтобы тамъ поднять новь».

110. Русскій переводъ: «съ годами мѣняютъ пашни».

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Оглавленіе.

		стр.
ГЛАВА	I. Родовой бытъ въ настоящемъ у народовъ арійскихъ	3
ГЛАВА	II. Родовой бытъ въ прошедшемъ тѣхъ же арійцевъ.	47
ГЛАВА	III. Материнскій родъ	91
ГЛАВА	IV. Эндогамія и экзогамія	113
ГЛАВА	V. Классовая система родства у австралійцевъ и краснокожихъ	138
ГЛАВА	VI. Происхожденіе родовыхъ порядковъ	161
ГЛАВА	VII. Слѣды утробнаго рода у арійцевъ	184
ГЛАВА	VIII. Происхожденіе патернитета и агнатическаго родства	211
ГЛАВА	IX. Взглядъ на позднѣйшую судьбу рода	225
ГЛАВА	X. Родовое устройство инородцевъ Россіи	234

ПОСЛАНО